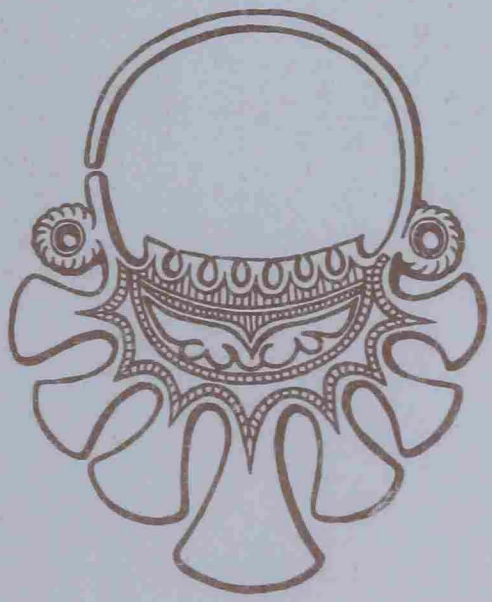
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1994 1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор),

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, Г. А. Кошеленко,
В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев,
В. С. Ольховский (отв. секретарь), Т. М. Потемкина,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, В. Л. Янин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1994 1

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Петраш Й. История средненеолитических центров Центральной Европы 5
Скржинская М. В. Из истории античных ювелирных украшений 18
Исланова И. В. Водные пути в восточной части Новгородской земли в IX—XIII вв. . . . 26
Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV в.) 33
Марковин В. И. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа 51
Федосова В. Н. Развитие современной палеодемографии (методические проблемы) . . . 67
Жуков А. В. Инкская экспансия на территории Аргентины (1480—1536 гг.) 77

Дискуссии

Галанина Л. К. К проблеме хронологии Келермесских курганов 92
Дьяконов И. М. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке 108
Курочкин Г. Н. Хронология переднеазиатских походов скифов по письменным и археологическим данным 117
Медведская И. Н. Заключение по дискуссии 123

Публикации

Матюхин А. Е. Новые палеолитические памятники в бассейне Северского Донца 134
Степанчук В. Н. Пролом I — мустьерская стоянка в Крыму 142
Журавлев Д. В., Мошинский А. П. Поясные пряжки из могильника Гастон Уота в Северной Осетии 157
Плетнева С. А. О домашних оберегах в Саркеле — Белой Веже 166
Белецкий С. В., Овсянников О. В. Именная владычная печать XIV в. из-под Холмогор . 173
Даркевич В. П. Усадьбы XVII века в Старой Рязани 180

История науки

Козенкова В. И. Евгений Игнатьевич Крупнов (к 90-летию со дня рождения) 191

© Российская академия наук.
Институт археологии, 1994 г.

Критика и библиография

Гладилин В. Н., Степанчук В. Н. Vértesszölös site, man and culture. Kretzoi M., Dobosi V. T. (eds). Budapest, 1990 197
Шеркова Т. А. Изучение додинастических культур Нижнего Египта 200
Малышев А. А. *Pemberton E. G.* with contr. by Slane K. W. The Sanctuary of Demeter and Kore. The Greek Pottery//Corinth. Results of excavations conductered by the American School of classical studies at Athens. V. XVIII. Princeton, New Jersey, 1989. *Slane K. W.* The Sanctuary of Demeter and Kore. The Roman Pottery and Lamps//Corinth. V. XVIII. Pt. II. Princeton, New Jersey, 1990 205
Кашкин А. В. Pramene k dejinám osidlenia Slovenska z konca 5 až z 13 storočia. Bratislava, hlavné mesto SSR a západoslovenský kraj. Nitra, 1989 209
Артемьев А. Р. Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Сб. науч. трудов/Отв. ред. Ю. С. Худяков, Ю. А. Плотников. Новосибирск, 1990 211
Буров В. А. *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992 215
Герцен А. Г., Храпунов И. Н. *Возгрин В. Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992 219
Курбатов А. В. Medemblik and Monnikendam: Aspects of medieval urbanization in Northern Holland//Cingula, 11. Amsterdam, 1989 225

Хроника

Журавлев А. П. VI полевой симпозиум «Миграции и связи древних обществ лесной полосы Евразии в эпоху камня — раннего металла» (Кижи, 1992) 231
Алексеев Л. В. Три научные конференции в Беларуси (1991—1992) 235
Завьялов В. И., Старков В. Ф. V археологическое совещание на Шпицбергене (Калипсобюен, 1992) 240
Мерперт Н. Я. Памяти Владислава Всеволодовича Кропоткина (1922—1993) 243
Вагнер Г. К., Кирпичников А. Н., Айдаров С. С. Памяти Владимира Владимировича Косточкина (1920—1992) 249
Любин В. П., Праслов Н. Д., Амирханов Х. А. Памяти Пшимафа Улагаевича Аутлева (1927—1991) 251
Блаватская Т. В. Памяти Велизара Ив. Велкова (1928—1993) 253

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1994 1

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

CONTENTS

Petrasch J. The history of the Middle Neolithic focuses in Central Europe 5
Skrzhinskaya M. V. On the history of classic jewellery 18
Islanova I. V. The water routes in the eastern part of Novgorodan region during the 9th — 13th centuries 26
Kyzlasov L. R., Kyzlasov I. L. A new period of development of the Yenisey system of writing (late 13th — early 15th centuries) 33
Markovin V. I. The contemporary problems in the study of the North Caucasian ethnic history 51
Fedosova V. N. The development of modern palaeodemography (methodological problems) . . 67
Zhukov A. V. Inka expansion on the Argentine territory (1480-1536) 77

Discussions

Galanina L. K. On the problem of Kelermes kurgans' chronology 92
Dyakonov I. M. The Cimmerians and the Scythians in the ancient Near East 108
Kurochkin G. N. The chronology of the Near East war expeditions according to written sources and archaeological data 117
Medvedskaya I. N. Summary of the discussion 123

Publications

Matyukhin A. E. Some new Palaeolithic sites in the basin of Seversky Donets 134
Stepanchuk V. N. The Mousterian site of Prolom I in the Crimea 142
Zhuravlev D. V., Moshinskỳ A. P. Belt-buckles from the Gaston-Uota cemetery 157
Pletneva S. A. On the amulets from Sarkel — Belaya Vezha 166
Beletsky S. V., Ovsyannikov O. V. A seal with archbishop's name from Kholmogory region . 173
Darkevich V. P. The estates of the 17th century in Staraya Ryazan' 180

History of science

Kozenkova V. I. Evgeny Ignatyevich Krupnov (on the 90th anniversary) 191

Critics and bibliography

Gladilin V. N., Stepanchuk V. N. Vértesszölös site, man and culture. Miklós Kretzoi, Viola T. Dobosi (eds.). Budapest, 1990 197

Sherkova T. A. The study of archaeological cultures of the Lower Egypt 200
Malyshev A. A. *Pemberton E. G.* with contr. by *Slane K. W.* The Sanctuary of Demeter and Kore. The Greek pottery//Corinth. Results of excavations conducted by the American School of classical studies at Athens. V. XVIII. Princeton; New Jersey. 1989. *Slane K. W.* The Sanctuary of Demeter and Kore. The Roman Pottery and Lamps//Corinth. V. XVIII. P. II. Princeton; New Jersey. 1990 205
Kashkin A. V. Pramene k dejinav osidlenia Slovenska z konca 5 az z 13 storocia. Bratislava, hlavne mesto SSR a zapadnoslovensky kraj. Nitra. 1989 209
Artemyev A. R. Military practices of the ancient and Mediaeval population of Northern and Central Asia. Novosibirsk. 1990 211
Burov V. A. *Gaydukov P. G.* Slavno konets of Mediaeval Novgorod. Nutny excavation area. Moscow. 1992 215
Gertsen A. G., Khrapunov I. N. *Vozgrin V. E.* The historical routes of the Tartars of the Crimea. Moscow. 1992 219
Kurbatov A. V. Medemblik and Monnikendam: Aspects of medieval urbanization in Northern Holland//Cingula, 11. Universiteit van Albert Egges van Giffen Instituut voor Praeen Protohistorie. Amsterdam. 1989 225

Chronicle

Zhuravlev A. P. The sixth field symposium «Migrations and contacts of the ancient societies in the forest zone of Euroasia in the Stone Age and the Early Metals period». 25 years of Pegrema investigations 231
Alexeev L. V. Three scientific conferences in Byelorussia 235
Zavyalov V. I., Starkov V. F. The fifth archaeological conference in Spitsbergen (Calypsobyen, 1992) 240
Merpert N. Ya. In memory of Vladislav Vsevolodovich Kropotkin (1922-1993) 243
Vagner G. K., Kirpichnikov A. N., Aidarov S. S. In memory of Vladimir Vladimirovich Kostochkin (1920-1992) 249
Lyubin V. P., Praslov N. D., Amirkhanov Kh. A. In memory of Pshimaf Ulagaevich Autlev (1927-1991) 251
Blavatskaya T. V. In memory of Velizar Iv. Velkov (1928-1993) 253

Й. ПЕТРАШ

ИСТОРИЯ СРЕДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

В исследованиях, посвященных социальной организации неолитического населения Центральной Европы, в последние годы обозначились два основных различных направления. При первом подходе исходили из анализа могильников, чтобы получить таким образом выводы о внутренней структуре поселенческой общины. На втором пути предпринималась попытка определить, исходя из положения поселений относительно друг друга, возможную их иерархию и таким образом получить картину структуры поселений — связи и зависимость поселений между собой.

В обоих случаях рассматривались каждый раз, как правило, изолированно лишь короткие хронологические отрезки неолита. В лучшем случае сравнивались друг с другом два основных раздела неолита, например ранний и поздний неолит. Ввиду того что эти периоды разделены множеством столетий, такие наблюдения не могут рассматриваться как исторические исследования. Вопросу о динамике подвергшихся исследованию систем и изменениях неолитического общества эти этюды, таким образом, способствуют мало.

В представленной работе для исследования средненеолитических общественных отношений должен быть применен прежде всего второй подход. В отличие от прежних исследований этого рода в Центральной Европе, должна быть предпринята все-таки попытка исторического подхода к проблеме. Для этого, с одной стороны, анализируются изменения от поколения к поколению, а с другой — сходства и различия между одновременными феноменами в различных географических районах, которые обнаруживают явные контакты друг с другом.

Средненеолитические сооружения с кольцевыми рвами

Исходным пунктом для этого этюда служит исследование средненеолитических сооружений с кольцевыми рвами, в котором основной интерес представляет объяснение их функции и исторического развития [1, 2]. Сооружения с кольцевыми рвами являются определенной категорией земляных сооружений, которые помимо их внешнего сходства характеризуются следующими признаками: небольшая свободная внутренняя площадь при относительно большой общей площади сооружения; свободное от находок пространство внутри одной или нескольких оград; сооружение нескольких концентрических рвов или оград; глубина рва более 1,7 м; наличие рвов с клиновидным сечением; внешний диаметр от 30 до 150 м; признаки поселения за пределами сооружения с кольцевыми рвами; дополнительные рвы или ограды вокруг сооружения с кольцевыми рвами на большем расстоянии.

Неолитические земляные сооружения известны в Центральной Европе более 100 лет [3—5], причем с самого начала их исследования и по сей день основной интерес представляет их функция. До сих пор в большинстве случаев интерпретации их функции наибольшее значение придавалось находкам из рвов.

© Й. Петраш, 1994 г.

От них ожидали получить прямые свидетельства о проходившей во внутреннем пространстве деятельности. Так как рвы по сути своей были углублены, заполнение их, как правило, не могло быть преднамеренным. Об этом говорят многократные обновления и очистки рвов. Во время отложения верхнего заполнения рва, в котором чаще всего накапливаются находки, рвы, напротив, могли уже утратить свою первоначальную функцию, так как теперь они больше не обновлялись. Вместе с тем находки отсюда также не могут быть прямо привлечены для интерпретации функции земляных сооружений. Кроме того, о большинстве групп находок нельзя дать определенных заключений; в крайнем случае одни и те же находки привлекались даже для противоположных интерпретаций [1].

Так как находки из рвов земляных сооружений не могут дать прямых указаний относительно их функции, необходимо решительно отойти от общепринятого способа аргументации, где наибольшее значение придавалось именно находкам. Затем не следует ожидать, что все сооружения, состоящие из системы рвов, одинаковы по своим функциям. Поэтому было необходимо исследовать прежде всего один узкоограниченный тип земляных сооружений — сооружения с кольцевыми рвами, в котором с высокой степенью вероятности речь идет об одном простом классе этих сооружений.

Наблюдения над конструкцией сооружений с кольцевыми рвами говорят против их фортификационной функции: ширина и глубина рвов увеличиваются вместе с общим диаметром сооружения, а число рвов зависит от диаметра. Того и другого нельзя ожидать у сооружений, предназначенных исключительно для обороны. Другим признаком, говорящим против их фортификационного характера, является отсутствие находок и иных данных, которые могут быть интерпретированы как следы борьбы, таких как скелеты, скопление оружия или многочисленные фрагменты обожженного суглинка во рвах, как это можно наблюдать в других сооружениях, состоящих из рвов [6; 7, рис. 12; 10, рис. 73].

Поселенческая модель

После того как установлено, что сооружения с кольцевыми рвами не выполняли первоначально фортификационной функции, чтобы получить дополнительные аргументы для интерпретации их функций, должен быть исследован вопрос, каким образом они были связаны с поселениями. В Кюнцинг-Унтернберге, Остерхофен-Шмидорфе (рис. 1) и Котингейхендорфе в Юго-Восточной Баварии магнитной разведкой проведены исследования большой площади всего пространства вокруг сооружений с кольцевыми рвами. В непосредственной близости вокруг этих конструкций находились многочисленные ямы, служащие индикаторами поселенческой деятельности, а на расстоянии 200—300 м вся площадь поселения с относящимся к нему сооружением с кольцевыми рвами ограничивалась в ряде случаев двумя дополнительными рвами. От этих районов явно отличается Эхинг-Фихт в центральной части долины р. Изар. Судя по аэрофотоснимкам и магнитной разведке, в окрестности сооружения с кольцевыми рвами находится лишь небольшое число недатированных ям, так что здесь, в непосредственной близости от этой конструкции, поселения не существовало. Соответственно это изолированно располагающееся сооружение могло быть возведено и использовано несколькими поселениями совместно.

Принимая во внимание эту возможность, следует задать вопрос: не могли ли аналогичные сооружения, находящиеся в пределах одного поселения, также возводиться и использоваться несколькими поселениями? Сооружения с кольцевыми рвами иногда так велики, что, помимо этого, встает вопрос: могло ли вообще население одного поселка возвести их в одиночку и сколько времени

[1] Так, остатки человеческих скелетов, многочисленные наконечники стрел и фрагменты сосудов в Альтхейме привлекались, с одной стороны, как свидетельство фортификационного значения этих рвов и состоявшейся здесь борьбы [6; 7, с. 12], с другой же стороны, они расценивались как указания на культовый характер этого места [8, 9].

для этого было необходимо? Поэтому в качестве примера для Кюнцинг-Унтернберга был проведен расчет необходимого числа работников, общего объема работ и срока строительства. Для строительства всех рвов должно было быть вынуто в целом около 12000 м³ земли. Для оград во внутреннем пространстве сооружения с кольцевыми рвами и для ворот было необходимо 2100 балок длиной 5,5 м. Если предположить, что из 100 жителей, которые могли жить на поселении Кюнцинг-Унтернберг, этой работой занимался каждый десятый каждый день, из тех дней когда могли производиться работы на сооружении (около 180 дней в году) [2], и исходя дальше из реалистического предположения относительно производительности труда в неолите [3], общий срок строительства получается 18 лет. Этот срок слишком велик и не может быть предложен в качестве реалистической интерпретации. Более приемлемо, что в неолите подобное строительство не планировалось на такой длительный срок и результат должны были получить в относительно короткое время [21]. Если исходить из срока строительства в 1 год, то необходимо принимать в расчет примерно в 20 раз большее число рабочих, а в связи с этим и в 20 раз большее число людей, «обслуживающих» этих рабочих. Получающееся таким образом количество человек просто не могло проживать в Кюнцинг-Унтернберге. В соответствии с этим в строительстве сооружений с кольцевыми рвами должны были в таком случае принять участие обитатели окрестных поселений. Если исходить из плотности населения приблизительно 20 жителей на каждый квадратный километр в лёссовых областях Центральной Европы [22], то область, замыкающаяся на Кюнцинг-Унтернберге, охватывала бы 100 км². Это соответствует центральному положению сооружений с кольцевыми рвами, и встает вопрос — позволяет ли выявить это материал находок?

Число находок из мест с этими сооружениями во многих случаях выше, чем из сопоставимых средненеолитических поселений без сооружений с кольцевыми рвами. В Кюнцинг-Унтернберге число кремневых артефактов значительно выше, чем в сопоставимых поселениях среднего неолита Юго-Восточной Баварии. Кроме того, орудия встречаются относительно редко, желваки же, заготовки и отщепы, напротив, более часты, чем на других поселениях. Это, а также небольшое, всего в 5 км расстояние до месторождений роговика Винцер-Флинтсбаха, позволяет считать, что Кюнцинг-Унтернберг играл центральную роль в разработке и распределении этого кремневого сырья. Сопоставимые данные имеются для Сводина (Svodín) в Юго-Западной Словакии [23]. Опираясь на многочисленную антропоморфную и зооморфную пластику и глиняные сосуды, к подобным соображениям пришли и в отношении Тешетице-Кийовице (Těšetice-Kyjovice) в Южной Моравии [21, 24, 25].

Так как для Кюнцинг-Унтернберга окрестности с поселениями также исследованы сравнительно хорошо, это сооружение с кольцевыми рвами предлагается для примерного исследования поселенческой модели. Оно находится в расположенном на юго-восточной окраине Нижнебаварской области треугольнике, об-

[2] Число жителей Кюнцинг-Унтернберга оценить довольно трудно, так как не ясна плотность застройки. Все же, исходя из окружающей земляное сооружение площади поселения 8 га и из сравнения с другими поселениями на западе Центральной Европы [11; 12, рис. 198; 13; 14], число примерно в 100 жителей могло быть реальной верхней границей. Не все жители работали на сооружении с кольцевыми рвами каждый день, так как прежде всего должно было быть гарантировано обеспечение населения продовольствием, также маленькие дети, равно как больные и старики, не могли быть заняты на тяжелых работах, кроме того, земляные работы были возможны не каждый день. Поэтому для нижеследующего расчета мы исходили из названных в тексте предположений.

[3] Для сооружения рвов земля должна быть разрыхлена, вынута и удалена. При деревянных инструментах и роговых мотыгах, которые следует предполагать, реалистичной является средняя выработка в 1 м³ земли на человека в день [15, сн. 44]. При этом значении речь идет об оценке, которая ориентируется на исследования относительно производительности труда при строительстве земляных сооружений с примитивным инструментом [16; 17; 18, рис. 196; 19, рис. 265]. Эта цифра опирается также на показатели при современных земляных работах в Центральной Европе. Здесь рабочий вынимает от 2 до 4 м³ земли в день [20]. Исходя из веса балок от 400 до 500 кг, следует предполагать, что 10 рабочих могли в среднем подготовить в день одну балку, доставить ее к месту строительства и установить в ограде.

Рис. 1. Остерхофен-Шмидорф (Нижняя Бавария). План сооружений с круговыми рвами, земляных сооружений и поселения, составленный на основании магнитных разведок, по (Becker, 1990)

разованном нижней частью долины Фильса, нижней частью долины Изара и Дунаем, в котором также располагаются сооружения с кольцевыми рвами Остерхофен-Шмидорфа, Рамсдорфа, Гнейдинга, Котингейхендорфа и предполагаемое сооружение Мооса. Шесть сооружений с кольцевыми рвами к югу от устья Изара распределяются на этой территории равномерно, так что расстояние между двумя сооружениями составляет не более 10 и не менее 5 км. В соответствии с этим можно предположить, что сооружения с кольцевыми рвами являлись в каждом случае центрами небольших районов. Поэтому была предпринята попытка разделить область к югу от устья Изара на сеть возможных средненеолитических зон поселений, в которых соответственно располагались сооружения с кольцевыми рвами. Границы отдельных таких зон были проведены, принимая во внимание природные условия местности — возвышенности, долины, русла рек, и отличаются вследствие этого от весьма схематичного по большей части применения полигонов Тиссена (рис. 2). Вместе с тем возможно разграничение областей, при котором принимается во внимание размер сооружений с кольцевыми рвами и связанных с их возведением затрат труда. При этом для Кюнцинг-Унтернберга площадь прилегающих территорий составляет 100 км^2, а для менее крупных сооружений с кольцевыми рвами — соответственно меньше. В соответствии с этим как при помощи модели раздела территории на регионы, так и на основе соображений относительно производительности труда и сроков строительства, приходим независимо к одним и тем же результатам. Независимость того и другого пути

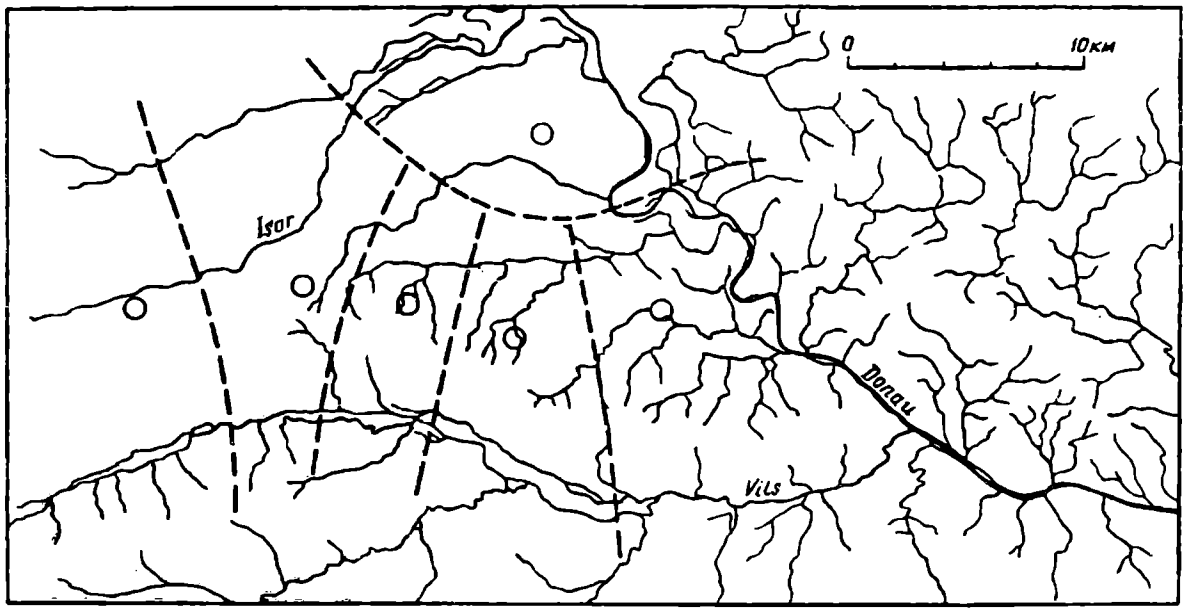


Рис. 2. Локализация сооружений с круговыми рвами в области южнее р. Изар (Нижняя Бавария) и реконструированные границы области их распространения, по (Petrasch, 1990b)

является дополнительным аргументом в пользу убедительности предложенной модели.

Из шести средненеолитических поселений к югу от устья Изара поселение Кюнцинг-Унтернберг имеет исключительное положение, так как ему могли принадлежать месторождения роговика Винцер-Флинтсбаха. Роговик этого месторождения имел, вероятно, решающее значение для южного района и для нижней части долин Изара и Фильса. Исходя из распределения сырья для поселений этой зоны, а также из удаленности различных месторождений роговика в Юго-Восточной Баварии, область, снабжавшаяся преимущественно флинтсбахским роговиком, оказывается не более 2000 км^2. Эта территория примерно в 20 раз больше поселенческого пространства Кюнцинг-Унтернберга, так что как источник снабжения кремнем это место могло получить значение, выходящее за рамки узкой зоны влияния. В силу своего расположения непосредственно в долине Дуная Кюнцинг-Унтернберг приобретает, кроме того, высокое коммуникационное значение. Вместе с тем это место могло являться важным пунктом «межрегиональной торговли», о чем свидетельствуют сосуды моравской расписной керамики, которые необходимо рассматривать как импорт.

На основе наблюдений и соображений относительно производительности труда при строительстве сооружений с кольцевыми рвами, находок из окружающих эти сооружения поселений и модели этих поселений получилась картина, в соответствии с которой сооружения с кольцевыми рвами являются своего рода центрами определенных районов. При этом экономическое значение их не могло быть их основной функцией, так как нет никаких указаний на значительный прирост общественной производительности труда в это время на западе Центральной Европы, а также в силу того, что не все сооружения с кольцевыми рвами получили особое значение при распределении сырья. К этому нужно добавить еще, что и другие поселения выступали в роли поставщиков сырья. Таким образом, интерпретация их как социальных и религиозных центров остается наиболее приемлемым объяснением. Вместе с тем сооружения с кольцевыми рвами могли подчиняться определенной иерархии, при которой определяющим, по В. Кристаллеру [26, рис. 63], был социально-политический принцип. В сооружениях с кольцевыми рвами могла собираться, таким образом, часть или все население района для «религиозных» церемоний или «политических» собраний.

Пользуясь традиционной аргументацией [27], здесь можно было бы предпринять попытку, исходя из централизованности средненеолитических поселений в Юго-Восточной Баварии, сделать выводы о структуре тогдашнего общества. Однако здесь не следует идти по этому пути. Вместо этого здесь должна быть предпринята попытка рассмотреть проблему интепретации истории развития сооружений с кольцевыми рвами в связи со средненеолитическими типами поселений под другим углом зрения.

Историческое развитие

Возведение всех сооружений с кольцевыми рвами можно датировать по керамике из того же археологического горизонта (ранняя первая фаза лендьельской (Lendyel) культуры — поздняя накольчато-ленточная керамика), который по абсолютным датам может быть ограничен временем 4900 лет до н. э. (рис. 3).

Внешний диаметр сооружений с кольцевыми рвами колеблется между 35 и 145 м, с медианой в 75 м. Для сооружений с одним рвом среднее значение составляет около 56 м, а для сооружений с двумя рвами — около 85 м. Учитывая стандартную погрешность медианы, эти значения находятся настолько далеко друг от друга, что, вероятно, речь идет о двух различных формах строений, которым изначально придавалось различное значение. Принимая во внимание для сооружений с кольцевыми рвами функцию центра, естественно связывать различные их значения с размером поселения, для которого сооружения выполняли функцию центра.

Принимая во внимание происхождение сооружений с кольцевыми рвами, особое значение приобретают две концентрические, лежащие одна в другой системы рвов в Сводине в Юго-Западной Словакии [28, 29]. Вокруг каждого сооружения за пределами рвов находятся соответственно радиально ориентированные к центру и расположенные концентрическими кольцами дома. Так как дома, относящиеся к малому сооружению с кольцевыми рвами, разрушены частично рвами более крупного сооружения, последовательность их не вызывает сомнений. Более крупное, более позднее сооружение могло быть построено спустя лишь некоторое время после первой системы рвов, так как керамика из рвов в значительной мере близка стилистически, а на более ранних сооружениях нельзя установить никаких обновлений или перестроек, но, напротив, можно предполагать, что ров был искусственно выровнен. В Нижней Австрии имеются большие сооружения такого рода с двумя рвами, расположенные в непосредственной близости от небольших сооружений с одним рвом. Модель развития, разработанная для Сводина,— последовательность возникновения больших сооружений с двумя рвами за малыми сооружениями с одним рвом — могла бы, таким образом, распространяться и на Нижнюю Австрию.

В Кюнцинг-Унтернберге, как показывают даты по ^{14}C, заселение продолжалось и после окончания эксплуатации кольцевых рвов (рис. 4) [30]. Тем самым получена возможность исследовать финал развития кольцевых рвов в Центральной Европе. Для анализа радиоуглеродных дат единичные измерения были сведены воедино по методу гистограмм М. А. Гейха [31] и откалиброваны по методу Б. Венингера [32] при помощи калибрационной кривой Пирсона [33]. Судя по сопоставлениям дат по ^{14}C и исторической хронологии, фактической продолжительности подлежащего датированию временно́го отрезка хорошо соответствует, по-видимому, уровень средних значений (радиоуглеродных дат) [32, рис. 37]. Поэтому данного уровня придерживались и при оценке радиоуглеродных дат Кюнцинг-Унтернберга. Время основания этих рвов — между 4856 и 4761 гг. до н. э. При использовании этих дат необходимо принимать во внимание стандартное отклонение измерений в 30—40 лет. В итоге средние значения радиоуглеродных дат показывают временной отрезок примерно от 4840 до 4780 гг. до н. э.— это время, когда использовались и постоянно обновлялись рвы Кюнцинг-Унтернберга. Промежуток в 60 лет соответствует гипотезам, выдвинутым на основе интерп-

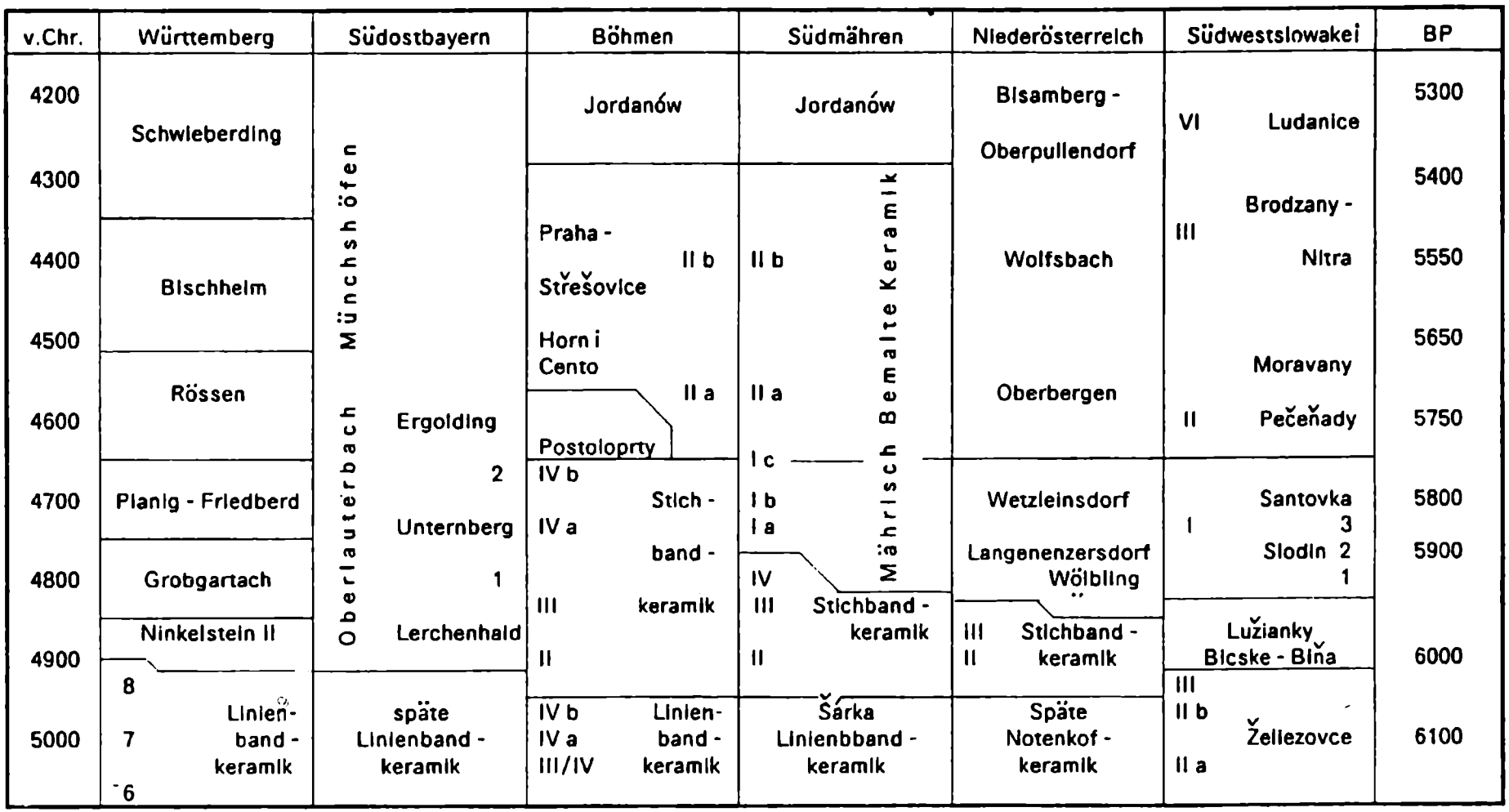


Рис. 3. Сводная таблица хронологии, по (Petrasch, в печати)

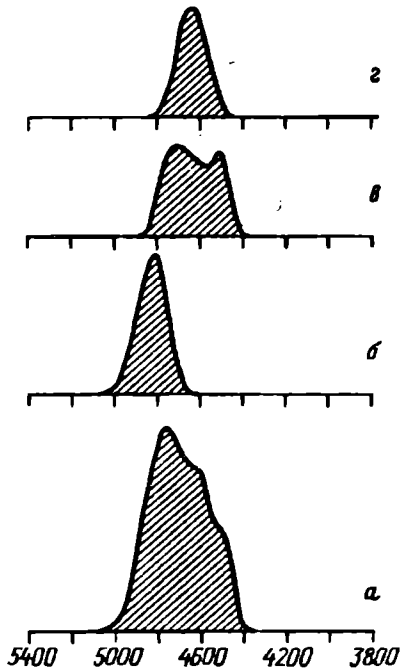


Рис. 4

Рис. 4. Подножие горы Кюнциг (Нижняя Бавария). Датировка по ^{14}C сооружений с круговыми рвами и поселения — дисперсионное распределение всех проб (*a*), проб из верхнего уровня рва (*b*), проб из верхнего заполнения рва (*c*) и проб из трех ям на поселении (*d*), по (Petrasch, Kromer, 1989)

Рис. 5. Подножие горы Кюнциг (Нижняя Бавария). Разрез через ров, слой поселения, сооружения с круговыми рвами (незакрашенные обозначения) и сооружений с круговыми оградами (черные обозначения), по (Petrasch, 1990a)

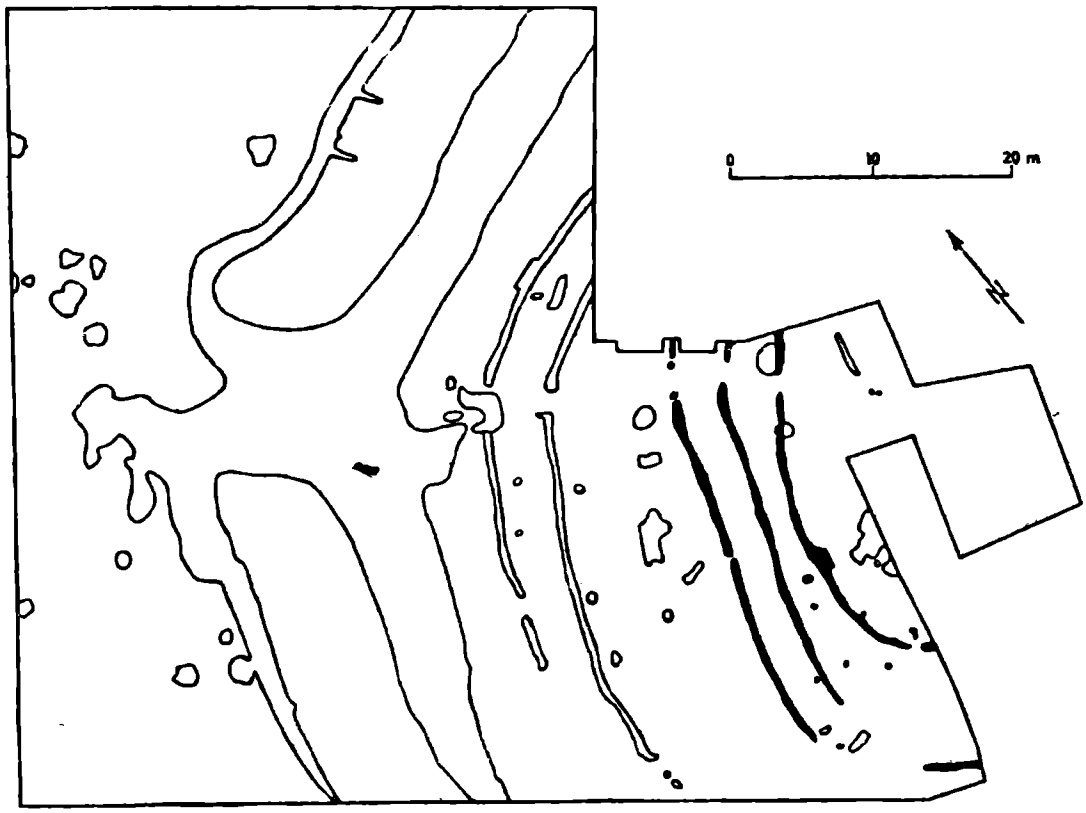


Рис. 5

ретаций профилей рвов, относительно заполнения рвов и продолжительности использования сооружений с кольцевыми рвами [1, 2]. Для верхнего заполнения рвов соответствующие соображения дали интервал от 4740 до 4590 гг. до н. э. Все радиоуглеродные пробы из верхней части рвов взяты из черного слоя мощностью около 0,5 м, которым завершается заполнение. Накопление находок этого слоя началось, судя по радиоуглеродным датам, примерно через 40 лет

после последнего обновления рвов, а спустя примерно 150 лет закончилось. Если исходить из того, что рвы были засыпаны, то последнее могло произойти лишь после накопления всех находящихся в слое заполнения находок, т. е. примерно после 4590 г. до н. э. В соответствии с этим небольшие углубления должны были сохраняться в районе средненеолитических поселений в неизменном в значительной мере виде более 100 лет, и лишь перед тем, как эти поселения были оставлены, вероятно, как последнее сравнительно крупное строительное мероприятие они должны были быть засыпаны. Это, однако, мало вероятно, так как едва ли можно предполагать, что перед тем, как покинуть поселение, жители проводили распланировку рвов. Скорее можно исходить из того, что в случае искусственного заполнения рвов оно произошло в конце эксплуатации сооружений с кольцевыми рвами. Таким образом, мог бы быть выяснен вопрос о времени заполнения рвов и связанных с этим механизмах его образования, а также могло бы быть установлено медленное, естественное заполнение рвов. По абсолютным датам скорость заполнения для основания рвов оказывается 15 см отложений в год, а для верхнего заполнения скорость — 0,3 см в год.

Во внутреннем пространстве сооружений с кольцевыми рвами находилось пять колец оград, из которых две внешние существовали одновременно со рвами и образовывали таким образом архитектурное единство, соответствовавшее остальным сооружениям с кольцевыми рвами. Три внутренние ограды относятся к сооружению с кольцевыми оградами без рвов, причем остается открытым вопрос, существовали ли все кольца одновременно или последовательно (рис. 5). Определение хронологической последовательности обоих сооружений с опорой на немногочисленные находки в их внутреннем пространстве и небольшое число разрезов невозможно. Решающими являются интерпретация заполнения рвов, датировка различных их слоев и разработанная на основе этого модель. Верхнему заполнению рвов и более позднему поселению Кюнцинг-Унтернберг должно в таком случае соответствовать время эксплуатации сооружения с кольцевыми оградами. Если, напротив, предполагать, что кольцевые ограды древнее кольцевых рвов, то вместе с зарождением поселения в Кюнцинг-Унтернберге, по-видимому, еще в V тыс. до н. э. попало бы и время ранней/средней накольчато-ленточной керамики. Однако данные для этого полностью отсутствуют, так что мало вероятно, что кольцевые ограды древнее кольцевых рвов. Против слишком большой продолжительности заселения (250 лет и более) говорит также стилистическое единство керамики. Кроме того, в Кюнцинг-Унтернберге было бы в таком случае в сравнении с лендьельской областью и накольчато-ленточной керамикой налицо противоположное развитие, что неприемлемо [2].

Интерпретация исторического развития

Так как в области лендьельской культуры можно наблюдать развитие сооружений с кольцевыми рвами от малых с одним рвом к большим сооружениям с несколькими рвами, а также в силу того, что там имеются общественные предпосылки в виде концентрации поселений для осуществления больших коллективных проектов, можно предполагать возникновение в этом районе сооружений с кольцевыми рвами. Далее на Запад они, напротив, были построены лишь после того, как их строительный тип уже достиг своего полного развития, так как для Юго-Восточной Баварии до сих пор неизвестно ни одного сооружения с одним рвом. В Кюнцинг-Унтернберге сооружение с кольцевыми рвами после эксплуатации его в течение двух поколений было внезапно, во время ведущихся еще на рвах работ по обновлению, заброшено. По истечении этого же времени, не позднее, стало, вероятно, необходимым и обновление связанных с ним кольцевых оград, которые больше не возводились. Вместо них было построено значительно меньшее сооружение с кольцевыми оградами. С учетом этих данных напрашивается объяснение, что для восстановления первоначальной конструкции уже не было достаточной рабочей силы. Для строительства сооружения с коль-

цевыми оградами требуется менее четверти тех затрат труда, которые необходимы для строительства сооружения с кольцевыми рвами. Частичное обновление рвов [1, 12] говорит за то, что население даже уже во время их эксплуатации видело необходимость экономить рабочее время и рабочую силу. Отсутствие рабочей силы могло быть вызвано несколькими причинами. Наряду с приведенными выше должно быть высказано все-таки предположение, что те поселения в зоне влияния Кюнцинг-Унтернберга, которые предоставляли для строительства сооружения с кольцевыми рвами рабочую силу, вышли из «прямой зависимости» от своего центра и не собирались больше участвовать в строительстве такого нового сооружения. Эта модель содержит минимум дополнительных предположений и простейшие сопутствующие условия и вследствие этого кажется приемлемой. Кроме того, внезапное прекращение работ на сооружении с кольцевыми рвами говорит за то, что причиной этого являются исторические, обусловленные людьми события.

Возведение сооружения с кольцевыми оградами в Кюнцинг-Унтернберге на том месте, где уже больше не могло быть построено сооружение с кольцевыми рвами, обнаруживает консервативность мышления их строителей, желавших создать возможно более близкую замену первоначальному сооружению. Это говорит о том, что функция сооружений с кольцевыми рвами как центральных мест собраний наряду с вероятным социальным компонентом сводилась главным образом, по-видимому, к религиозным задачам [1, 2]. Вместе с тем интерпретация истории развития сооружений с кольцевыми рвами в связи с толкованием централизованности поселений, населением которых они были возведены, в противоположность высказываниям, которые могут быть сделаны на основе археологических аргументов касательно отличий функций этих сооружений как сакральных или светских, дает возможность рассматривать проблему толкования сооружений с кольцевыми рвами как категории неолитических земляных сооружений под другим углом зрения.

Наряду с этим новым подходом к рассмотрению функций земляных сооружений это исследование дополнительно дает возможность интерпретации социальной организации населения. При этом прежде всего должны быть рассмотрены отношения в Юго-Восточной Баварии. Заимствование сооружений с кольцевыми рвами в этой области из районов, расположенных далее на юго-восток, должно рассматриваться как феномен адаптации. Для возведения сооружений с кольцевыми рвами была необходима известная централизованность поселений и связанная с этим определенная модель общественной иерархии. Здесь не следует исходить из предположения, что выводы относительно структуры тогдашнего общества возможны исключительно на основе этих наблюдений. Вместо этого помимо рассмотрения исторического развития на протяжении жизни семи поколений, прошедших после возведения сооружений с кольцевыми рвами в Юго-Восточной Баварии, может быть высказано предположение относительно общей социальной ситуации.

Оставление сооружений с кольцевыми рвами Кюнцинг-Унтернберга по прошествии самое позднее жизни двух поколений и отсутствие рабочей силы для реставрации сооружения еще во время его эксплуатации, что было истолковано как освобождение относившихся при строительстве сооружения к Кюнцинг-Унтернбергу поселений от этой зависимости, наталкивает на вывод, что минимально необходимая для такого крупного общественного строительства социальная организация не была еще достаточно окрепшей.

Здесь поучительным является сравнение с синхронным развитием в соседящей с востока области лендьельской культуры. Там централизованность поселений в противоположность Юго-Восточной Баварии была связана также с непосредственной концентрацией населения в этих поселениях. Так, по-видимому, поселение, относившееся к более позднему, крупному сооружению с кольцевыми рвами в Сводине, состояло примерно из 150 домов и занимало площадь 25 га. Сходные размеры должно было иметь и поселение Ацоа (Aszóa) на севере

Венгрии. Для этого поселения, весьма схожего со Сводиным по размерам и структуре, на основании раскопанных участков для всего поселка было рассчитано 10 тыс. захоронений, которые охватывают, по-видимому, пять поколений, следовательно, около 2000 умерших на каждое поколение. Сообразно с этим, в области лендьельской культуры население, необходимое для постройки сооружения с кольцевыми рвами, проживало, вероятно, непосредственно у этих сооружений. В окрестности этих больших поселений соответственно либо вообще не было никаких других поселений, либо лишь редкие маленькие поселения [34]. Кроме того, чем крупнее отдельные поселения лендьельской культуры, тем больше расстояние между ними. На основе этой ясно выраженной поселенческой модели, выявляющей иерархию, мне кажется, и на основании находок [23], на основе значительно более низкой степени централизованности в западной части Центральной Европы и заимствования сооружений с кольцевыми рвами на западе с востока, лендьельская область может рассматриваться как культурный центр, а культуры накольчато-ленточной керамики на западе Центральной Европы — в качестве культурной периферии. Эта оценка подкрепляется дальнейшим историческим развитием в лендьельской области. В отличие от западной части Центральной Европы выраженная централизованность поселений не исчезает по прошествии двух поколений, но сохраняется еще по меньшей мере до второго этапа лендьельской культуры, что соответствовало, вероятно, временно́му отрезку продолжительностью более 10 поколений. Примером тому являются поселения Сантовка (Santovka) и Жлковце (Žlkovce) в Юго-Западной Словакии, с площадью от 25 до 30 га [35—37]. На основе раскопок большой площади в Жлковце структуру этого места можно определить особенно хорошо. В центре семислойного поселка находилось большое строение, окруженное кольцевой оградой. С ним были связаны постройки расположенного вокруг поселения. Весь поселок, насчитывавший до 100 домов, был охвачен второй системой оград, которая вследствие своих очень больших размеров, вероятно, требовала таких же затрат труда, как и крупные сооружения с кольцевыми рвами. Эта поселенческая структура была сохранена в неизменной форме во время его полного заселения. Сообразно с этим можно исходить из того, что описанная выше иерархическая поселенческая концепция, а также связанная с этим форма организации общества существовали в лендьельской культуре значительно дольше и была более прочной, чем в западной части Центральной Европы.

В этой связи интересно рассмотреть, как сложились эти две линии развития. Как на западе, так и на востоке Центральной Европы ранненеолитическая линейно-ленточная керамика является основой средненеолитических культур. Насколько можно судить об этом при нынешнем состоянии исследованности, в Центральной Европе в это время господствуют сопоставимые социально-экономические условия. Однако уже наметилось позднее проявившееся более отчетливо деление запад — восток. В восточной области линейно-ленточной керамики характерен нотный орнамент, который в орнаментации керамики на западе играет лишь подчиненную роль. Граница между этими двумя основными районами находилась предположительно в Богемии и Юго-Восточной Баварии и передвинулась во время первого этапа лендьельской культуры примерно на 100—150 км к востоку.

Уже во время поздней линейно-ленточной керамики в Центральной Европе можно наблюдать тенденцию к концентрации поселений. В то же время наблюдается проявление этой тенденции на востоке (группа Железовце), тогда как на западе Центральной Европы она лишь слабо выражена. Данные обследования Альденховенерского плато в Рейнской области дают наиболее полное представление об организации поселений на западе Центральной Европы. На основании данных по центральной части Мерцбахской долины «зона влияния» земляных сооружений времени поздней ленточной керамики составляла, как и для лангвейлерских сооружений, примерно от 5 до 10 км^2, а самые крупные поселения этого времени содержали около 10 строений. В среднем неолите число поселений

сокращается, однако крупные поселения продолжают существовать, что свидетельствует о концентрации населения в более крупных поселениях.

Рассмотрение размеров самых крупных поселений, расстояний между ними и отношении их к более мелким поселениям дает возможность оценить степень централизации их округи. На западе Центральной Европы она возрастает от раннего к среднему неолиту примерно в 2 раза, в то время как на востоке степень централизованности повышается в то же самое время в 20 раз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Petrasch J.* Überlegungen zur Funktion neolithischer Erdwerke anhand mittelneolithischer Grabenanlagen aus Südostbayern. Jahresschr. Halle 73. 1990.
2. *Petrasch J.* Mittelneolithische Kreisgrabenanlagen in Mitteleuropa//Ber. RGK 71. 1990.
3. *Wosinsky M.* Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel, seine Erbauer und Bewohner I (1888).
4. *Bonnet A.* Die steinzeitliche Ansiedlung auf dem Michelsberg bei Untergrombach. Veröffentl. Grossherzogl. Bad. Slg. Altert. u. Völkerkde. Karlsruhe u. Karlsruher Altertumsver. 2, 1899.
5. *Lehner H.* Urmitz//Bonner Jahrb. 1901. N 107.
6. *Reinecke P.* Altheim (Niederbayern). Befestigte jungneolithische Siedlung. Rom.-Germ. Korrbl. 8. 1915.
7. *Driehaus J.* Die Altheimer Gruppe und das Jungneolithikum in Mitteleuropa. 1960.
8. *Fischer U.* Besprechung von: J. Driehaus, Die Altheimer Gruppe und das Jungneolithikum in Mitteleuropa (1960)//Germania 39. 1961.
9. *Maier R. A.* Fragen zu neolithischen Erdwerken Südbayerns. Ein Vortrag, gehalten am bayerischen Vorgeschichtskurs 1962 in Passau//Jahresber. Bayer. Bodendenkmalpflege 3. 1962.
10. *Petrasch J.* Das Altheimer Erdwerk bei Alkofen, Gde. Bad Abbach, Lkr. Kelheim. Ber. Bayer. Bodendenkmalflege 26/27, 1985/86. 1989.
11. *Schlette F.* Die altesten Haus- und Siedlungsformen des Menschen. Ethn.-Srch. Forsch. 5. 1958.
12. *Behrens H.* Die Jungsteinzeit im Mittelelbe-Saale-Gebiet. Veröffentl. Landesmus. Vorgesch. Halle 27. 1973.
13. *Bakels C. C.* Zum wirtschaftlichen Nutzungsraum einer bandkeramischen Siedlung//Siedlungen der Kultur mit Linearkeramik in Europa. Nove Vozokany 17.— 20.11.1981. 1982.
14. *Lüning J.* Siedlung und Siedlungslandschaft in bandkeramischer und Rössener Zeit//Offa 39. 1982.
15. *Neustupny J.* Fortifications appartenant a la Civilisation danubienne neolithique. Premieres bourgades en Europe Centrale//Archiv orientalni 18. 1950.
16. *Jewell P. A.* (Ed.) The Experimental Earthwork on Overton Down Wiltshire. 1963.
17. *Evans J. G., Limbrey S.* The Experimental Earthwork on Morden Bog, Wareham, Dorset, England: 1963 to 1972//Proc. Prehist. Soc. 40. 1974.
18. *Wainwright C. J., Longworth I. H.* Durrington Walls. Excavations 1966—1968//Reports Res. Comm. Soc. Antiquites London 29. 1971.
19. *Eggert M. K. H.* Riesentumuli und Sozialorganization: Vergleichende Betrachtungen zu den sogenannten «Fürstenhügeln» der späten Hallstattzeit//Arch. Korrbl. 18. 1988.
20. *Buttler W. u. Haberey W.* Die bandkeramische Ansiedlung bei Köln-Lindenthal//Rom.-Germ. Forsch. 11. 1936.
21. *Podborský V.* Erkenntnisse auf Grund der bisherigen Ausgrabungen in der Siedlung mit mährischer bemalter Keramik bie Těsetice-Kyjovice//Jahresschr. Halle 60. 1976.
22. *Lüning J.* Forschungen zur bandkeramischen Besiedlung der Aldenhovener Platte im Rheinland//Siedlungen der Kultur mit Linearkeramik in Europa//Nove Vozokany 17.— 20.11.1981. (1982).
23. *Kaczanowska M.* Aus dem Studium über die Feuersteinindustrie der Lengyel-Kultur//Beri Balogh Adam Muz. Evk. 13. 1986.
24. *Podborský V.* Těsetice-Kyjovice 2. Figurální plastika lidu s moravskou malovanou keramikou. Universita J. E. Purkyně Brno, 1985.
25. *Podborský V.* Těsetice-Kyjovice 4. Rondel osady lidu s moravskou malovanou keramikou. Universita J. E. Purkyně Brno, 1988.
26. *Christaller W.* Die zentralen Orte in Süddeutschland, 1933.
27. *Renfrew C.* Monuments, mobilization and social organization in neolithic Wessex//The explanation of culture change: models in prehistory/Ed. Renfrew C. 1973.
28. *Němejcová-Pavúková V.* Siedlung und Kreisgrabenanlagen der Lengyel-Kultur in Svodin (Südwestslowakei)//Internat. Sympos. Lengyel-Kultur. Nové Vozokany 5.—9.11.1984. 1986.
29. *Němejcová-Pavúková V.* Vorbericht über die Ergebnisse der systematischen Grabungen in Svodin in den jahren 1971—1983//Slovenská Arch. 34. 1986.
30. *Petrasch J. u. Kromer B.* Aussagemöglichkeiten von ^{14}C-Daten zur Verfüllungsgeschichte prähistorischer Gräben am Beispiel der mittelneolitischen Kreisgrabenanlage von Künzing-Unternberg, Ldkr. Deggendorf//Arch. Korrbl. 19. 1989.
31. *Geyh M. A.* Versuch einer chronologischen Gliederung des marinen Holozän an der Nordseeküst mit Hilfe der statistischen Auswertung von ^{14}C-Daten//Zeit. dt. geolog. Ges. 188. 1969.
32. *Weninger B.* High-Precision Calibration of Archaeological Radiocarbon Dates//Modern Dating Methods in Archaeology. Nové Vozokany 28.— 31.10.1985. Acta Inerdiscip. Arch. 4 (1986).

33. *Pearson G. W., Pilcher J. R., Bailie M. G. L., Corbett D. M. a. F.* Qua, High-Precision ^{14}C Measurement of Irish Oaks to show the Natural ^{14}C Variations from AD 1840—5210 BC//12th Internat. Radiocarbon Conf. Trondheim 24.— 28.6.1985. Radiocarbon 28. 1986.
34. *Pavúk J.* Siedlungswesen der Lengyu-Kultur in der Slowakei//Beri Balogh Adam Mux. Évk. 13. 1986.
35. *Pavúk J.* Einige aktuellen Probleme zum Studium der Lengyel-Kultur//Internationales Symposium über die Lengyel-Kultur. Nové Vozokany 5.— 9.11.1984. 1986.
36. *Pavúk J.* Siedlung der Lengyel-Kultur mit Palisadenanlagen in Žlkovce, Westslowakei//Jahresschr. Halle 73. 1990.

Франкурт-на-Майне

J. PETRASCH

THE HISTORY OF THE MIDDLE NEOLITHIC FOCUCES IN CENTRAL EUROPE

Summary

The analysis of the development of settlement models in Central Europe during the Early and Middle Neolithic led the author to a conclusion about the existance of two different ways of development in its eastern and western parts. Both regions had the same socio-economic and geographical characteristics and formed a cultural unity in the Early Neolithic. Later in the Middle Neolithic they were connected by numerous contacts prooved by spread of flint and pottery imports. The author argues against primitive historical and social hypotheses which claim full similarity of development in different regions. The archaeosociology should be differenciated according to local historical features and metaregional situations. The chronological studies can be managed taking a generation as a unit of time, which is the most reliable from the point of view of informativeness and reflects gradual character of cultural changes. Using longer periods of time (one or more centureis), one should not be able to differenciate certain phenomena which were successive in reality and create a wrong picture of historical development.

М. В. СКРЖИНСКАЯ

ИЗ ИСТОРИИ АНТИЧНЫХ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ

Эпоха эллинизма характеризуется разительными переменами во всех областях античной культуры. На смену строгому стилю высокой классики в искусстве появляются новые, более вычурные и пышные формы декора. Это относится к монументальным произведениям зодчества, к скульптуре, живописи, а также к прикладному искусству, о котором пойдет речь в этой работе.

В III в. до н. э. цветовая гамма греческих украшений засверкала разнообразными красками всевозможных драгоценных и полудрагоценных камней и имитирующих стекол. Это произошло под влиянием восточного искусства. Ведь греческий мир тогда обогатился новыми полиэтническими государствами, такими как царство Птолемеев в Египте, Селевкидов в Малой Азии, Атталидов в Пергаме.

Конечно, и прежде греческие мастера были знакомы с умением обрабатывать некоторые драгоценные и полудрагоценные камни, но для украшений их использовали довольно редко. В ожерелья включали бусины из сердолика и горного хрусталя, на них же, а также на халцедоне, ониксе и яшме вырезали печати. Другие камни почти не использовались. Дорогие инталии оправляли в золото и носили на поясе. Серьги, кольца и ожерелья из драгоценных металлов в эпоху архаики и классики были монохромными. Золотые и серебряные перстни украшали гравированными изображениями, серьги, браслеты и ожерелья — зернью и филигранью из тех же металлов, изредка оживляя их вставками из голубой эмали.

В IV в. до н. э. цветные камни и стекла впервые заиграли в перстнях и кольцах, а в следующем столетии они появились в серьгах, браслетах и ожерельях. Античные мастера создали множество типов таких украшений, и одним из самых ярких из них были ожерелья с бабочками. Они всегда выделяются в специальный тип во всех обобщающих работах о греческом ювелирном искусстве [1, с. 316; 2, с. 186; 3, с. 221; 4, с. 284], однако в их датировках существует большой разнобой — от III в. до н. э. до II в. н. э.

К сожалению, до сих пор ни в одной работе не были собраны все известные ожерелья с бабочками, не изучены обстоятельства их находки и не произведен стилистический анализ каждого произведения в отдельности и всех их вместе. Для отечественной истории и археологии эти ожерелья представляют особый интерес, так как все они, за исключением одного, обнаружены при раскопках в Северном Причерноморье и, таким образом, характеризуют вкусы древнего населения нашей страны.

По разрозненным публикациям нам удалось собрать девять образцов ожерелий с бабочками. Они распределяются по местам находок следующим образом: три — из Ольвии (рис. 1) [1, с. 316; 4, с. 289; 5, с. 9], два — из Херсонеса [6, с. 178—179; 7, с. 121], два — из неизвестных центров Северного Причерноморья (Одесский археологический музей, инв. № 239 [3, с. 255]), одно — из Рима [3, с. 221], одно — из сарматского кургана в Одесской обл. [8, с. 81, 82]. Последнее обнаружено в 1982 г., а остальные — в дореволюционный период и происходят главным образом из хищнических раскопок. Все ожерелья золотые, украшены драгоценными и полудрагоценными камнями и цветными стеклами, длина их

© М. В. Скржинская, 1994 г.

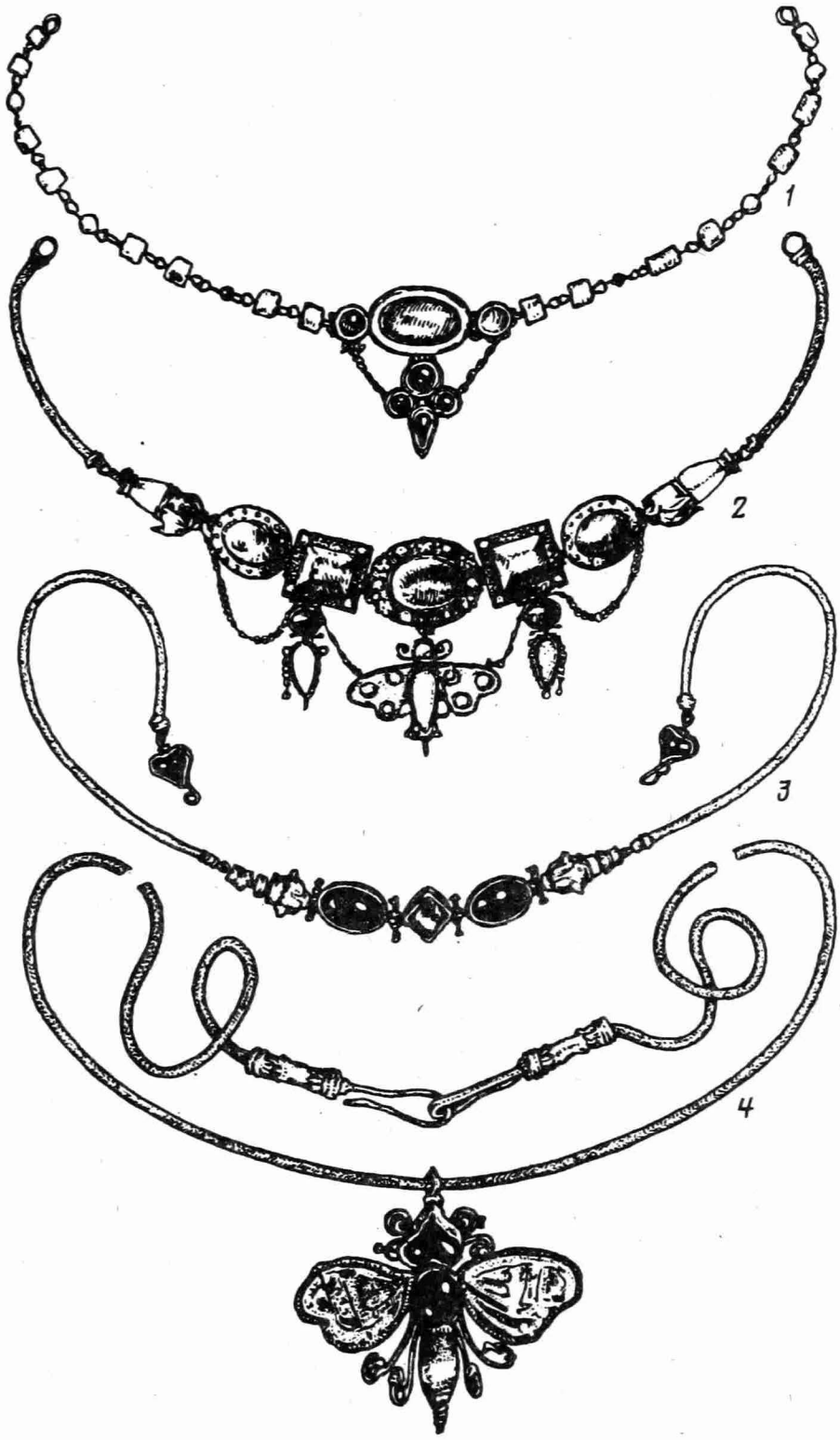


Рис. 1. *1* — ожерелье из Ольвии, галерея Вальтера в Балтиморе (США); *2* — ожерелье из Ольвии, галерея Вальтера в Балтиморе (США); *3* — ожерелье из Артюховского кургана, Эрмитаж (Санкт-Петербург); *4* — ожерелье из Ольвии, частная коллекция (Цюрих)

колеблется от 30 до 41 см. Даже при беглом знакомстве видно, с одной стороны, единство композиционного решения этих украшений, с другой — различия в числе камней, формах боковых подвесок и в изображениях насекомых: одни действительно похожи на бабочку, другие — на пчелу, мотылька или даже крупную муху, третьи столь схематичны, что лишь при сопоставлении с другими

Рис. 2. *1* — ожерелье из Херсонеса, Эрмитаж (Санкт-Петербург); *2* — ожерелье из сарматского погребения, Археологический музей (Одесса); *3* — ожерелье из Рима, Британский музей (Лондон); *4* — ожерелье из Северного Причерноморья, Археологический музей (Одесса)

могут ассоциироваться с крылатым насекомым. Однако, по традиции, мы всех их условно будем называть бабочками.

В научной литературе шире всего известны и приводятся в качестве примеров ожерелья из Херсонеса и Рима, хранящиеся в Эрмитаже и Британском музее (рис. 2, *1*, *3*). По немногочисленным сведениям о погребальных комплексах с

такими ожерельями, отечественные исследователи относят их к I и даже ко II в. н. э. [9, с. 353; 10, с. 138]. Но драгоценные украшения принадлежат к той немногочисленной категории предметов, которые могли находиться в употреблении очень долго, передаваясь по наследству. Поэтому датировка погребения указывает лишь на terminus ante quem, но не на время их изготовления.

Зарубежные исследователи обычно относят ожерелья с бабочками к началу римской эпохи [11, с. 186; 12, с. 56], и лишь в последнее время некоторые экземпляры признаны изделиями эллинистических мастеров [1, с. 316; 12, с. 56].

Ольвийское ожерелье (рис. 1, *2*), хранящееся в галерее Вальтера в Балтиморе [12, с. 56], хотя и было опубликовано А. В. Орешниковым вскоре после его находки, в 1891 г., практически не учитывалось в обобщающих работах[1] и никогда не было детально стилистически проанализировано. Но именно это ожерелье дает возможность проследить возникновение нового типа украшения в эпоху эллинизма и найти хорошие аналогии с определенной датировкой к деталям его декора.

Ожерелье найдено во время хищнических раскопок некрополя Ольвии в богатом погребении. Кроме него в убор женщины входило еще одно более скромное ожерелье, серьги с цветными камнями и золотой погребальный венок из листьев сельдерея. Монета Харона была датирована Орешниковым I в. н. э., и к тому же времени отнесли все драгоценности. Они были приобретены в частную коллекцию и после революции попали сначала в Западную Европу, а затем в США.

Ожерелье состоит из двух четырехрядных плетеных цепочек и средней богато декорированной части. В нее входит пять синих и лиловых стекол в золотых оправах, украшенных сканью, золотыми розетками и мелкими цветными стеклышками. К центральному овальному медальону прикреплена бабочка, на крыльях у которой по три синих и зеленых стеклышка, а головка из изумруда; к двум боковым квадратным медальонам прикреплены подвески из круглых изумрудов и каплевидных розовых стекол, оправленных в золото. Все три подвески соединены цепочками. Описанную центральную часть ожерелья удерживают золотые головки рысей, насаженные на каплевидные бусины из горного хрусталя. К ним прикрепляются золотые плетеные цепочки с петлями на концах. В них продевалась ленточка, с помощью которой завязывалось ожерелье.

Это ожерелье — образец исканий ювелира, сочетавшего приемы торевтики, характерные для эпохи раннего эллинизма (зернь, розетки), с новым полихромным стилем, смело включавшим в золотые украшения цветные камни и стекла. Звериные головки, обычно украшавшие затворы ожерелья, в данном случае являются его внутренними звеньями. Такой редкий прием, а также форма головок рысей полностью совпадают с конструкцией ожерелья из Артюховского кургана (рис. 1, *3*). Захоронение в нем датируется серединой — второй половиной II в. до н. э. [13, с. 23], значит, найденное там ожерелье сделано не позднее первой половины II в. Две четырехрядные золотые цепочки, оканчивающиеся стеклянной бусиной с насаженной на нее головкой рыси, удерживают центральную часть, состоящую из оправленных в золото двух овальных гранатов и ромбовидного изумруда в центре.

Затворы артюховского ожерелья оформлены в виде сердцевидных гранатов. Подобные гранаты образуют головку подвески-бабочки на трех ожерельях (рис. 1, *4*; 2, *1*, *2*) и нередко встречаются на других эллинистических украшениях [13, с. 46; 14, табл. 14, *1*, *2*].

Таким образом, стилистический анализ ожерелья приводит нас к его датировке первой половиной II в. до н. э. Косвенным подтверждением этого является и пересмотренная в настоящее время датировка монеты, найденной в погребении.

[1] Его не учли ни Е. О. Прушевская [9], ни Р. Хиггинс [2], ни даже М. Руксер [3], в специальной работе которой об ожерельях собран огромный материал из разных музеев.

Эта серебряная монета с надчеканкой имеет изображение Аполлона на аверсе и кифары на реверсе; она принадлежит к серии 200—190 г., а надчеканка на ней произведена примерно в середине II в. до н. э. [15, с. 110, № 281—291].

Тем же временем надо датировать бабочку из ожерелья, хранящегося в Одесском Археологическом музее (рис. 2, *4*). Она включена в украшение, составленное из античных деталей в начале XX в. Его приобрел А. Л. Бертье-Делагард и в 1910 г. подарил Одесскому музею, где оно находится и в настоящее время (инв. № 52395)[2]; публикация ожерелья отсутствует.

В конце XIX — начале XX в. существовал рынок античных древностей. Наряду с настоящими вещами там продавали подделки, а также целые «отреставрированные» предметы, состоящие из античных фрагментов, нередко взятых от разных вещей. К последней категории относится одесское ожерелье. Оно составлено из одного ряда античных бус, заключенных в новые золотые оправы, в центре — бабочка и четыре небольшие подвески. Ювелир не знал, что древние мастера всегда помещали бабочку в качестве подвески к центральному камню ожерелья, а крылья соединяли цепочками с боковыми камнями, поэтому бабочка оказалась в ряду бусин. Возможно, бабочка, бусины и подвески происходили из одного погребения, но, конечно, относились к разным ожерельям. В парадный костюм эллинистического, а затем и римского периода могло входить несколько ожерелий [13, с. 17]. Кстати, в упомянутом выше ольвийском погребении вместе с ожерельем с бабочкой находилось и другое — из бус.

С ольвийским ожерельем бабочку из Одесского музея сближает техника ее декора: на крыльях — круглые стеклянные глазки, а золотые розетки и зернь такие же, как на оправе центрального камня ольвийского ожерелья. В этом проявились еще не до конца оставленные прежние приемы декора монохромных украшений. В дальнейшем розетки полностью исчезают и почти не остается зерни. Золотые оправы камней или стекол делают гладкими, вероятно, потому, что их яркие краски подавляли филигранные узоры оправы.

Из хищнических раскопок Ольвии происходит еще одно ожерелье с бабочкой (рис. 1, *4*), оказавшееся в частном собрании в Цюрихе [16, с. 142]. Бабочка является единственной подвеской на длинной (75 см) плетеной золотой цепочке, выполненной в той же технике, что и цепочки на других ожерельях с бабочками. Среди украшений эпохи эллинизма изредка встречаются ожерелья, состоящие из цепочки, на которой висит одна подвеска, продетая сквозь припаянное ушко [4, с. 220, 249]. Но все же нельзя исключить возможности, что бабочка входила в состав утраченного традиционного ожерелья с камнями и современный ювелир, припаяв ей ушко, прикрепил подвеску к древней цепочке. Эта бабочка высотой в 4 см сделана наиболее тонко и изящно из всех прочих сохранившихся подвесок. Ее головка состоит из граната в излюбленной в эллинистический период форме сердца или листа плюща, туловище составлено из овального граната и удлиненного сардоникса коричневого цвета с белыми полосами. В закругления усиков из золотой проволочки, возможно, были вставлены маленькие жемчужинки.

Особенно нарядно и искусно сделаны крылья с подкрыльцами, окаймленные золотой рубчатой проволочкой. Верхние крылья разделены внутри на секции, заполненные синей, голубой и красной эмалью, а нижние крылья белые с голубыми волнами. Аналогию технике такого украшения можно найти на изображении орла со знаменитой диадемы из Артюховского кургана. Его перья были украшены зеленой, розовой и лиловой эмалью [13, с. 44].

По-видимому, эта бабочка — старшая из известных подвесок такого рода. Один из издателей этого украшения по технике декора датировал его даже концом III в. до н. э. [1, с. 316]. Несколько позже рассмотренных ожерелий был сделан экземпляр подобного украшения, найденный в 1896 г. в Херсонесе (рис. 2, *1*) и поступивший в собрание Эрмитажа. Мастер отказался от украшения

[2] Благодарю Е. С. Столярик, хранителя золотой кладовой Одесского Археологического музея, за помощь в изучении этого ожерелья.

оправы камней и сосредоточил все свое мастерство торевта на центральной и двух боковых подвесках. Девять драгоценных камней и два стекла в овальных золотых гладких оправах составляют середину великолепного ожерелья, оканчивающегося с двух сторон плетеными золотыми цепочками с круглыми ушками на концах, куда продевалась ленточка для завязки. Яркая цветовая гамма ожерелья включает три цвета: красный (гранаты, альмандины), желтый (топазы и стекло) и зеленый (изумруды). Контуры крыльев, туловища и головки крупной бабочки (высота 7 см) обведены, как и на большинстве других экземпляров, рубчатой проволочкой. Как и у бабочки из Цюриха, головка украшена сердцевидным гранатом, а туловище состоит из овального и продолговатого камней: первый — гранат, а на месте сардоникса здесь гораздо более дорогой изумруд. Крылья украшены каплевидными гранатами. Бабочка соединена цепочками с боковыми подвесками, традиционной для эллинизма формы, на что впервые обратила внимание М. Руксер, заметив несоответствие декора и традиционной датировки ожерелья римским периодом [3, с. 183]. Подобные подвески есть на диадеме из Артюховского кургана и других украшениях III—I вв. до н. э. [4, с. 231, рис. 167, табл. 29]. По нашему мнению, херсонесское ожерелье было изготовлено на рубеже II—I вв. до н. э.

Тем же временем следует датировать еще два ожерелья с бабочками из некрополя Херсонеса и сарматского кургана в Одесской обл. Оба погребения относятся к концу I в. н. э.[с] Херсонесское ожерелье найдено очень потертым, часть украшавших его камней была утеряна еще в древности. Подвеска-бабочка была грубо и неумело починена. Это показывает, что ожерелье долго носили, а так как дорогое украшение не было принадлежностью ежедневного костюма и его надевали сравнительно редко, то оно пришло в такое состояние за многие десятилетия употребления.

Ожерелье из сарматского кургана, несмотря на почтенный возраст к моменту погребения, было в прекрасном состоянии (рис. 2, *2*). В его гладких оправах сохранились все пять цветных камней: два желтых топаза и три аметиста (возможно, часть из них не настоящие камни, а искусно сделанные стекла), в крылья бабочки вставлены полосатые ониксы, а в головку — сердцевидный гранат. Мастер старательно сделал из золотой проволочки усики и ножки насекомого, а между медальонами поместил золотые фигурные шарниры, сходные с теми, которые соединяют камни артюховского ожерелья. Все это склоняет к мысли, что украшение сделано не позже рубежа II—I вв. до н. э., хотя оно и уступает по мастерству ольвийским и херсонесскому ожерельям. Как большая драгоценность оно тщательно хранилось и редко надевалось в течение долгих лет до того, как попало в погребение.

Все рассмотренные ожерелья обнаружены в Северном Причерноморье, так что может показаться, что такое украшение характерно исключительно для этого региона. Однако подобное ожерелье найдено также в Риме (рис. 2, 3), и, значит, такие украшения носили и в других частях древней ойкумены. Центральная часть ожерелья состоит из шести овальных гранатов и сапфира неправильной формы посередине. К нему прикреплена бабочка с головкой из овального граната, с туловищем из сапфира и с белыми стеклами на крыльях [3, с. 221]. По-видимому, утеряны цепочки, шедшие от крыльев к боковым овальным камням ожерелья, и жемчужинки в завитках лапок.

Анализируя декор ожерелий, мы выделяли черты ювелирной техники, свойственные греческим мастерам. Следует, однако, подчеркнуть, что форма центральной подвески чужда греческому искусству и имеет восточные корни, так же как и включение в ожерелье больших серий разноцветных камней и стекол. Вероятно, эллинистические ожерелья с подвесками в виде бабочек делали в течение всего II в. до н. э. мастера из государства Селевкидов. Они сочетали

[3] Херсонесское погребение датируется монетой Домициана [7, с. 121], а сарматское — по сопровождающему материалу [8, с. 81].

приемы восточного и греческого ювелирного искусства, внося в украшения не свойственные эллинам мотивы, одним из которых было изображение бабочки. Оно, конечно, имело какой-то идейный смысл, к сожалению, нам сейчас непонятный. Со свойственной грекам наблюдательностью и стремлением передать все в деталях ювелиры каждый раз изображали разные породы насекомых, старательно воспроизводя особенности формы их крыльев, закрученные усики на голове и четыре ножки.

Со временем, когда мода на ожерелья с бабочками прошла, а в Северном Причерноморье они продолжали пользоваться спросом, были предприняты попытки, возможно в местных мастерских, сделать подобные украшения. Однако эти имитации были гораздо слабее по мастерству, и подвеска-бабочка превратилась в некую условную фигуру. Это хорошо видно на ожерелье из Ольвии (рис. 1, *1*), где с трудом и лишь по аналогии можно представить, что подвеска из трех круглых и одного овального камня должна изображать бабочку. Три камня в гладких оправах и подвеска-бабочка прикреплены к цепочке, форма которой известна в украшениях римского времени. Тем же периодом датируется ожерелье из коллекции Бурачкова, хранящееся в Историческом музее в Москве (инв. № 78607 [3, с. 253]). Большинство камней или стекол, его украшавших, утеряно, так что остались одни довольно грубо сделанные оправы. Подвеска, как и положено, связана цепочками с боковыми камнями, обрамляющими центральный, наиболее крупный; к нему, в свою очередь, прикреплен верх подвески. Не в состоянии справиться с тонкой работой крепления крыльев, головки и туловища бабочки, мастер упростил свою задачу: он поместил в гнезда соответствующие камни, расположив их на ромбовидной плакете. Это условное изображение еще менее похоже на бабочку, чем на предыдущем ольвийском ожерелье. Важно, однако, подчеркнуть, что мастер соблюдает традиционную конструкцию украшения: ряд камней в гладкой оправе и в центре подвеска с двумя цепочками.

Итак, мы рассмотрели один из немногих хорошо сохранившихся типов эллинистических ожерелий, представленный целой серией образцов. Ожерелья с бабочками как определенный тип украшений сформировались к началу II в. до н. э. и изготовлялись целое столетие. В них ярко проявился синкретизм восточного и греческого искусства. Мода на такие ожерелья особенно пришлась по вкусу в городах Северного Причерноморья, где их долго носили и передавали из поколения в поколение. Как и другие украшения, эти ожерелья покупали у греков богатые представители соседних племен, и они вошли в парадный убор сарматских женщин. Некоторые экземпляры ожерелий с бабочками, дошедшие до наших дней в прекрасной сохранности, до сих пор радуют глаз великолепным мастерством древних ювелиров, сочетавших природную красоту драгоценных камней с виртуозной работой по золоту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Schefold K.* Meisterwerke griechischer Kunst. Basel; Stuttgart, 1960.
2. *Higgins R. A.* Greek and Roman Jewellery. L., 1961.
3. *Ruxer M. S., Kubczak J.* Naszyjnik Grecki w okresie Hellenistycznym i rzymskim. Warszawa; Poznań, 1972.
4. *Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. Mainz-am-Rein, 1985.
5. *Орешников А. В.* Несколько замечаний о древностях, найденных в с. Перутино в 1891 г.//Древности. Тр. Импер. моск. археол. о-ва. Т. 15. Вып. 2. М., 1894.
6. *Костюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1896 г.//ОАК за 1896. СПб., 1898.
7. *Костюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1898 г.//ОАК за 1898. СПб., 1900.
8. *Добролюбский А. О.* Тайны причерноморских курганов. Одесса: Маяк, 1988.
9. *Прушевская Е. О.* Торевтика//Античные города Северного Причерноморья. М.; Л.: Наука, 1955.
10. *Соколов Г. И.* Античное Причерноморье. Л.: Аврора, 1973.
11. *Minns E.* Scythians and Greeks. L., 1913.
12. *Oliver A.* Ancient Jewellery in Baltimore//Archeology. 1979. V. 32. № 5.
13. *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979.

14. *Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetal. B., 1970.
15. *Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1989.
16. *Hoffmann H., Davidson P.* Greek Gold Jewellery of the Age of Alexander. Bruklin, 1966.

Институт археологии АН Украины,
Киев

M. V. SKRZHINSKAYA

ON THE HISTORY OF CLASSIC JEWELLERY

Summary

The article is devoted to the emergance and spread of a new polychromous style of Greek jewellery in the 2nd century B. C. and infiltration of this fashion to the Northern Pontic cities. The syncretism of the oriental and Greek art is well demonstrated by the necklaces with butterflies' images originating mostly fron the Northern Pontic area. The author abandones the traditional dating of them to the 1st and the 2nd centuries A. D. and prooves that the earliest pieces from Olvia can be dated to late 2nd century B. C. For the first time the full series of such necklaces from different collections of Russia and foreign museums is presented.

И. В. ИСЛАНОВА

ВОДНЫЕ ПУТИ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ в IX—XIII вв.

Основными транспортными артериями в IX—XIII вв. в окраинном восточном районе Новгородской земли, в бассейнах Верхней Мсты и Мологи, являлись реки. В исследованиях по топографии кладов здесь обозначен один маршрут: участок Волго-Балтийского пути от оз. Ильмень по Мсте к ее верховьям — Мстинско-Моложский водораздел — Средняя Молога и далее вниз по Мологе к Волге [1, с. 102, рис. 17; 2, с. 156, табл. 52; 3, с. 4, рис. 1]. Несколько иной вариант торгового пути намечен Л. А. Голубевой: реки Мста — Тверца, от Средней Тверцы — к верховьям Мологи и далее по Мологе в Волгу [4, с. 176, карта 6]. А. Е. Леонтьев считает путь от оз. Ильмень по Мсте в бассейн Средней Мологи для IX в. тупиковым, местного значения [3, с. 7]. Следует отметить схематичность обозначенных водных магистралей, для которых основой служили находки кладов и отдельных монет. Специальные исследования в интересующем нас районе не проводились.

С XIII в. тесные контакты Бежецкого Верха с Новгородом фиксируются по письменным источникам [5, с. 148—152]. В Иловце найдена печать Ростислава Мстиславича, княжившего в Новгороде в середине XII в. [6, с. 61]. Видимо, из одной мастерской происходят полые двухголовые коньки, найденные в Новгороде, Бежицах [1] и Крестцах [7, с. 41, 42, тип XX, сер. 2*б*]. В курганах Куреванихи и Сухолжино обнаружены вещи скандинавского происхождения (подвески, кольцевидная фибула с длинной иглой) [8, рис. 19, *9*; 9, с. 203]. Судя по находке в кургане в Бежицах сбруйных украшений в стиле еллинг, верховья Мологи в X в. также не являлось глухой периферией [10, с. 97]. На непосредственные контакты населения бассейна Мологи с Костромским и Марийским Поволжьем указывают находки копоушки (Бежицы) [11, с. 83], литой подвески с шумящими привесками (Абаконово) [4, с. 44, рис. 6, *1*; 12, рис. 1, *17*, *19*]. О том, что через исследуемые районы проходили транзитные пути, свидетельствуют находки трех кладов куфических монет и отдельные находки дирхемов на поселениях. Остановимся несколько подробнее на нумизматических материалах.

Клад в Загородье — самый известный в районе, по младшей монете датируется 832 г. [1, табл. I; 13, с. 141]. Загородье находится на Средней Мологе, почти на равном расстоянии между устьями Кезы и Волчины. Монеты были обнаружены в разное время и, видимо, не в одном месте: в 1889 г. обнаружено 8 дирхемов, в 1890 г.— 3 дирхема, в 1908 г.— 1 дирхем, в 1924 г.— 1 дирхем. Кроме того, в конце XIX в. было найдено еще несколько монет, из которых в Тверской музей поступили 2 целых и 5 обломков дирхемов [14, с. 16]. Основная масса находок происходит с северной площадки городища.

Клад у д. Кузнецкое — единовременная находка 162 дирхемов, датируемая по младшей монете 870 г. [1, табл. II; 15, с. 1]. Монеты, видимо, были сокрыты в сосуде, от которого рядом найдены обломки. Подавляющее большинство монет происходит из азиатских провинций. Этот клад рассматривался во многих исследованиях по нумизматике и торговым путям Древней Руси. Однако по поводу его местонахождения нет единой точки зрения. На картах клад обозначен

[1] Подъемный материал на городище Бежицы, работы М. В. Волковой.

© И. В. Исланова, 1994 г.

в самых разных пунктах: вблизи Загородья, ниже или выше него [3, с. 4, рис. 1; 16, с. 103], в устье Кезы [4, с. 177], на Нижней Мологе [1, с. 102; рис. 17; 2, с. 156, 157]. Однако на картах начала XX в. в указанных местах д. Кузнецкое нет.

Обратимся к первоисточнику — сопроводительному документу [15], где сказано, что монеты «были вырыты во время пашни крестьянином Весьегонского уезда Бельской волости д. Кузнецкая ... на своем поле близ упомянутой деревни». Сведений о р. Мологе нет. В Весьегонском уезде Тверской губ. вблизи с. Бели находилось две деревни с похожими названиями: д. Кузнецкое в 10 верстах выше по течению от с. Бели на левом берегу р. Белой и д. Кузнецково в 4 верстах ниже по течению от с. Бели на правом берегу р. Белой, притока р. Мелечи. Нет никаких оснований отвергать местоположение клада на р. Белой, тем более что эта река принадлежит бассейну Верхней Мологи, а ее истоки довольно близко подходят к правым притокам Нижней Мологи. Вполне допустимо, что верховья Мологи и ее нижнее течение, минуя средний отрезок, могли быть связаны через р. Белую. Окончательно установить место находки клада (на поле, вероятно, может находиться селище IX—X вв.) можно будет после проведения работ вблизи указанных деревень.

Еще один клад был обнаружен в том же Весьегонском уезде в 1805 г. Точное место находки неизвестно. Один из дирхемов был определен 937—938 гг. [13, с. 46, № 261].

Клад в Иловце — денежно-вещевой, был найден в 1969 г. в слое селища Иловец 1. Состоял он из 9 дирхемов, хрустальных и сердоликовых, стеклянных и пастовых бус и бисера, двух серебряных браслетообразных височных колец. В первой публикации клад был датирован X в. [17, с. 35, 36]. После определения монет С. А. Яниной клад передатирован 50—70-ми годами IX в. [6, с. 61, 62]. Однако следует отметить, что на селище, вблизи находки клада, были обнаружены еще две куфические монеты (даты неизвестны), соотношение которых с кладом не ясно. Поселение Иловец находится при истоке р. Иловицы из озера. Западнее лежит водораздел Волжского и Балтийского бассейнов. К оз. Иловец на расстоянии нескольких километров подходят правые притоки р. Съежи.

О близости водных путей, по-видимому, косвенно могут свидетельствовать и отдельные находки монет, утерянных на поселениях. Три дирхема (исключая монету с ушком, которая могла происходить из погребения) обнаружены на берегах оз. Наволок (бассейн Мсты). Это дирхем начала IX в., обломок дирхема с поселения Курово 2 [6, с. 64, 67] и дирхем середины IX в. (определение А. Фомина) из слоя селища Бережок (раскопки автора). Следует отметить, что оз. Наволок лежит вблизи водораздела. Со Мстой оно связано через систему речек и озер. Прохождение Волго-Балтийского пути по Мсте не вызывает сомнения: клад IX в. в Потерпилицах, находки дирхемов конца VIII в. и первой половины IX в. на селище Золотое Колено [16, с. 103].

В бассейне Мологи, а также Мстинско-Моложском междуречье (верхнее течение Мсты) могли находиться как участок Волго-Балтийского пути, так и пути местного значения, в том числе из Новгорода в Бежицы. Попробуем выявить конкретные магистрали, существовавшие в исследуемом районе в раннем средневековье.

Основные водные артерии — Молога и Мста — принадлежат разным бассейнам: первая Волжскому, вторая Ильменскому. Рассматриваемая территория пронизана притоками, имеющими преимущественно широтное направление. В западной части района наблюдается переплетение из левых притоков Мологи и правых — Мсты. Именно здесь, где расстояние между разными бассейнами сводится к нескольким километрам, должны были существовать сложные участки путей — волоки. Еще один труднопроходимый порожистый отрезок находился на Средней Мологе в окрестностях с. Борисовское (верхние и нижние пороги). Перекаты были у д. Порожки в нескольких километрах от истока р. Съежи и на р. Мелече у с. Порожек выше с. М. Молотоша.

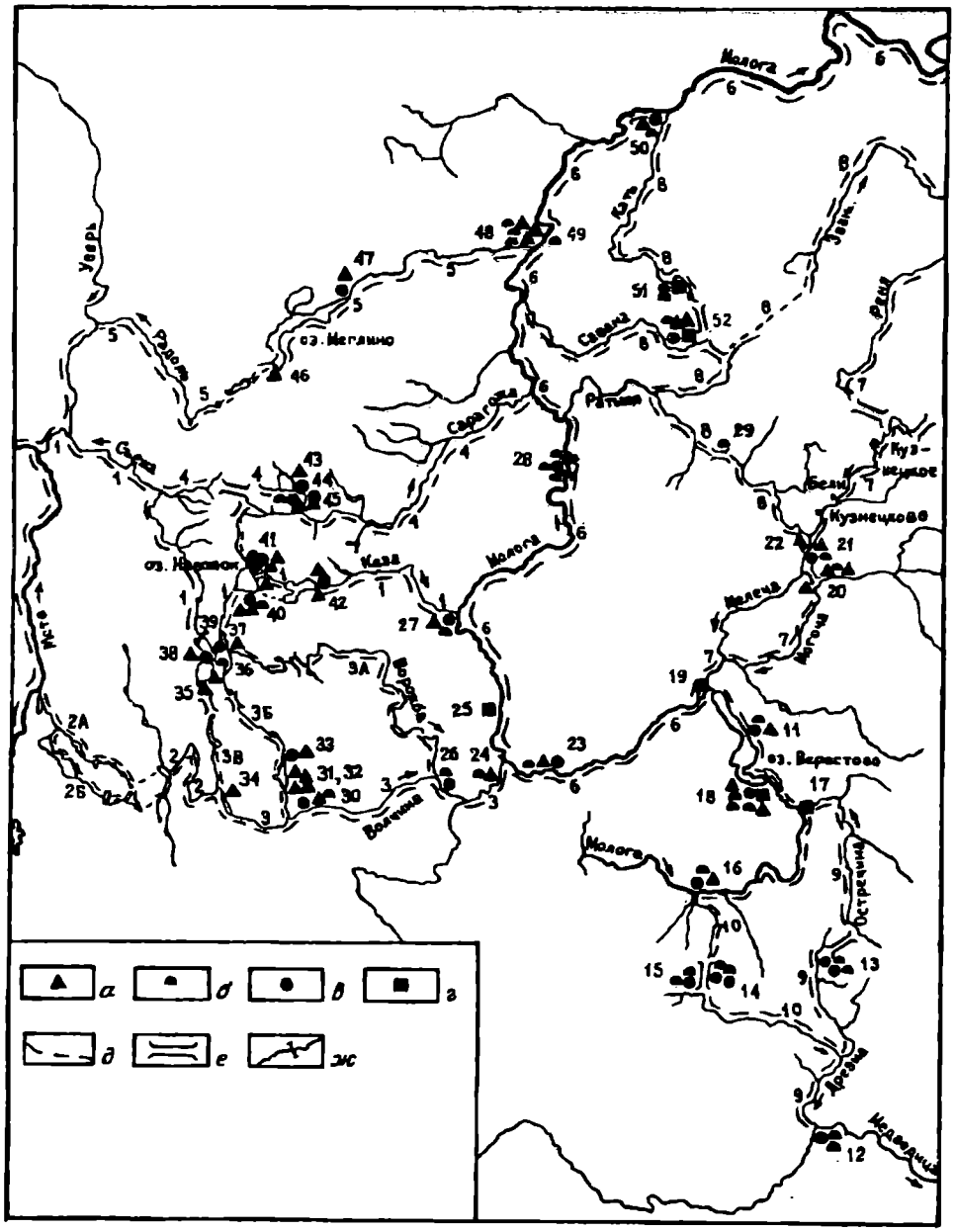


Рисунок. Схема предполагаемых водных путей в восточной части Новгородской земли в раннем средневековье: *а* — сопки; *б* — курганы; *в* — селище; *г* — городище; *д* — водные маршруты; *е* — возможные места волоков; *ж* — пороги, перекаты. *А, Б, В* — варианты маршрутов. *1—10* — нумерация предполагаемых маршрутов; *11* — Узмень; *12* — Выркино; *13* — Новгородское; *14* — Намесково; *15* — Ежево; *16* — Дрюцково; *17* — Бежецк, Городецко; *18* — Бежицы; *19* — Еськи; *20* — Борис-Глеб; *21* — Малая Мотолоша; *22* — Белый; *23* — Рыбинское; *24* — Селищи; *25* — Загородье; *26* — Астафьево; *27* — Усть-Кеза; *28* — Борисовское, Белый Городок; *29* — Пнево; *30* — Воронцово; *31* — Молдино; Треть Молдино; *32* — Шептуново; *33* — Поддубье; *34* — Ватутино; *35* — Мерлугино; *36* — Лубенькино; *37* — Ряд; *38* — Троица; *39* — Стан 1; *40* — Белохово, Бережок; *41* — Курово; *42* — Устье на р. Кеза; *43* — Овсянниково; *44* — Иловец 1, 2, Абаконово; *45* — Дворищи; *46* — Семенкино; *47* — Устье на оз. Меглино; *48* — Пестово; *49* — Вырец; *50* — Куреваниха; *51* — Крестцы; *52* — Городище

Используя методику исследователей при восстановлении отрезков пути «из Варяг в Греки» [18, с. 166—170; 19, с. 79—85; 20, с. 18—24; 21, с. 18—25], можно полагать, что водный путь помимо кладов и находок отдельных монет на поселениях будет также обозначен скоплением археологических памятников в узловых участках маршрутов и волоков (в начальном и конечном пунктах). Существенную помощь в поисках древних путей оказывают материалы топо- и гидронимии, визуальные наблюдения на местности.

Анализ имеющегося археологического, нумизматического, гидрографического материала позволяет предположить в раннем средневековье в исследуемом районе 10 водных маршрутов (рисунок).

Пути из Мсты в Мологу.

1. Мста — р. Съежа — оз. Удомля — р. Тихомандрица — оз. Наволок — 2 км сухопутного участка — оз. Белое — р. Речка — оз. Кезадро — р. Кеза — р. Мологa. При характеристике памятников на оз. Наволок у д. Курово А. Е. Леонтьевым было обращено внимание на их местоположение вблизи водораздела и незначительность расстояния между оз. Белое и Наволок [6, с. 64]. Археологические комплексы IX—X вв. известны здесь при устьях и истоках рек. Находки дирхемов зафиксированы на поселениях Бережок и Курово 2. К северо-востоку от озера Наволок (бассейн Мсты) лежит водораздел в 2 км, местность несколько повышается, и следующее оз. Белое принадлежит Волжскому бассейну. Водораздельный участок удобен для волока: от оз. Белое от оврага близ городища эпохи железа на местности прослеживается небольшая ложбинка. Она заканчивается у поселений на берегу оз. Наволок: Курово 1 (датируется XIV—XVI вв.), Курово 2 (середина — вторая половина I тыс. н. э.), Курово 3 (X—XIII вв.). Когда здесь наблюдается высокий уровень грунтовых вод, водораздельный участок прорезают ручьи, а старичное ответвление того же озера заполняется водой. По предположению Е. В. Бодунова, связь оз. Наволок непосредственно с оз. Кезадро могла осуществляться и по иному, ныне болотистому участку, лежащему между деревнями Курово и Белохово. По Новгородским писцовым книгам Бежецкой пятины [22, стб. 258], где-то в окрестностях оз. Белое находилась д. Волоково. Рассмотренный водный участок активно функционировал вплоть до XVI—XVII вв., когда на протоке из оз. Удомля в Песьво находился крупный Никольский Удомельский погост, а на оз. Удомля — торговые поселения Стан, Ряд. Они известны по писцовым книгам [22, стб. 648—651] и по археологическому материалу [23, 24]. В этот период на оз. Наволок существовало селище Курово 1, а при истоке р. Кезы — селище Устье [15, с. 60, 61; 26].

2. Мста — оз. Тишадро — р. Пуйга — р. Шишевка — далее два ответвления. Вариант А: оз. Шишево — через систему проток в озера Хвошня, Песочное, Сорока, Волошно, Глубокое — водораздел 500 м — оз. Ольшево. Вариант Б: оз. Пудоро — через систему проток в озера Дивино, Волково, Почаево — оз. Ольшево. Затем оз. Ветрино — болотистый водораздел 4—7 км — протоки и озера Табошево, Волчино — р. Волчина — Молога. Похоже, именно этому участку отдавали предпочтение исследователи, обозначавшие торговую магистраль из Мсты в Мологу. Однако на ключевых участках от оз. Тишадро до р. Волчины отсутствуют крупные археологические комплексы конца I — начала II тыс. н. э., что позволяет считать этот путь маловероятным для раннего средневековья. Конкретный участок волока также не ясен.

3. Не следует полностью отказываться от возможного пути по р. Волчине. Предположительно, к р. Волчине шло ответвление от маршрута 1 от оз. Удомля. Маршрут 3 мог иметь три варианта. Вариант А: оз. Удомля — р. Мушинка — оз. Мушино — водораздел — озера в верховьях р. Ворожбы — р. Ворожба — р. Волчина. Вариант Б: оз. Удомля — р. Хомутовка — оз. Соминец — сухопутный участок — р. Гнилуха — оз. Меглыч (Всесвятское) — оз. Молдино — р. Молдинка — р. Волчина. Вариант В: оз. Удомля — протока — оз. Песьво — сухопутный участок — оз. Кубыч — протока р. Кубыча — оз. Рагозно — р. Волчина. Вариант А, через р. Ворожбу, не исследован. Наиболее вероятным представляется вариант Б, так как на оз. Молдино известны комплексы конца I — начала II тыс. н. э. (Поддубье, Шептуново), а вблизи истока р. Молдинки сопочный и курганно-сопочный могильники (Молдино, Треть Молдино). Остатки древних поселений около с. Молдино, видимо, подтоплены современной плотиной на реке. Недалеко от устья р. Молдинки находится комплекс Воронцово (селище, курганно-сопочный и курганные могильники). Древнерусские памятники в южной части варианта В

практически отсутствуют, поэтому для конца I — начала II тыс. н. э. этот участок маловероятен.

4. Мста — р. Съежа — правые притоки р. Съежи — водораздел — оз. Иловец — р. Иловица — оз. Сарагожское (Павловское) — р. Сарагожа — р. Молога. Возможен вариант пути на оз. Иловец от оз. Наволок: маршрут 1 — ручей Черный — водораздел — оз. Иловец. Преимущество пути через оз. Иловец и р. Сарагожу в том, что на Мологу, а затем на Волгу попадали сразу ниже моложских порогов у с. Борисовское. Однако путь на Верхнюю Мологу к Бежицам из-за порогов был, наоборот, менее удобен. Водораздельные участки, предполагаемые волоки этого пути, специально не исследовались. На существование маршрута 4 в конце I тыс. н. э. косвенно указывает находка денежно-вещевого клада и крупных археологических комплексов при истоке р. Иловицы (селища Иловец 1 и 2, курганный могильник, сопки в Овсянниково, селище, сопочные и курганные могильники в Дворищах).

5. Мста — р. Уверь — р. Радоль — оз. Радольское — водораздел — оз. Островно — водораздел — оз. Меглино — р. Меглинка — р. Молога. Небольшие водораздельные участки существенных препятствий не представляли. При высокой воде озера Радольское, Островно и Меглино соединялись протоками [27, с. 59]. На узловых участках известны комплексы конца I — начала II тыс. н. э. (Семенкино, Устье, Пестово). Попав в р. Мологу, можно было двигаться вниз по течению к Волге или вверх — к плодородным районам в окрестностях Бежиц.

6. Р. Молога — Волга. Этот маршрут и его отрезки обозначены почти во всех работах по топографии кладов. Как уже отмечалось, на Мологе в Загородье зафиксирован клад, в могильнике Куреваниха при впадении р. Кать в Мологу найдены подвески скандинавского происхождения, в Бежицах — скандинавские украшения сбруи. Функционирование участка Верхняя — Средняя — Нижняя Молога подтверждается наличием у порогов крупного археологического комплекса Борисовское и поселений на ключевых участках магистрали к верховьям Мологи (Рыбинское, Еськи, Узмень).

7. Верхняя Молога — р. Осень — р. Могоча — водораздел — р. Мелеча — р. Белая — водораздел — р. Реня или р. Кесьма — Нижняя Молога. На возможность такого пути указывают комплексы начала конца I — начала II тыс. н. э. на узловых участках: Еськи, Борис-Глеб, М. Мотолоша, Белый. Вблизи водораздельного участка — предположительное место клада у д. Кузнецкое. Около погребальных памятников в месте сближения рек Могоча и Мелеча находилась пустошь Наволоки [28, с. 433]. Северная часть этого маршрута археологически почти не изучена.

8 (условный). Внутри северной петли р. Мологи. У этого маршрута несколько ответвлений — вариантов. Молога — р. Савана — водораздел — ответвления: на реки Кать, Звану, Ратыню — водораздел — верховья Мелечи. На существование каких-то внутренних магистралей здесь указывает концентрация памятников в верховьях р. Саваны (сопки, курганы, городище у с. Городище), курганные могильники и городище Крестцы, курганный могильник в Пнево. Археологически этот район изучен слабо. Предполагаемые варианты пути требуют специальных проверок.

Маршруты с Мологи на р. Медведицу. 9. Верхняя Молога — р. Остречина — водораздел в окрестностях с. Новгородское — р. Дрезна — р. Медведица. В приустьевых участках известны памятники: на Остречине — это Городецко (древний Бежецк), напротив Дрезны на Медведице — поселения и курганные могильники Выркино [29, с. 68], у водораздела — комплекс памятников у с. Новгородское [30, с. 61].

10. Верховья Мологи у с. Дрюцково — р. Намесковская — водораздел — р. Теблешка — р. Дрезна — р. Медведица. Южный отрезок маршрутов 9 и 10 единый. Путь маркируется крупным селищем, сопочным и курганными могильниками у с. Дрюцково [31, с. 59] в месте выхода на Мологу и у с. Намесково и д. Ежево на водораздельном участке. Судя по керамическому материалу селищ,

а также курганам с обкладкой в основании из валунов (Намесково, Ежево, Новгородское, Михалево), пути с Мологи на Медведицу начинают функционировать с освоением водораздельных участков в первой трети II тыс. н. э.

Таким образом, через рассматриваемый район мог проходить участок Волго-Балтийского пути и магистрали местного значения, связывающие Новгород с плодородными землями Бежецкого Верха и территориями, лежащими во Мстинско-Моложском междуречье, на притоках Мологи, в Моложско-Медведицком междуречье. К Волго-Балтийскому участку можно отнести маршруты [1, 4, 6, 7]. Заслуживает внимания предположения о пути с Нижней Мологи на Верхнюю и обратно, минуя участок северной петли Мологи и пороги у Борисовского. Такое движение с Мологи на Мсту шло бы почти все время по течению рек, что существенно облегчало плавание (Нижняя Молога — реки Реня или Кесьма — предполагаемый волок — р. Белая — р. Мелеча — предполагаемый волок — р. Молога — р. Осень — р. Молога — р. Кеза — озера на водоразделе, волок — р. Съежа — р. Мста).

Участок Волго-Балтийского пути мог действовать, судя по кладам и находкам монет, в IX—X вв. По-видимому, с конца I тыс. функционирует путь из Новгорода в Бежецкий Верх, на узловых участках которого возникают поселения, просуществовавшие здесь до XV—XVI вв. Интересно, что на узловых участках маршрута 1 кроме средневековых известны памятники эпохи раннего железа, что позволяет выдвинуть предположение о возникновении этого отрезка не позднее третьей четверти I тыс. н. э. В XI—XII вв. осваивается путь из Бежецкого Верха на Медведицу.

Следует отметить гипотетичность большинства предложенных вариантов водных маршрутов. Специальные полевые исследования позволят подтвердить или опровергнуть предположения автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
2. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976.
3. *Леонтьев А. Е.* Волго-балтийский торговый путь в IX в.//КСИА. 1986. Вып. 183.
4. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1976.
5. Устав князя Ярослава о порядке надзора за благоустройством новгородских улиц «о мостех», включающих перечень «сотен» Новгородской земли; Приписка к Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича . . .//Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976.
6. *Леонтьев А. Е.* Древнерусские поселения Верхней Мологи//Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
7. *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв.//САИ. 1981. Вып. Е1-60.
8. *Никитин А. В.* Отчет об археологических раскопках поселения и курганной группы у д. Куреваниха Вологодской обл.//Архив ИА. Р-1, № 3342.
9. *Дедюхина В. С.* Фибулы скандинавского типа//Тр. ГИМ. 1976. Вып. 43.
10. *Европеус Д. П.* Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда их нынешних жителей//Тр. II АС. СПб., 1876. Вып. 1, Отд. IV.
11. *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.
12. *Архипов Г. А.* Починковский могильник//Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
13. *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет сасанидских и куфических. СПб., 1910.
14. Протокол 230-го заседания секции нумизматики и глиптики 7 февраля 1925 г.//Архив ЛОИА. Ф. 2. 1925. Оп. 26.
15. О находке серебряных восточных монет близ д. Кузнецкаго Весьегонского уезда Тверской губ.//Архив ЛОИА. Ф. 1. 1899. № 192.
16. *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—X вв.//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. VIII.
17. *Урбан Ю. Н., Ивановская Н. И.* Работа Калининского отряда Верхневолжской экспедиции//АО-1969. М., 1970.
18. *Лебедев Г. С., Булкин В. А., Назаренко В. А.* Древнерусские памятники бассейна р. Каспли и путь из варяг в греки//Вестн. ЛГУ. 1975. Вып. 3.
19. *Буров В. А.* Усвятский волок по археологическим данным//Вестн. МГУ. История. 1975. № 4.
20. *Носов Е. Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тыс. н. э.//КСИА. 1981. Вып. 164.
21. *Носов Е. Н.* Новгород и Новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода)//Новгородский исторический сборник. Л., 1984. № 2 (12).

22. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1910. Т. 6.
23. *Исланова И. В.* Отчет о работах Славянского отряда Калининской экспедиции ИА в Калининской обл.//Архив ИА. Р-1, № 9995.
24. *Исланова И. В.* Отчет о работе Третьего отряда Калининской экспедиции ИА в 1985 г.//Архив ИА. Р-1. № 10846.
25. *Леонтьев А. Е.* Работы Волго-Окской экспедиции//АО-1979. М., 1980.
26. *Исланова И. В.* Отчет о работе отряда Волго-Окской новостроечной экспедиции в Лесном и Удомельском районах Калининской обл.//Архив ИА. Р-1. № 7855.
27. *Афанасьев А. П.* Исторические, географические и топографические аспекты изучения древних водно-волоковых путей//Вопросы географии. Топонимика на службе географии. 1979. Вып. 110.
28. *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь, 1903.
29. *Малыгин П. Д.* Работы на Верхней Волге//АО-1982. М., 1984.
30. *Кольцов Л. В., Бодунов Е. В., Волкова М. В. и др.* Работы Калининской экспедиции//АО-1986. М., 1988.
31. *Исланова И. В.* Работы в верховьях рек Тудовка и Молога//АО-1983. М., 1985.

Институт археологии РАН,
Москва

L. V. ISLANOVA

THE WATER ROUTES IN THE EASTERN PART OF NOVGORODAN REGION DURING THE 9th — 13th CENTURIES

Summary

The subject of the article is the communication system in the eastern pert of Novgorodan region, namely in the country between the Msta and Mologa rivers, which are the parts of Volkhov and Volga basins respectively. The intensive contacts of this territory with Novgorod and the Volga area including Kostroma and Mari regions are prooved by written sources as well as the hoards of Arab coins and imported objects. These facts suggest the location of water routes from Msta to Mologa and then to Volga. Having analysed the density of archaeological sites, numismatic, topo- and hydronimic data in the main parts of the routes, the author presents a reconstruction of ten possible early Mediaeval water routes (Fig. 1). In the territory between Msta and Mologa the mostly documented is the way 1. The suggested part of the Volga-Baltic route could be in use in the 9th-10th centuries. The ways 7 and 6 from the Lower to the Upper Mologa allowed to escape the cataracts near the village of Borisovskoye, moving mainly along the large rivers. The way from Novgorod to Bezhetsky Verkh (the Upper Mologa area) functioned beginning from late 1st millenium A. D. parallel with numerous local ways.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ, И. Л. КЫЗЛАСОВ

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

(конец XIII — начало XV в.)

В 1960 г. одним из авторов этих строк была обоснована датировка памятников енисейской рунической письменности. Имевшиеся тогда материалы позволили определить период бытования этой самобытной системы древнетюркского письма с VII по XIII в. и определенно соотнести его с Древнехакасским государством [1, 2]. Было показано также использование енисейской письменности не только самими древними хакасами, но и раннесредневековым населением Тувы — тюркоязычными чиками [1, с. 97—100]. В дальнейшем положение об официальном и, в силу того, надэтническом статусе этого письма в пределах крупнейшей южносибирской державы было обосновано в работах второго автора настоящей статьи [3; 4, с. 125—128, 155—157, 161—163; 5, с. 34—41; 6; 7].

Ныне появились материалы, позволяющие расценивать письменные памятники домонгольского времени (их твердо датированная серия относится к VIII—XII вв.) в качестве одного из этапов существования енисейской рунической письменности. Кроме этого периода классического енисейского письма был и последующий, более поздний этап его истории. Он относится ко времени монгольского господства в Южной Сибири, а точнее, к концу XIII — началу XV в.

Выделению этого нового этапа развития енисейской рунической письменности и посвящена настоящая статья. Сегодня относящиеся к нему письменные памятники немногочисленны. Это две краткие надписи, одна из которых обнаружена на Среднем (в Хакасии), а другая — на Верхнем Енисее (в Туве). Но им в равной мере присущи лингвистические и палеографические черты, характеризующие новые условия бытования енисейской письменности.

I. Надписи на изваянии «Богатырь»

Первая надпись известна науке 270 лет. 24 января (4 февраля) 1722 г. Ф. И. Таббертом-Страленбергом на левом берегу Енисея в междуречье Ербы и Теси было осмотрено каменное изваяние с вырезанными на спине строками рунической надписи (рис. 1) [8, с. 174; 9. с. 41]. Различные воспроизведения текста (получившего в тюркологии индекс Е 37) публиковались неоднократно (отметим среди них те, что были выполнены по оригиналу [9, табл. 12,*В*; 10, табл. XXX; 11, с. 9, 10, рис. 124; 12, табл. XCV, *б*; 13, рис. 1; 14, рис. 2; 15, с. 67, 106]). Тюркологи не раз издавали его прочтения и комментарии [14, с. 9—12, 16, с. 343, 344; 17, с. 170—172; 18, с. 580—582; 19, с. 66, 67; 20, с. 161, 162]. Однако большинство исследователей, даже знакомых с оригиналом, следовали за эстампажем и прорисовкой В. В. Радлова [12, табл. XCV, *б*] (рис. 1), которые, как выясняется при изучении подлинника, во многом не соответствуют действительности. Из опубликованных воспроизведений памятника наиболее точным оказался рисунок финской экспедиции [11, рис. 124] (ср. [10, табл. XXX]) (рис. 2). Наши предшественники видели в строках, высеченных на изваянии, единый и связный текст — на деле же это несколько самостоятельных и даже разновре-

© Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов, 1994 г.

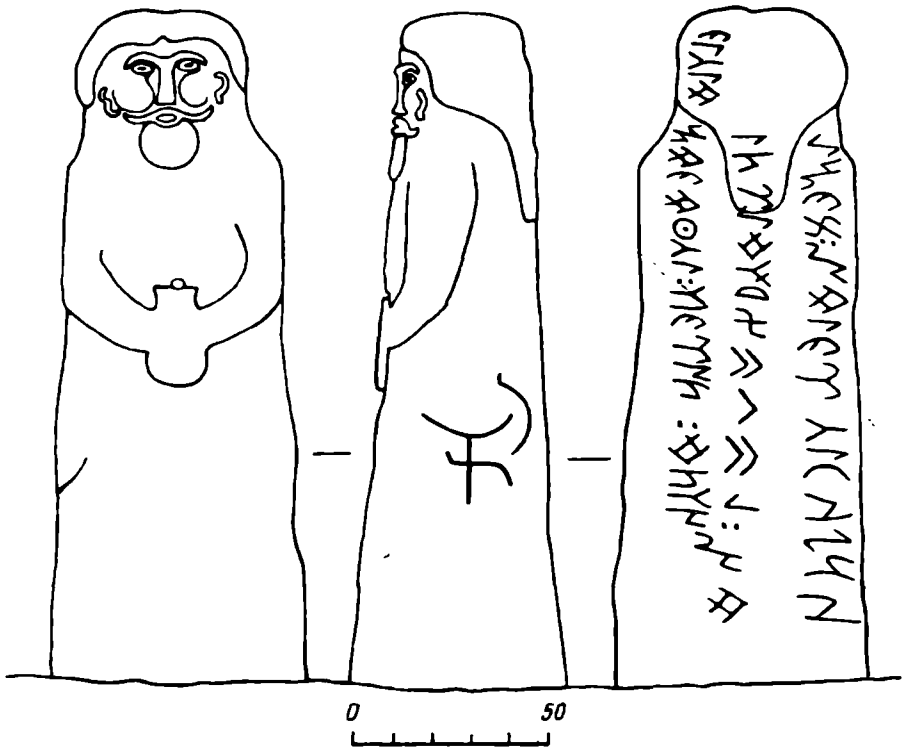


Рис. 1

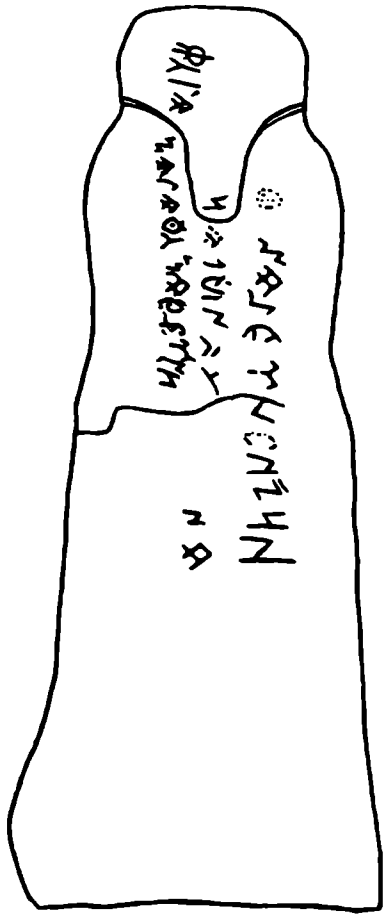


Рис. 2

Рис. 1. Изваяние «Богатырь», Хакасия. Хранится в Минусинском музее (инв. № 12). По рисунку Л. Р. Кызласова и прорисовке руни́ческого текста В. В. Радлова

Рис. 2. Надпись на спине изваяния «Богатырь» по Х. Аппельгрен-Кивало

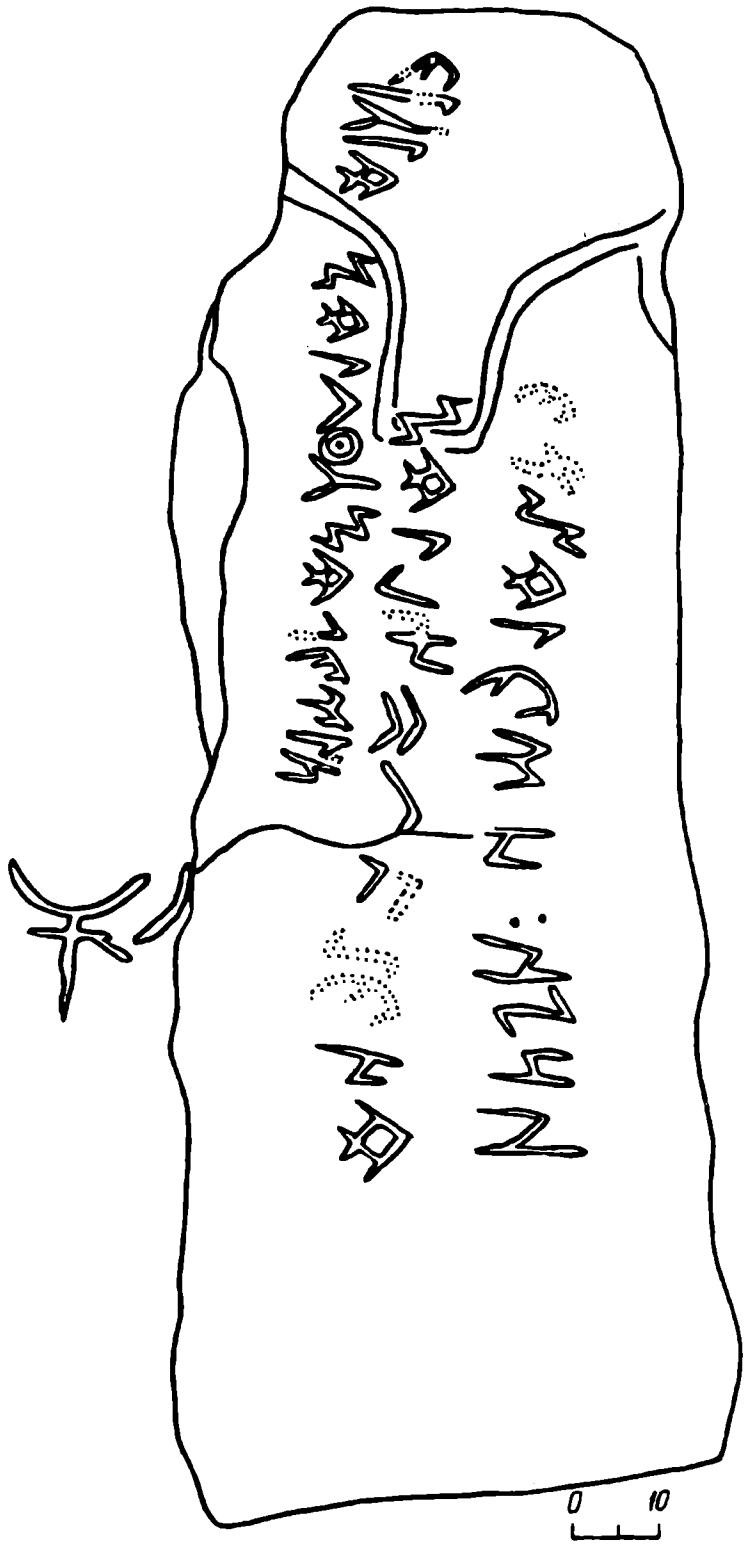


Рис. 3. Руническиe надписи на спине (Е 37/1) и затылке (Е 37/2) изваяния «Богатырь». Прорисовка И. Л. Кызласова

менных надписей. Часть из них, размещенных на спине скульптуры, близки друг к другу по форме и назначению (этот комплекс обозначим как Е 37/1), краткая надпись на затылке каменной бабы (Е 37/2) иного происхождения. Рассмотрим эти тексты последовательно.

Текст на спине скульптуры, изваянной из серого гранита (Е 37/1), труден для восприятия: на одних участках неровной поверхности буквы различаются

ясно, на других они сильно сглажены или полностью разрушены. Возможно, знаки имели различную глубину выбивки. Но уже те места, где буквы опознаются без сомнений, указывают на иное, чем полагали предшественники, назначение этого письменного памятника. Он не является эпитафией. На изваяние (относящееся к типу, появившемуся на Саяно-Алтае после середины VIII в. и существовавшему до X в. [21, с. 80—82, 191, 192]) было нанесено несколько своего рода посетительских надписей, ибо во всех трех строках повторена одна и та же формула: «я — такой-то» (рис. 3).

Первая строка высечена глубоко и составляющие ее 11 знаков определяются надежно: qr^{1}aq : ö(ü)r^{2}gib^{2}n^{2} — q(a)raq örgi b(e)n «Я — Карак Ёрги». Судя по строению фразы, слово qaraq («глаз» [22, с. 425]) употреблено здесь в качестве мужского личного имени. örgi является озвонченным вариантом слова örki («находящийся вверху, занимающий высокое положение», ср.: örüki [22, с. 389, 391]) и может переводиться как «знатный», «высокопоставленный». Оба слова, насколько известно, впервые отмечаются в тексте руницческого письма.

Выше этих знаков следов выбивки нет, но есть очень мелкие борозды, принятые В. В. Радловым за буквы «z» и «g» и послужившие основой для выделения слова (e)zg(ä)nä (ср. [22, с. 192]). В отсутствии этого слова убеждает не только состояние поверхности камня, но и завершенность словесной формулы, выраженной предшествующими 11 знаками.

Вторая строка, сохранившаяся хуже прочих, вероятно, состояла из 12 букв. Она также завершается личным местоимением b(e)n, т. е. содержит мужское имя. Первый различимый слог дает возможность восстановить начальный компонент имени как bö[gä] («герой, силач, богатырь» [22, с. 116]), а уцелевшие элементы букв последующего составляющего имени — как t(a)št(ï)nqï («находящийся снаружи, внешний» [22, с. 541]), написанное не через «n^{1}», а через «n^{2}» (ср., хотя, иной поворот «n^{2}» в слове ben) и которое можно истолковывать как обозначение должности: b^{2}ö[gä]t^{1}(?)(a)št^{1}(ï)n^{2}q(?)ï b^{2}(e)n^{2} «Я — Бёге Таштынкы (Внутренний [чин])».

Третья строка сохранилась довольно хорошо. В ней 13 букв. В отличие от строк 1 и 2 здесь дважды повторено местоимение b(e)n, т. е. следует предполагать обозначение не одного, а двух личных имен. Оба они краткие, вероятно, состоящие из одного слова каждое. Вторая и пятая буквы могут восприниматься по-разному. Вероятно, что в первом случае это знак «i», а не «ü(ö)» (ср. их написание в строках 1 и 2, хотя это, как увидим, не может быть определяющим). Во втором же — скорее знак «p» («n^{2}»?), чем «š» (ср. крупное написание «š» здесь же — буква 10-я — и во второй строке). Учет сказанного, однако, не позволяет предложить убедительного прочтения: tir(i)g («живой»), хотя и является употребимым компонентом древнехакасских мужских имен, обычно стоял в них последним и не был единственным (ср. Е 3, *3*; Е 6,*1* ; Е 44,*7*; Е 53,*1*; Е 55,*3* Е 98,*1*); к тому же пятая буква не может при нормальной орфографии самостоятельно передавать какую-либо часть личного имени. Остается «озвучивать» это имя, исходя из того, что подобное до сих пор не встречалось в письменных памятниках: tirg(i)p(?), tirg(i)n (как вариант слова terkin — «соединенный; собрание, скопление»? [22, с. 554, 562]), или, вопреки палеографическим особенностям, как törg(ä)š ~ turg(i/e)š, tirg(i/e)š.

Чтение второго личного местоимения этой строки не вызывает сомнений: č(a)ŋ šï. Аналогию ему встречаем в памятнике Уйбат II (Е 31,*1*) [19, с. 60]. В целом 13 знаками третьей строки записано: tirg(i/e)š(?türg(i/e)š?)b(e)n č(a)ŋšib(e)n — «Я — Тигреш (?Тюргеш?) (и) я — Чангшы».

Как видим, строки, выбитые на спине изваяния, не составляют единого и связного текста. Эти надписи — отметки четырех различных людей, и нанесены они на камень, очевидно, не за один прием. В пользу последнего предположения свидетельствуют аргументы двух видов. Во-первых, особенности расположения строк показывают, что первая и вторая появились еще на свободной поверхности

камня и, вероятно, нанесены за один раз (они размещаются по ее середине, начинаются на одном уровне, составлены более крупными буквами — высотой по 8—9 и до 13 см), а третья заняла лишь оставшийся от них пустой участок (она протянулась у края, начата на другой высоте, выведена мелкими знаками — по 5—6 и до 7—8 см. Во-вторых, строки различаются по облику примененных в них знаков (ср. дугообразную в стк.1 и угловатую в стк.3 форму «g»; различный разворот «n²» в стк. 1 и 2, 3, хотя последнее расхождение сглаживается предлагаемой трактовкой знака восьмого в стк. 2 как «n²»; иной облик букв «ö/ü» в стк. 1—2 и стк. 3, если в ней так понимать знак второй). Несхожи и приемы орфографии: в стк. 1 использована словоразделительная отметка (знак пятый), отсутствующая в стк. 3 (проследить эту черту для стк.2 невозможно, поскольку она испорчена).

Все данные, пожалуй, указывают, что письменный памятник Е 37/1 сложился в два этапа. Графическое отличие первых двух строк сводится лишь к развороту знаков «n²» в словах bеn, что, как говорилось, снимается, если принять чтение taštïn²qï. Кроме того, подобные случаи двоякого воспроизведения буквы «n²» в текстах, выполненных одной рукой, известны среди енисейских надписей (Е 51,*1,4*; Е 45,*10*; Е 43,*2,3,4*; Е 42,*4,5,7* и др.). Строки 1 и 2 отличает композиционное единство, общность смысловой формулы, однотипность построения личных имен и отраженный в них равный социальный уровень их чиновных владельцев. При всей схожести словесной схемы третью строку памятника, помимо прочего, отличает от первых двух и простота нетитулованных имен, и их размещение в одну линию.

Итак, по-видимому, на спине изваяния сохранились две самостоятельные надписи: одна состоит из стк. 1 и 2 (Е 37/1 — *1*, *2*), другая — из стк. 3 (Е 37/1—*3*). Вероятно, эти независимые друг от друга письменные памятники связывает лишь единство некоего неведомого нам обряда, заставлявшего участников отмечаться на камне. Судя по надписям, обряд вершили мужчины и делали это по двое. Отметим, что парность имен в надписях исключает объяснение их как эпитафий, а сути обычая — как стремления приписать изваяние кому-либо из определенных умерших. Хотя формула «я — Имярек» обычна для енисейских эпитафий, каждая из них всегда была посвящена лишь одному человеку. Участие в данном обряде отмечалось не только созданием краткой надписи, но и высеканием личного тамгового знака, заменявшим называние имени. Пятый человек зафиксировал свое пребывание именно высеканием на боку скульптуры своего герба (рис. 1, 3). По облику тамга принадлежит к середине X в. [2, с. 44, рис. 1, *14*]. Судя по размещению, она как будто следует за стк. 3 надписи и этим определяет верхнюю границу даты текста. Но с другой стороны, по известным материалам, сам обычай заменять личный герб полным написанием своего имени отмечается ближе к рубежу X и XI вв. [1, с. 114, 117]. Следует учесть, что, по данным А. В. Адрианова, вывозившего изваяние в музей в 1896 г. и обследовавшего место его первоначального нахождения в 1904 г., со скульптурой была связана еще одна тамга того же рода, выбитая на отдельной плитке. Этот знак, входящий в I группу древнехакасских тамг, датируется началом X в. [2, рис. 1, *13*]. Следовательно, обычай, требовавший от участников оставлять свои отметки в виде надписей или тамговых знаков, был связан с этим изваянием по крайней мере на протяжении двух поколений.

Особое назначение письменного памятника Е 37, не имеющего ныне подобия среди енисейских надписей на стелах и менгирах, открывает еще одну грань многообразного применения письма в Древнехакасском государстве. Однако сам факт поэтапного сложения этого письменного памятника путем нанесения на изваяние нескольких самостоятельных надписей и дополнительного тамгового знака имеет весьма важное значение для понимания еще одной серьезной особенности данного монумента. Имеем в виду до сих пор не рассмотренные здесь пять рунических знаков, выбитых на затылке скульптуры (Е 37/2) (рис. 1—3). Некоторые из этих букв повреждены (рис. 4, 5), но облик их ясен, и

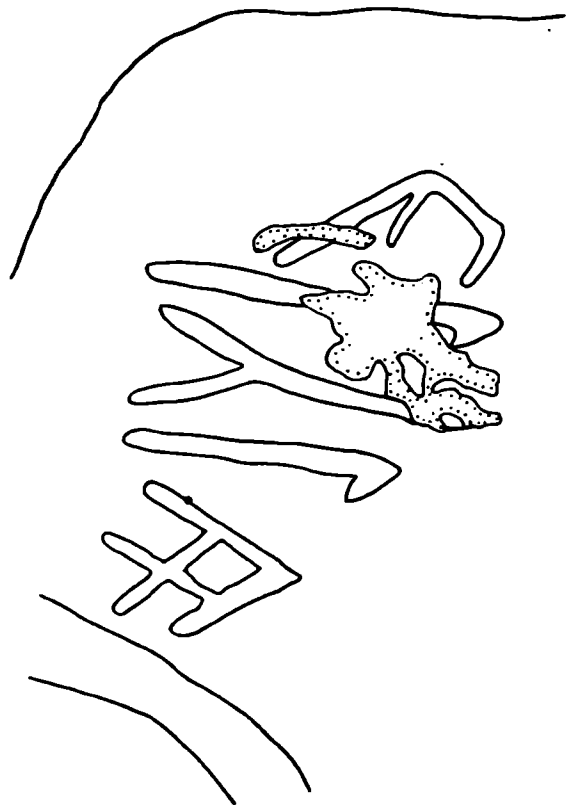


Рис. 4. Надпись E 37/2, нанесенная на затылок изваяния «Богатырь» в монгольское время. Прорисовка авторов

текст, в котором обозначены все гласные звуки, читается вполне определенно: b²ičig — «надпись». Это единственное слово также составляет отдельную, самостоятельную краткую надпись. В этом убеждает пять обстоятельств.

Во-первых, в стк. 1—3 содержится общая, завершенная в смысловом отношении формула, не имеющая связи с рассматриваемым словом. Во-вторых, надпись E 37/2 расположена на участке, остававшемся свободным после размещения стк. 1—3. Она только на первый взгляд является продолжением стк. 3, ибо буквы в трех строках соразмерны и выстроены по одной прямой, а здесь их высота нарастает справа налево, а основания и вершины не составляют горизонтальных линий. В третьих, наши знаки выполнены иной рукой, их облик отличен от букв стк. 1—3. Хотя форма «g» подобна знаку стк. 3 (но не стк. 1), вид буквы «i» (знаки второй и четвертый) совершенно иной — у нее очень короткий отводок, в то время как в стк. 1—3 он длинный; по-другому (с несимметричной вилкой) выведена и буква «č». В-четвертых, стк. 1—3 соответствуют обычному классическому руническому правописанию: в них применен прием неполного обозначения на письме гласных звуков. В последнем же слове узкие негубные гласные обозначены во всех случаях — нанесший его резчик подчинялся совершенно иным правилам письма.

И наконец, фонетический облик интересующего нас слова совершенно необычен и даже уникален для тюркоязычных рунических текстов. Следуя за известными нормами письменной речи раннесредневековых тюркоязычных народов, так называемым «руническим койне», тюркологии, начиная от академика В. В. Радлова, транскрибировали это слово как bitig, полагая необходимым исправлять «ошибку» писца. Между тем во всех без исключения воспроизведениях, выполненных с натуры, третий рунический знак является несомненной буквой «č» (рис. 1—5), и, следовательно, все слово, без сомнения, должно читаться как bičig (такое чтение приводилось однажды [14, с. 12], но осталось без анализа (ср. [23,

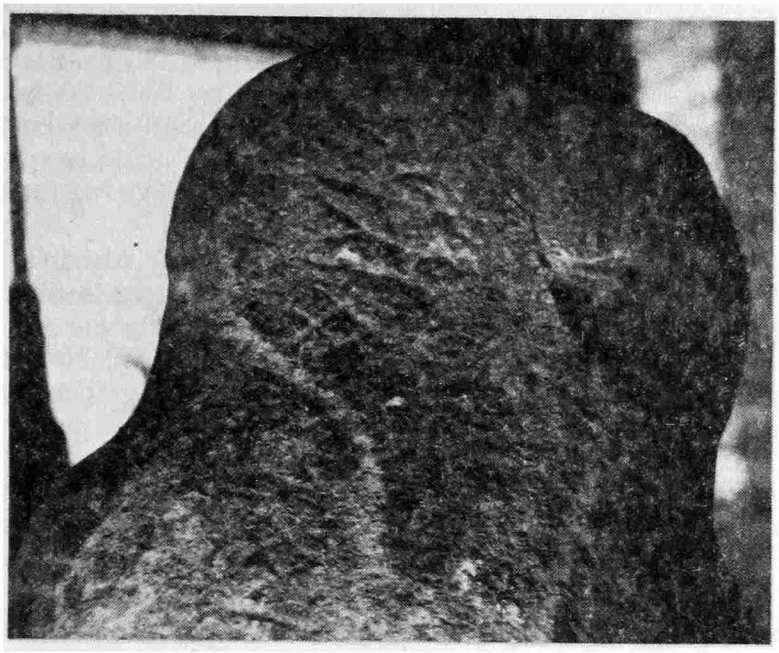


Рис. 5. Надпись Е 37/2. Фотоснимок

№ 218]). Изучая подлинник, ныне хранящийся в Минусинском краеведческом музее (собрание изваяний, № 12), мы еще в 1976 г. [24, с. 61] обратили внимание специалистов на это обстоятельство, в результате чего правильная транслитерация слова была помещена в сводное издание надписей долины Енисея [15, с. 28].

Показанные черты явного своеобразия пяти верхних рун памятника Е 37 — композиционного, содержательного, палеографического, орфографического и фонетического характера — убеждают в одном: перед нами самостоятельная приписка, нанесенная на стоящий в степи камень позднее других его рунических текстов (Е 37/1) и прямо не связанная с ними по содержанию. Вероятно, она имела своего рода пояснительное значение: «(вот —) надпись», указывая на три строки более ранних текстов. Историко-культурное значение этой краткой надписи очень велико.

II. Монголизм в рунической записи

Указывая в 1976 г. на то, что употребление «č» в середине этого слова совершенно несомненно и, следовательно, не приходится говорить о некой ошибке писавшего, как и «исправлять» начертанное при прочтении (озвучивая слово как bitig), мы высказали предположение, что надпись отразила «хронологические особенности» лексики [24, с. 61]. Ныне следует обосновать это положение.

Bičig — слово монгольское. Обозначая «письмо, надпись» и тому подобные близкие понятия, оно было заимствовано древними монголами из тюркских языков. Древнетюркская форма bitig (неоднократно отмеченная в рунических памятниках) приобрела в монгольской речи несколько иной звуковой облик, характерный для новой языковой среды, в которой слог -ti- закономерно развивается в -či- [25, с. 173, 405; 26, с. 188; 27, с. 156—158; 28, с. 5, 6]. Очевидно, что этот тюркизм вошел в монгольский язык в начале XIII в. через посредство уйгурских писцов, трудившихся сначала в канцеляриях кереитского и найманского государств, а после их покорения Чингизханом привлекавшихся и к официальному делопроизводству его державы. Известно, что с 1204 г. из-за необходимости обучения детей Чингизхана и ведения государственных дел уйгурские грамотеи

приступили к созданию первого монгольского (вертикального) письма на основе уйгурского алфавита [29, с. 52, 125—128]. Уже в записках китайских дипломатов, ездивших к монголам в 1233—1236 гг. при великом хане Угэдэе (1229—1241 гг.), указано, что управителей делами государства монголы называют «бичэчэ» и «бичэчэ на китайском языке называют линши», т. е. «писари» [30, с. 137, 141, 142, прим. 33, 34, 108]. Отмеченное источником слово полностью совпадает с современным монгольским bičeči — «писарь».

В документах, написанных на созданной по приказу императора Хубилая в 1269 г. квадратной монгольской письменности, уже употреблялась форма bičig — «письмо» и глагольная основа bičі- — «писать». Интересующее нас слово, например, встречается в Эдикте Мангала 1276 г. [26, с. 48, 59, 104, 147].

Роль заимствования уйгурского письма в становлении старомонгольской письменности общеизвестна. Очевидно также близкое знакомство раннесредневековых монголов с тибетским, китайским, тангутским и многими другими письменными системами Востока. Однако ныне нет никаких надежных свидетельств о применении ими древнетюркской рунической письменности в целом и енисейского ее варианта в частности. Следовательно, начертанное характерными енисейскими рунами (см. облик первого знака «b^2» — рис, 4, 5) изучаемое слово bičig является свидетельством обратного направления заимствования: проникновения монголизма bičig в среду тюркоязычного населения Южной Сибири.

В языках всех современных тюркоязычных народов Саяно-Алтайского нагорья слово «надпись, письмо» и тому подобные понятия выражаются различными фонетическими вариантами, производными от монгольского bičig: бичик — в алтайском, пӀчӀк — в хакасском, мӀчӀк — в шорском и сагайском, бижиг — в тувинском и т. п. Эти слова входят в весьма значительный пласт заимствованной сибирскими тюрками монгольской лексики [28], воспринятой в результате длительного и тесного взаимодействия населения с монголоязычными народами, осуществлявшегося после завоевательных войн XIII в. вплоть до начала XVIII в., а для южных алтайцев и тувинцев — и позднее.

При учете политической истории Южной Сибири совершенно очевидно, что начертанная енисейскими рунами пояснительная приписка к Е 37/1 bičig — «надпись» не могла появиться ранее монгольского периода. Понятно также, что средневековый хакасский грамотей — носитель енисейского руническое письма — не мог вырезать свое столь значимое для нас пояснение к древней надписи до того, как монголизм bičig вошел в письменную речь местного общества. Маловероятно, что этот процесс мог произойти в начале XIII в., полном военными событиями и стремлением древних хакасов сберечь свою государственность. Скорее перед нами пример профессиональной лексики, употребимой в делопроизводстве канцелярий Юаньской эпохи. Так или иначе, здесь следует особо отметить, что разбираемые пять знаков Е 37/2 являются первым несомненным свидетельством употребления енисейской рунической письменности в монгольское время.

III. Надпись на скале Хая-Бажи

Вторая надпись, выполненная поздним енисейским руническим письмом, известна с 1882 г. по копии И. С. Боголюбского, изданной в 1885 г. Н. М. Ядринцевым [31, с. 457, рис. 1,*б*], и материалам экспедиции И. Р. Аспелина [10, с. 7, 11, 14, табл. XVII]. Вырезанная на скале Хая-Бажи (правый берег р. Хемчик, Тува), она издавалась исследователями как седьмая строка памятника Е 24. Всюду, кроме финского атласа, надпись была воспроизведена неточно и поэтому неверно истолковывалась [16, с. 325—327; 17, с. 89—91; 19, с. 44].

Исследование надписей на скале Хая-Бажи (Бижиктиг-Хая), произведенное нами в 1982 г., показало, что по расположению на плоскости эта строка является 10-м наскальным текстом (Е 24/10) и сохранилась полностью. Она состоит из 15 знаков высотой от 1,3 до 4,5 см (чаще 3 см). Буквы прочерчены тонким

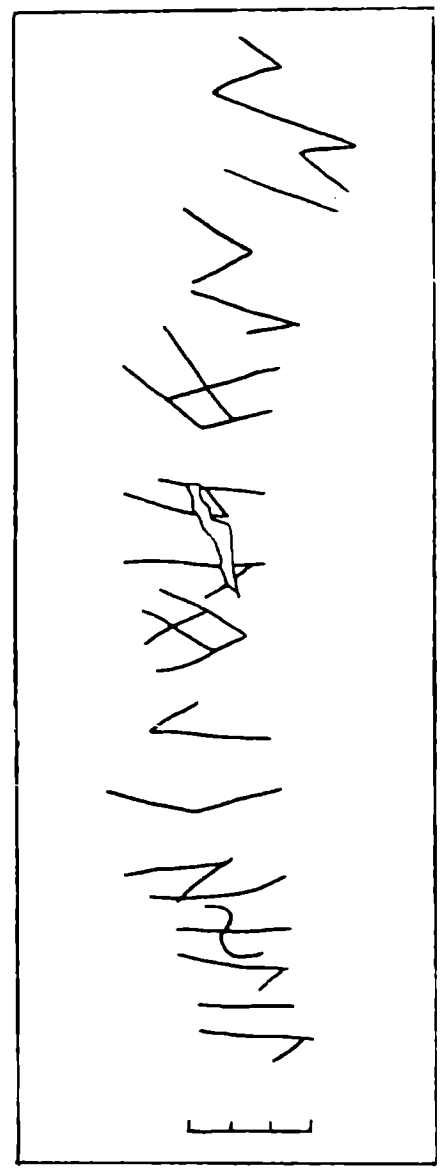


Рис. 6. Десятая надпись (Е 24/10) на скале Хая-Бажи (Бижиктиг-Хая, Тува). Прорисовка авторов

резцом и образуют вертикальную не вполне ровную строку длиною 26 см (рис. 6, 7). Знаки ясны, определяются без сомнений [1].

Транслитерация: is²i(ï)zqu(o)l¹b²it²miš s²n².

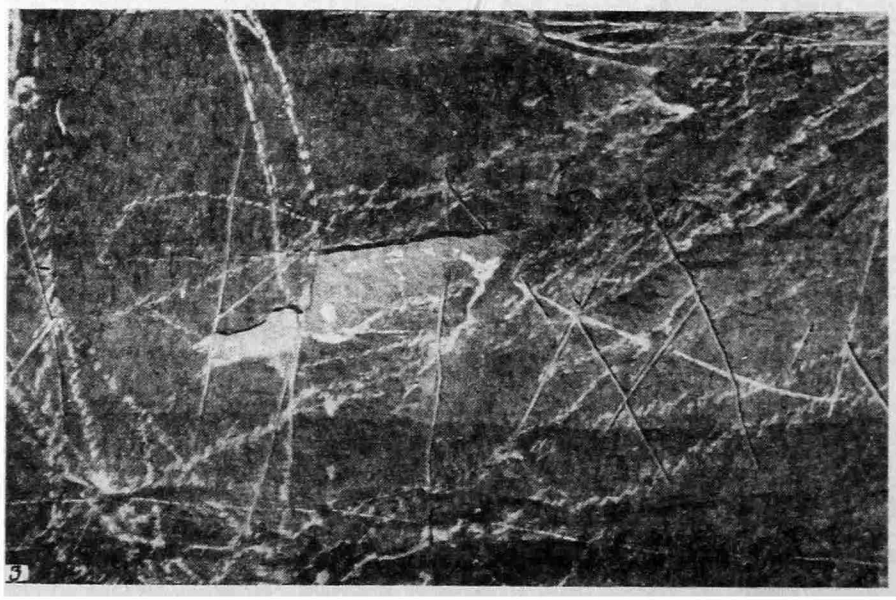
Транскрипция: isiz qul bitmiš (e)s(ä)n.

Перевод: Поскольку недостойный раб (божий) написал (здесь) — (он стал) здоров. Или: Утверждают, что недостойный раб (божий) написал (здесь) (и стал) здоров.

Разбор: 1—4. Первое слово есть фонетический вариант более обычного в средневековых тюркоязычных текстах esiz — «скверный, злой». Насколько известно, в енисейских рунических надписях оно встречается впервые и, кроме одной орхонской рукописи, до сих пор было отмечено в тюркоязычных памятниках XI в. и позднее [22, с. 183, 184, 214]. Фонетическому облику слова в этом тексте можно указать многие подобия в древнехакасских надписях, в том числе и на самой скале Хая-Бажи (так называемый «i»-диалект).

5—7. Слово qul в значении «раб» употребляется в Е 32,*1* и Е 44,*1* [19, с. 61, 62, 80].

[1] Авторы благодарны Э. Р. Тенишеву за обсуждение первоначальной версии прочтения этой надписи.



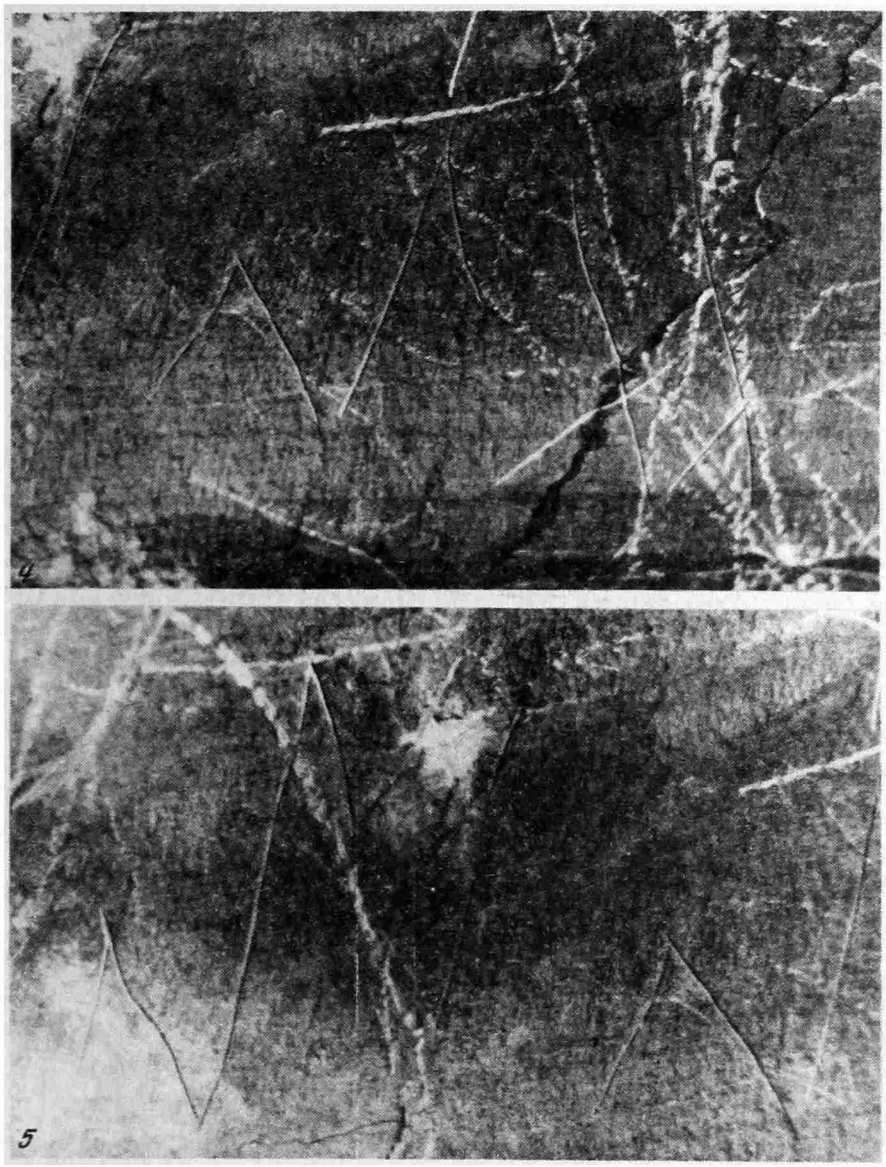


Рис. 7. Десятая надпись (E 24/10) на скале Хая-Бажи. Фотоснимки (увеличено): *1* — isizq ... , *2* — ... qul^{1}b^{2} ... , *3* — ... b^{2}it^{2} ... , *4* — ... miš^{2} ... , *5* — ... iš^{2}n^{2}

8—13. При учете весьма характерной орфографической особенности надписи — полном обозначении в ней узкого негубного гласного «i» (знаки 1, 3, 9, 12) — можно полагать, что здесь фиксируется применение не глагольной основы biti-, столь обычной для раннесредневековых тюркоязычных текстов, а формы bit-. Она не вошла в «Древнетюркский словарь», ибо, по словам Э. В. Севортяна, отмечена «значительно позднее, во всяком случае, едва ли ранее XII—XIII вв.» Известная узбекскому и уйгурскому языкам, эта глагольная основа встречается и в восточнотуркестанских памятниках, прежде всего в выполненных чагадайским письмом [27, с. 155, 156].

Многозначность формы на -mïš/-miš породила несколько определений ее основного смысла, имеющихся в лингвистической литературе [32, с. 188, 189, § 339; 33, с. 92—94; 34, с. 414—419]. В разбираемой фразе она не имеет именного характера и не выступает в роли конечного глагола. Полагаем, что в надписи с помощью данной формы выражено «действие, совершавшееся в неопределенном прошлом, как факт настоящего, как результат, как состояние» [33, с. 94] (ср. мнение П. М. Мелиоранского [35, с. 86; 32, с. 188, 189]). Такое понимание и служит основанием для дополнения перевода надписи словом «по-

скольку». Избранное значение формы на -mïš/-miš не исключает отмечающегося исследователями характерного для нее смысла неочевидности происшедшего, когда «говорящий не был свидетелем совершения действия ... знает и судит о нем со слов другого лица» [32, с. 188]. Перевод анализируемой надписи может быть и таким: «Утверждают, что недостойный раб (божий) написал (на этой скале) (и после этого) (стал) здоровым».

14—15. Слово esän «здоровый, невредимый» [22, с. 183], по чтению С. Е. Малова, в таком же, как здесь, написании двумя руническими знаками встреченного в E 38,*4* [19, с. 67, 68]. В качестве личного имени оно зафиксировано енисейским по письму граффито на стенной штукатурке в Яр-Хото (Турфан) [36, с. 81], которое мы предлагаем читать как es(ä)n b(i)tid(i)m — «Я, Эсен, написал».

Предлагаемое прочтение надписи E 24/10 предполагает опускание на письме конечного глагола (ожидалось бы boltï — «стал»). Формально существующие возможности видеть здесь конструкцию bitmišs(e)n — последнее сказуемое с личным показателем — не кажутся предпочтительными по двум обстоятельствам. Во-первых, в таких случаях, как наша надпись, форма на -mïš/-miš используется в рунических памятниках лишь в 3-м лице ед. числа (при единственном известном исключении в E 11,*1*: alïnmïšï m — «я был взят») [32, с. 189]. Правда, данное противоречие, возможно, снимается предлагаемой поздней датировкой этой надписи — в памятниках уйгурского письма XII—XIV вв. и в тюркоязычных текстах последующего времени, как и в современной живой речи, прежде всего народов так называемой огузской группы, личное спряжение форм на -mïš/-miš известно [22, с. 658; 34, с. 414, 415]. Однако, во-вторых, и это, вероятно, главное, в наскальных надписях такого рода не известны случаи, когда повествование ведется от 2-го лица ед. числа. Обычно употребление 1-го лица ед. числа (ср. енисейскую, судя по облику знаков «b²» и «m», и древнехакасскую, судя по сопровождающей тамге середины IX в., надпись из Гурвалжин-ула (Монголия): t(ä)ŋri qulï bit(i)d(i)m — «Я, раб божий, написал» [37, с. 155]; или ...q(a)jaqa b(i)t(i)d(i)m... — «на скале я написал» (E 138) [38, с. 86, 87], или ...jiq(i)n s(a)ŋun b(i)t(i)d(i)m — «...я, Йигин Сангун, написал...» — в одной из строк на Хая-Бажи и однажды — 3-го лица ед. числа (...K²ul(u)n b(i)t(i)di — «... написал Кулун» [39, с. 280—286]). Этой же закономерности подчинены и глаголы, не имеющие значения «писать». Среди них, правда, нередко употребление и 2-го лица ед. и мн. числа, но, поскольку это мольбы и заклинания, в форме повелительного наклонения (ср., например, [40]).

В подтверждение предлагаемого чтения анализируемой надписи можно заметить, что наскальные надписи довольно часто лишены последнего сказуемого, нередко имеют вид назывного предложения (E 114, E 138 [38, С. 86, 87; 40], из Ховд-сомона Монголии [41] и др.).

Содержание надписи E 24/10 полностью согласуется со смыслом других древнехакасских граффити на скале Хая-Бажи, указывающих на былое поклонение этому природному объекту. Судя по енисейским надписям, подобное обожествление распространялось и на гору Тепсей, стоящую у впадения в Енисей р. Тубы. Как и у Хая-Бажи, там в раннем средневековье действовала переправа [40].

Палеографические особенности изучаемой надписи принадлежат енисейской письменности. Таков облик 8-го («b²») и 13-го («š») знаков, менее показательны, но вполне очевидны формы 11-й («m») и 15-й («n²») букв. Вместе с тем в этом памятнике отразились черты речи, не свойственные известным руническим текстам классического этапа (с VIII по XII—XIII вв.). Уже указывалось, что глагольная основа bit- характерна для тюркоязычных текстов монгольского и последующего времени. Это хронологически позднее языковое явление должно рассматриваться в связи с орфографией надписи. Здесь мы вновь встречаем совершенно нехарактерную для енисейских надписей классического этапа норму полного обозначения гласных, уже знакомую по краткой надписи E 37/2, зафиксировавшей явный монголизм bičig.

IV. Руническое письмо в монгольское время: исторические условия существования

Таким образом, показанные лексико-фонетические и орфографические особенности двух кратких енисейских надписей Е 37/2 и Е 24/10 хорошо соотносятся друг с другом и с несомненностью свидетельствуют о продолжении применения в Южной Сибири этой рунической письменности позднее XIII в., в период пребывания Саяно-Алтайского нагорья во владениях монгольской империи. Установив этот факт, следует понять породившие его исторические условия.

Прежде всего необходимо принять во внимание то обстоятельство, что использование в любом обществе определенной системы письменности имеет не только культурное, идеологическое, но и издревле осознаваемое политическое значение [5, с. 3, 32—41]. Отсюда следует, что сохранение в монгольское время енисейской рунической письменности — былого официального письма Древнехакасской державы — могло быть лишь следствием реальной попытки возродить на Енисее утраченную государственную самостоятельность. По всей видимости, на политическую осознанность этого акта, противостоящего распространению государственной вертикальной или квадратной монгольской письменности, указывает факт сохранения в поздних рунических надписях характерных черт ранней, классической енисейской палеографии. Обнаружение енисейских надписей монгольского времени и в Хакасии, и в Туве позволяет соотнести их с попыткой воссоздания древней местной государственности на всей территории Саянского нагорья.

Согласно письменным источникам, в 1273 г. в бассейне и Среднего, и Верхнего Енисея произошло победоносное восстание, в результате которого власть монгольских феодалов была низвергнута. В течение 20 лет — вплоть до 1293 г. — к северу и к югу от Западных Саян вновь осуществлялось правление древнехакасских князей [42, с. 95—97]. Этот заключительный период самостоятельного существования древнего государства тюркоязычного населения Южной Сибири явился временем его духовного возрождения. Судя по археологическим данным, в это время произошел и определенный экономический подъем, местная культура и производство продолжали сохранять прежние традиции самобытного развития [43, с. 65, 67, 68]. По-видимому, именно тогда и был осуществлен возврат к енисейской государственной письменности.

В условиях предыдущего монгольского владычества, к 1273 г. длившегося более полувека, в языке саяно-алтайских тюрков вполне могли уже произойти определенные, прежде всего лексические и фонетические, изменения. Быть может, именно они нашли отражение в надписи Е 37/2. Наиболее вероятно, что в письменной речи, теснее связанной с различными формами государственной жизни, требовавшей от писцов-профессионалов двуязычия, монголизмы всякого рода (прежде всего канцеляризмы официального делопроизводства) появились ранее, чем в разговорном языке общества. В юаньскую эпоху, по-видимому, в целом происходят заметные сдвиги в языке средневековых хакасов. Так, под 1293 г. источники впервые упоминают не известный с танского времени этнонии «хаFас/хакас», а производную от него в результате слоговой метатезы форму «хасха» [42, с. 62]. В этот же период отмечается и ранее не свойственный для языка процесс стяжения гласных при выпадении согласного в интервокальной позиции (этноним «хаас», например, возник как результат подобного видоизменения того же имени «хаFас/хакас» и, оснастившись монгольским показателем множественного числа, приобрел вид «хаазут») [44]. Оба отмечаемых языковых явления (как и обе новые формы этнонимов) присущи современной хакасской речи, формирование основ которой, очевидно, следует связывать с монгольским временем.

Если соотнесение лексических особенностей Е 37/2 с событиями 1273—1293 гг. кажется вполне допустимым, то для того, чтобы убедиться в возможности формирования лексического своеобразия Е 24/10 именно в эти годы, прямых

данных нет, хотя очевидно, что и они проявляются в монгольское время. Предполагая, что XIII в. является нижней датой выявляемого ныне позднего периода существования рунического письма в Южной Сибири, мы вместе с тем не можем считать юаньскую эпоху верхним пределом бытования енисейской письменности. Ряд важных прямых и косвенных свидетельств письменных и устных источников позволяет заключить, что остатки древнехакасской государственности в виде сохранения династической традиции, системы управления, прежней титулатуры уцелели в бассейне Среднего Енисея по крайней мере вплоть до полного его присоединения к Российскому государству в начале XVIII в. [45]. К этому времени относятся и последние упоминания о некой самобытной письменности [45, 46]. Тогда, пожалуй, произошло и последнее политическое разъединение Хакасии и Тувы.

V. «Книжная» природа новой орфографии рунических надписей

Отмеченные политические условия последней четверти XIII в. были вполне пригодными для того, чтобы вернуть в сферу официального обращения енисейское руническое письмо. Но указания на них для объяснения произошедших изменений в нормах правописания, отмечаемых в обеих надписях XIII—XV вв., было бы явно недостаточно. Полное палеографическое и орфографическое единство двух изучаемых рунических памятников, разделенных восемью хребтами западносаянских гор и расстоянием в 400 км, указывает на то, что как облик употребленных в них письменных знаков, так и манера полного обозначения на письме гласных звуков в обоих случаях не является лишь результатом личного опыта каждого резчика. При учете абсолютно иных норм правописания, демонстрируемых двумя сотнями эпиграфических памятников классического периода енисейского письма, становится очевидно, что надписи Е 37/2 и Е 24/10 характеризуют новую единую систему орфографии, служащую признаком самостоятельного позднего этапа существования енисейской рунической письменности.

Традиция закономерного опускания при письме находящихся в определенных позициях гласных, столь характерная для всех азиатских рунических письменностей домонгольского времени, восходит еще к древней семитической основе местных письменностей Средней и Центральной Азии раннего и развитого средневековья. Сохранена она и в уйгурском письме, передана от него старомонгольской вертикальной письменности [47, с. 18, 46, 49]. В юаньском квадратном письме гласные буквы не считались самостоятельными и в начале слова следовали за дополнительными знаками, не имевшими звукового значения. Гласный «а» после согласных вообще не обозначался [47, с. 28, 29]. Приходится заключить, что возможное влияние официальных письменных систем монгольского государства в XIII—XIV вв. не могло привести к введению в позднем руническом письме отмечаемых новых орфографических норм. Вместе с тем очевидно и то, что их появление не вызывалось внутренними потребностями развития письменной тюркской речи на рунической основе.

Кардинальное отличие рунических алфавитов Азии от одновременных им письменностей состоит в том, что только их построение отвечало фонетическим особенностям тюркских языков (прежде всего закону гармонии гласных). Избранная система двойных обозначений согласных, не только полностью соответствовавшая, но и талантливо усовершенствовавшая принцип неполного написания гласных в отношении тюркской речи, была, как мы видим (рис. 4—7), сохранена на позднем этапе существования енисейского письма без изменений.

Последовательное алфавитное письмо с обозначением всех звуков слов было издавна характерно для средиземноморской античной традиции. Там, где она встречалась с письменами финикийско-арамейского корня, нередко отмечается

ее влияние на последние, выражавшееся в полной вокализации письма. Например, попытка обозначения на письме всех гласных (прежде всего заметная по передаче краткого «а» в середине слова), предпринятая в согдийской в отличие от остальных среднеиранских письменностей, расценивается специалистами как влияние греко-бактрийской орфографии. Весьма показательно, что, хотя в собственно согдийской письменности строгий алфавитный уровень орфографии так и не был достигнут, он оказался присущ согдийско-манихейским и согдийско-христианским текстам [48, с. 279, 280, 291, 570, прим. 5, 6; 49, с. 13, 14].

Наиболее вероятно, что человек, разработавший новые нормы позднего рунического правописания, сделал это на базе подобной письменной традиции западного корня. Основой для него послужила орфография письменного языка, не знающего закона гармонии гласных и осуществляющего принцип вокализованного письма. По-видимому, это был средневековый хакас, получивший образование в манихейской общине. В пользу сказанного свидетельствуют три существенных обстоятельства.

Во-первых, следует отметить, что именно для тюркоязычной манихейской среды VIII—X вв. известно употребление наряду с собственно манихейским и уйгурским также и рунического письма [50, с. 170, 171]. В Восточном Туркестане это явление приобрело достаточно широкое распространение, о чем свидетельствуют не только найденные там рунические религиозные рукописи, написанные по-тюркски, но и духовные тексты на среднеперсидском языке, выведенные рунами, а также фрагмент учебной рунической азбуки, звуковые значения букв которой переданы манихейским письмом [51].

Во-вторых, именно манихейские рунические рукописи (и некоторые светские тексты, происходящие из тех же местонахождений и тоже выполненные младшим орхонским письмом) демонстрируют ранние примеры несоблюдения классического рунического правописания. Характер таких отклонений совершенно очевиден: на письме обозначаются все гласные, кроме широких негубных «а» и «ä» («е») (ср. подобные особенности орфографии E 24/10). Можно указать тексты, состоящие из трех десятков строк, в которых знак для узкого негубного «ï» пропущен лишь однажды [52, с. 302, стк. 15] (ср. [53, с. 216, стк. 5, 6]). Привнесение такой орфографии из норм манихейского письма не вызовет сомнений, если учесть, что совершенно так же написаны рунами среднеперсидские по языку рукописи [51, с. 1052—1055] (единственный пропуск «i» см. [51, с. 1053, стк. 11]). Отличие лишь в том, что в них часто обозначались и широкие гласные.

Правда, тюрки-манихейцы VIII—X вв., пользуясь руническим письмом, не всегда бывали последовательны в соблюдении этих правил. Им мешали знания классических норм рунического правописания: обычно они допускали пропуск узких негубных гласных при написании аффиксов (наиболее часто — показателя -lig/-l''ï [53, с. 186, 187]) часто позволяли себе двоякую передачу одних и тех же форм (например, mïš / -mi š), что особенно заметно в крупных текстах [53, с. 196—209]. Обнаруживаются примеры необозначенных узких негубных гласных в иных случаях (и в аффиксах, и в абсолютном начале, и в середине, и в открытом слоге в конце слов) [51, с. 1056, стк. 3, 6; 53, с. 186, стк. 18, с. 196 сл., стк. 1, 4, 10, 13, 15, 17, 28, 31—34, 37, 43, 48, 55, 65, 68—75, 78, 96, с. 219; 54, с. 1083, стк. 3, 6, 8, 12]. Случались даже пропуски губных гласных (правда, в написании одного и того же слова ur(u)hu [53, с. 186, стк. 20, с. 187, стк. 3, 4]).

Неполная последовательность в перенесении на руническое письмо принципов манихейской орфографии особенно хорошо проявляется в кратких приписках писцов к религиозным текстам, например в колофоне «Ïrq bitig» [53, с. 209], а также в рукописях светского содержания [53, с. 219]. В одной из последних встречаем фразу, почти совпадающую с наскальной надписью E 24/10. Однако, сравнивая их написание ([53, с. 219, стк. 11, табл. III, *в*]: isiz j(a)bïz qul b(i)tidim), заметим, что в позднеенисейском камнеписном тексте принцип полного обозначения гласных соблюден строже, чем в рукописи домонгольского времени.

И наконец, в-третьих, следует учесть, что манихейство распространилось в Древнехакасском государстве в качестве официальной религии уже к середине IX в. [42, с. 142, 146, 147]. Оно, следовательно, могло не только сохраниться (как в некоторых областях Китая и пунктах Великого шелкового пути, где оно продержалось до XIV в. [55, с. 526]), но и получить в новых политических условиях последней трети XIII в. новый импульс для возрождения и возвращения прежних позиций.

К сожалению, имеющиеся сегодня материалы не позволяют полностью прояснить черты орфографической реформы, присущей позднему этапу енисейского письма. Надписи Е 37/2 и Е 24/10 отмечают лишь обязательность обозначения на письме узких негубных («i») и губных («u») гласных и возможность пропуска широких негубных («a», «ä/e»). Насколько последняя черта была характерной, остается неизвестным, а вместе с тем — и вопрос о степени строгости в применении алфавитного принципа письма. Как бы там ни было, можно отметить, что свойственное раннему классическому периоду «светское» написание на позднем этапе сменилось на книжно-церковную по своей природе «манихейскую руническую» орфографию.

Поскольку новые орфографические требования, как мы видели, распространились и на Хакасию, и на Туву, ясно, что реформа правописания проводилась на всей тогдашней территории страны, т. е. была правительственной, а ее создатель отражал государственную идеологию. Таким образом, весьма вероятное обращение самостоятельного южносибирского государства к религии западного происхождения (скорее всего, к манихейству) может являться еще одним, ныне гипотетически реконструируемым признаком нового этапа существования рунического письма на Енисее и указывать на его хронологические пределы в рамках монгольского времени.

Можно полагать, что в борьбе за политическую, экономическую и идеологическую самостоятельность возрождаемой в конце XIII в. южносибирской державы местная знать опиралась на духовенство, оберегавшее, в силу присущего ему консерватизма, многие самобытные черты культуры Древнехакасского государства. С этим, вероятно, связано сохранение в позднеенисейских надписях характерных черт ранней, классической палеографии, как и формирование новых орфографических правил на основе норм, издавна существовавших в сфере религиозной литературы. Надпись Е 24/10 размещена на скале Хая-Бажи среди подобных молитвенных отметок IX—X вв. и, следовательно, подтверждает бытование в монгольское время и прежних культов, и тех же святынь, и старых форм их почитания.

Анализ двух кратких енисейских надписей, несмотря на скромную источниковедческую базу, выявляет настолько показательные и яркие лексические, орфографические и палеографические особенности, что позволяет с полным правом выделять новый период в истории енисейской рунической письменности, порождает новые связанные с ним историко-культурные вопросы, ответы на которые еще предстоит отыскать. Этот этап относится к концу XIII — началу XV в. В конце XIV — начале XV в. Южная Сибирь освободилась от монгольского владычества [42, с. 100—102].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности//СА. 1960. № 3.
2. *Кызласов Л. Р.* О датировке памятников енисейской письменности//СА. 1965. № 3.
3. *Кызласов И. Л.* Отражение этнополитических традиций в памятниках рунической письменности//Маргулановские чтения. Сб. материалов конференции. Алма-Ата, 1989.
4. *Кызласов И. Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. М., 1990.
5. *Кызласов И. Л.* Рунические письменности степной зоны Евразии. Проблемы источниковедения: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. М., 1990.
6. *Кызласов И. Л.* Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов//СА. 1991. № 4.
7. *Кызласов И. Л.* Горноалтайские рунические надписи на стелах//Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. Горно-Алтайск (в печати).

8. *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720—1727. T. 1. B., 1962.
9. *Радлов В. В.* Сибирские древности//МАР. 1891. Т. 1. Вып. 2. № 5. Приложения.
10. Inscriptions de l'Jénissei. Helsingfors, 1889.
11. *Appelgren-Kivalo H* Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931.
12. *Радлов В. В.* Атлас древностей Монголии//Тр. Орхонской экспедиции. Вып. 3. СПб., 1896.
13. *Кызласов Л. Р.* О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей//СА. 1964. № 2.
14. *Субракова О. В., Батманов И. А.* Древние письмена Хакасии. Абакан, 1970.
15. *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
16. *Radloff W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Lief. 3. SPb., 1895.
17. *Orkun H. N.* Eski türk yazitlari. III. Istanbul, 1940.
18. *Orkun H. N.* Eski türk yazitlari. Ankara, 1987.
19. *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.
20. *Батманов И. А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
21. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
22. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
23. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Фрунзе, 1971.
24. *Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.* Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия)//СТ. 1976. № 1.
25. *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. М., 1989.
26. *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность. М.; Л., 1941.
27. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Б. М., 1978.
28. *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980.
29. Мэн-да бэй-лу. Перевод с китайского Н. Ц. Мункуева. М., 1975.
30. *Пэн Да-я, Сюй Тин.* Краткие сведения о черных татарах//Проблемы востоковедения. 1960. № 5.
31. *Ядринцев Н. М.* Древние памятники и письмена в Сибири//Литературный сборник. Изд. ред. «Восточного обозрения». СПб., 1885.
32. *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.
33. *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л., 1981.
34. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
35. *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль-Тегина//ЗВОРАО. 1899. Т. XII Вып. II, III.
36. *Radloff W.* Altuigurische Sprachproben aus Turfan//Nachrichten über die von Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg in Jahre 1898 ausgerübstete Expedition nach Turfan. H. I. St.-Pbg, 1899.
37. *Кляшторный С. Г.* Наскальные рунические надписи Монголии//Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.
38. *Кызласов И. Л.* Новые материалы по енисейской рунической письменности//СТ. 1981. № 4.
39. *Кызласов И. Л.* Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX в.//СА. 1979. № 3.
40. *Кызласов И. Л.* Древнехакасские надписи с названием горы Тепсей//Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992.
41. *Наделяев В. М.* Древнетюркская надпись из Ховд-Сомона МНР//Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
42. *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
43. *Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв.//САИ. 1983. Вып. Е3-18.
44. *Кызласов Л. Р.* Этноним хаас и хасха в хакасском//СТ. 1990. № 5.
45. *Кызласов Л. Р.* О титуле государя хакасов «ажо» и времени исчезновения рунической письменности на Енисее//Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992.
46. *Кызласов Л. Р.* Когда исчезла енисейская письменность южносибирских тюрков//Вестн. МГУ. История. 1992. № 6.
47. *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. Семь веков монгольской письменности. М., 1972.
48. *Хромов А. Л.* Памятники согдийской, среднеперсидской, парфянской, бактрийской, новоперсидской письменности//Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.
49. *Исхаков М. М.* Палеографическое изучение согдийских письменных памятников: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. Ташкент, 1992.
50. *Габен А. фон.* Культура письма и печатания у древних тюрков//Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986.
51. *Le Coq A. von.* Köktürkisches aus Turfan//SPAW. 1909 Zweiter Halfband.
52. *Tomsen V.* Ein Blatt in türkischer «Runen»schrift aus Turfan//SPAW. 1910. № XV.
53. *Tomsen V.* Dr. M. A. Stein's manuscripts in turkish «runic» script from Miran and Tun-Huang//Journal of the Royal Asiatic Society. 1912. January.
54. *Tomsen V.* Fragment of a runic turkish manuscript Kao. 0107 from Kara-Khōja//A. Stein. Innermost Asia. V. I. Appendix Q. Oxford, 1928.
55. *Литвинский Б. А., Смагина Е. Б.* Манихейство//Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.

Московский государственный университет
Институт археологии РАН,
Москва

L. R. KYZLASOV, L. L. KYZLASOV

A NEW PERIOD OF DEVELOPMENT OF THE YENISEY SYSTEM OF WRITING

(late 13th — early 15th centuries)

Summary

Two Yenisey runic inscriptions are analysed in the article, and the authors make a conclusion that this original Sibirian system of writing was being used in the Mongol epoch. The first inscription (Fig. 1-5) has a mongol element *bičig* written with turkish runs, which cannot be dated earlier than the 13th century. The second inscription (Fig. 6,7) has a late form *bit* of a verb *biti*, also characteristic for the Mongol period. Both inscriptions have the identical orthography with non-reduced vowels, this rule is kept strictly in case of *i* and *u* is not kept in case of *e*/ä. This orthography was not characteristic for the Yenisey runic inscriptions of the 8th—12th centuries. Evidently it was the result of some orthographic reforms which took place in the Mongol epoch basing on the Manichean system of writing. The conservation of Yenisey runic system was possible only in the independent state of the ancient Khakasses. The attempt of rebuilding of their state is known from the written sources, it took place in 1273-1293. This state was located in the territories of present Khakassia and Tuva, where the inscriptions in question were found.

В. И. МАРКОВИН

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Еще совсем недавно в археологическом изучении Северного Кавказа, как и Кавказа в целом, не было никаких особо острых ситуаций. Шло спокойное, не очень плановое исследование памятников древности и средневековья. Время от времени ученые встречались на различных конференциях, симпозиумах и специальных «чтениях». Даже названия таких собраний звучали прозаически спокойно, подразумевая долгие годы дальнейшей работы над отдельными вопросами. Вот, к примеру, названия подобных встреч: Всесоюзный симпозиум «Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа» (Ереван, 1982 г.); Международный симпозиум «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла» (Телави-Сигнахи, 1983 г.); конференция «Взаимоотношение населения горных и равнинных регионов» (Душети, 1984 г.); семинар «Медные рудники Западного Кавказа III—I тыс. до н. э.» (Сухуми, 1988 г.). Можно еще вспомнить также «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа.

Однако уже с 1990 г. ситуация стала резко меняться. Сейчас о времени подобных научных встреч вспоминаешь как о прошлом глубочайшей давности. Борьба за национальные суверенитеты в республиках Северного Кавказа привела к появлению целого ряда теорий и мелких версий, должных возвеличить древность того или иного народа и расширить ареал его былого расселения. Все это делается с вполне благим стремлением придать моральные силы своим соотечественникам в подобных устремлениях. Я пишу об этом без особого удивления.

Еще на I съезде горцев в 1918 г. (Моздок) С. М. Киров, много говоря о демократии, предложил резолюцию, в которой говорилось, что каждому народу «Великой Русской революцией» будет предоставлена возможность «устраивать свою жизнь так, как ему кажется наилучшим» [1, с. 43, 51]. Не буду вдаваться в рассмотрение вопроса о былом «устройстве» народов Кавказа в политических рамках СССР, об этом лучше всего свидетельствует сам факт насильственного переселения многих из них в годы прошедшей войны [2, с. 258—269]. Это был страшный удар по культуре и чисто человеческим чувствам чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, курдов, турок и значительной массы казаков. Это был шаг к их полному физическому уничтожению. В наше время естественно стремление людей самоопределиться, почувствовать себя свободным народом, вернуть веру и культуру предков. Это можно и необходимо понять. Но вместе с процессом вызывания из прошлого почти забытых имен местных политических и культурных деятелей появились попытки подыскивания «великих предков» в виде давно исчезнувших цивилизаций Востока и Средиземноморья. Естественно, среди населения кавказских республик эти измышления вызывают не очень здоровый интерес и могут послужить еще одной зацепкой для новой серии политических споров и препирательств.

Сейчас не может быть со стороны археологов и историков-кавказоведов спокойного, точнее, равнодушного отношения к тем псевдонаучным изысканиям, которые просачиваются не только в журнально-газетную продукцию, но и порой в достаточно солидные издания.

Постараемся остановиться на тех публикациях, которые в настоящее время

© В. И. Марковин, 1994 г.

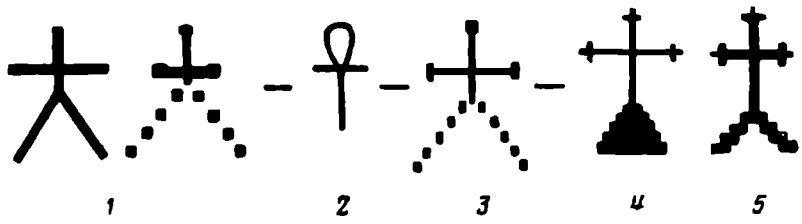


Рис. 1. Крестообразные изображения различных памятников. *1* — египетско-вайнахские изображения креста (по А. Измайлову); *2* — древнеегипетский крест «анх» (стела Амени); *3* — крест «Голгофа» на башне сел. Эгикал (Ингушетия); *4*, *5* — кресты в виде Голгофы на постройке сел. Пца и на храме XVI в. в сел. Греми (Грузия)

будоражат умы всего читающего населения Кавказа. Их можно разделить на три группы: статьи журнального порядка, написанные неизвестными в науке авторами; статьи или отдельные разделы в больших работах, принадлежащие уже известным специалистам; работы, в которых заведомо искажены фактические данные о местном населении и его культуре. Сжатый обзор их позволит наметить некоторую очень предварительную, возможно, несколько субъективную программу дальнейших археологических исследований на Северном Кавказе.

Первую группу публикаций можно начать с рассмотрения газетных статей Альберта Измайлова «Тайна веков» и «Боги вайнахов». В «Тайнах» автор утверждает, что вайнахи, т. е. чеченцы и ингуши, являются потомками древних египтян. Я не ошибаюсь, именно египтян. Самоназвание чеченцев «нахчо» он сопоставляет с древнегреческим названием жителей долины Нила «наксос» и предлагает серию других «топонимических» звуковых совпадений. Далее А. Измайлов упоминает еще несколько древних названий, которые для него звучат прямо-таки по-чеченски. Вот небольшой отрывок из этой статьи: «Известны у наших народов и имена в честь заселенных ими в древности территорий. Это — ҲАМ-МАТ в честь древней Финикии (современный Ливан), АЛАШ — древнее название острова Кипр, со знаменитым городом Мель-Картом, откуда, вероятно, происходят современные МАЬЛ-Хи, что дословно означает „жители города Мела“. Подобных примеров можно привести множество» [3, с. 4].

Однако последнее слово дословно означает нечто иное. По-чеченски «малх» — солнце [4, с. 581]. В Чечне на границе с Хевсуретией имеется местность Малхиста — страна солнца. Название это, как пишет писатель-историк Х. Д. Ошаев, осталось «как родовое название от очень древнего времени» [5, с. 58]. Здесь еще сейчас можно видеть большое количество склепов разного вида, и каждый из них представляет собой «малх-каш» — солнечную могилу. Все местные населенные пункты располагались по южным склонам гор, «может быть, это обстоятельство и послужило поводом называть жителей ущелья „маьлхиями“, что в буквальном переводе означает „солнечники“» [6, с. 11]. Вот и задаешь себе вопрос, а при чем здесь Мелькарт — верховный бог финикийского города Тира? И какое все это имеет отношение к Египту и тем более к Чечне?

Затем А. Измайлов пытается сравнивать петроглифические изображения и архитектурный декор вайнахских построек с египетскими иероглифами, но останавливает внимание только на крестовидном знаке. Это вполне понятно, так как другие египетские буквенные начертания в виде сокола, рыбы, глаза, голов человека и быка, дома и проч. [7. с. 192—199; 8] совершенно не встречаются в наборе вайнахских петроглифов. Но и крест он берет не чисто египетский, известный под названием «анх» (с узелком на верхней части), а «Голгофу» — перекрестие, стоящее на подиуме. Подобные изображения (рис. 1) действительно часто встречаются в виде декора на башнях и даже склепах чеченцев и ингушей [9, с. 60, рис. 12, 20; 10, с. 53—55]. К древнему Египту они никакого отношения не имеют, ибо были заимствованы из соседней Грузии, где на фасадах зданий встречаются очень рано — уже в IX в. [11, с. 273—300, рис. 55, табл. 149, *181*], и намного позже подобные кресты появились в стране вайнахов. Смысловое

толкование им можно найти в христианских молитвословиях [12, лл. 17, 101 об.] и в описаниях святителей [13, с. 85]. К сожалению, пока еще трудно сказать о роли подобных «Голгоф» на постройках вайнахов. Скорее всего они являлись оберегами. Однако А. Измайлов неумолим в своих суждениях: «Иероглифическая письменность... показывает неприменимость к чеченцам и ингушам понятия „горец". Повторное освоение чеченцами и ингушами их плоскостных территорий начиная с XV века должно рассматриваться в науке не „как переселение с гор на плоскость", как утверждают некоторые авторы, а как результат возвращения на свои прежние исторические территории, где жили древние предки нынешних чеченцев и ингушей — древние выходцы из Египта» [14, с. 4].

Напрасно автор считает, что петроглифы могут связать культуру вайнахов с древнеегипетской культурой. С таким же правом египтянами можно считать осетин и дагестанцев, украшавших свои постройки большим числом близких по стилю выбитых на камне рисунков. Особенно разнообразны они в Дагестане. Но если говорить вполне серьезно, то А. Измайлову надо просто знать и помнить о действительных наследниках египетской культуры, о коптах. В их искусстве до сих пор можно видеть отражение своеобразного художественного мастерства далеких предков [15, с. 676—679].

Очевидно, незнание местной археологии и желание высказаться до конца принудили автора посвятить вторую статью «Боги вайнахов» культовой стороне вопроса. По мнению А. Измайлова, вайнахи поклонялись древнеегипетским богам «Осирису и Тоту». Но прежде чем привести убедительные факты, автор объявляет полностью несостоятельной «точку зрения Е. И. Крупнова и современных его последователей», имея в виду не только «школу Е. И. Крупнова», а целые поколения ученых в разные годы исследовавших духовную культуру вайнахов: это У. Лаудаев, Ч. Ахриев, Б. Далгат, Е. М. Шиллинг, Л. П. Семенов и др.

Какова же концепция самого А. Измайлова в этом вопросе, если все сделанное специалистами до него — тлен и прах? Вот суть его теории. До XIII в. н. э. чеченцы и ингуши жили в предгорных и плоскостных районах и только после этого времени «в силу объективных причин» (они не указаны) появились в занимаемых ими ныне горах. Их прошлое не может быть связано с культурой тех горцев, земли которых они захватили, ибо сами вайнахи никогда не «хоронили покойников скорченно на боку». Вероятно, здесь А. Измайлов имеет в виду захоронения эпохи бронзы. Объектом для изучения культов «Осириса и Тота», которые были «господствующими» в среде вайнахов, он берет древний христианский храм «Тхаба-Ерды», стоящий в долине р. Ассы в Ингушетии и возведенный грузинами в XI—XII вв. В районе храма произошла смена «этнического состава населения». Некогда живших здесь христиан оттеснили вайнахи, принесшие свои «языческие верования». Это произошло «неожиданно», и тогда церковь была превращена в «языческий храм под названием Тхаба-Ерды».

Пытаясь нарисовать «правдивую историческую картину», автор делает предположение, что в храме имелось изваяние «крылатого Архангела», который пришельцы могли отождествлять с образом «птицы Ба», воплощавшей «потусторонние души» у египтян. Затем следуют языковые сопоставления. Название храма членится на части: Тха-Ба-Йер-да, и почти каждая из них служит поводом для привлечения внимания к богу Тоту, культу Тха и т. д. Перевод названия храма у А. Измайлова звучит как «храм Владыки творения потусторонней души Ба бога Тха»[1]. Здесь я опускаю дальнейшие подобные переводы, как и экскурсы в область семитической лингвистики и проч. Вывод автора однозначен: «... видно, что Осирис и Тот, как и тысячелетия назад, занимают в пантеоне вайнахов господствующее положение. И это тогда, когда культы этих египетских богов, как и иероглифическая письменность и язык, считались в самом Египте „мер-

[1] Обычно название «Тхаба-Ерды» переводят как «храм двух тысяч святых» («святой дух тысяч», А. И. Шавхелашвили дает перевод — «храм Лика Божьего», Г. Г. Гамбашидзе — «храм апостола Фомы» (первоначальное звучание «Тома-Ерды», затем в местной огласовке «Тхаба-Ерды»). Это предположение мне кажется самым верным.

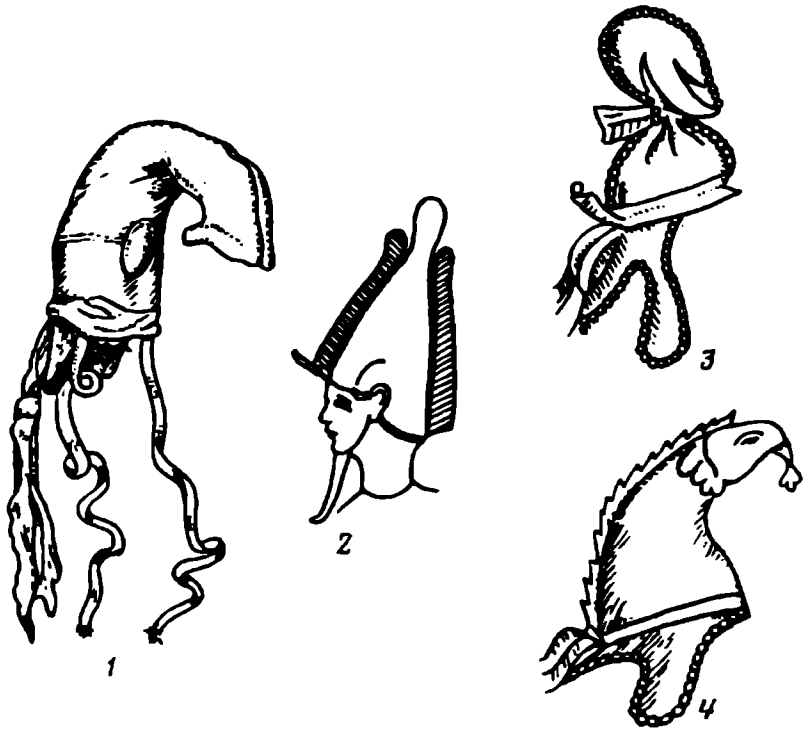


Рис. 2. Головные уборы: *1* — ингушской женщины — курхарс (по Е. И. Крупнову, использован в статье А. Измайлова); *2* — египетского бога Озириса (по А. Эрману); *3*, *4* — сасанидских царей Арташира I и Шапура I (по В. А. Луконину)

твыми", хотя эта культура на самом деле фактически „мертвой" не была и процветала еще в средневековье. И продолжает развиваться, хотя в невероятно трудных условиях, и сейчас» [16].

В качестве иллюстраций к статье приведены рисунки головного убора ингушской женщины (курхарс) с рогом, свисающим к лицу, а как аналогия — египетский рельеф мужской фигуры в высокой шапке «Озириса» и с регалиями царской власти в руках. Весьма далекая аналогия. Намного ближе «курхарсу» головные уборы сасанидских царей III—IV вв. (рис. 2) [17, с. 235, 236].

Итак, перед нами версия, которая кажется ее автору бесспорной, так как он, по-видимому, не привык сомневаться. А его довольно объемный труд вызывает совершенно неразрешимые вопросы: в каких районах до XIII в. жили вайнахи; каким путем пришли они на Кавказ, сохранив как минимум со II тыс до н. э. и до средневековья веру в древнеегипетских богов; какой народ они сменили, появившись в нагорной части Северо-Восточного Кавказа, и куда удалились их предшественники? Это первая группа вопросов. Имеется и вторая: каково отношение языка вайнахов к древнеегипетскому языку и как быть с коптами — прямыми наследниками культуры древних египтян? И наконец, третья серия вопросов: как быть с культурой самих вайнахов, которая к тому же во многом перекликается с культурой ираноязычных осетин (близка архитектура храмов, башен и склепов, близки некоторые мотивы в языческих верованиях; см. [18, с. 399—430])? Осетины также являются потомками египтян?

Если говорить вполне серьезно, а иначе в современных условиях, царящих в горах Кавказа, говорить нельзя, то сравнивать культы древнего Египта с культами вайнахов практически невозможно, прежде всего хотя бы потому, что верования древних египтян — это синтез многих слагаемых, в том числе и обожествления фараонов [19]. Их культы нашли широкое отражение в монументальном искусстве и архитектуре. Версия, предложенная А. Измайловым, при ее трезвой оценке не выдерживает критики.

Наряду с рассмотренным взглядом на происхождение чеченцев и ингушей известна еще этрусская гипотеза. Поводом для нее послужила далеко не новая точка зрения лингвистов, что исчезнувший язык этрусков обладал строем, близким языкам коренных кавказских народов. Так, Н. Я. Марр еще в 1920 г. вместе с языком басков относил его к яфетической группе языков [20, с. 301 сл.]. Этот вопрос продолжает интересовать ученых по сей день (Ф. Браун, М. Я. Немировский, В. Э. Орлов, С. А. Старостин и др.). Казалось бы, решение такой частной и сугубо специальной задачи не должно вызывать особо бурные эмоции, но это не так. Ю. Хадзиев предлагает в связи со сказанным свою интерпретацию происхождения вайнахов. Они — потомки этрусков. Рассуждения автора предельно просты: 1) «... наименования топонимов, эпонимов, теонимов, гидронимов древней Этрурии и Рима и их язык имеют удивительную особенность: они буквально дают поразительную схожесть с нахскими (чеченским, ингушским и тушинским-бацбийским) языками Кавказа и, можно сказать, имеют нахскую и вайнахскую природу»; 2) «... этрусков древние греки и римляне называют этрусками, этрусками-тирренами, этрусками-тусками и просто тусками, где последний эпоним этруско-туски напоминает нам название (термин) — тушин (бацбийцев) или туш-бацой, а это, по-моему, заманчивый аргумент для установления генетического родства и этнической связи этрусков или этрусков-тусков или просто тусков древней Италии и тушин (бацбийцев) или туш-бацой Кавказа, которые являются нахским этносом» [21, с. 6].

Здесь доказательством служат созвучия. Так, само слово «этруски, туски» производится от вайнахского «тушхой», где «туш» означает «квартал». Тут автор ссылается на работу Я. С. Вагапова «Вайнахи и сарматы», в которой идет речь о «тусках», упоминаемых Птолемеем и входивших в «состав печенегов» [22, с. 38]. Тушины Кавказа, по Ю. Хадзиеву, идентичны тускам Апеннин. Для убедительности своей версии автор приводит названия восьми этрусских городов и толкует их с позиций чеченского языка: Ареций — город на равнине (аре — «равнина»), Волатерры — доблестный город (вола — «умирать», терра — «хотящий»), Вульчи — гостеприимный город (вул — «заходи»; чи, че — «внутрь») и др. [21, с. 7].

По мнению Ю. Хадзиева, «кавказцы четырежды заселяли в древности Италию», но не уточняет, когда и каким образом. В целом статья его не производит впечатление систематизированной работы. В ней поражает смелость суждений. Если уж говорить о языковых совпадениях, то можно вспомнить этноним «буртас». Соседи чеченцев — аварцы, жители Дагестана, словом «бурти» называют чеченца, а ведь буртасы, жившие некогда между Волжской Болгарией и Хазарией, по мнению ученых, могли быть тюрками или народом, близким мордве-эрзе [23, с. 111—121]. Почему бы среди данной ветви средневекового населения не поискать предков вайнахов? Вероятно, Ю. Хадзиев увлекся созвучиями и забыл ту меру, которая отличает историка и лингвиста-ученого от дилетанта. Кстати, далеко не все разделяют мнение о близости языка этрусков кавказским языкам. Так, чешские специалисты Ян Буриан и Богумила Моухова пишут, что этрусский язык «занимает особое место среди уже известных нам и что его нельзя понять с их помощью» [24, с. 119]. Не стоит здесь много распространяться о весьма большом отличии культуры вайнахов в ее историческом разрезе от духовной и материальной культуры этрусков [25, 26].

Обратимся к третьей версии. Известный лингвист Ю. Д. Дешериев в специальном исследовании, посвященном нахским языкам, т. е. языкам чеченцев, ингушей и близких им народов, заметил, что между ними и урартским языком существует определенное сходство. Однако не представляется еще возможным «решить вопрос, имеем ли мы дело с фактами генетического, культурно-исторического или типологического характера» [27, с. 51]. Сейчас ученые сходятся во мнении, что нахские языки по своему строю близки коренным дагестанским языкам [28, с. 7, 8; 29, с. 81—108] и вместе с ними родственны языкам хуррито-урартского этнического массива, который занимал значительную тер-

риторию Месопотамии и центральной части Закавказья [30, с. 376 и др.; 31, с. 104; 32, с. 410—412]. Казалось бы, речь идет о близости языкового строя, не этноса и не культуры. И снова возникают все те же инверсии в желании найти не предков своего народа, пусть скромных, но подлинных предков, а обязательно таких, от одного имени которых можно ощутить и приятное волнение, и чувство превосходства. Так, Х. Бакаев в газете Чечено-Ингушского университета очень ненавязчиво, я бы сказал, даже деликатно проводит мысль, что вайнахи являются потомками хуррито-урартов [33]. Основанием служат опять-таки не прямые свидетельства местной археологии, а общие сентенции разных ученых по почти бесспорному вопросу о сходстве нахско-дагестанских языков с хурри-то-урартскими языками. А как же культура? Можно сказать — ничего общего, тем более что и культура хурритов изучена не так уж плохо [34; 35, с. 194 сл.], и достаточно полно известна культура урартов [36, 37].

В разобранных мною статьях полностью игнорируется комплексный подход к изучению культуры предполагаемых предков, а «научная база» порой сводится к десятку случайно созвучных слов. Как бы хотелось, чтобы любой исследователь прошлого вайнахов во всех его аспектах думал о фундаментальности базы для своих построений, а затем уже брался за перо. Увы, это не так [38, с. 6, 7].

У чеченцев и ингушей достаточно богатая культура, она уже неплохо изучена исследованиями историков, археологов, этнографов, лингвистов и фольклористов, и сейчас, по сути дела, ученые заняты уточнениями, детализацией и сведением отдельных фактов в общую концепцию. Естественно, число фактов будет увеличиваться, и они внесут некоторые изменения в основное полотно истории вайнахов. У любого народа должна быть гордость за плоды трудов своих предков, и хочется, чтобы их не попирали, а умели гордиться и пользоваться наследием, оставленным ими! Зачем чеченцам и ингушам Египет и Этрурия, зачем далекие экзотические земли и цивилизации? Разве не удивителен сам факт, что историю вайнахов я, к примеру, как и другие археологи, сейчас уже могу проследить с III тыс. до н. э. и по сей день? Конечно, в общих чертах, без деталей [39, с. 7—9]. Такому чуду — глубочайшей давности проживания чеченцев и ингушей на своих землях — в 1991 г. была посвящена специальная конференция в Шатое. Она проходила порой бурно и вызвала большой интерес у населения [40].

Но обратимся к соседней республике — Северной Осетии. Здесь я бы хотел начать с небольшой предыстории.

В 1887 г. в газете «Новое обозрение» вышла заметка Н. С. Мансурова под названием «Первобытные осетины». В ней выделено автором 17 «еврейско-семитических» топонимов в сопоставлении с осетинскими. К примеру: И-ордан — Ардон; И-ерихон — Архон; Тир — Ир, Ирон и т. д. Эта табличка породила у Н. С. Мансурова следующий вывод: «Теперь будет совершенно понятным то поразительное сходство, даже тождество еврейско-халдейско-финикийских географических названий... с осетинскими, которое... служит намеком на несомненное родство осетин с народами семитической группы» [41, с. 28—32].

Но вот в 1992 г. во Владикавказе вышка книжка «Давид Сослан, Фридрих Барбаросса... Алания от Палестины до Британии». Ее авторы В. Л. Хамицев и А. Ч. Балаев «действуют» в обратном направлении. У них древние жители Палестины и вместе с ними Сын Божий Иисус Христос являются осетинами: «Названия северных колен израильского народа — Асир, Махир, Дан — легко переводятся с осетинского языка, языка скифов-алан, а само слово „Ир" сохранилось до наших дней в своем античном звучании у осетин — как самоназвание — и у ирландцев, чему способствовала длительная историческая изоляция этих народов, по этой причине сохранивших национальную чистоту крови и духа. Топонимика Галилеи оставляет мало сомнений в том, что это земля скифов-алан. Авдон, Мадон, Сидон, священная река Иордан (Ирыдон) — эти и другие примеры как бы переносят нас в современную Осетию, Британию или Скандинавию» [42, с. 3].

В таком духе идет и далее доказательство осетинского происхождения лиц Евангельской истории, а резюме подано в двух строчках: «Отсюда ясно, что Галилеяне были этническими скифами, а мать Иисуса, Мария,— скифянкой» [42, с. 3, 4]. Самое интересное то, что осетины (скифы, аланы) помимо своих земель на Кавказе занимали не только Палестину, но еще не менее половины Европы — вплоть до Британии. Этому не следует удивляться, если даже Фридрих I Барбаросса (1152—1190 гг.) был осетином, ибо в переводе с осетинского языка его прозвище звучит как «варвар-осетин». Сам он являлся выходцем из Архыза — верховий Кубани и принадлежал к осетинскому «роду Алгузонов», это потом его приписали к немцам и переиначили в «Рыжебородого» [42, с. 7]. Кстати, его племянником, как считают авторы, был Юрий — первый муж грузинской царицы Тамары. Он родился в семье русского князя Андрея Боголюбского и осетинской княжны — сестры Барбароссы [42, с. 8]. Для справки: осетинский историк Ф. Х. Гутнов. в своем исследовании довольно ясно показал, что род Алгузов (Агузов) к германскому императору никакого отношения иметь не мог [43, с. 40—53], возникают сомнения и в алано-ясском происхождении матери самого Юрия[2].

В чем же здесь дело? Прежде всего в слабом знании истории своего народа и основ общего языкознания, плохой осведомленности в литературе по всеобщей истории и богословским проблемам, а также очевидном стремлении казаться оригинальными и независимыми в своих суждениях.

В эпоху «Великого переселения народов» алан весьма часто можно было видеть в числе военных наемников. Они шагали по дорогам Галлии, Испании и даже Северной Африки, среди них известны военачальники, а женщины-аланки часто разделяли ложе с крупными деятелями своего времени [44, с. 83—95; 45, с. 28—47]. Но на этом и кончается их роль в истории Европы.

Гипертрофированного понимания подобных фактов вполне достаточно, чтобы преувеличить не только роль алан во всеобщей истории, но и их фактическую численность в прошлом. Вместе с тем авторы не заметили, что своими построениями они не только отошли от истины, но и принизили достоинство своего народа, история которого не нуждается в наукообразных ухищрениях. Жаль также, что авторами совершенно некритично были поняты труды известного фольклориста Ж. Дюмезиля, а его влияние на их работу весьма заметно. Хороший знаток осетинского нартского эпоса, Ж. Дюмезиль обычно к тому или иному сюжету привлекает параллели скандинавско-ирландских сказаний, данные индийских легенд и т. д. [46, 47] — обычный прием в подобного типа сравнительно-исторических исследованиях. Вот и получилось у В. Л. Хамицева и А. Ч. Балаева, что осетины (аланы) жили даже в Ирландии. При издании трудов Ж. Дюмезиля необходимо было как-то оговорить увлечение их автора «воспарять» с севера на юг и с запада на восток, учитывая природную эмоциональность местных читателей.

Настрой брошюры В. Л. Хамицева и А. Ч. Балаева таков, что после ее чтения не удивишься «явлению» над дигорской частью Северной Осетии св. Георгия (Уастырджи), о чем говорилось в прессе. Прав корреспондент, завершая свою статью об этом факте словами: «Если бы ангела не было, его надо было бы выдумать» [48]. Вероятно, В. Л. Хамицеву и А. Ч. Балаеву не стоило играть на чувствах верующих — это не очень достойное дело.

Здесь были рассмотрены лишь некоторые статьи, написанные, несомненно, случайными людьми в науке. Но эти статьи породили и порождают массу толков, вызывая не всегда здоровый интерес к истории как своеобразному мерилу: какой же народ может иметь приоритетное право на место под солнцем современности. Это и дает повод к совершенно нежелательному экстремизму.

---

[2] См. *Малахов С. Н.* Ясская «генеалогия» сына Андрея Боголюбского и проблема русско-аланских связей в XII в.// Аланы и Кавказ. Владикавказ — Цхинвал, 1992, с. 128—134.

Вторая группа интересующих нас работ написана специалистами. Далеко не все они получили какой-либо широкий резонанс и эхом отозвались в горах Кавказа. Такова серия статей В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой по проблемам майкопской культуры. Как известно, А. А. Иессен делил ее древности на две группы — на новосвободненские и собственно майкопские, отмечая между ними генетические связи. Указанные выше авторы полностью разрывают их и для древностей новосвободненского облика находят аналогии в материалах культуры шаровидных амфор и шнуровой керамики, которые, по их мнению, и послужили основой в сложении западнокавказских дольменов [49, с. 175—194; 50, с. 4]. Не буду вдаваться здесь в детали полемики по этому вопросу [51], но скажу, что сам факт отнесения дольменов ст. Новосвободной и дольменов Западного Кавказа к названным культурам и с предполагаемыми отголосками их в комплексах Центрального Кавказа в виде «амфор тюрингского типа» [52, с. 52—56, 74] приводит к мысли о весьма раннем — с III тыс. до н. э. проникновении на Кавказ индоевропейцев, что позволяет утверждать извечное проживание ираноязычного населения на землях Кавказа [53, с. 3, 4]. Однако это не так. Носители названных культур до Кавказа не доходили [54, с. 13—20], а этногенез осетинского народа более сложен, и не здесь нам заниматься данным вопросом.

Те же авторы, В. А. Сафронов и Н. А. Николаева, для собственно майкопских комплексов предложили совершенно иную трактовку. Они считают, что их появление в бассейне р. Кубани (очевидно, и дальнейшее распространение по Кавказу) связано с миграцией арамейцев Харрана. Это племя семитов — потомков библейских Фарры и Ноя — прибыли сюда как на пустые земли и привнесли свою культуру. Это происходило с XXVI в. до н. э. и до начала II тыс. до н. э. [55, с. 31 сл; 56, с. 63—98].

Данная теория не согласуется с фактами Библии и опровергается всем комплексом находок майкопской культуры Кавказа, сравниваемых с материалами сирийского поселения Тель-Хуэйра, взятого в качестве отправного пункта для миграций арамейцев. Этому вопросу была посвящена специальная дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Советская археология», № 4 за 1990 г.

Авторы обеих версий, к сожалению, не задумались над вопросом, каковы были взаимоотношения пришлых арамейцев с местными жителями (а они не могли переселиться на пустые места) и с носителями шаровидных амфор, которые, по их мнению, чуть позже появились в том же регионе. Этот вопрос остался за пределами теорий, а его стоило бы рассмотреть, прежде чем браться за создание оригинального варианта в «освещении» древнего этапа в этногенезе населения Кавказа. Обе версии не нашли особых сторонников (А. Д. Резепкин, М. Б. Рысин и некоторые другие). Правда, и среди них оказались лица, утверждающие, что «арамейская» теория «плотно сбита» и хорошо объясняет происхождение майкопцев [57, с. 4, 5]. Увы, это не так.

Сейчас все более преобладает мнение, что майкопская культура возникла на Кавказе, хотя ее носители, несомненно, были связаны с миром Ближнего Востока [30, с. 360; 32, с. 390 сл.]. В дальнейшем эта культура явилась одним из компонентов становления северокавказской культурно-исторической общности.

Обе названные чисто научные гипотезы, вызвавшие большой интерес в среде узкого круга специалистов, не нашли какого-либо отклика в среде библеистов и ученых Израиля. Мне не известны и газетные статьи на данные темы. Можно только радоваться, что они остались достоянием малодоступных книг и не просочились в чтиво для широкого населения.

Майкопская культура породила еще одно мнение. Оно принадлежит И. М. Мизиеву. Он утверждает, что носителями культуры были шумеры, а тюркоязычные карачаевцы и балкарцы являются их непосредственными потомками. Это мнение также построено не на конкретных вещественных находках, а с помощью небольшой таблицы «совпадающих» слов, взятых из шумерского словаря и карачаево-балкарской лексики [58, с. 25, 26, 31]. Попутно автор утверждает, что знаменитый эпос о Гильгамеше может также принадлежать карачаевцам и

балкарцам, так как они, подобно древним шумерам, ежегодно приносили в жертву «первого козленка» своему верховному божеству Тейри [58, с. 27].

Вопрос с майкопской культурой в данном случае не очень запутан. Она не могла принадлежать шумерам хотя бы потому, что тюркоязычны не только названные И. М. Мизиевым народы Северного Кавказа, но и кумыки, азербайджанцы, ногайцы, туркмены, казахи, киргизы, башкиры, якуты и многие другие. В их языках можно найти эквиваленты приводимым И. М. Мизиевым шумерским словам.

Зачем же понадобилась эта версия и что послужило основанием для ее возникновения? Опять-таки стремление с некоторыми политиканскими целями доказать глубочайшую древность проживания карачаевцев и балкарцев на своих землях. Основанием же для построений И. М. Мизиева служит мнение некоторых ученых, что язык шумеров, вышедший из употребления в начале II тыс. до н. э. [59, с. 98], несмотря на безрезультатные попытки связать его с известными «языковыми системами», по структуре может сравниваться с тюркскими языками [60]. Однако не все ученые с этим согласны (И. М. Дьяконов, А. И. Тюменев, О. М. Джапаридзе и др.), а в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» шумеры даже не упоминаются [61]. Что же касается принесения в жертву различным божествам козлят и ягнят, то, увы, такая практика была характерна для многих народов почти всего мира. Это не аргумент. Хорошо апробированные древнетюркские находки — предметы искусства опять-таки ничего общего с шумерскими не имеют [62].

Казалось бы, вопрос о сходстве и различии древних и средневековых языков может иметь скорее всего чисто академический интерес, только в научной литературе он и должен освещаться. Но для историка и археолога И. М. Мизиева такой подход оказался слишком пресным, главное — создать себе популярность, стать «теоретическим вождем» народа. В какой-то степени это ему удалось.

Уже в 1991 г., после дискуссии по майкопской культуре, И. М. Мизиев выступает теперь уже в газете со списком «шумеро-балкаро-карачаевских слов», делая вид, что над этим вопросом «и впрямь настала пора подумать нашим ученым» [63]. Не знаю, как отреагировали ученые на газетный сигнал, но версия шумеры — тюрки стала распространяться. Она появилась даже в кумыкских газетах Дагестана [64]. Не ошибусь, если скажу, что подобные измышления мешают не только науке, но прежде всего народам Северного Кавказа. Происходит невольное противопоставление «родовитых» народов простым, ничем не отмеченным в истории.

Однако, по И. М. Мизиеву, карачаевцы и балкарцы не только шумеры, но еще и скифы. Этому вопросу им было уделено много внимания в книге «Шаги к истокам этической истории Центрального Кавказа» [58, с. 35—56] и в местной прессе. Такова его статья «Все ли мы знаем о скифах», явившаяся как бы развитием мыслей М. Джуртубаева по поводу скифских легенд об упавших с неба культовых предметах [65]. И. М. Мизиев в противовес В. И. Абаеву, утверждающему ираноязычие скифов, выставляет свои аргументы, что «доителями кобылиц», «живущими в войлочных повозках», «пьющими кумыс» и т. д. никогда не было «ни одно из индоевропейских, индоиранских племен и народов!» Таким народом могли быть только тюркоязычные племена древности, которые «были первейшими в истории коневодами, почитали лошадей, ели конину, пили кумыс и пр.», чего осетины (в качестве наследников скифов) никогда не делали [66]. Но здесь все натяжка. Во-первых, идет сравнение давно исчезнувшего народа с ныне живущим; во-вторых, это пишется при заведомом незнании этнографии осетин.

Беру книгу историка А. Х. Магометова и в ней нахожу удивительные факты из жизни осетин. Вот примеры: «... у отца-старика, не имевшего наследника-сына, одна из дочерей или даже единственная дочь отказывалась от брачной жизни ради поддержания отца и его хозяйства ... она брала на себя сыновние обязанности. Внешне вела себя как мужчина, одевалась в мужскую одежду, ездила верхом,

выполняла в хозяйстве все мужские работы. Такую девушку обычное право оберегало от обид и оскорблений» [67, с. 103]. Не напоминает ли вам этот факт древних амазонок скифо-сарматского мира?

Среди тотемов осетин имелся и конь, который в мифологии носит название Афсург [67, с. 301]; не все осетины при жизни «имели лошадей, но когда умирали, их обеспечивали ими, чтобы в загробном царстве они могли „ездить" на коне» [67, с. 313]. Мне кажется этого уже достаточно.

В упомянутой газетной статье И. М. Мизиева имеются указания на то, что аланы тоже являются тюрками. Впервые с подобными взглядами он выступил еще в 1984 г. [68], глумливо подвергая сомнениям работы Ю. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. А. Кузнецова и др. Эта статья вызвала в свое время бурные споры. Но наиболее полно алано-тюркская версия получила свое развитие в книге И. М. Мизиева «История рядом» [69, с. 73—96]. В ней сложный вопрос об «асах», «ясах», «осах» и «аланах» решен в пользу средневековых тюрков, прямыми наследниками которых являются карачаевцы и балкарцы. Искажены и даже совершенно перечеркнуты многие страницы истории Северного Кавказа, попраны данные археологии. В какой-то степени это «победа» И. М. Мизиева, и она нашла отражение даже в оформлении газет. Вот на балкарской газете «Тёре» (Вече) под заголовком значится: «къарачай-малкъар (алан), орус тилледе чыгъады» и то же самое в русском варианте газеты «Балкарский форум»: «выходит на русском и карачаево-балкарском (аланском) языках» Так все оказалось просто!

В то же время И. М. Мизиев и его соавтор М. Джуртубаев открещиваются от прямого родства современных тюрок Северного Кавказа с половцами-кыпчаками. В статье «Об одной ложной теории» сказано: «Аланы — тюрки, только они значительно раньше отделились от других тюркоязычных народов, поэтому монголы сумели разъединить алан с кыпчаками» [70, с. 107]. Итак, балкарцы и карачаевцы никакого отношения не имеют к кыпчакам. А как же быть с каменными изваяниями, которые хорошо известны науке как половецкие [71, с. 213 сл.] и найдены во многих районах Северного Кавказа, в том числе и в Карачаево-Черкесии, и как быть даже с языком карачаевцев и балкарцев, ведь он относится вместе с языками башкир, кумыков и других народов к тюркским языкам кыпчакской группы?

Вероятно, И. М. Мизиев и его сторонники принадлежат к тем историкам, которые стремятся приукрасить любым путем прошлое своих народов. Подобных немало сейчас и в Азербайджане. Их труды известный историк Играр Алиев рассматривает как работы «пантюркистского направления», ибо в них «методами лингвистических построений, давно отвергнутыми наукой», делаются попытки доказать «тезис о глубокой древности и даже автохтонности тюркского элемента на территории Азербайджана» [72, с. 59, прим. 20]. Сейчас только в Дагестане к данному вопросу стали подходить трезво, о чем и появились первые публикации в местных газетах [73, с. 5]. В этом отношении большое значение имеют труды историка Г. С. Федорова, кумыка по происхождению, спокойно повествующего об истинных путях-дорогах своего народа [74, с. 24, 25].

Вероятно, для решения спорных этногенетических вопросов, интересующих многих людей, не мешало бы собраться за «круглым столом», как это имело место в ноябре 1990 г., когда так собрались историки Северной Осетии, Чечни и Ингушетии, ведя разговор по спорным проблемам ранней и поздней истории своих соседствующих народов [75].

Факты с несколько тенденциозной подачей исторического материала имеют место и в среде специалистов Республики Адыгея. Их обзору посвящено И. М. Чеченовым несколько страниц в журнале «Советская археология» [76, с. 145—151]. Остановлюсь только на небольшой публикации Н. Ловпаче и А. Куека, посвященной 12-звездному адыгскому национальному знамени [77, с. 3]. Казалось бы, все просто, к 1834 г. в Адыгее имелось 12 округов, они обозначены звездами, а три стрелы на знамени — символ их боевого содружества. Далее авторы, взяв за прототип адыгского знамени хеттские металлические штандарты, утверждают,

что культуру хеттов «археологи производят с Северо-Западного Кавказа от майкопской культуры». Это уже открытие, которое пока не отмечено специалистами по хеттам [78]! Немного позже авторы статьи пишут о внедрении в среду «адыгэ» протоариев, и делаются сложные попытки «догадаться о том, как древняя геральдика» попала к черкесам XIX в. Я совсем не против, чтобы над Адыгеей, Кабардой, Черкесией и Шапсугией развевалось единое знамя, но хотелось бы, чтобы каждое слово даже в газетной статье было основательно продумано.

Вот передо мной солидный труд — «История лакцев», посвященный одному из дагестанских народов, и, хотя авторы начинают с их доистории, здесь нет археологических данных, а вместо этого имеются попытки рассматривать названия древних городов Месопотамии (Тилули, Кибаку, Куба и др.) с позиций лакского языка [79, с. 10].

На этом закончу предпринятый обзор. Здесь не привлечен большой полемический материал, появившийся в печати Грузии и Абхазии. Он занял бы много места. Достаточно сказать, что бывший президент З. Гамсахурдиа в письме акад. А. Д. Сахарову полностью отрицает какую-либо собственную культуру у абхазов: «Абхазия — второе название Грузии, как Альбион — второе название Англии» [80]. Опущено также множество статей и по другим, довольно близким вопросам истории абхазов и грузин (выступления в прессе Ш. Д. Инал-Ипа, Ю. Н. Воронова и др.). Не стану останавливаться и на новейших противоречивых высказываниях о происхождении русскоязычных казаков Кубани и Терека, которые появились в «Независимой газете» [81] и местной прессе [82].

Я не ставил перед собою цель противопоставить одних ученых другим, одно мнение другому, но, говоря словами акад. Д. С. Лихачева, мне хотелось попросить своих кавказских коллег «не сращивать свой мозг с одной какой-либо догмой» [83]. Наши науки — история и археология — должны быть глубоко нравственны и служить не разобщению людей по своим национальным домам, а сближению их, как в годы великих бед, а их у горцев Кавказа всегда было хоть отбавляй.

Что же может остановить поток предвзятых, а порой просто надуманных умозаключений? Для этого прежде всего необходим чисто научный, трезвый и спокойный анализ всех доступных для исследования материалов. Надо помнить, что речь идет об этногенезе местных народов, а решение подобных вопросов требует не только деликатности, но знаний, воплощение которых не может порой ограничиваться только археологическим материалом, а заставит сопоставить его с данными этнографии, а если необходимо, то и лингвистики и фольклора. Лучше сомневаться в предполагаемых выводах, чем утверждать то, что только лишь грезится воспаленному мозгу без всяких оснований.

Ниже предложен небольшой план самых необходимых сейчас исследований в области археологии. Они, несмотря на некоторую субъективность, могут дать основания для дальнейших этногенетических исследований на Северном Кавказе.

I. Эпоха бронзы. Прежде всего нужно достаточно четко выделить майкопские комплексы, изучив их связи с памятниками предшествующего времени, а такие древности известны почти по всей территории Северного Кавказа, хотя о них обычно почти не упоминают. Необходимо еще раз поставить вопрос о соотношении памятников майкопского и новосвободненского типов. Вопрос этот нельзя считать новым, но он требует своего разрешения. Необходимо также наметить локальные группы внутри широкого майкопского региона. Все это позволит поставить на свое место привнесенные версии о происхождении данной культуры и подойти к чисто научному решению вопроса.

Больше внимания следует уделить куро-аракской культуре. В популярной литературе известно мнение, что она стала распространяться с равнин, примыкающих к Северному Каспию, где рано сложилась «идеальная экосистема, наиболее благоприятная ... для формирования древних культур» [84, с. 34]. В связи с этим парадоксальным утверждением необходимо изучение соответствующих районов Прикаспия.

Важно более полно выяснить характер взаимодействий носителей майкопской и куро-аракской культур. Это даст возможность изучить пути их трансформации в культурно-исторические общности последующего времени — восточнокавказскую для Дагестана, Чечни и Ингушетии и северокавказскую. Первая общность, известная и как «гинчинская культура» (М. Г. Гаджиев и др.), генетически тесно связана с последующей каякентско-харачоевской культурой. Уже сейчас она дает вполне реальную возможность усматривать в ней истоки нахско-дагестанского этноса. Вторая общность, вероятно, явилась одним из компонентов кобанской культуры, с носителями которой пришлось взаимодействовать скифским пришельцам.

Здесь же стоит упомянуть культуру дольменов. Ее памятники необходимо изучать с обмерными инструментами в руках. Они исчезают. Следует усилить внимание к сравнительному анализу местных дольменом и соответствующих памятников Западной Европы и Средиземноморья, ибо существуют самые разные теории об их взаимосвязях. Известно, что строительство западнокавказских дольменов приписывалось далеким предкам абхазо-адыгов (Ш. Д. Инал-Ипа, В. И. Марковин, Ю. Н. Воронов и др.), только одних абхазов (Я. А. Федоров) и древнегрузинскому населению (О. М. Джапаридзе). Решить этот вопрос — нелегкая задача. Она осложняется еще и тем, что существует мнение, соединяющее в одно целое почти все точки зрения на происхождение дольменов. Оно принадлежит Н. Г. Ловпаче. Он пишет, что дольмены отражают «культурные связи четырех регионов древности (Кавказа, Передней Азии, Центральной Европы и Средиземноморья), осуществлявшиеся четырьмя древними народами (кавкасионцами-атыхами, малоазийскими хаттами, индоевропейцами — протоиндо-ариями) и прабасками со стороны Средиземноморья» [85, с. 5]. Невольно призадумаешься — а возможна ли такая ситуация?

II. Переход к эпохе железа. Считалось, что в это время на Северном Кавказе существовало три культуры: прикубанская, кобанская и каякентско-харачоевская. Первая из них была выделена А. А. Иессеном по металлу, а затем ее существование поддержано А. Л. Нечитайло и некоторыми другими специалистами [86, с. 124—133]. В. И. Козенкова отрицает ее существование и соответствующие памятники относит к западному варианту кобанской культуры [87]; Ю. Н. Воронов вообще склонен объединять кобанскую и колхидскую культуры в одну [88, с. 4—12]. Значит, необходимо найти более четкие критерии для подобных суждений. Это касается и отдельных памятников. Таков, например, Зандакский могильник в Чечне (работы М. И. Пикуль и В. И. Марковина). В его материалах я усматриваю соединение каякентско-харачоевских и лишь некоторых кобанских черт. Данный могильник В. И. Козенкова относит к восточному варианту кобанской культуры [89], а О. М. Давудов на его основе выделяет особую зандакскую культуру [90, с. 32 сл]. Что и говорить, разные подходы могут дать и разные этногенетические результаты. В этом вопросе я скорее последую за О. М. Давудовым, чем за В. И. Козенковой.

III. Вопросы скифо-сарматской и аланской археологии. Я их объединяю. Это важный период в оформлении осетинского этноса. Но и здесь, как мы видели, не все так просто. Уже упоминавшийся И. М. Мизиев пытается утверждать очень древнее и последовательное заселение Северного Кавказа тюркскими народами в лице шумеров, скифов, алан. Здесь надо учитывать, что сами наименования — «скифы», «сарматы», «аланы» — являлись подчас собирательными. Под ними скрывались не только ираноязычные племена. О вхождении в их состав вайнахов, предков чеченцев и ингушей, сейчас пишут Я. С. Вагапов, М. Х. Багаев, Р. Д. Арсанукаев. Естественно, подобные исследования не должны ограничиваться только лингвистическими сопоставлениями. Здесь в полной мере должен быть привлечен и археологический материал. Важна также четкая разработка критериев для отделения меотских (ране-адыгских) материалов от скифо-сарматских, что порой бывает затруднительно при интерпретации некоторых памятников.

IV. Памятники средневековья настолько разнообразны, что намечать какую-либо программу их изучения, исходя из личных взглядов, было бы по меньшей мере самонадеянным, хотя это время очень заманчиво для исследователя. Сейчас, когда появилась возможность публиковать не только сборники по атеизму, а исходить из действительных духовных запросов населения Кавказа, наверное, необходимо развернуть большие работы по изучению памятников христианства и мусульманства, ведь до последнего времени лишь изучение языческих комплексов получало некоторое благоприятствование.

Очень важно с полной мерой ответственности проследить появление на Кавказе тюркоязычных народов (гуннов, хазар, кыпчаков и др.) и детально, без предвзятостей осмыслить как процессы тюркизации местного населения, так и обратный процесс — их слияния с исконно кавказскими жителями. Подобная тематика уже находит отражение в работах А. П. Новосельцева, А. В. Гадло, Я. А. Федорова, Г. С. Федорова, М. Г. Магомедова, А. А. Кудрявцева и др.

Наверное, очень важно начать изучение памятников, связанных с историей малочисленных народностей Северного Кавказа. Это заставляет приоткрыть завесу над третьей группой публикаций. В качестве примера я приведу данные только по Дагестану. К 1930 г. среди его жителей насчитывалось 27 коренных народов, включая в их число кумыков, ногайцев и татов [91, с. 21—33; 92, с. 165—177], а по более поздним изданиям, в стране стало числиться «10 коренных народностей», к которым можно еще присоединить татов [93, с. 22 сл.; 94, с. 67 сл.]. Что же произошло, например, с андийцами, годоберинами, кайтаками? Обычно писали об их консолидации вокруг крупных местных народов — аварцев, даргинцев и др. Если говорить яснее и проще, за последние 30—40 лет они лишились своего лица и были приписаны к другим народам. О них отсутствовали статистические данные [95, 96], редко говорилось в печати. Естественно, такое положение «есть на самом деле провозглашение неравноправия этносов» [97, с. 14]. Только за последние годы стали вспоминать о том, что у малочисленных народов имеются свои языки и культура, говорить о необходимости «этнического комфорта» для каждого живущего в республике [98], в газетах и книгах появились перепечатки из старых изданий, посвященные этим народностям [99, 100]. Сказанное касается и других полузабытых даже по названиям народностей Северного Кавказа. Я уверен, что местные археологи давно готовы работать над тематикой, связанной с культурой подобных этносов.

Думаю, что археологи Северного Кавказа, если им дорога научная истина, должны избегать эффектных и быстротечных теорий. Не дело ученых играть на нервах наших современников, подогревая на Кавказе и без того жаркую межнациональную обстановку. Очень важно как-то активизировать издание научных трудов и хорошо продуманных популярных книг на историко-археологические темы. К сожалению, на книжных полках превалирует сейчас явная макулатура.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Съезды народов Терека. 1918 г. (сборник документов и материалов). Т. 1. Орджоникидзе: Ир, 1977.
2. *Зотов В. Д.* Национальный вопрос: деформации прошлого//Суровая драма народа. М.: Политиздат, 1989.
3. *Измайлов А.* Тайны веков: гипотезы, предположения, аргументы//Газета «Голос Чечено-Ингушетии». Грозный. 19 февр. 1991.
4. *Карасаев А. Т., Мациев А. Т.* Русско-чеченский словарь. М.: Русский язык, 1978.
5. *Ошаев Х. Д.* Малхиста//Революция и горец. 1930. № 8.
6. *Сулейманов А. С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. I. Грозный, 1976.
7. *Истрин В. А.* Развитие письма. М., 1961.
8. *Hodjash S., Berlev O.* The Egyptian Reliefs and Stelae. L., 1982.
9. *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971.
10. *Чахкиев Д. Ю.* О социальном и конфессиональнном статуте владельцев вайнахских боевых башен с крестами-голгофами//Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
11. *Амиранашвили Ш. Я.* История грузинского искусства. М., 1963.

12. Триодь цветная. М., 1856.
13. *Сергиев И. И.* (св. Иоанн Кронштадтский). О кресте Христовом. СПб., 1896.
14. *Измайлов А.* Тайны веков ...//Газета «Голос Чечено-Ингушетии». Грозный, 20 февр. 1991.
15. *Матье М. Э.* Древний Египет//Искусство стран и народов мира. Т. I. М., 1962.
16. *Измайлов А.* Боги вайнахов — Осирис и Тот в названиях храмов и святилищ//Газета «Импульс». Грозный. № 25—28, июль 1992.
17. *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. М., 1969.
18. *Алборов Б. А.* Ингушские «Гальерды» и осетинские «Аларды»//Изв. Ингушск. НИИ краеведения. Вып. 1. Владикавказ, 1928.
19. *Коростовцев М. А.* Религия древнего Египта. М.: Наука, 1976.
20. *Марр Н. Я.* К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пелазги»//Зап. Восточн. отд. РАО. 1925. Т. XXV.
21. *Хадзиев Ю.* Италия (древние этруски и римляне)//Газета «Республика». Грозный. 5 сент. 1991.
22. *Вагапов Я. С.* Вайнахи и сарматы. Грозный: Книга, 1990.
23. *Попов А. И.* Названия народов СССР. Л.: Наука, 1973.
24. *Буриан Я., Моухова Б.* Загадочные этруски. М.: Наука, 1970.
25. *Тимофеева Н. К.* Религиозно-мифологическая картина мира этрусков. Новосибирск: Наука, 1980.
26. *Соколов Г. И.* Искусство этрусков. М.: Искусство, 1990.
27. *Дешериев Ю. Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
28. *Бокарев Е. А., Климов Г. А.* Иберийско-кавказские языки (введение)//Языки народов СССР. Т. IV (иберийско-кавказские языки). М.: Наука, 1967.
29. *Климов Г. А.* Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986.
30. *Джапаридзе О. М.* На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси: Изд-во ТУ, 1989.
31. *Дьяконов И. М.* Хурритский язык и другие субстратные языки Малой Азии//Древние языки Малой Азии. М.: Наука, 1980.
32. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
33. *Бакаев Х.* Вайнахи, штрихи к портрету//Газета «Университетский вестник». Грозный. 23 и 30 окт. 1989.
34. *Гернот В.* Древний народ хурриты. М.: Наука, 1992.
35. *Заболоцка Ю.* История Ближнего Востока в древности. М.: Наука, 1989.
36. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959.
37. *Пиотровский Б. Б.* Искусство Урарту VIII—VI вв. до н. э. Л., 1962.
38. *Газиев Р.* Нахчи — дети вселенной//Газета «Республики». Грозный. 5 сент. 1991.
39. *Марковин В. И.* Об археологическом аспекте в изучении этногенеза вайнахов//Тезисы Всесоюз. науч. конф. «Проблемы происхождения нахских народов». Шатой, 1991.
40. *Мужухоев М.* Нахские народы. Их происхождение (со Всесоюзный научной конференции)//Газета «Голос Чечено-Ингушетии». Грозный. 25 сент. 1991.
41. *Мансуров Н. С.* Первобытные осетины//Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. II. Цхинвали: Ирыстон, 1982.
42. *Хамицев В. Л., Балаев А. Ч.* Давид Сослан, Фридрих Барбаросса... Алания от Палестины до Британии. Владикавказ, 1992.
43. *Гутнов Ф. Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе: Ир, 1989.
44. *Кузнецов В. А., Пудовин В. К.* Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов»//СА. 1961. № 2.
45. *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971.
46. *Дюмезиль Ж.* Осетинский язык и мифология. М.: Наука, 1976.
47. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М.: Наука, 1992.
48. *Пшеничный О.* Явление св. Георгия осетинскому народу//«Комсомольская правда». 29 февр. 1992; см. также: *Алан О.* Пришествие св. Георгия//Кавказ, № 1, Владикавказ, 1993, с. 12—13.
49. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение дольменов Западного Кавказа//Сообщ. Научно-метод. совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М., 1974.
50. *Николаева Н. А.* Кубано-терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы (выделение и периодизация кубано-терской культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1987.
51. *Марковин В. И.* К вопросу о происхождении западнокавказских дольменов//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
52. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау//Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
53. *Блиев М. М.* О некоторых проблемах изучения Северного Кавказа//Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
54. *Свешников И. К.* Культура шаровидных амфор//САИ. 1983. Вып. В1-27.
55. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Хронология и происхождение майкопского искусства//Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
56. *Сафронов В. А.* Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам//Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.

57. *Виноградов В. Б.* Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон в этнокультурной истории центральной части Северного Кавказа//Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
58. *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.
59. *Дьяконов И. М.* Эпос о Гильгамеше («О все видавшем») М.; Л., 1961.
60. *Редер Д. Г.* Мифы и легенды древнего Двуречья. М.: Наука, 1965.
61. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1988.
62. *Афанасьева В. К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М.: Наука, 1979.
63. *Мизиев И.* Балкарец легко понял бы шумера//Газета «Альтернатива». Нальчик. 20 июня 1991.
64. *Ибрагимов А.* Кумукский вопрос, или О бульдозерной «дружбе народов»//Газета «Къумукъ иш». Махачкала. № 1. дек. 1990.
65. *Джуртубаев М.* Наследие скифов//Газета «Советская молодежь». Нальчик. 29 июля 1988.
66. *Мизиев И.* Все ли мы знаем о скифах? Газета «Советская молодежь». Нальчик. 26 авг. 1988.
67. *Магометов А. Х.* Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.) Орджоникидзе: Ир, 1974.
68. *Мизиев И.* Еще раз об аланах//Газета «Кабардино-балкарская правда». Нальчик. 20 дек. 1984.
69. *Мизиев И. М.* История рядом (беседы краеведа). Нальчик: Эльбрус, 1990.
70. *Мизиев И., Джуртубаев М.* Об одной ложной теории//Минги-тау. 1988. № 2 (на балкарском яз.). Пользуюсь переводом Б. Х. Атабиева, за что приношу ему благодарность.
71. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы//Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
72. *Алиев И. Г.* Изучение проблем древней истории, филологии и археологии в Азербайджане в 1977—1987 годы//ВДИ. 1988. № 1.
73. *Магомедов Г.* Об этногенезе кумыков//Газета «Маджлис». Махачкала. № 20, 21, авг. 1991.
74. *Федоров Г. С.* Место и роль кочевников в этнической истории Северо-Восточного Дагестана//Тезисы Всесоюз. науч. конф. «Проблемы происхождения нахских народов». Шатой, 1991.
75. Сознавать меру ответственности. За «круглым столом» ученые Чечено-Ингушетии и Северной Осетии//Газета «Голос Чечено-Ингушетии». Грозный. 14, 15, 16 нояб. 1990.
76. *Чеченов И. М.* К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа//СА. 1990. № 4.
77. *Ловпаче Н., Куек А.* Адыгский флаг. Откуда он?//Газета «Единство». Нальчик. 23 нояб. 1991.
78. *Генри О. Р.* Хетты. М.: Наука, 1987.
79. *Маршаев Р. Г., Бутаев Б. Б.* История лакцев. Махачкала, 1992.
80. *Гамсахурдиа З. К.* Степень объективности. Открытое письмо академику Андрею Сахарову//Газета «Вечерний Тбилиси». 12 сент. 1989.
81. *Аджиев М.* Старая вера. Ее сохранили казаки//Независимая газета. 17 июня 1992.
82. Наша родословная//Газета «Предгорье Кубани». Лабинск. 15 февр. 1992 и другие номера.
83. *Лихачев Д. С.* Наука без морали гибнет//Известия. 24 марта 1989.
84. «Белое пятно» Каспия//Советский Дагестан. 1981. № 5.
85. *Ловпаче Н. Г.* Мегалитический музей в Усть-Сахрае//Газета «Эхо джэрпэджэжь». Майкоп. № 12, нояб. 1991.
86. *Нечитайло А. Л.* Памятники прикубанской культуры у истоков р. Теберды//Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1988.
87. *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Западный вариант//САИ. 1989. Вып. В2-5.
88. *Воронов Ю. Н.* Восточное Причерноморье в железном веке (Вопросы хронологии — и интерпретации памятников VIII в. до н. э.—VIII в. н. э.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. М., 1984.
89. *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант//САИ. 1977. Вып. В2-5.
90. *Давудов О. М.* Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.
91. *Самурский (Эфендиев) Н.* Дагестан. М.; Л., 1925.
92. *Алкадарский (Гассанов) А.-И.* Первая ступень географии и дагестановедения. Махач-Кала, 1930.
93. *Тагиров Б. Т.* Народонаселение Дагестана. Махачкала, 1967.
94. *Алиева В. Ф.* Народонаселение Дагестана. Махачкала, 1984.
95. Население нашей страны. Сообщение ЦСУ при Совете Министров СССР//Правда. 17 апр. 1971.
96. Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года на территории Дагестанской АССР//«Дагестанская правда». Махачкала. 24 июля 1990.
97. *Гусейнов Г., Драгунский Д., Сергеев В., Цымбурский В.* Этнос и политическая власть//Век XX и мир. 1989. № 9.
98. *Ибрагимов Г.* Экология малых этносов//«Дагестанская правда». Махачкала. 2 сент. 1989.
99. Андийский съезд: два взгляда//Газета «Маджлис». Махачкала. № 1. февр. 1992.
00. *Газиев Г.* Почему тиндинцы перестали праздновать «кьабу»//Газета «Кунак». Махачкала. № 1, окт. 1990.

Институт археологии РАН,
Москва

V. I. MARKOVIN

THE CONTEMPORARY PROBLEMS IN THE STUDY OF THE NORTH CAUCASIAN ETHNIC HISTORY

Summary

Some vivid nationalistic tendencies are observed in the North Caicasus beginning from 1990 in connection with the emergance of new republics. This situation resulted in the creation of new theories aimed not only at study of the origin of certain local people, but also at glorifying their age. The article deals with a number of works of this kind, mainly poorely documented mass media publications producing emotional political debates. The author mentions A. Izmaylov's writings where he states that the Chechens were the descendants of the ancient Egyptians; Yu. Khadziev's works where they were the descendants of the Etruscians. Kh. Bakaev stated that they were the Hurrites. Not less astonishing is V. Khamitsev's and A. Balaev's opinion that Iesus Crist, the Virgin Mary and even Friedrich Barbarossa were to belong to the Ossetes (the Scytho-Alanians). These points of view are critically analyzed in the article. The author also payes the attention to the hypothesis of V. A. Safronov and N. A. Nikolaeva who insist on the Aramean origin of Maikop tribes, and to the opinion of I. M. Miziev who maintains the Sumerian origin of turc tribes in the North Caucasus. Such sort of theories in based on non satisfactory knowledge of Caucasian ancient history and hot aspirations for originality. The author also suggests some methods in study of ancient and mediaeval North Caucasian sites.

В. Н. ФЕДОСОВА

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ

(методические проблемы) [1]

Обзор современной палеодемографии — задача очень сложная. Трудность синтетического анализа данных по современной палеодемографии определяется не столько нынешним прискорбным дефицитом информации о развитии любой области исследований за рубежом, сколько необходимостью в краткой сводке, охватывающей работы не более 5—7-летней давности, дать представление о палеодемографии как о науке. Автор не раскроет тайны, сказав, что сегодня подавляющее большинство русскоязычных археологов и антропологов не только не могут эффективно использовать достижения палеодемографии, но и вряд ли вообще представляют себе предмет, метод и фактические достижения этой науки. За исключением очень небольшого числа исследователей, которые действительно освоили методики современной палеодемографии, бóльшая часть специалистов прерогативу палеодемографии видит в успешном определении среднего возраста смерти для каждого отдельно взятого могильника, и, как правило, не более того.

Палеодемография — давно не метод анализа археологических и палеоантропологических данных. Выйдя на арену современных исследований немногим более 20 лет назад, палеодемография испытала столь бурный и стремительный скачок в развитии, что на сегодняшний день она имеет полное право именоваться отдельной научной дисциплиной. Количество работ, посвященных методическим подходам и анализу фактологического материала, огромно. Именно поэтому столь сложна задача описания достижений пятилетней давности в науке, о которой у нас практически нет никакого представления. В данной работе автор постарается по возможности подробно изложить основные понятия, методические поиски, а также результаты разрешения фундаментальных теоретических проблем палеодемографии через анализ четырех-пяти обзорных работ, появившихся в печати за период 1985—1992 гг., а также процитировать как можно более подробно работы, касающиеся частных методических разработок наших зарубежных коллег-палеодемографов примерно за тот же период времени.

Палеодемография прежде всего используется для оценки степени приспособленности популяции и общей характеристики ее статуса [1]. Палеодемографический метод изучения остеологических серий, пожалуй, наиболее четко теоретически обоснован и досконально продуман методически. На современном уровне развития научных представлений об антропоэкологии палеопопуляций палеодемография является одним из ведущих приемов в системе палеоэкологического исследования. Так, в схеме, предложенной А. Гудмэном и др. в 1984 г. [2] и детально разработанной А. Гудмэном и др. в большой работе 1989 г. [1], в качестве маркеров генерализованного и кумулятивного стресса предлагается использовать дифференцированные по полу и возрасту показатели смертности. Смертность как генерализованный показатель благополучия/неблагополучия палеопопуляции отражает неспецифическую реакцию группы на внешние стимулы. Как кумулятивный показатель она демонстрирует суммированное влияние дли-

[1] Данная статья является частью обзорной работы по современной мировой палеодемографии. Вторая часть работы, посвященная анализу фактических данных, появившихся в литературе за последние 5—7 лет, будет опубликована в следующем номере журнала.

© В. Н. Федосова, 1994 г.

тельного стресса на протяжении большого периода жизни индивидуумов в группе, в отличие от показателей эпизодического стресса, более точно и четко фиксирующих время появления и характер влияния стрессового фактора [2].

С первых же попыток палеодемографических реконструкций отчетливыми стали как основные пути развития палеодемографии, так и ее глобальные проблемы и методические несовершенства.

Попробуем кратко охарактеризовать историю развития идей в палеодемографии, опираясь на обширные обзорные работы последних 5 лет, специально посвященные палеодемографии как отдельной науке. Из русскоязычных обзоров можно указать на вводные части к статьям [3, 4], среди специальных сводок, вышедших за последние 5 лет в зарубежной палеоантропологии внимания заслуживает работа [5]. Очень краткой, но информационно насыщенной является обзорная глава в работе [2].

Так же как в обзорной главе А. Гудмэна и др. [2], в статье Т. И. Алексеевой и В. Н. Федосовой [4] обзору палеодемографических работ, кратко характеризующему историю этой молодой науки, отведено место предисловия. Однако, видимо, в связи с тем, что подобный обзор выходил на русском языке впервые, объем его куда больше, чем в цитированной американской работе. В данной русскоязычной статье четко характеризуются все понятия и определяются все методические тонкости палеодемографии.

Палеодемография возникла как раздел демографии, использующий для построения модельных таблиц дожития (таблиц смертности) традиционные для палеоантропологии результаты определения пола и возраста погребенных.

Базисными понятиями для палеодемографии, разработанными на основе популяционной теории, являются понятия стационарной и стабильной популяций. Основным инструментом и одновременно методом исследований являются так называемые таблицы дожития (таблицы смертности). Авторы указанного русского обзора [4] совершенно справедливо заостряют внимание на правомерности термина «популяция» в отношении реконструкций, производимых на основе скелетных серий. Понятие «палеопопуляция» несопоставимо с аналогами этого определения для современного населения. В отличие от «живой» популяции, представление о палеопопуляции складывается на основании размеров могильника, состава погребального инвентаря, конструкции погребений, антропологических характеристик, свидетельствующих о родстве. Под палеопопуляцией подразумевается реальное число захороненных в могильнике, раскопанном полностью.

К. М. Вейс (цит. по [4]), оценивая представительность материалов, лежащих в основе построения таблиц дожития, приходит к выводу о прямой необходимости принять некоторые допущения. Он утверждает, что остеологическая серия (также, как и перепись) является представлением о средней популяции — такой, которая характеризует выборку из гипотетической идеальной популяции. Вместе с другими подобными случайными выборками она дает половозрастное распределение, соответствующее модели идеальной гипотетической популяции. Без этого кардинального допущения все палеодемографические реконструкции теряют смысл.

Стационарная палеопопуляция — модель, в которой скорость роста приравнена к 0. Стабильная палеопопуляция характеризуется постоянством величины скорости роста (отрицательной или положительной, т. е. прироста или убыли). Безусловно, это модельные характеристики, как и само понятие «палеопопуляция». Однако палеодемографы с легкостью решились на априорное моделирование популяционных характеристик — основанием для такого решения послужило единство механизма, регулирующего рождаемость и смертность внутри вида Homo sapiens.

Стабильная популяция до сих пор остается в большей мере предметом исследования демографии, хотя в палеодемографии постоянно изобретаются приемы анализа скоростей роста палеопопуляции за счет учета мигрантных потоков, дифференцированного анализа рождаемости/смертности и т. п. (см. далее). Однако единой методики, как указывают авторы указанного обзора [4], пока нет. До

сих пор большинство исследователей-палеодемографов, приступая к составлению таблиц дожития, оговаривают стационарность палеопопуляции.

Из приведенной в работе Т. И. Алексеевой и В. Н. Федосовой [4] характеристики фундаментальных понятий палеодемографии вполне очевидны основные направления дискуссий, отшумевших в конце 70-х — начале 80-х годов и время от времени вспыхивающих в современных исследованиях. Авторы обзора [4] в качестве основных дискуссионных проблем указывают на проблему качества палеоантропологических данных. Первое требование, обеспечивающее высокое качество палеодемографических реконструкций,— полностью раскопанный могильник. Второе требование — полная сохранность информации о численном составе погребенных разных возрастных классов. Неудовлетворительное качество палеоантропологической серии, подвергаемой демографическому анализу, зачастую определяется недоучетом младенческих и детских материалов. Однако в результате моделирования разнообразных вариантов одной и той же палеопопуляции с переменной представительностью класса детей было показано, что недоучет количества детской части выборки значимо влияет только на демографические параметры этого возрастного класса — остальная часть таблицы дожития практически не меняется. Самым существенным образом искажается показатель продолжительности предстоящей жизни при рождении (E_0). Во избежание недоразумений, связанных с возможной деформацией этого параметра, многие исследователи предпочитают пользоваться показателем (E_{15}) — продолжительностью предстоящей жизни взрослого населения. Активные поиски решения проблемы недостаточной представительности младенческих и детских материалов — одна из ведущих дискуссионных тем в палеодемографии. Анализ зарубежной литературы за последние 30 лет, связанной с разработкой этой проблематики, приводится в обзорной части работы Г. П. Романовой [3], некоторые более поздние англоязычные работы цитируются в статье Т. И. Алексеевой и В. Н. Федосовой [4].

Другая, не менее важная проблема, связанная с качеством палеоантропологических данных,— это малый объем выборочных данных. При полностью раскопанном могильнике это один из генераторов нежелательных «фоновых шумов», трансформирующих таблицы дожития. Однако в специальных работах было показано, что «фоновые шумы» в таблицах дожития — в большей степени следствие несовершенной методики аналитической обработки данных, нежели недостаточности данных как таковой (см. обзор [4]).

В работе А. Гудмэна и др. [2], как и в ранее цитированных исследованиях, авторы выделяют два рода методологических проблем, вызвавших шквал критики: во-первых, качество данных, применяемых для построения таблиц дожития, во-вторых, сам характер использования таблиц дожития в палеодемографии. В аналитическом обзоре А. Гудмэна и др. [2] приводится краткая история дискуссии по данным двум проблемам, с цитированием основных работ, аргументированно выступавших в качестве дискутирующих сторон. В частности, указывается, что придирчивое отношение к качеству палеоантропологических определений возраста и пола погребенных было снято само собой в результате развития многофакторных методов диагностики. Гораздо серьезнее оказались проблемы, связанные с использованием таблиц дожития. Насколько адекватно таблица дожития, составленная по показателям, полученным на основе анализа остеологической серии, отражает реальную структуру популяции? Этот вопрос, проблема общей репрезентативности данных, проблема недоучета числа погребенных некоторых возрастных классов, проблема «шумов», вызванных резкими флуктуациями численности древнего населения, проблема оценки роста (убыли) палеопопуляции и спектра возможностей таблиц дожития в данной ситуации — список проблем далеко не полный, однако он, как полагают авторы обзорной главы в работе [2], уже может дать представление о глубине и емкости теоретических разработок, связанных с таблицами дожития. Однако при этом авторы [2] указывают, что все ограничения палеодемографического анализа остеологических серий — явле-

ния чисто практического порядка и вполне разрешимы в ходе работы над материалом.

Аналогичный обзор истории развития палеодемографии и анализ современного состояния палеодемографических исследований проведен в работе [5]. Успешная палеодемографическая реконструкция возможна при наличии полной остеологической серии, при знании хронологии (длительности захоронения, дифференциации горизонтов) и характера захоронения (поселения, военные захоронения, монастыри и т. п.). В качестве методических рекомендаций для палеодемографических исследований автор предлагает следующее. Если отсутствует хронологическая дифференциация материала, то лучше применять модель стационарной палеопопуляции; интерпретация палеодемографических данных должна предусматривать возможные колебания структуры палеопопуляции; при сопоставлении большого количества палеопопуляций необходим тщательный методический контроль сравниваемых данных — в противном случае возможны ошибки, связанные с деформацией данных из-за методических расхождений; нельзя использовать таблицу дожития для реконструкции реального состава популяции; при вычислении «недостающего» количества детей необходимо использовать природные и исторические сведения о местных условиях жизни; нельзя интерпретировать структуру смертности, используя абсолютную высоту кривой, так как возможен дефицит детей и взрослых с неустановленным возрастом смерти; в качестве характеристики серии можно рассматривать характер поведения кривой смертности.

Не столь категоричны Я. Пёнтек и А. Вебер [6]. Современная практика половозрастного определения позволяет получать результаты высокой степени надежности. Более того, постоянно происходит развитие и совершенствование многофакторного подхода к определению пола и возраста. Что касается дефектов реконструкции реальных популяционных показателей на основе таблиц дожития, то так вопрос не должен ставиться вообще. Таблицы дожития не дают представления о реальной популяции — они дают представления о моделях. Авторы придерживаются широко распространенной точки зрения на модельность реконструкций, основанных на таблицах дожития, поэтому, по их мнению, сопоставления палеодемографических данных с «реальной» демографией просто неправомерны — слишком различаются подходы к исследованию древнего и современного населения.

В рамках палеодемографического исследования материала реальной является оценка биологического статуса палеопопуляций, основанная на анализе реконструктивных показателей смертности и дифференциальной плодовитости. Такая оценка позволяет сравнивать адаптивную «эффективность» стратегий выживания групп, принадлежащих различным культурным и социальным системам [6]. Сравнения возможны на различных уровнях: микроэволюционном, культурно-хронологическом (в пределах разных хронологических периодов), территориально-географическом (в пределах одного хронологического периода).

Выступления в защиту «рациональной» палеодемографии, к которым можно причислить работу Я. Пёнтека и А. Вебера [6], являются отголосками отшумевшей дискуссии относительно существования палеодемографии как науки, начатой французскими антропологами Ж.-П. Боке-Аппелем и К. Массе в 1982 г. и продолженной ими же и американскими авторами Д. Ван-Джервеном и Дж. Армелагосом в ряде публикаций 80-х годов (подробности дискуссии детально изложены в любом из вышеперечисленных обзоров).

Реакцией на эту дискуссию можно считать большинство палеодемографических работ, посвященных методическим подходам к восстановлению половозрастной структуры популяций. Чтобы дать представление об этом направлении палеодемографических исследований, остановимся подробнее на некоторых работах.

Версия проверки половой структуры популяций предлагается в работе Мейндла и др. [7]. Анализ определений пола по скелетам 100 взрослых индивидов (в качестве половых определителей выступали череп и таз) позволил выяснить,

что у женщин половые особенности выражены намного сильнее, чем у мужчин. Мужчины гораздо чаще ошибочно диагностируются как женщины, но не наоборот. Авторы заключают, что отмеченный ранее численный перевес мужчин над женщинами во многих древних популяциях в действительности мог быть еще больше.

Любопытные ассоциации с вышеприведенным исследованием возникают при знакомстве с работами, посвященными анализу смертности от случайных причин среди современного населения. Смертность от случайных причин — катастроф, травм, пожаров, наводнений, утоплений и т. п.— могла быть основной в коллективах древних людей. Анализ 22 547 случаев подобных видов смертей в современной популяции показывает резкое преобладание мужской смертности над женской, при совпадении характера возрастных распределений в разнополых выборках [8]. Очевидно, анализ половой структуры палеопопуляций, реконструируемой по остеологическим данным, остается пока еще мало проработанной темой.

Корректирование возрастных диагностик, данных на основании анатомических, физиологических и палеопатологических критериев, в будущем, наверное, позволит с большей уверенностью утверждать о наличии резких структурных отличий древних популяций от современных. Систематического занижения возраста у древних людей при использовании многофакторного метода определения, по-видимому, не происходит, и резкие демографические отличия палеопопуляций от современных групп — реальный факт, а не ошибка метода [9].

Апологией использования современных методов половозрастной диагностики для палеодемографии, в противовес скептическим утверждениям Ж.-П. Боке-Аппеля и К. Массе, является работа Д. Грина и др. [10]. На основании ряда примеров использования показателей скелетных серий делается вывод о возможности моделирования демографической структуры палеопопуляции на основе остеологических данных.

Напротив, в работе Т. Моллесона утверждается принципиальная невозможность восстановления прижизненной структуры палеопопуляции на основании только показателей смертности, пусть даже корректно определенных [11]. Однако при внимательном прочтении работы создается впечатление, что автор не вполне осознает модельность реконструкций, производимых в палеодемографии, когда утверждает очевидную для всех истину о том, что возрастная структура живых представителей палеопопуляции не соответствует возрастной структуре смертности в палеопопуляции. Как очевидно из ряда указанных выше обзорных исследований, а также из процитированных разработок частных методов, возрастная характеристика смертности в палеопопуляции никем не соотносится с представительностью возрастных классов в «живом» населении. Поэтому думается, что скептицизм данного автора [11] — несколько абстрактного свойства.

Качеству палеоантропологических данных посвящен ряд работ, анализирующих представительность скелетных серий в связи с дифференциальной сохранностью материалов. Так, тщательный анализ представленности скелетных материалов по полу и возрасту в скелетной серии в сравнении с синхронными записями регистрации смертей на том же кладбище позволил Ф. Уолкеру и др. [12] сделать вывод о несоответствии смертности в скелетной серии реальной структуре смертности. В скелетной серии практически отсутствовали слабокальцинированные останки детей и стариков, тогда как представительность молодых взрослых индивидов была наилучшей [12]. Кстати, представительность мужских и женских костяков была практически адекватна реальной половой структуре смертности, поэтому здесь ошибок возникнуть не могло.

В то же время в работе К. Ланфир результаты аналогичного сравнения показателей скелетной серии и актов регистрации смертей дали вполне обнадеживающий результат [13]. По-видимому, в каждом индивидуальном случае необходимо более досконально анализировать диагенетические процессы в связи с почвенными и прочими иными условиями захоронения.

К аналогичному заключению о полной сопоставимости возрастных распределений в актах записи о смертях и при палеоантропологических определениях в соответствующей остеологической серии приходят канадские авторы [14]. Они же указывают на совпадение пропорций числа неполовозрелых и взрослых индивидов в «скелетной» и «реальной» выборках, на идентичность соотношений числа разнополых индивидов [14]. Правда, не совсем понятным представляется замечание авторов об обнаруженных при анализе актов регистраций смертей «хронологических» отклонениях показателей реальной популяции от остеологической выборки. Объяснений по поводу «хронологических» отклонений не дается, поэтому сомнения относительно правомерности определения остеологической серии как выборки из реальной популяции повисают в воздухе.

Попытки разработать методики устранения очевидных дефектов половозрастного распределения предпринимались неоднократно. Основным дефектом подобного рода является недостаточная представительность детской части выборки. На русском языке эта проблематика довольно подробно освещена в статье Г. П. Романовой [3], где дана краткая сводка основных зарубежных исследований на эту тему за период до 70-х годов. Указываются, в частности, нормативные границы соотношений детских и взрослых возрастов в сериях, соотношений младенческих и детских возрастов в части выборки, представленной неполовозрелыми индивидами, приводится сводная таблица встречаемости детских материалов в сериях различных эпох с разных территорий. Сама автор, столкнувшись с проблемой явно недостаточной представительности детской части выборки, решает ее за счет моделирования двух различных видов палеопопуляций. Автор предполагает возможность существования в эпоху ранней бронзы на территории современного Ставрополья двух вариантов палеопопуляций: с 10%-ной и с 30%-ной младенческой смертностью. Анализируя полученные в таблицах дожития параметры, воспроизводя варианты численности населения, автор обсуждает модель биологического статуса населения периода ранней бронзы, логически не противоречащую археологическим и этнографическим реалиям [3].

Принципиально другим вариантом «подгонки» распределения возраста смерти под логически непротиворечивую модель является соотнесение возрастных распределений смертности, полученных при анализе палеоантропологических данных, со стандартными демографическими моделями, известными из работ по современному населению. Подобное моделирование («подгонка») характеристик смертности одной из популяций древних охотников-собирателей Американского континента под тождественные современные модели (Яномама и (Кунг) дало обнадеживающий результат [15]. Оказывается, таким образом возможно воспроизвести не только вполне достоверную картину возрастного распределения смертности в палеопопуляции, но и на основе параметров современных популяций реконструировать показатели рождаемости и скорости роста палеопопуляции [15].

Еще одним вариантом восстановления «реальной» возрастной структуры смертности в палеопопуляции является подход, учитывающий при воспроизведении недостающей части возрастных распределений пропорциональный состав распределения смертности во взрослой части выборки. Взрослая часть выборки, как правило, имеет лучшую сохранность, нежели детская, поэтому половозрастной состав взрослого населения иногда позволяет достаточно достоверно реконструировать или хотя бы контролировать адекватность воспроизведения детской смертности в палеопопуляции. Соотношения скоростей рождаемости и вымирания в палеопопуляции позволяет оценивать качество выборочных данных. Так, на изъян, образованный явным «недостатком» старших возрастов в палеопопуляции, анализированной в 1977 г. Лавджоем и др. [16], указывает Н. Хоуэлл, подчеркивая, что при таком большом числе детских и юношеских индивидов и при явном недостатке представителей зрелого и старшего возраста такую популяцию просто некому было бы «содержать» [17].

Тщательный анализ пропорционального состава возрастных категорий умерших в архаичной палеопопуляции охотников-собирателей Карлстон Эннис позволил

Р. Менсфорту обосновать достоверность утверждений о наличии достаточно высокой пропорции индивидов, доживавших до весьма преклонного возраста (9% населения Карлстон Эннис доживало до возраста старше 50 лет) [18], что идет вразрез с общепринятым мнением об архаических палеопопуляциях, в которых в обязательном порядке недостаточно представлена когорта старшего возраста.

Изучение возрастной структуры пирамиды смертности, на мой взгляд, позволяет избежать ошибок, связанных с распространенным априорным принятием на веру «нормативов» детской смертности в палеопопуляциях. Довольно часто в литературе можно встретить мнение, что детская смертность не может быть ниже, скажем, 40% (например, для эпохи средневековья см. [19]). Однако нельзя не обратить внимание на ряд работ, критикующих подобные суждения. Так, показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении, колеблющиеся от 11 до 32 лет (в большинстве случаев меньше 20 лет), вычисленные на основании априорного допущения о высокой детской смертности в славянских палеопопуляциях с территории бывш. Чехословакии, не соответствуют критериям «реальных» палеопопуляций [20]. В данном случае автор приводит ряд доводов в подтверждение вывода о реальности факта низкой детской смертности, обосновывая его, в частности, утверждением о возможности продолжительного периода грудного вскармливания в средневековых славянских поселениях с территории Чехословакии [20].

Как уже было отмечено, анализ возрастной структуры пирамиды смертности в вышеперечисленных работах соотносится с воспроизведением коэффициентов рождаемости и вымирания в палеопопуляциях, т. е. с анализом скорости роста палеопопуляций и неизбежно с моделированием уже не стационарной, а стабильной палеопопуляции. Указанные работы Дж. Милнера и др. и Р. Менсфорта [15, 18], помимо всего прочего, разрабатывают проблему воспроизведения скорости роста/убыли палеопопуляции.

В литературе эта проблема имеет многостороннее освещение. Возможны различные варианты «вычисления» коэффициента роста/убыли палеопопуляции. Во-первых, вариант, исходящий, подобно приведенным выше примерам, из возрастной структуры смертности. Во-вторых, вариант, учитывающий «начальную» и «конечную» численности палеопопуляции на протяжении известного промежутка времени. Так, например, вариант проверки адекватности реконструируемых палеодемографических параметров коэффициенту роста палеопопуляции маори на протяжении 1000 лет, вычисленному на основании сопоставления начальной и финальной численностей популяции маори, позволил скорректировать некоторые демографические параметры палеопопуляции маори [24].

Третьим направлением, разрабатываемым в исследованиях стабильных палеопопуляций, является математическое моделирование. Это направление активно разрабатывается исследователями из США, откуда поступает большая часть работ данного направления.

Проверка тождественности демографических параметров палеопопуляций одной из демографических моделей современного населения может проводиться на основе математико-статистического сравнения большого числа современных групп. В качестве сводки за основу берется, как правило, фундаментальный труд П. Коул и А. Демени [22], включающий четыре региональных серии стандартных таблиц дожития (северные, южные, западные и восточные), различающиеся по показателям скоростей роста популяций и по основным эталонным демографическим характеристикам. Примером исследования подобного рода может быть работа Р. Пэйна [23]. Автор использовал демографические параметры (скорости рождаемости, скорости смертности, возраст смерти, скорость роста популяции и т. п.) эталонных западных таблиц дожития (для популяций развивающихся стран) из работы [22] для составления модельной таблицы дожития, параметры которой он сравнивал (методом χ^2) с соответствующими параметрами трех палеопопуляций, известных по литературе. В данном случае предметом обсуждения являлась степень соответствия палеопопуляции «эталону». При совпадении па-

раметров эмпирической и «эталонной» палеопопуляций все характеристики, полученные теоретически из таблиц [22] (скорость рождаемости, скорость смертности, скорость роста и т. д.), присваиваются палеопопуляции.

Математическое моделирование стабильных палеопопуляций может производиться на основе разработки конкурирующих с таблицами дожития моделей, описывающих демографическую динамику палеопопуляции. Примером такой работы может быть математическая модель риска смертности, составленная на основе пяти параметров [24]. Как считает автор, преимущество предлагаемой им модели перед таблицами дожития состоит в том, что нет необходимости учета возрастной структуры смертности, что дает возможность исследовать механизмы смертности в небольших по численности популяциях. Недостатком подобных моделей является излишнее математическое абстрагирование от эмпирических данных и требование учета таких характеристик смертности, которые не имеют конкретного воплощения в палеопопуляциях.

Показателем, вызывающим наибольшие затруднения в палеодемографических реконструкциях, является скорость рождаемости. А именно из разницы скоростей рождаемости и смертности восстанавливается коэффициент прироста/убыли палеопопуляции. Большое число современных исследований стабильных палеопопуляций посвящено реконструкциям показателя рождаемости (или фертильности). Математическое моделирование позволяет разрабатывать подходы к реконструкции показателя рождаемости из показателя среднего возраста смерти (например, [25]), подбирать статистические тесты для сравнения возрастноспецифической фертильности женщин [26].

Попытки восстановления динамики демографических показателей в палеопопуляции по остеологическим данным в современной палеодемографии касаются не только математического моделирования, но и непосредственных определений ряда динамических показателей, например фертильности.

Так, с конца 70-х годов ряд авторов неоднократно принимался за разработку методики прямой оценки фертильности женщин в палеопопуляции по степени морфологических изменений тазовых костей. В ряде работ было показано, что в процессе беременности, видимо, в силу гормональных изменений на тазовых костях женщин (так же, впрочем, как и на тазовых костях самок млекопитающих) остаются своеобразные «метки» (последнюю сводку по человеку и животным см. [27]). Некоторые авторы, шкалируя степень развития таких «меток», предлагают методики «вычисления» количества родов у женщин. Наиболее популярной стала методика Х. Улльриха, оценивающая степень развития ямок и бугорков на дорзальной поверхности лобковой кости. Тот же автор недавно предложил оценивать фертильность женщин по характеру травматических повреждений лобковых костей [28]. Несмотря на неудовлетворительные в целом результаты применения подобных методик [29], в литературе время от времени встречаются попытки их применения с последующим использованием результатов для реконструкции палеодемографических параметров (например, [21]), что вызывает вполне справедливую критику (например, [30]).

Нельзя сказать, что этими разработками исчерпываются современные палеодемографические исследования. Автором данного обзора выбрано очень небольшое число примеров, кратко характеризующих суть поисковых работ к развитию методических подходов в современной палеодемографии. Однако уже сейчас очевиден перенос акцентов с исследований стационарных палеопопуляций на активную деятельность в области разработки моделей стабильных палеопопуляций. Этот переход отнюдь не случаен. Стационарная модель, безусловно, удобна и проста, и большая часть авторов, работающих с палеодемографическими данными, пользуется именно ею. Однако стабильная модель ближе к реальности, нежели стационарная. Наверное, именно этим определяется повышенный интерес части палеодемографов к стабильной модели палеопопуляции. Как следует из цитированных выше работ, единой методики оценки параметров стабильной палеопопуляции пока нет: каждый автор выбирает оптимальный, на его взгляд, способ

ценки — от анализа возрастной пирамиды и «подгонки» под современные демографические образцы до абстрактного математического моделирования. Однако магистральный путь развития современной палеодемографии связан именно с разработкой концепции стабильной палеопопуляции. Остается надеяться, что в будущем оформление единого подхода к анализу стабильных палеопопуляций станет той самой точкой опоры, которая позволит перейти от модельных палеодемографических реконструкций к объективной оценке реальной динамики демографических процессов в популяциях древнего населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Goodman A. H., Brook R. T., Swedlund A. C., Armelagos G. J.* Biocultural perspectives on stress in prehistoric, historical and contemporary population research//Yearbook Phys. Anthropology. 1989. № 31.
2. *Goodman A. H., Lallo J., Armelagos G. J., Rose J. C.* Health changes at Dickson mounds, Illinois (AD 950—1300)//Paleopathology at the origins of agriculture. Orlando, 1984.
3. *Романова Г. П.* Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополья в эпоху ранней бронзы//Вопр. антропологии. 1989. Вып. 82.
4. *Алексеева Т. И., Федосова В. Н.* К определению продолжительности жизни в палеопопуляциях//Санологические проблемы демографии (в печати).
5. *Wittwer-Bachofen U.* Überlick über den aktullen Stand paläodemographischer Forschung//Homo. 1989. V. 38. № 3—4.
6. *Piontek J., Weber A.* Controversy on paleodemography//Internat. J. Anthropology. 1990. V. 5. № 1.
7. *Meindl R. S., Lovejoy C. O., Mensforth R. P., Carlos L. D.* Accuracy and direction of error in the sexing of the skeleton: implications for paleodemography//Amer. J. Phys. Anthropology. 1985. V. 68. № 1.
8. *Relethford J. D.* Sex Differentials in unintentional mortality in relation to age at death//Amer. J. Human Biol. 1991. № 3.
9. *Mensforth R. P., Lovejoy C. O.* Anatomical, physiological and epidemiological correlates of the ageing process: A confirmation of multifactorial age determination in the Libben skeletal population//AJPA. 1985. V. 68.
0. *Greene D. L., Van Gerven D. P., Armelagos G. J.* Life and death in ancient populations: bones of contentions in paleodemography//Human Evolution. 1986. V. 1. № 3.
1. *Molleson T. I.* Skeletal age and paleodemography//The biology of human ageing/Eds Bittles A. H., Kollins K. J. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.
2. *Walker P. L., Johnson J. R., Lambert P. M.* Age and sex biases in the preservation of human skeletal remains//AJPA. 1988. V. 76.
3. *Lanphear K. M.* Testing the value of skeletal samples in demographic research: a comparison with vital registration samples//Internat. J. Anthropology. 1989. V. 4. № 3.
4. *Herring D. A., Saunders R. A., Boyce G.* Evaluating the representativeness of skeletal samples: a nineteenth century cemetry from Upper Canada//AJPA. 1992. Suppl. № 14.
5. *Milner G. R., Humpf D. A., Harpending H. C.* Pattern matching of age-at-death distributions in paleodemographic analysis//AJPA. 1989. V. 80.
6. *Lovejoy C. O., Meindl R. S., Pryzbeck T. R., Barton T. S., Heiple K. G., Kotting D.* Paleodemography of the Libben site, Ottawa County, Ohio//Science. 1977.
7. *Howell N.* Village composition implied by a paleodemographic life table: the Libben site//AJPA. 1982. V. 59.
8. *Mensforth R. P.* Paleodemography of the Carlston Annis (Bt-5). Late Archaic skeletal population//AJPA. 1990. V. 82.
9. *Чеснис Г. Ю. А.* Антропология древнего населения Литвы: Дис... д-ра биол. наук. Вильнюс, 1985 (с приложением).
0. *Stloukal M.* Paläodemographie der altslawischen Begrabnisstatten. Feststellungen und Probleme//Sb. Nar. muz. Praze. 1987. B. 43. № 2—4.
1. *Brewis A. A., Molloy M. A., Sutton D. G.* Modeling the prehistoric maori population//AJPA. 1990. V. 81.
2. *Coale A. J., Demeny P.* Regional Model life tables and stable populations. Princeton: Princeton Univ. Press, 1983.
3. *Paine R. R.* Model life table fitting by maximum likelihood estimation: a procedure to reconstruct paleodemographic characteristics from skeletal age distributions//AJPA. 1989. V. 79.
4. *Gage T. B.* Mathematical hazard models of mortality: an alternative to model life tables//AJPA. 1988. V. 76.
5. *Horowitz S., Armelagos G., Wachter K.* On generating birth rates from skeletal populations//AJPA. 1988. V. 76.
6. *Handwerker W. P.* Sampling variability in microdemographic estimation of fertility parameters//Human Biol. 1988. V. 60. № 2.
7. *Tague R. G.* Bone resorption of the pubis and preauricular area in humans and nonhuman mammals//AJPA. 1988. V. 76.

28. *Ullrich H.* Fertilitätsscha tzungen anhand geburtstraumatischer Veranderungen-Moöglichkeiten und Grenzen//Anthropologie. 1987. V. 25. № 2.
29. *Suchey J. M., Pierce L. C.* Assessment of the Gilmor technique for estimating births from the os pubis//AJPA. 1992. Suppl. № 14.
30. *Coppa A.* La stima della fecondita durante l'eta del ferro in Italia centrale. Una revisiona critica dei dati, delle elaborazioni e dei risultati//Quaderni anatomia pratica. 1990. S. XLVI. № 1—4.

Институт археологии РАН,
Москва

V. N. FEDOSOVA

THE DEVELOPMENT OF MODERN PALAEODEMOGRAPHY (METHODOLOGIGAL PROBLEMS)

Summary

The article is a review in the field of methodological problems of modern palaeodemography. The author pays a special attention to the investigations of stable population models. Recently the models of stationary palaeopopulation are very popular being easy and productive in use. But the author stresses that the first ones are more close to reality and this fact defines the growth of interest towards them. A single method of stable palaeopopulation's demographic evaluation practically does not exist, as each scholar choses the one of his own, for example, from simulation palaeodemographic models using modern demographic data to purely mathematic modelling. But it is method of stable palaeopopulation models which represent the main way of the modern palaeodemographic studies' development.

А. В. ЖУКОВ

ИНКСКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АРГЕНТИНЫ (1480—1536 гг.)

В конце XV — начале XVI в. государство инков достигло своего максимального территориального размаха. В это время вся обширная область Южных Анд, включающая в себя юго-запад и юг Боливии, крайний юг Перу, северо-запад Аргентины, а также северную и центральную часть Чили, была захвачена инками и включена в состав южной провинции империи — Кольясуйю. Завоевание этой области началось в 30-е годы XV в. при Инке Пачакути с захвата «царств» аймара на боливийском Альтиплано. В 70-е годы Тупа Инка Юпанки подчинил власти Куско юг Боливии, север Чили, северо-запад и, вероятно, запад Аргентины. При Инке Уайна Капаке (1493—1525 гг.) эти завоевания были упрочены.

Инкская экспансия в Аргентине охватила две культурно-исторические области: северо-западную и западную. Крайний южный памятник с инкскими материалами — Тамбильитос (провинция Мендоса) расположен на расстоянии более 2 тыс. км от столицы империи — Куско.

Исторических данных об инкском присутствии в Аргентине сохранилось немного. Наиболее достоверные сведения содержат хроники Хуана де Матьенсо (1566 г.), Херонимо де Бибара (1558 г.), Мариньо де Лобера (1580 г.).

К последней трети XV в. население многих районов Северо-Западной Аргентины достигло в своем развитии последней фазы разложения первобытнообщинного строя. Основу экономики составляли ирригационное земледелие и пастбищное скотоводство в условиях эксплуатации ресурсов различных экологических зон. Керамическое производство, добыча руды и металлообработка, очевидно, достигли уровня специализированных ремесел. Важнейшую роль играла система дальнего межрегионального товарообмена. Крупнейшие археологические культуры Аргентины позднекерамического периода (1000—1480 гг.) — Умауака, Санта Мария, Белен, Санагаста — демонстрируют общность как типов поселений, техники домостроительства и погребального обряда, так и отдельных категорий археологического материала. Ряд исследователей полагают, что некоторые поселения (Пукара де Тилькара, Тастиль) достигли городского уровня, однако другие считают, что города появились в Аргентине только при инках [1, с. 164; 2 с. 359].

Все известные памятники с инкскими материалами располагаются в горных провинциях: Сальта, Жужуй, Катамарка, Ла Риоха, Сан Хуан и Мендоса. На восточных отрогах Анд и далее к востоку, на территории Чако, они не найдены.

В настоящее время в Аргентине известно более 150 памятников с инкскими материалами. Однако имеющаяся информация довольно скудна и фрагментарна, поскольку исследовано и опубликовано было менее трети этих памятников. При этом систематические раскопки проводились только на нескольких поселениях (Пукара де Тилькара, Ла Пайя и др.). В большинстве случаев изучение памятника ограничивалось визуальной съемкой остатков архитектурных сооружений, сбором подъемного материала и иногда шурфовкой или расчисткой нескольких помещений.

© А. В. Жуков, 1994 г.

В 80-е годы в аргентинской археологии появился ряд обобщающих работ на данную тему [2—5]. Однако состояние ее изученности в настоящее время нельзя назвать удовлетворительным. Нет единой точки зрения на характер и цели присоединения Аргентины к Тауантинсуйю, хотя многие авторы сходятся на том, что оно осуществлялось мирным путем. В 1978 г. А. Р. Гонсалес сформулировал и обосновал гипотезу о том, что важнейшей целью инков были богатейшие рудные запасы [6]. Дж. Хислоп полагал, что контроль над Аргентиной был необходим инкам для захвата Чили [5, с. 176]. Г. Мадрасо и Г. Р. Оттонельо допускали также своего рода «аграрную» оккупацию с целью эксплуатации сельскохозяйственных ресурсов [7, с. 63].

Характер взаимоотношений инков с местным населением традиционно считают достаточно мирным. В пользу этого свидетельствует незначительное число инкских крепостей на территории Аргентины, отсутствие следов разрушений на памятниках этого времени, продолжение и даже расцвет существовавших ранее культурных традиций и т. д.

Дж. Хислоп предположил, что инки ввели в Аргентине свои государственные институты [5, с. 172]. Ряд авторов считают, что оккупация осуществлялась не собственно инками, а инкаизированными группами населения (прежде всего из Боливии) [2, с. 353; 3, с. 356; 6, с. 60]. С точки зрения Р. А. Раффино, инкская колониальная политика в Аргентине осуществлялась посредством переселения на короткое время различных групп переселенцев-митимаев, главным образом из Чили, для горнодобывающих и сельскохозяйственных работ, а также для охраны восточных границ империи [4, с. 268—273].

Инкское влияние на культуры Аргентины можно проследить во всех основных категориях археологического материала, но наиболее ярко оно выражено в архитектуре, керамике и металле. В аргентинской археологии пока не разработаны критерии для дифференциации инкских черт в изделиях из камня, кости, дерева, в наскальном искусстве. Нет также систематизирующих работ по керамике и металлу, в которых был бы осуществлен статистический анализ.

Следует особо отметить тот факт, что отдельные инкские могильники (или могильники переселенцев-митимаев) в Аргентине не обнаружены. Незначительное число погребений, найденных на поселениях, не опубликовано.

В 1987 г. Х. Шобингер раскопал в Аконкагуа на высоте 5300 м инкскую мумию: ребенок 7—9 лет был завернут в 12 покрывал, инвентарь содержал шесть инкских статуэток из золота, серебра, раковин [8, с. 185; 9, с. 177]. Инкская мумия была также обнаружена на другом инкском высокогорном святилище в Серро Эль Торо. Отдельные инкские вещи находят и в погребениях местных культур на всей территории Аргентины.

По имеющимся скудным данным можно полагать, что погребальная практика аргентинских культур не претерпела заметных изменений под воздействием инков.

Архитектура. Р. А. Раффино выделяет три группы признаков — первого, второго и третьего порядка — по степени достоверности принадлежности к инкской культуре [4, с. 76—81; 10, с. 97, 98]. Однако в его список включены как отдельные архитектурные детали (ниши, бойницы), так и типы построек (башни) и целые архитектонические комплексы (дороги, высокогорные святилища, горнорудные шахты). Подобная классификация, на мой взгляд, слишком условна и некорректна.

Можно выделить несомненно инкские архитектурные черты, встречающиеся на памятниках Аргентины. Прежде всего, это нехарактерный для местных культур комплекс жилых и хозяйственных построек, обнесенный, часто вместе с обширными дворами и корралями, общей стеной, прямоугольной в плане. Р. А. Раффино считает его типично инкской постройкой и выделяет в качестве основного диагностического признака для инкских памятников [10, с. 97]. Варианты данного архитектурного комплекса многочисленны. Более того, в разных районах при строительстве зданий данного типа применялись местные техники (например, «панцирная» кладка).

Из учтенных мною 118 памятников данный комплекс фиксирован на 72, а на 39 информация по данному признаку отсутствует, т. е. эти здания заведомо не обнаружены только на 9 памятниках, отнесенных к инкам. Следует также отметить, что в 37 случаях из 45, по которым есть подобная информация, памятники с инкскими постройками привязаны к горнорудным разработкам.

Характерный тип инкского здания — большие прямоугольные в плане дома с двускатной крышей и фронтоном («канча») — довольно редкая находка в Аргентине. Они зафиксированы на семи памятниках. Все это — крупные поселения, главным образом политико-административные центры, расположенные в узловых точках инкской коммуникационной системы.

К инкским постройкам относятся также каменные башни. На территории Аргентины они имели округлую или овальную в плане форму и служили различным целям: оборонительным (Фуэрто Кемадо, Пунта де Баласто и др.), для хранения сельскохозяйственных продуктов (Ринконада, Касабиндо и др.) и церемониальным (Потреро де Пайогаста).

Характерны отдельные, несомненно инкские архитектурные детали: бойницы разных форм, ниши в стенах зданий, трапециевидные окна. К сожалению, по публикациям невозможно установить, зафиксированы эти детали только на инкских постройках или также на местных. Исходя из косвенных данных, можно предполагать, что эти элементы были в определенной степени восприняты местными архитектурными традициями.

Типичная для инков техника тесаного камня встречается в Аргентине крайне редко и не в «чистом» виде, скорее представляя собой имитацию.

Таким образом, влияние инков выразилось прежде всего в планировке зданий, но не в технике их строительства: инки умело использовали местные архитектурные традиции. В то же время инкские постройки хорошо отличимы от местных.

Керамика. Керамические комплексы инкского времени в Аргентине многочисленны и разнообразны. Местные керамические традиции с приходом инков в основном сохраняются. Но влияние инков в керамике прослеживается довольно четко. В большинстве случаев оно проявляется в смешении керамических стилей.

А. Р. Гонсалес выделяет четыре группы керамики инкского облика: 1) импортная из Куско; 2) местная, имитирующая кусканскую; 3) местная, комбинирующая свои и инкские черты; 4) импортная (Из Чили, Боливии), комбинирующая инкские и неинкские черты [3, с. 340].

Собственно инкская керамика представлена, как правило, единичными находками (часто фрагментами), но на всей территории распространения инкских памятников от провинции Жужуй до провинции Мендоса. Главным образом это полихромные сосуды стиля Куско. Наиболее типичные формы — «арибаллы» и «арибаллоиды», плоскодонные кувшины с одной ручкой, тарелки с орнитоморфной ручкой. Известны также отдельные находки других стилей расписной керамики Куско. Неорнаментированная посуда представлена несколькими экземплярами так называемого горшка на ножке из Кебрады де Умауака и долины Абаукан. Несмотря на редкость таких находок, можно предполагать, что местное население было хорошо знакомо с кусканской керамикой, о чем свидетельствует наличие значительного числа комбинированных стилей.

Критерии для выделения имитаций (главным образом технологические) в литературе отсутствуют: по публикациям часто невозможно определить, являются ли находки импортными или местными.

В комбинированных стилях Инка-Пайя (или полихромного стиля Каса Морада), Вилуко-Инка и др. влияние инков наблюдается прежде всего в формах: наличие арибаллоидов, тарелок с орнитоморфной ручкой (Инка-Пайя), керообразных[1] сосудов (Вилуко-Инка, Хачаль), тогда как композиция и орнаментация сохраняют

[1] Керо — название высокого кубка, имеющего, как правило, вогнутые стенки, характерного для культур боливийского Альтиплано и Перу.

местные традиции. Отдельные инновации в декоре можно встретить в керамике культур Белен, Санта Мария, Умауака, Аймогаста (стили Белен III-Инка, Фамабаласто-Инка, Ангуаласта-Инка и др.). К сожалению, керамика инкского времени не подвергалась еще детальному изучению. Предварительный анализ материала позволяет сделать вывод, что в керамических комплексах крупных культур (Санта Мария, Белен, Умауака, Саногаста) не наблюдается принципиальных изменений традиций. Инновации проникают прежде всего в ритуальную керамику, известную по раскопкам погребений. Наиболее сильное влияние отмечено в керамике долины Кальчаки (стиль Инка-Пайя).

Особенно следует отметить наличие в Аргентине боливийской керамики стиля Инка-Пасахес (названа так по имени индейцев пасахес, населявших юг бассейна оз. Титикака). Это типичная для данного времени красноангобированная керамика с черным расписным орнаментом (стилизованные фигурки лам, пятна, точки). Сосуды этого стиля найдены на памятниках Северной Пуны (Яви, Ла Киака), Южной Пуны (Койпарсито), Кебрады де Умауака (Родеро, Пукара де Тилькара, Якораите) и севера долины Кальчаки (Потреро де Пайогаста). Довольно часто эта керамика встречается также в Северном Чили, особенно в районах Арика и Копьяпо. На основе этих данных некоторые исследователи выдвигают гипотезу о том, что инкская колонизация северных районов Аргентины осуществлялась при помощи аймарских переселенцев-митимаев из Боливии [3, с. 328; 4, с. 271]. По мнению Р. А. Раффино, переселение различных групп из одного района в другой в пределах Кольясуйю являлось одним из важнейших методов инкской колониальной политики, которая проводилась таким образом с целью обеспечения трудовыми ресурсами горнорудных разработок, обработки обширных земледельческих площадей, устройства системы дорог, для защиты границ и внутренней консолидации империи [4, с. 266].

Однако ни в погребальном обряде, ни в архитектуре и планировке аргентинских памятников присутствие инородных групп населения пока не зафиксировано. Распространение в Аргентине чужеродных стилей керамики из Чили и Боливии можно также объяснить наличием развитых экономических связей между регионами Кольясуйю. Для обоснования гипотезы о переселенцах-митимаях как главной составляющей инкских колониальных методов требуются более надежные доказательства.

Металл. По мнению Е. Ф. Майера, южноандская металлургия с самого начала развивалась по собственному пути как в отношении форм предметов, так и в технологии [11, с. 33]. Она имеет древние традиции: изделия из меди и золота появляются уже в комплексах первых керамических культур Аргентины на рубеже нашей эры или даже ранее. К моменту прихода инков местная металлургия достигла уровня специализированного ремесла. Оловянистые бронзы без примеси мышьяка использовались для производства ритуальных предметов, орнаментальных дисков, церемониальных топоров и украшений. Доля утилитарных вещей была меньше. В целом же можно говорить о существовании единой металлургической традиции, охватившей все районы Северо-Западной и Западной Аргентины задолго до прихода инков.

По всей видимости, инкское влияние не внесло кардинальных изменений в местную металлообработку. Технологически трудно отличить предметы инкского и прединкского времени. Это относится и к морфологии изделий. Несомненно инкскими являются следующие категории вещей: бронзовые ножи-туми, известные в незначительных количествах во всех районах, звездчатые булавы, крупные булавки-топу, распространенные повсеместно на оккупированной территории. На высокогорных святилищах найдены маленькие антропо- и зооморфные (ламы) ритуальные статуэтки из серебра, золота и их сплавов.

С приходом инков, несомненно, связано увеличение объема металлургического производства и, по-видимому, начало широкого использования орудий труда и оружия из металла [4, с. 182]. Очевидно, что инкская экспансия стимулировала развитие местной металлургии. Археологически это выражается в значительном

увеличении числа металлических предметов, особенно орудий труда, и в появлении новых видов вещей.

Р. А. Раффино разделил инкские памятники Аргентины на две категории: «чисто» инкские и смешанные, оговариваясь, однако, что памятники первой категории довольно редки [4, с. 56]. Он приводит список из 114 памятников с инкскими чертами.

А. Р. Гонсалес предложил классификацию на основе «морфологически-функционального принципа», выделив следующие типы памятников: 1) поселения, связанные с производством; 2) поселения, связанные с перераспределением и использованием прибавочного продукта; 3) поселения, связанные с системой коммуникаций; 4) военные поселения; 5) церемониальные памятники; 6) политико-административные поселения [3, с. 342]. Как признает сам автор, чаще всего памятник принадлежит к нескольким категориям, хотя возможно выделение доминирующей функции [3, с. 343].

В данной статье я попытаюсь совместить оба принципа классификации. Эта задача облегчается тем, что памятники смешанного типа в большинстве своем полифункциональны. К тому же выделить доминирующую черту часто мешает недостаточность информации. «Чисто» инкские памятники, как правило, невелики по размерам и монофункциональны.

Следует отметить, что понятие «чисто» инкского памятника применительно к Аргентине весьма условно. К данной категории относят те памятники, на которых не зафиксированы постройки местных типов. Необходимо подчеркнуть и тот факт, что даже на «чисто» инкских поселениях керамика инкского облика составляет обычно не более 30—40%, а остальной материал местный. Установить количество «чисто» инкских памятников в Аргентине в настоящее время не представляется возможным. По примерным подсчетам, оно не превышает одной трети от учтенных мною 118 памятников (рис. 1).

Прежде всего следует остановиться на особой категории археологических памятников — инкских дорогах. О них в Аргентине известно главным образом из письменных источников. Археологически дороги улавливаются плохо, трудность их идентификации заключается в том, что большая их часть функционировала до прихода инков и после них. Инкские дороги в Аргентине не имели каменной вымостки. Тем не менее здесь удалось зафиксировать более 100 участков таких дорог. Обычно выделяют два типа дорог инков: главные («королевские») и второстепенные. По мнению А. Р. Гонсалеса, на северо-западе Аргентины существовали две главных дороги, одна из которых шла через Пуну (высокогорное плато), другая — через Вальисеррану (зону горных долин). Обе они сливались в долине Кальчаки, и далее дорога шла на юг, вдоль течения крупнейших рек, до современной провинции Мендоса и оттуда в Чили [3, с. 347]. Общая протяженность с севера на юг составляет около 1200 км. От главной дороги отходили второстепенные к источникам воды (в Пуне), на горные перевалы, к горнорудным месторождениям. По подсчетам Р. А. Раффино, из 50 известных в Аргентине древних горнорудных разработок 46 (92%) привязаны к остаткам дорог [4, с. 213].

На дорогах в различных местах (Сьерра де Амбато, Сьерра де Фаматина, долина Йокавиль и др.) найдены межевые знаки — каменные блоки, установленные на обочине. Обнаружены также ступеньки, оградительные стенки и подпорные насыпи, так как на крутых склонах дорога обычно идет зигзагом.

В ключевых точках — на перевалах, развилках — можно встретить ритуальные кучи камней, так называемые апачета. Особенно много их найдено в долине Кальчаки. Самые крупные зафиксированы в Акай Пас: две кучи камней высотой 2 и 3 м и диаметром оснований по 7 м [5, с. 185]. Рядом обычно находят фрагменты керамики — остатки приношений. В Апачета Инганьян керамика инкского облика составляла 20%. Однако вряд ли можно утверждать, что апачета являются собственно инкскими культовыми сооружениями.

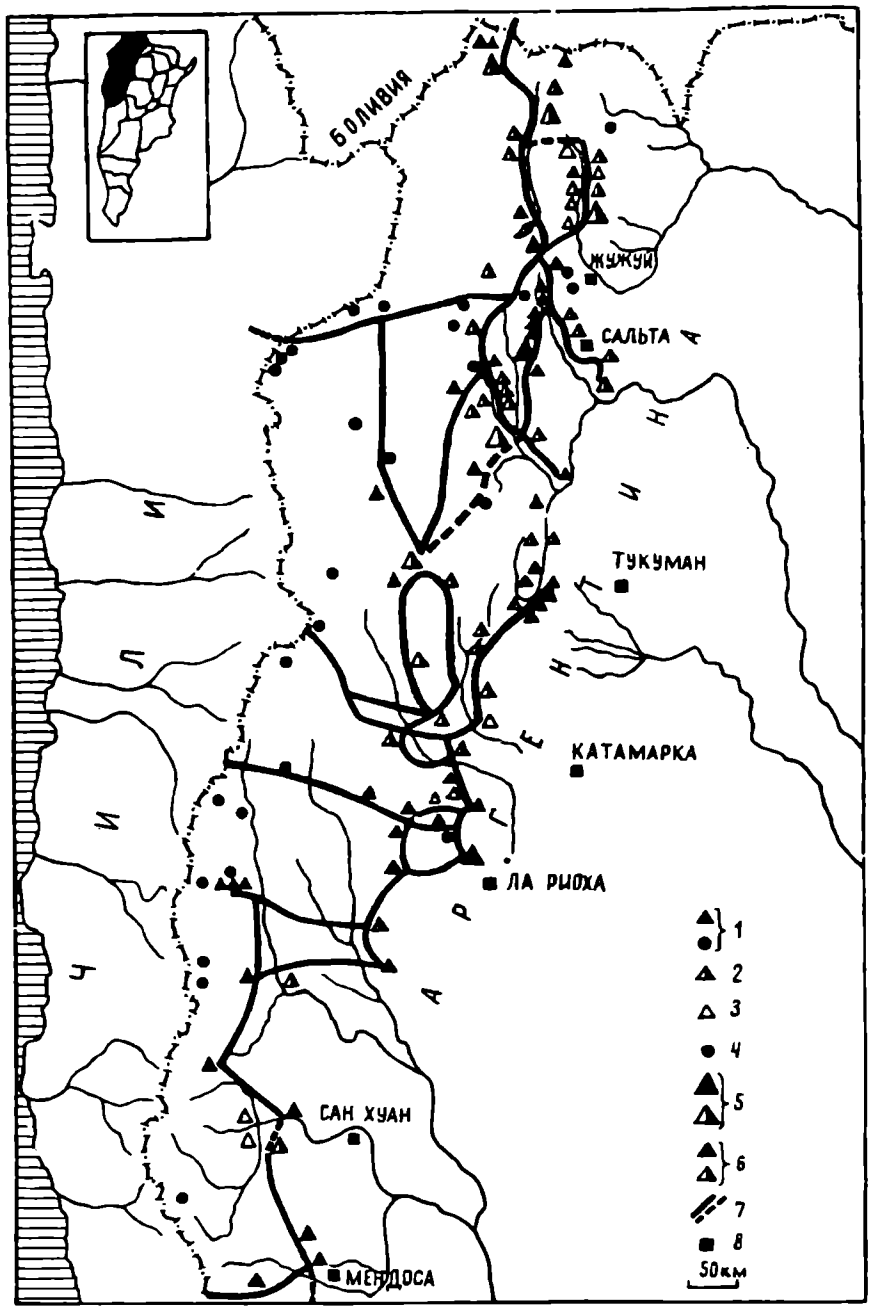


Рис. 1. Схема размещения инкских памятников на территории Аргентины. Типы памятников: *1* — «чисто» инкские; *2* — смешанные; *3* — неопределенные; *4* — высокогорные святилища; *5* — крупные центры; *6* — остальные памятники; *7* — инкские дороги; *8* — современные столицы провинций

К системе дорог была привязана сеть государственных дорожных станций — «тампу», располагавшихся на расстоянии не более одного дневного перехода друг от друга (расстояние это сильно варьировало в зависимости от конкретных условий района). Это самый многочисленный и наиболее характерный тип инкских памятников в Аргентине (рис. 2). Тампу либо строились в новых местах, либо устраивались на уже существующих поселениях. «Чисто» инкские тампу, за редким исключением,— небольшие, состоящие из одной или нескольких построек инкского типа (Пунта Сьенага, Лас Куэвас. Тамберия де лос Касадерос и др.), служивших в качестве жилых помещений и корралей для вьючных животных (Корраль Бланко, Корралито). На нескольких памятниках (Уальфин Тамбо, Тамбо де Килай) обнаружены круглые в плане постройки из камня, очевидно,

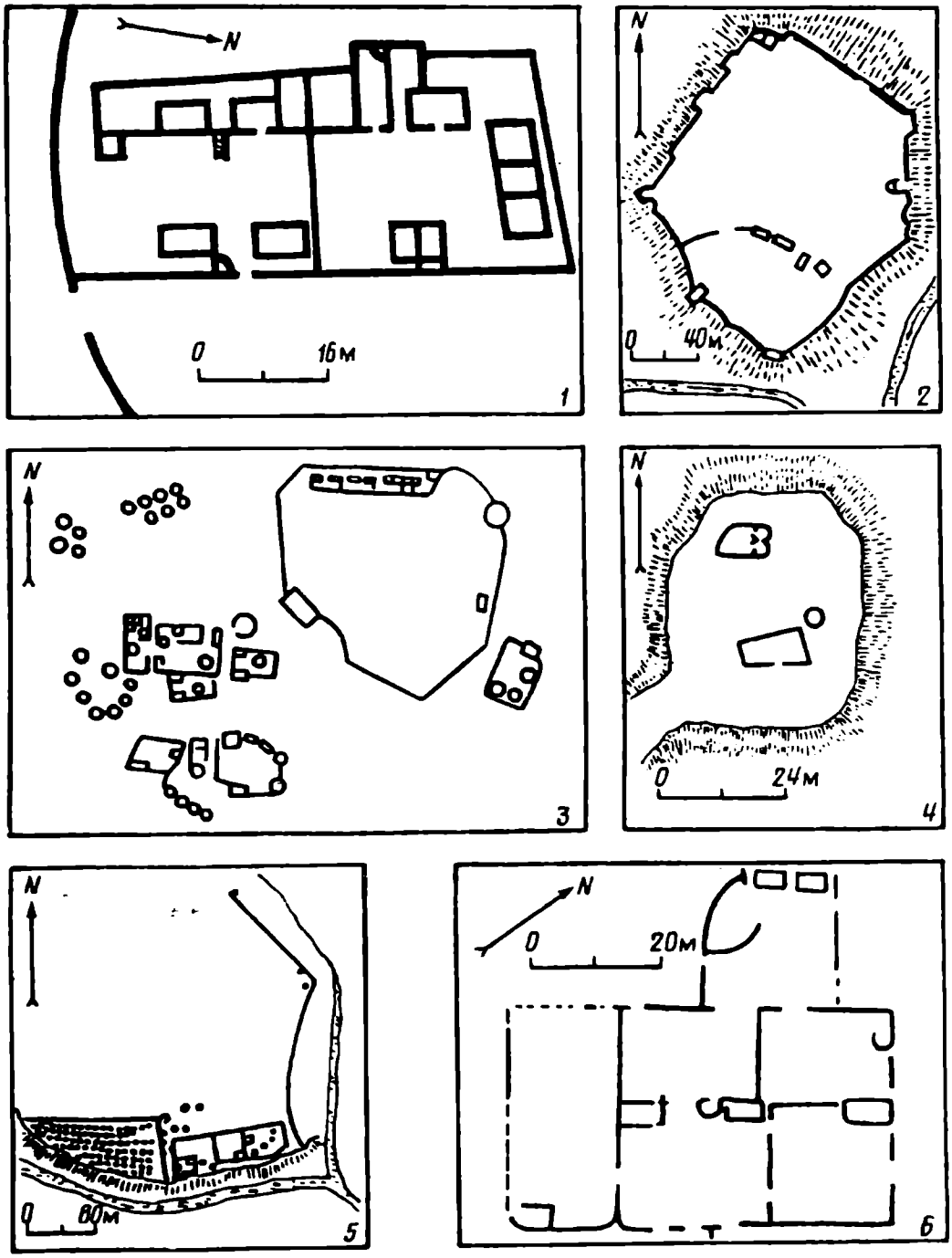


Рис. 2. Государственные дорожные станции «тампу»: *1* — Чилесито, здание № 21 («Тамберия дель Инка»); *2* — Ангастако; *3* — Уальфин Тамбо; *4* — Серро Морадо; *5* — Агуа Эдионда; *6* — Пунта Сьенага

зернохранилища — «колькас». В Уальфин Тамбо из 70 конструкций 33 являются «колькас» (рис. 2, *3*).

Крупные тампу располагались в стратегически важных точках: на горных перевалах (Невадо де Аконкиха), в устье долин (Кортадерос), на границе Пуны, где был возможен контроль над системой эксплуатации различных экологических уровней (Койпарсито). В большинстве случаев крупные тампу устраивались на местных поселениях, т. е. представляют собой памятники смешанного типа (Сьенага Гранде, Ранчильос и др.). По мнению А. Р. Гонсалеса, дорожные станции впоследствии часто превращались в важные административные и религиозные центры или в производственные поселения [3, с. 348].

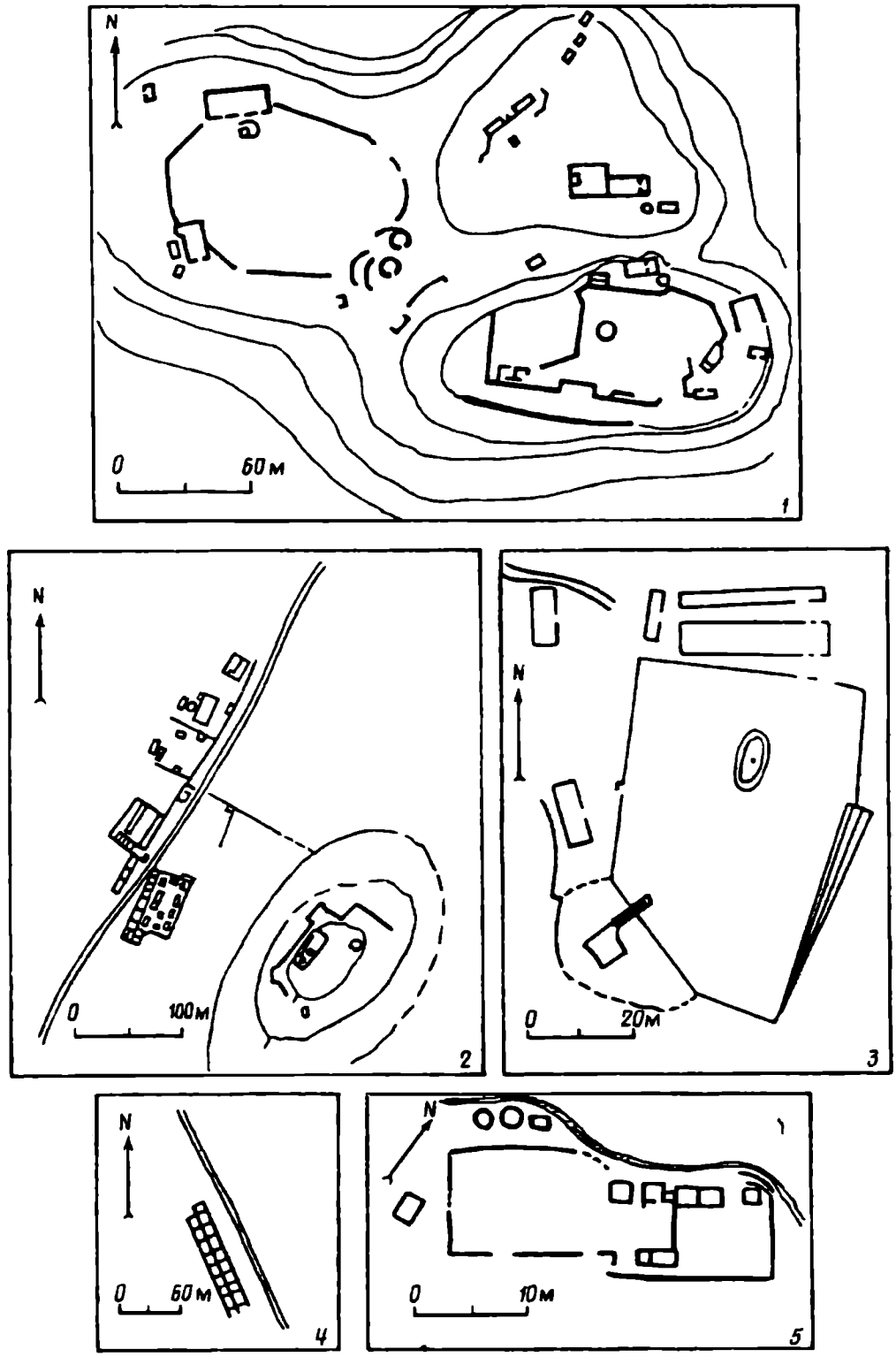


Рис. 3. *1* — Потреро де Пайогаста (центральная часть); *2* — Кортадерос; *3* — Невадо де Аконкиха (центральная часть); *4* — Корраль Бланко; *5* — Тамберия де лос Касадерос

Практически все тампу не имеют оборонительных сооружений, что свидетельствует о мирном характере взаимоотношений инков с местным населением. На территории Аргентины, однако, известно более 20 укрепленных инкских памятников. Но только два или три из них можно отнести к «чисто» инкским: Фуэрто де Андальгала, Кортадерос и Ангастако. Все они расположены в стратегически важных пунктах. Фуэрто де Андальгала — крепость на границе Коль-

ясуйю, проходившей по восточноандским отрогам. Она служила опорным пунктом обороны против племен лулес, живших на территории современной провинции Сантьяго дель Эстеро и часто вторгавшихся в зону горных долин.

Кортадерос — очень крупное тампу в долине Кальчаки. Оно состояло из небольшого поселения у инкской дороги и укрепленного холма. Дорога была перекрыта заградительной стеной (рис. 3, *2*).

Остальные памятники с оборонительными сооружениями — смешанного типа. В прединкское время на территории Северо-Западной Аргентины возникает много укрепленных поселений, так называемых пукара.

Все крупнейшие инкские памятники смешанного типа имеют оборонительные сооружения, чаще всего одну или несколько кольцевых стен. Однако установить культурную принадлежность этих поселений затруднительно. На ряде памятников (Фуэрто Кемадо, Пунта де Баласто, Инкауаси и др.) известны оборонительные башни. Их считают собственно инкской чертой [4, с. 116]. Другой инкской архитектурной деталью считают бойницы в стенах. Несомненно, что инки совершенствовали местные оборонительные системы, но широкого масштаба фортификационное строительство в Аргентине не приобрело.

Известно несколько памятников, вероятно, служивших в качестве продовольственных складов: Агуа Эдионда, Кампо дель Пукара, Пуэрто де Тастиль. На них обнаружено большое количество правильно расположенных маленьких насыпей (или каменных колец), которые можно интерпретировать как фундаменты зернохранилищ, имевших стены из адобов. В Кампо дель Пукара их насчитывается 1668, в Агуа Эдионда — 103. В Кампо дель Пукара — три группы земляных насыпей (A, B. C). В каждой из них насыпи расположены правильными параллельными рядами, строго ориентированными по сторонам света [12, с. 285, 286]. Все три памятника расположены недалеко от главных инкских дорог. Концентрация этих продовольственных складов в одном районе (расстояние между памятниками 50—90 км) позволяет выдвинуть предположение, что он являлся крупнейшим в Кольясуйю поставщиком сельскохозяйственной продукции.

Как уже указывалось, главной целью экспансии инков в Аргентине считается наличие здесь богатых рудных месторождений и длительной местной металлургической традиции. Р. А. Раффино приводит список из 56 памятников, связанных с горнорудными разработками [4, с. 251, 252] (рис. 4). Их число, вероятно, больше, так как из 118 учтенных памятников в 47 случаях нет информации по данному признаку. Для инков наибольший интерес представляли серебро (22 месторождения), медь (15) и золото (11).

Возможно, памятник Пунта Сьенага (Кебрада дель Торо) представляет собой образец «чисто» инкского поселения шахтеров (рис. 4, *1*). Инкские материалы есть и на памятниках Ла Энкрусихада и Лос Кобрес (оба в провинции Сальта) — небольших поселениях, на которых найдены рудоплавильные горны и по соседству меднорудные шахты.

Культурная интерпретация горнодобывающих памятников осложнена тем, что испанцы длительное время эксплуатировали те же месторождения, что и индейцы до них. Существует много исторических подтверждений инкской горнодобывающей активности [13, с. 277]. Есть также письменные свидетельства того, что на шахтах Аргентины трудились тысячи митимаев из других районов [2, с. 320; 3, с. 343]. Но прямых археологических подтверждений этому не найдено.

Ярким доказательством металлургической деятельности инков может служить тот факт, что основные районы концентрации инкских памятников совпадают с наиболее богатыми рудными районами Аргентины: север Пуны (свинец, серебро, цинк), Сьерра де Аконкиха (медь), Сьерра де Фаматина (золото, серебро, медь), долина Успальята (свинец, серебро, цинк) и др. (рис. 4). По мнению Р. А. Раффино, эти районы оказались наиболее инкаизированными [4, с. 257].

По публикациям, однако, трудно отличить небольшие поселения горнодобытчиков от дорожных станций, тем более что почти около всех рудных разработок найдены участки дорог.

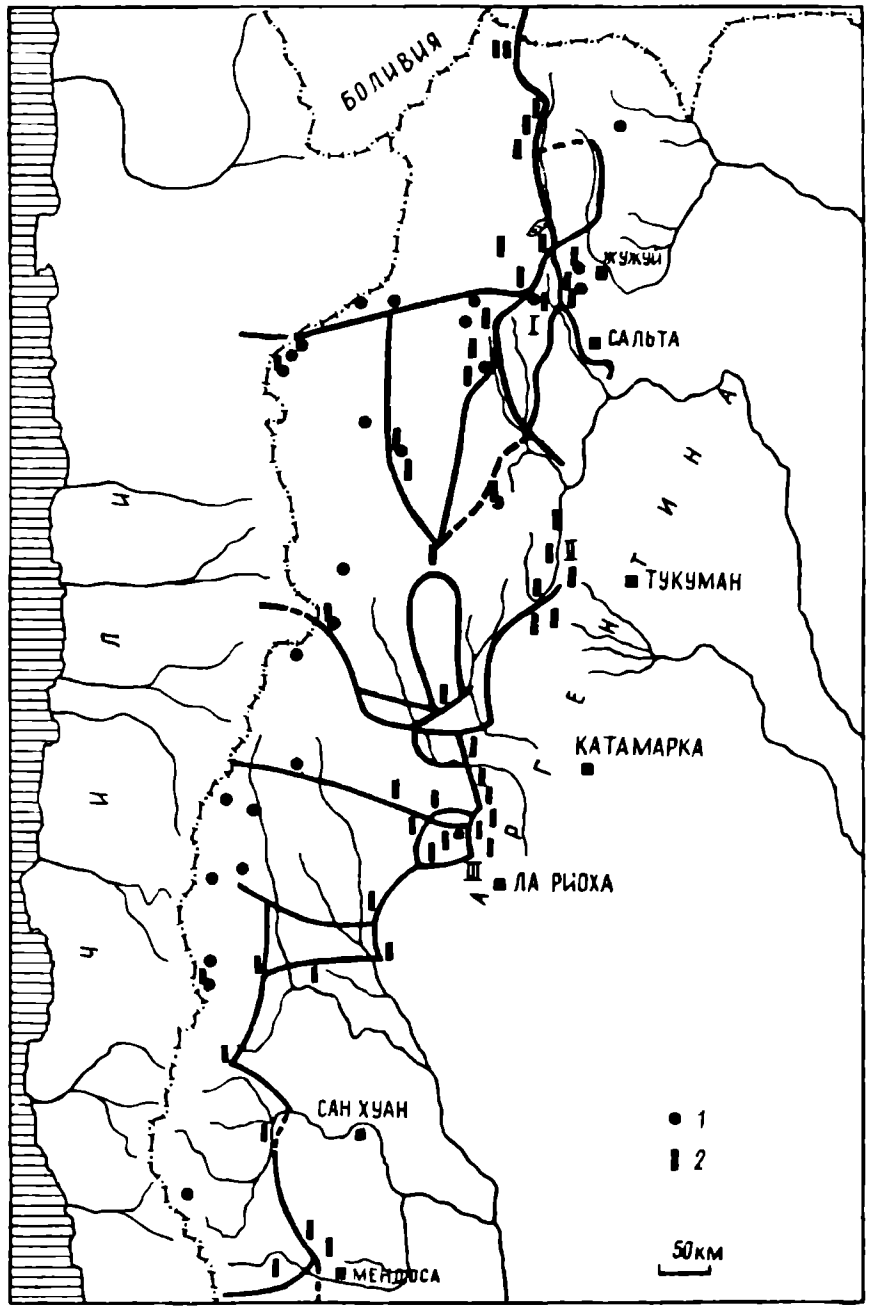


Рис. 4. Схема распределения высокогорных святилищ (*1*) и памятников с рудными разработками (*2*). I — Кебрада дель Торо; II — долина Санта Мария; III — Сьерра де Фаматина

Металлургические мастерские инков в Аргентине неизвестны. Только в Пунта Сьенага были найдены инкские материалы, связанные с этой отраслью производства.

Существует ряд данных о земледельческой деятельности инков в Аргентине. В Потреро-Чакиаго обнаружены многочисленные террасные поля и ирригационная система на площади около 2000 га; посреди этих полей разбросаны постройки инкского типа и найдена керамика инкского облика. Местные памятники в этом районе не обнаружены, поэтому есть основания считать всю систему инкской [14, с. 6].

Вокруг поселения Коктака (Кебрада де Умауака) расположен амфитеатром огромный массив террасных полей, общей площадью около 10 км^2. Здесь найдены разнообразные типы террас, разветвленная ирригационная система, ямы-храни-

лища, разбросанные среди полей. А. Р. Гонсалес считает, что террасные системы Коктаки (а также Касабиндо в Северной Пуне) могли быть разбиты только при наличии централизованной государственной власти. По его мнению, террасы в Коктаке были сооружены индейцами оклойя — колонистами-митимаями, переселенными инками в Кебраду [3, с. 343].

Если предположить, что памятники типа Агуа Эдионда являлись инкскими стратегическими складами продовольствия, то становится объяснимым историческое упоминание о том, что Диего де Альмагро получил 2 тыс. фанегов (368 тыс. л) зерна из инкских хранилищ Чикоаны (название одной из инкских провинций в Аргентине) и кормил им 500 испанцев и 5 тыс. индейцев два месяца [3, с. 345].

Таким образом, косвенные данные свидетельствуют о чрезвычайно активной деятельности инков в области земледелия в плодородных долинах Аргентины и, вероятно, хорошо отлаженном механизме хранения и перераспределения продовольственных запасов.

На территории Аргентины известны два типа церемониальных памятников инков: высокогорные святилища и ритуальные центры. К настоящему времени обнаружено 27 святилищ, большая их часть расположена на Западной Кордильере (на высоте 5000—6700 м), т. е. на границе с Чили (рис. 4). Обычно это небольшие круглые или прямоугольные платформы, забутованные землей, и несколько построек рядом, а также ниже по склону горы и у ее подножия. На аргентинских святилищах платформы зафиксированы в 12 случаях, а инкские постройки — в 10. На ряде памятников есть каменные монолиты, расположенные в центре святилища. На 15 памятниках найдены инкские пожертвования: керамика, металлические предметы, сумки с листьями коки, перья, одежда. На трех святилищах обнаружены человеческие жертвоприношения. Примерно на 10 памятниках есть горнорудные шахты. Р. А. Раффино полагает, что все высокогорные святилища в Южных Андах — инкские. По мнению А. Р. Гонсалеса, эти святилища — проявление древнего андского солярного культа, который был интегрирован и развит инками [2, с. 366].

Второй тип церемониальных памятников — ритуальные центры. Их в Аргентине известно два — Невадо де Аконкиха (Сьерра де Аконкиха) и Якораите-Бахо (Кебрада де Умауака). Невадо де Аконкиха расположен на высоте 4200 м на восточной границе Кольясуйю. Памятник состоит из двух частей, одна из которых — церемониальная, где расположены четыре каменные платформы, площадь, углубленная в грунт на 40 см, холм, выложенный каменными плитами, и два больших здания (рис. 3, *3*). Вторая часть — небольшое поселение с инкскими постройками.

Помимо собственно церемониальных памятников, отдельные ритуальные постройки инков известны на поселениях. В Потреро де Пайогаста, Чилесито, Пунта де Баласто и, возможно, в Донсельяс есть искусственные насыпи, так называемые ушно (церемониальные холмы). В центральном секторе Потреро де Пайогаста расположена круглая башня, служившая, возможно, для отправления солнечного культа. Следует отметить тот факт, что крупные инкские храмы типа уакас и чинканос в Аргентине неизвестны.

Как уже отмечалось выше, памятники смешанного типа трудно классифицировать по функциональному принципу. Однако здесь можно использовать чисто морфологический подход и выделить: 1 — крупные региональные центры (политико-административные поселения по схеме А. Р. Гонсалеса), 2 — районные центры, 3 — небольшие поселения или опорные пункты (сюда входят 1, 2, 3 типы памятников по А. Р. Гонсалесу и их комбинации).

Крупнейшие инкские памятники в Аргентине — Ла Пайя (долина Кальчаки) и Пукара де Тилькара (Кебрада де Умауака) — обладают рядом общих черт. Оба имеют оборонительную стену по периметру, хорошо дифференцируемые кварталы, площади, улицы. Одно из интереснейших сооружений в Пукара де Тилькара — так называемая «Ла Иглесия» — большое здание (около 200 м^2 площадью) инкского типа с каменным алтарем внутри. Крупнейшая постройка

в Ла Пайя — Каса Морада — инкское здание из красного песчаника, под полом которого обнаружено несколько инкских погребений. В здании найдено большое количество полихромной керамики стиля Куско и нерасписной керамики инкских форм. Разнообразен и некерамический комплекс: деревянные кубки-керо, золотые ленты, диадемы и булавки.

А. Р. Гонсалес отождествил оба памятника с центрами провинций, названия которых известны из письменных источников: Ла Пайя — с Чикоаной в одноименной провинции, Пукара де Тилькара — со столицей провинции Умауака [2, с. 327, 345]. Постройки Ла Иглесия и Каса Морада он считал резиденциями инкских наместников [2, с. 362].

Ла Пайя и Пукара де Тилькара — центры местных культур Кальчаки и Умауака; жизнь в них не была прервана инкским нашествием, но даже была активизирована им.

Крупный центр на главной дороге в долине Кальчаки — Потреро де Пайогаста, вероятно, один из крупнейших «чисто» инкских памятников в Аргентине. Он состоит из двух секторов: северный представляет собой типичный образец инкской архитектуры, а характер застройки и техника домостроительства южного сектора, по мнению Дж. Хислопа, не встречены более нигде в империи [5, с. 177, 178]. Следует отметить, что центральная часть этого сектора состоит из обнесенной стеной площади с ушну. У северного края площади расположено большое здание типа кальянка («дворец») с двускатной коньковой крышей и четырьмя дверями, выходящими к ушну. На другом конце площади возвышаются две круглые башни (рис. 3, *1*). Следует отметить тот важный факт, что подобный комплекс (площадь — ушну — кальянка) известен в Кольясуйю еще только на двух памятниках — Невадо де Аконкиха и Инкальяхта (Кочабамба, Боливия). Оба являются крупнейшими инкскими центрами.

Вероятно, «чисто» инкским памятником и региональным центром является Чилесито (провинция Ла Риоха). Это поселение площадью 16 га окружено по периметру трапециевидной в сечении стеной. Здесь зафиксировано 40 построек, большинство из которых, несомненно, инкского типа. Здание № 21 — так называемая «Тамберия дель Инка», расположенное у одного из трех входов на поселение,— самое крупное из памятников (рис. 2, *1*). Предположительно, оно служило тем же целям, что Каса Морада и Ла Иглесия. По мнению А. Р. Гонсалеса, Чилесито был центром горнорудного района Фаматина и. возможно, резиденцией инкского правителя [3, с. 341].

Гораздо больше памятников смешанного типа можно отнести к категории районных центров: Ринконада, Койпарсито, Фуэрто Кемадо, Пунта де Баласто, Ранчильос (Катамарка) и др. Все они имеют оборонительные стены, а некоторые (Фуэрто Кемадо, Пунта де Баласто) — и оборонительные башни. По мнению А. Р. Раффино, ряд памятников: Фуэрто Кемадо, Пунта де Баласто, Ринконада, Ангастако, Койпарсито — служили внутренними крепостями, где стояли инкские гарнизоны [4, с. 258]. Но все эти поселения были заселены и, вероятно, укреплены еще до прихода перуанских завоевателей. Характерно и то, что эти памятники занимают стратегически важные точки в своих районах.

Большая часть памятников смешанного типа является небольшими поселениями или опорными пунктами. К сожалению, имеющаяся информация очень скудна. Зачастую по публикациям невозможно определить даже их смешанный или «чисто» инкский характер (например, Пасо де Ламар). По типологии А. Р. Гонсалеса эти памятники являлись либо небольшими производственными поселениями, либо тампу.

Анализ распределения инкских памятников на территории Аргентины позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, наибольшее число памятников расположено в Вальисерране (зоне горных долин), где в благоприятных для земледелия условиях еще в доинкское время сложился ряд высокоразвитых культур. Речные долины этой зоны (особенно в провинциях Жужуй, Сальта и Катамарка) были плотно заселены. Этим

объясняется тот факт, что большинство известных здесь инкских памятников относится к смешанному типу.

В зоне Пуны инкские поселения сконцентрированы главным образом вдоль дорог и в редких оазисах, расположенных на границе плато (т. е. на границе двух экологических зон). В Пуне больше «чисто» инкских памятников, прежде всего тампу. В 1986 г. в рамках проекта «Инки в Южных Андах» был обследован северный сектор Пуны, где на границе Аргентины и Боливии было обнаружено 23 новых инкских памятника, главным образом тампу на дороге [16, с. 186]. Эти памятники мною не учитывались, так как детальной информации по ним нет. Из 27 памятников Пуны рядом с 13 найдены горнорудные разработки. Известны только два укрепленных поселения — Койпарсито и Ринконада (оба смешанные).

В зоне восточных отрогов Анд инкские памятники неизвестны.

В западных провинциях Аргентины (Мендоса, Сан Хуан) поселения инков протянулись цепочкой вдоль главной дороги, проходившей через центральную часть этого района. Местные культуры не достигли такого уровня развития, как их северные соседи. Поэтому крупные памятники смешанного типа здесь не найдены. Основные типы инкских памятников — высокогорные святилища, небольшие производственные поселения и тампу (как «чисто» инкские, так и смешанные).

Во-вторых, на территории Аргентины можно выделить несколько наиболее инкаизированных районов. Это, прежде всего, верхнее течение р. Кальчаки и Кебрада дель Торо (28 памятников). Этот район отличает высокая плотность инкских поселений, наличие всех известных типов памятников. Район занимает исключительно выгодное географическое положение, находясь на стыке северных и центральных долин Вальисерраны, Северной и Южной Пуны и зоны восточных отрогов Анд.

Несколько меньше были инкаизированы районы: Кебрада де Умауака и север Пуны (16 памятников), Сьерра де Фаматина и долина Винчина (11). Характерно, что здесь расположены самые богатые в Аргентине месторождения серебра, золота, меди, свинца, цинка. Кебрада де Умауака также богата рудами, но подтверждения горнорудной активности на местных памятниках не найдено. Кроме того, Кебрада — центр крупнейшей земледельческой культуры Умауаки. Поэтому все инкские памятники здесь смешанного типа, разбиты на крупных местных поселениях. Для Сьерры де Фаматина, наоборот, характерно наличие небольших «чисто» инкских памятников.

Изучение проблемы инкской экспансии в Аргентине представляет интерес в аспекте проблематики взаимоотношений метрополии и колоний в рамках древней империи и особенно отражения этих отношений в археологическом материале. К сожалению, несмотря на значительное число публикаций и наличие ряда сводных работ, степень изученности данной темы нельзя признать удовлетворительной.

Предварительное изучение имеющейся информации позволяет считать более или менее достоверными следующие положения.

Инкская экспансия в Аргентине охватила всю горную область на северо-западе и западе страны. Запасы рудных ископаемых в этом регионе и развитые формы местного металлургического производства, несомненно, представляли большой интерес для империи. Другая предполагаемая цель колониальной политики инков в Аргентине — эксплуатация богатых земледельческих ресурсов.

Характер размещения инкских памятников свидетельствует, что инки захватили существовавшую систему коммуникаций и расширили ее. Дороги были поставлены под государственный контроль. Это способствовало развитию процессов межэтнической интеграции и активизации культурных связей. Следует отметить тот факт, что наиболее крупные памятники инков располагаются в «ключевых точках» страны: на границе экологических зон, в устьях долин, в центрах высокогорных оазисов. Можно предполагать, что главной задачей инков был

контроль над системой перераспределения продукции земледелия, скотоводства и ремесла на региональном уровне.

Сохранение большинства культурных традиций местных обществ позволяет считать, что экономическая самостоятельность и независимость на локальном уровне не были нарушены. По всей видимости, инки достаточно органичным образом интегрировали местную социально-экономическую структуру в свою политико-административную систему. Максимальная концентрация инкских материалов отмечена на самых крупных памятниках, которые играли, вероятно, роль центров местных вождеств.

Отсутствие укреплений вокруг большинства инкских памятников свидетельствует о мирном характере взаимоотношений с местным населением. Приход инков не нарушил процессов местного культурно-исторического развития. Более того, скорее следует предполагать благоприятный характер инкского влияния, выразившийся в развитии металлообработки и горного дела, возможно, в улучшении агротехнических приемов и, несомненно, в усложнении социально-экономической организации местных обществ и в развитии межэтнической интеграции.

Характер распределения и степень концентрации инкских материалов свидетельствуют о том, что различия в типах инкской колониальной деятельности зависели от местных социально-экономических условий, а также от культурных различий между этническими группами. Наибольшая активность инков отмечена в северных, наиболее развитых районах. В западных, менее развитых в доинкское время провинциях Аргентины (Сан Хуан, Мендоса), вероятно, следует предполагать меньшую степень интеграции инков с местным населением.

Что касается вопроса об основных методах инкской колониальной политики, то он остается спорным. Как уже отмечалось выше, аргентинские исследователи (А. Р. Гонсалес, Р. А. Раффино), опираясь прежде всего на письменные источники, считают, что переселение митимаев из других, чаще удаленных, регионов для ведения всех видов государственных работ составляло основу имперской политики. Но имеющихся археологических подтверждений этого положения явно недостаточно. На мой взгляд, значительно прояснить эту проблему могли бы раскопки небольших рядовых поселений, тщательное изучение погребального обряда этого времени, а также анализ и классификация чужеродных черт в инкской и местной архитектуре и керамике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Cigliano E., Raffino R. A.* Tastil un modelo cultural de adaptacion funcionamiento y desarollo de una sociedad urbana prehispanica//Relaciones de la Sociedad Argentina de Antropologia. N. S. T. VII. Buenos Aires, 1973.
2. *Gonzalez A. R.* Las provincias inca del antiguo Tucuman//Revista del Museo Nacional. T. XLYI. Lima, 1982.
3. *Gonzalez A. R.* Inca Settlement Patterns in a Marginal Province of the Empire. Sociocultural Implications//Prehistoric Settlement Patterns. In Honour of G. R. Willey. Cambridge, 1983.
4. *Raffino R. A.* Los inkas del Kollasuyu: origen naturaleza y transfiguraciones de la ocupacion inka en las Andes meridionales. Buenos Aires, 1981.
5. *Hyslop J.* The Inca Road System. N. Y.: Acad. Press, 1984.
6. *Gonzalez A. R.* El Noroeste Argentino y el area andina septentrional//Boletin Academia Nacional Ciencias. № 52: 3/4. Cordoba, 1978.
7. *Madrazo G. B., Ottonello G. R.* Tipos de instalacion prehispanica en la region de la puna y su borde. Olavarria, 1966.
8. *Dougherty B.* Southwestern Corner. Current Research//American Antiquity. 1988. V. 53. № 1.
9. *Pollard G.* Southern Corner. Current Research//American Antiquity. 1986. V. 51. № 1.
10. *Raffino R. A.* La ocupacion inca en el Noroeste Argentino//Relaciones de la Sociedad Argentina de Antropologia. N. S. T. 12. Buenos Aires, 1978.
11. *Mayer E. F.* Vorspanische Metallwaffen und werkzeuge in Argentinien und Chili. München, 1986.
12. *Boman E.* Antiquites de la region andine de la Republique Argentine et du desert d'Atacama. P., 1908. 2 vols.
13. *Strube E. L.* Los pucaras del N. O. Argentino son de filiacio incaico//Congreso de Historia Argentina del Norte y Centro. V. 1. Cordoba, 1943.

14. *Lorandi A. M.* Olleros del inka en Catamarca, Argentina//Gaceta Arqueologica Andina, ano 2. № 8. Lima, 1983.
15. *Casanova E.* Restauracion del Pucara. Buenos Aires, 1950.
16. *Dougherty B.* Southwestern Corner. Current Research//American Antiquity. 1987. V. 52. № 1.

Москва

A. V. ZHUKOV

INKA EXPANSION ON THE ARGENTINE TERRITORY (1480—1536)

Summary

The article is devoted to the problems of Inka expansion on the pre-Spanish cultures of the Northwestern Argentine and its reflection in archaeological materials. A stress is made on the classification and cartography of Inka sites which allowes the author to draw some conclusions concerning the character and aims of incaic expansion. The main goal of Cuzco empire in this area was exploitation of rich natural resources (copper, silver, gold) and agricultural potentialities of local tribes. Different cathegories of archaeological artefacts, such as architecture, pottery and metalwork demonstrate the general influence of Inka civilization on the material culture and socio-economic development of the local peoples. The author assumes that in the most developed argentinian societies (Santa Maria, Belen, Humahuaca cultures) under the Inka rulers the social structures of chiefdom type existed. Peaceful character of Inka administration in Argentine is supposed.

Дискуссии

От редакции

Опубликованная в № 3 за 1992 г. нашего журнала статья И. Н. Медведской «Периодизация скифской архаики и Древний Восток», как и ожидалось, вызвала заинтересованные отклики специалистов — археологов и востоковедов. Так, в № 2 за 1993 г. опубликованы статьи — отклики Д. С. Раевского, М. Н. Погребовой, С. Р. Тохтасьева, Я. А. Шера и Г. И. Смирновой. Ниже вниманию читателей предлагаются продолжающие дискуссию отклики И. М. Дьяконова, Г. Н. Курочкина, а также статья Л. К. Галаниной, представляющая собой самостоятельную работу, тематически связанную с темой дискуссии; поэтому редакция сочла возможным опубликовать ее в подборке материалов — откликов на статью И. Н. Медведской (поступившая в редакцию последней статья Э. А. Грантовского, посвященная хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии, будет опубликована в следующем номере журнала).

В «заключительном слове» И. Н. Медведская подводит итоги дискуссии, разъясняя и уточняя детали своей концепции истории ранних скифов.

Хотя участникам дискуссии и не удалось достичь единодушия в понимании ряда основных моментов раннескифской истории и хронологии скифских древностей, проведенный обмен мнениями (думаем, с этим согласятся и наши читатели) был, несомненно, полезным.

Л. К. ГАЛАНИНА

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ КЕЛЕРМЕССКИХ КУРГАНОВ

Келермесские курганы по праву считаются классическими памятниками периода скифской архаики, наиболее полно и ярко характеризующими культуру своего времени. И тем не менее спорадически возникают споры относительно конкретной хронологической атрибуции этих комплексов. Свидетельством тому является история данного вопроса, которая в максимально сжатом изложении сводится к следующему.

С момента появления в археологической литературе первых сообщений об открытии на левобережье Кубани этих бесспорно выдающихся древностей [1, с. 101; 2, с. 58, 59] и вплоть до начала 80-х годов их датировка колебалась в диапазоне рубежа VII—VI — второй половины VI в. до н. э. Самую раннюю из указанных дат первым предложил М. Эберт [3, с. 82, 83], а самую позднюю — М. И. Ростовцев [4, с. 312, 313]. Их заключения базировались главным образом на хронологии наиболее ярких предметов торевтики, в том числе и меча в золотых ножных, датированного Е. Придиком не позднее первой половины VI в. до н. э. [5, с. 14]. Оба исследователя приняли также на веру ошибочную информацию Б. В. Фармаковского о находке в Келермесе родосско-самосских сосудов первой половины VI в. до н. э. [4, с. 313 примеч.]. В 1938 г. К. Шефольд, исходя из стилистических особенностей отдельных сюжетов на серебряном зеркале (сцена со львом и быком, фигуры трех грифинов) и протомы грифона на золотой диадеме с розетками, счел возможным ограничить возраст Келермеса второй четвертью VI в. до н. э. [6, с. 9, 10, 12, 13]. Эта дата получила особенно широкое признание среди ученых (Б. З. Рабинович,

© Л. К. Галанина, 1994 г.

А. А. Иессен, Н. В. Анфимов, В. Г. Луконин и др.) после того, как в середине 50-х годов М. И. Максимова в результате всестороннего изучения серебряного зеркала и ритона отнесла их к числу уникальных образцов искусства греко-восточной торевтики 580—570 гг. до н. э. [7, с. 303; 8, с. 200, 201].

При этом довольно длительное время не придавалось должного значения высказываниям наших известных кавказоведов в пользу более низких дат отдельных келермесских комплексов. Между тем еще в 1940 г. Б. Б. Пиотровский утверждал, что захоронение знатного воина с церемониальной секирой и мечом в золотых ножнах не должно быть позднее начала VI, а возможно, и конца VII в. н. э. [9, с. 85].

В дальнейшем Б. Б. Пиотровский дополнительно аргументировал этот тезис ссылкой на материалы из погребения позднего VII в. до н. э. близ м. Зивие в Иранском Курдистане, где он обнаружил ближайшие стилистические параллели как парадному мечу, так и секире из Келермеса [10, с. 151 сл.; 11, с. 4 сл.].

В свою очередь Е.И. Крупнов, руководствуясь находкой в кургане 2, раскопанном Н. И. Веселовским (в дальнейшем 2/В и т. д.), фрагмента кавказского бронзового сосуда с зооморфной ручкой, связал этот комплекс с рубежом VII—VI или началом VII в. до н. э. [12, с. 28].

Неоднократно проблемы датировки Келермеса касался А. А. Иессен, полагавший, что этот аристократический могильник использовался для погребальных целей в течение нескольких десятилетий, по-видимому около 50 лет. Основываясь на искусствоведческих разработках К. Шефольда и М. И. Максимовой, а также на сходстве скифских материалов из Кармир-Блура и келермесской курганной группы, А. А. Иессен относил последнюю в основном к первой половине — второй четверти VI в. до н. э. Вместе с тем он предвидел и возможность выделения там более древних могил, но в пределах того же столетия [13, с. 112, 113; 14, с. 100, 101].

Очевидно, зависимостью от датировки К. Шефольда и М. И. Максимовой объясняется то обстоятельство, что А. П. Манцевич причислила золотые львиные головки от сиденья табурета и зооморфно орнаментированную фиалу к разряду ассиро-вавилонского импорта рубежа VII—VI вв. до н. э., хотя аналогии этим келермесским находкам были обнаружены ею на переднеазиатских памятниках VII и даже конца VIII в. до н. э. [15, с. 201; 16, с. 339]. В противоположность А. П. Манцевич Р. Барнет считал, что золотая чаша была изготовлена не позднее 600 г. до н. э., поскольку, с его точки зрения, «великие скифские вожди» были погребены на Келермесе вскоре после сокрушительного разгрома скифов Киаксаром и изгнания их из Передней Азии, т. е. в интервале между 625 и 600 гг. до н. э. [17, с. 92, 93].

М. И. Артамонов первый подверг сомнению заключение М. И. Максимовой о времени изготовления серебряного зеркала, предположив для него более низкую дату, но в самом Келермесе он видел могильник, возникший только в первой половине VI в. до н. э., после возвращения переднеазиатских скифов на родину [18, с. 19; 19, с. 57].

И все же стремление отечественных кавказоведов к некоторому удревнению келермесских комплексов в конце концов нашло признание и со стороны скифологов. Так, В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин, не единожды поднимавшие вопрос о дате Келермесских курганов, в одной из своих последних работ включили их в число скифских погребальных усыпальниц не позднее конца VII в. до н. э. [20, с. 43, 66, 67]. А Б. Н. Граков, специально не занимавшийся проблемой хронологии келермесских древностей, тем не менее связал их с рубежом VII—VI вв. до н. э., поддержав, таким образом, низкие даты Б. Б. Пиотровского и Е. И. Крупнова [21, с. 116]. Е. В. Черненко привел весомые аргументы в пользу датировки мельгуновского и келермесского парадных акинаков VII в. до н. э. Разделяя мнение Б. Б. Пиотровского о хронологической близости Зивие и келермесских захоронений, он выразил категорическое несогласие с В. Г. Лукониным, который на основании «ряда косвенных данных» возводил последние к

580—560 гг. до н. э., полагая, что они моложе саккызского комплекса на полстолетия или несколько меньше [22, с. 25, 26].

Дальнейшему изменению взглядов на возраст этих памятников способствовали анализ и классификация огромной серии найденных там уздечных наборов, что позволило автору данных строк впервые наметить хронологическое соотношение отдельных погребений и существенно скорректировать абсолютную дату в целом, замкнув ее в границах третьей четверти VII — рубежа VII—VI вв. до н. э. [23, с. 52, 53].

Одни исследователи безоговорочно поддержали наши выводы [24, с. 18—20; 25, с. 50; 26, с. 74], другие приняли их с различного рода поправками, причем диаметрально противоположного толка. Так, В. Р. Эрлих, обеспокоенный большим хронологическим разрывом между началом сложения ульской курганной группы и концом функционирования келермесской, предложил сместить верхний рубеж последней в первую половину VI в. до н. э. [27, с. 111, 112]. Однако в свое время Р. В. Анфимов справедливо указал на отсутствие генетической связи между этими могильниками, расположенными на значительном расстоянии друг от друга [28, с. 56].

Со своей стороны Г. Коссак, признавший вслед за нами наличие в Келермесе старших и младших в возрастном отношении курганов, отнес последние к третьему этапу разработанной им периодизации раннескифской культуры, охватывающему вторую половину VII в. до н. э. и, возможно, самое начало следующего столетия. Что касается древнейших келермесских захоронений, то в одной из своих работ он датирует их периодом около 700 г. до н. э. [29, с. 130], а в другой ограничивается указанием на их принадлежность ко второй фазе раннескифской культуры, падающей на первую половину VII в. до н. э. [30, с. 60, 61].

Полностью солидаризуется с Г. Коссаком в плане распределения келермесских могил по двум выделенным им хронологическим этапам И. Н. Медведская. По ее наблюдениям, памятники старшей келермесской группы синхронизируются с древностями скифского типа, встреченными на территории Ирана и Турции [31, с. 95 сл.].

В периодизации Г. Мансфельда курган 4 Д. Г. Шульца (в дальнейшем 4/Ш и т. д.) несколько предшествует по времени курганам Н. И. Веселовского [32, с. 39].

В. Г. Петренко, разработавшая для центральнопредкавказских памятников эпохи скифской архаики собственную хронологическую шкалу, опирающуюся главным образом на составы колчанных наборов, в меньшей степени на уздечные комплекты, включила Келермесские курганы во вторую возрастную группу, ограничивающуюся в основном второй половиной VII в. до н. э., что отвечает и нашим представлениям о датировке последних [33, с. 72, 73]. В то же время присутствие в курганах Н. И. Веселовского железных кольчатых удил, характерных, по В. Г. Петренко, преимущественно для VI в. до н. э., настораживает ее. Отсюда неуверенность в том, «что эти комплексы были старше или даже одновременны с погребениями Д. Г. Шульца, содержавшими одни только бронзовые удила, к тому же с нарезным орнаментом, истоки которого хорошо прослеживаются на удилах предшествующего периода» [33, с. 73]. Однако это явное недоразумение, ибо сочетание железных и бронзовых удил присуще курганам как Н. И. Веселовского, так и Д. Г. Шульца. Автор также напрасно не учитывает в своих хронологических разработках другие компоненты конского снаряжения.

Принципиально иной точки зрения придерживаются В. А. Кореняко и Т. М. Кузнецова, протестующие против «установки» на углубление даты не только Келермеса, но и других раннескифских памятников. По мнению В. А. Кореняко, келермесские и прочие северокавказские курганы с находками предметов позднеассирийской эпохи следует возводить не к VII, а к VI в. до н. э., поскольку в этих вещах он видит трофеи, привезенные скифами из ближневосточных походов [34, с. 4—15]. Т. М. Кузнецова, апеллируя к сообщению Геродота о

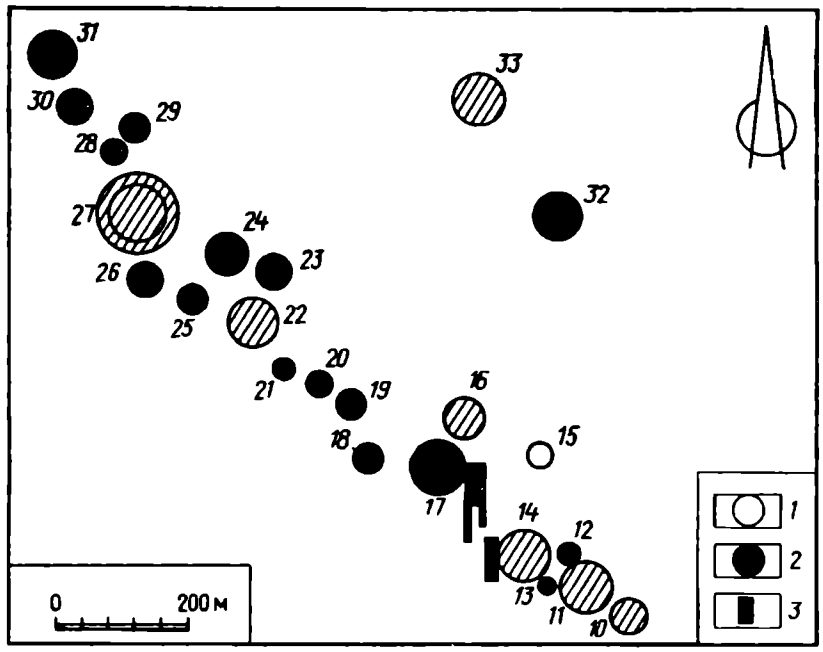
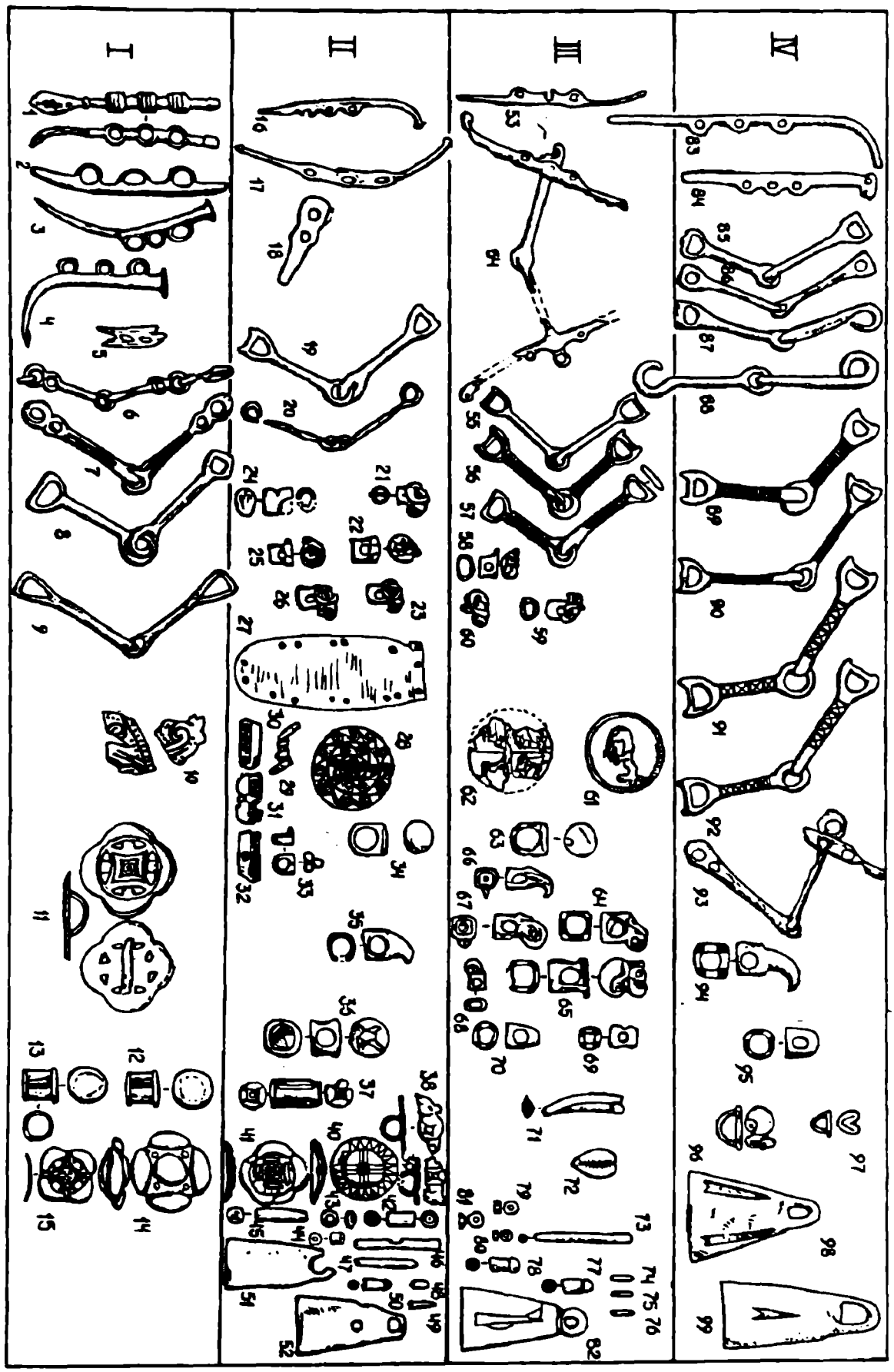


Рис. 1. План Келермесского могильника (деталь): *1* — дореволюционные раскопки; *2* — раскопки 1981—1990 гг.; *3* — грунтовый могильник

разграблении скифами сирийского храма Афродиты Урании в Аскалоне, допускает возможность наличия в Келермесе достаточно древних предметов, но возникновение самого могильника связывает с первой четвертью VI в. до н. э., исходя из тех же соображений, что и В. А. Кореняко [35, с. 101—103]. В своем подходе к решению данного вопроса они следуют по существу за М. И. Артамоновым и Р. Барнетом, отдававшими приоритет не археологическим, а письменным источникам, точнее, античной литературной традиции в геродотовской версии.

Таким образом, между крайними хронологическими определениями Келермеса, предложенными на сегодняшний день (около 700 г. до н. э.— Г. Коссак, первая четверть VI в. до н. э.— Т. М. Кузнецова), намечается разрыв более чем в 100 лет. Все это побуждает нас продолжить исследование рассматриваемой проблемы в двух прежних ее аспектах (относительное и абсолютное датирование комплексов данной группы), однако на сей раз путем привлечения более широкого спектра собственно келермесских вещей, чем это было возможно сделать в рамках статьи по конскому снаряжению. Так, в первую очередь следует вспомнить, что разработанная в этой статье схема относительной хронологии Келермесских курганов базировалась на материалах старой эрмитажной коллекции, существенным недостатком которой являлась значительная количественная диспропорция между предметами конской упряжи из раскопок Н. И. Веселовского и Д. Г. Шульца. Теперь это несоответствие в какой-то мере восполняется серией уздечных комплектов, обнаруженных при доисследовании памятников, копавшихся ранее Д. Г. Шульцем (Курганы 24/1983 г. и 29/1988 г.).

Как и ранее, мы полагаем, что в старейшую группу входят прежде всего оба кургана Н. И. Веселовского (рис. 1), на сравнительно архаичный возраст которых указывает присутствие разнообразных предметов конского оснащения, типы и орнаментация которых восходят к культуре новочеркасского этапа (это наблюдается в 12 и 29 уздечных наборов). Для древнейших келермесских уздечек (рис. 2, *16—52*) характерны не столько бронзовые удила (встречено 3 экз. с гладкими стержнями), сколько железные с разными петлями (двухкольчатыми, всевозможными вариантами кольцевидных, стремечковидными). Помимо пары бронзовых псалиев остальные были либо железные трехпетельчатые, либо деревянные с костяными зооморфными наконечниками (количество тех и других примерно одинаково).


I
II
III
IV

Отсутствием стандарта отличается и художественное оформление уздечек. Существовало шесть видов наборной сбруи (с вариантами), но господствующее место занимали оголовья с костяными зооморфными пронизями (14 коней), а также с гладкими и геометрически декорированными пластинами (семь коней). Только два набора содержали серебряные импортные фалары с полихромной инкрустацией. Единичны комплекты с железными перстневидными бляшками и всевозможными бронзовыми украшениями (крестовидные розетки, клювовидные пронизи, перстневидные бляшки с трехкружковой эмблемой, бляшки с зооморфными щитками). К уздечно-сбруйным принадлежностям относятся также стержневидные и грибовидные столбики, ворворки, бусы, бисер, золотые обкладки нагаек и бронзовые колокольчики.

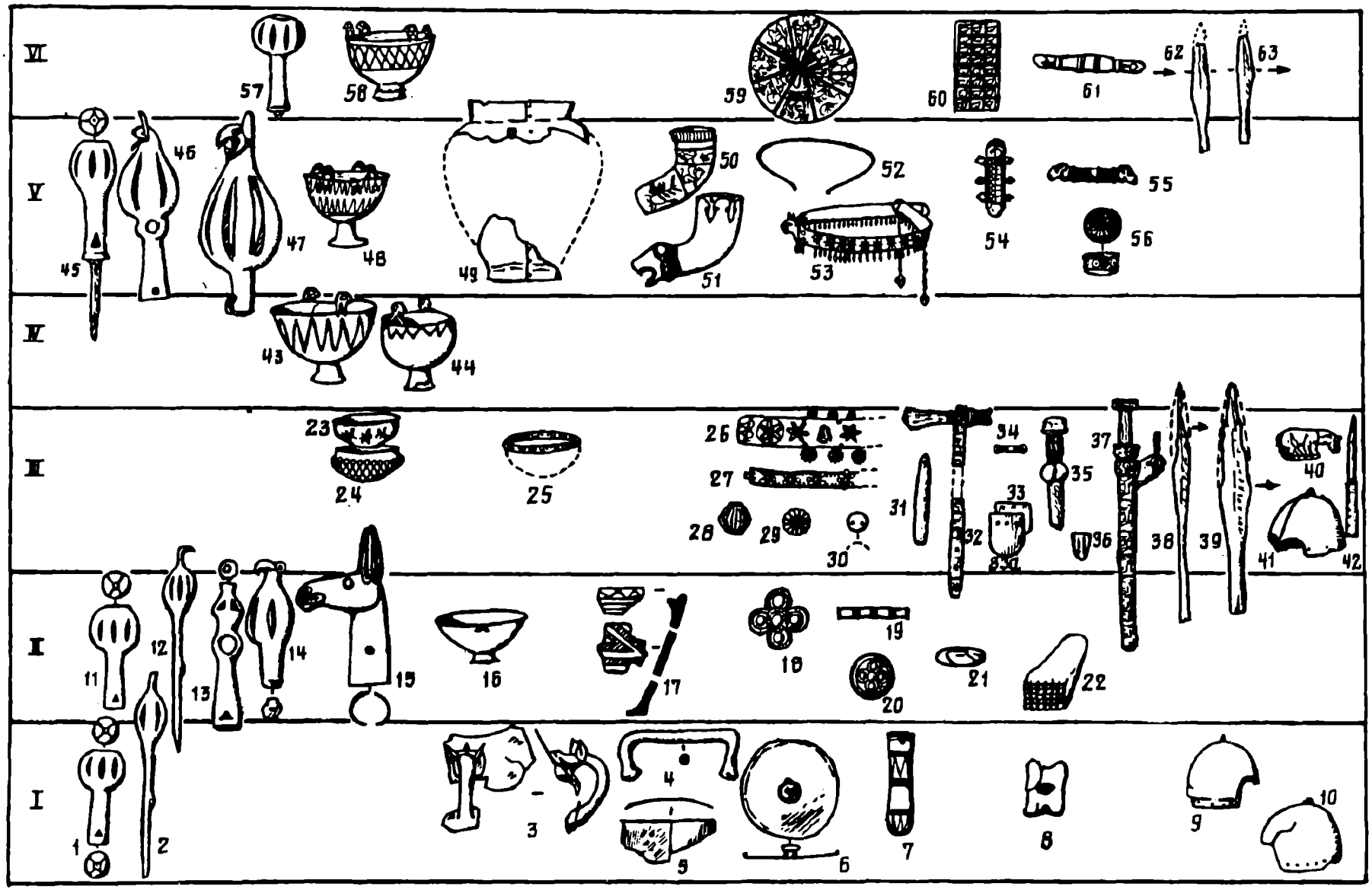
Из двух погребальных комплексов, открытых Н. И. Веселовским, более архаичен курган 2, являющийся самым крайним с северо-запада в келермесской курганной цепочке (рис. 1). Именно оттуда происходят два комплекта с бляхами-розетками чисто новочеркасского облика, железные двухкольчатые удила, имитирующие бронзовые кобанского типа (рис. 2, *18*, *41*), а также бронзовые псалии, к сожалению, не поступившие в Эрмитаж. Кроме того, в одном наборе присутствовали древнейшие скифские пронизи клювовидной формы (рис. 2, *35*), в другом — золотые пластины, орнаментированные спиралями, в третьем — крупные пряжки-пронизи с солярными значками, имеющие прототипы в кургане Уашхито поздненовочеркасской поры (рис. 2, *12*, *13*)[1].

Анализируя несколько лет назад разрозненные детали уздечек (19 предметов), которые связываются с курганами 3/Ш и 4/Ш (или только с одним из них), мы заострили внимание на присущих им особенностях. Оказалось, что только здесь представлены бронзовые стремечковидные удила с геометрическими узорами на грызлах и удила с D-образными петлями (рис. 2, *55—57*). Пластины же золотого набора украшены в данном случае не геометрическими композициями новочеркасского типа, а традиционно скифскими зооморфными изображениями (рис. 2, *61*, *62*). Бронзовые, обтянутые золотом пронизи (рис. 2, *68*) отличаются от клювовидных из кургана 2/В более детализированной разработкой мотива птичьей головки. Своеобразен также колокольчик, прорезное тулово которого увенчано напаянной по диагонали петлей (рис. 2, *82*), между тем как колокольчики из кургана 2/В снабжены отверстиями для подвешивания и лишены прорезей на стенках (рис. 2, *51*, *52*).

Отмеченную разницу в составе конского снаряжения из рассмотренных келермесских комплексов, при общей близости остального инвентаря и сходстве погребального обряда, мы расценили как показатель небольшого временного

Рис. 2. Конские принадлежности из курганов Закубанья новочеркасского этапа и раннескифского времени. I — Новочеркасский этап: *1*, *7*, *10*, *12*, *13* — курган Уашхито; *2*, *8*, *14* — могильник у хутора Казазово; *3*, *9*, *11* — могильник Чишхо близ аула Тауйхабль; *4—6*, *15* — могильник у хутора Кубанского. II — Раннескифское время. Келермесский могильник. Раскопки Н. И. Веселовского (1904 г.) и экспедиции Гос. Эрмитажа (1981 г.): *16*, *18*, *20*, *21*, *24*, *27—32*, *40*, *42*, *46—50* — курган 1/1904 г.; *19*, *22*, *23*, *25*, *26*, *33—35*, *37—39*, *41*, *44*, *51*, *52* — курган 2/1904 г.; *43*, *45* — курганы 1 и 2/1904 г.; *17*, *36* — погр. 27/1981 г. III — Раннескифское время. Келермесский могильник. Раскопки Д. Г. Шульца (1904 г.) и экспедиции Гос. Эрмитажа (1983, 1988 гг.): *54*, *58—60*, *63—67*, *71—81* — курган 24/1983 г.; *53*, *55—57*, *68*, *82* — курганы 3 и 4/1904 г.; *61*, *62* — курган 4/1904 г.; *69*, *70* — курган 29/1988 г. IV — Раннескифское время: *83*, *85*, *86*, *88*, *95—97* — Ульский курган 1/1910 г.; *84* — случайная находка у станицы Подгорной; *92*, *98* — Ульский курган 1/1908 г.; *93*, *94* — курган в урочище «Клады» на р. Фарс; *87*, *89—91*, *99* — Костромской курган. *1—4*, *6—9*, *11—15*, *19*, *33*, *35—39*, *41*, *51*, *52*, *55—57*, *64—67*, *69*, *70*, *73*, *82*, *84*, *85*, *89—92*, *94—99* — бронза; *16—18*, *20*, *34*, *53—54*, *54а*, *63*, *83*, *86—88*, *93* — железо; *10*, *27—32*, *61*, *62* — золото; *5*, *21—26*, *42*, *46—50*, *58—60*, *71*, *74—78* — кость, рог; *72* — раковина; *43—45*, *79—81* — паста; *68* — бронза, золото; *40* — серебро, бронза, камень

[1] Благодарю В. Р. Эрлиха за разрешение включить отдельные находки из этого комплекса в наши таблицы.


VI
V
IV
III
II
I
I
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63

интервала между этими погребениями [23, с. 53], что и подтвердили раскопки кургана 24/1983 г. [36, с. 34 сл.].

Этот памятник, который может быть соотнесен опять-таки с курганом 3/Ш или 4/Ш, по-видимому, несколько моложе расположенных к северо-западу от него курганов Н. И. Веселовского, ибо в части конского оснащения между ними отмечаются как черты сходства, так и отличия. Так, например, здесь тоже превалируют железные удила (одна пара даже с двухкольчатыми концами), но сопровождаются они только железными псалиями (рис. 2, *54*). Какие-либо признаки применения деревянных псалиев с костяными зооморфными наконечниками отсутствуют. Тождественны железные перстневидные бляшки и бронзовые клювовидные пронизи, сочетающиеся, однако, с разнообразными птицеголовыми пронизями, которых нет среди находок Н. И. Веселовского (рис. 2, *63—67*). Довольно многочисленны костяные и железные стерженьки, но единичны (всего 6 экз.) костяные зооморфные пронизи. В целом основная масса жертвенных коней в этом кургане была погребена в оголовьях с железными перстневидными бляшками и бронзовыми птицеголовыми пронизями. Выделяется пронизь с дополнительным зооморфным изображением на орлиной головке, имеющая аналогии в Ульских курганах 1/1910 г. и 2/1909 г. Наблюдаются и другого рода новшества, такие как применение железных псалиев с головками хищных птиц на концах, подвесок из клыков кабана, а также использование раковин каури, которые в сочетании с фаянсовым бисером употреблялись для украшения уздечных ремней и конских ножных браслетов (рис. 2, *54, 71, 72, 79—81*).

Оставляя пока в стороне вопрос о хронологической позиции курганов 1/Ш и 29/1988 г. ввиду малочисленности и невыразительности найденных там уздечных аксессуаров, обратимся к другим категориям инвентаря.

Нам уже приходилось отмечать, что присущие абсолютно всем келермесским захоронениям колчаные наборы оказались перепутанными между собой, что не дает возможность привлекать этот массовый материал для решения проблемы относительной хронологии рассматриваемых памятников [36, с. 42 примеч.]. В публикации П. Рау [37, с. 89, табл. 1], на которую обычно ссылаются исследователи, допущена ошибка: на его таблице воспроизведены только недифференцированные по комплексам находки Д. Г. Шульца. Состав же наконечников стрел из раскопок Н. И. Веселовского не поддается восстановлению: 22 экз. из кургана 1/В либо смешались с наконечниками Д. Г. Шульца, либо утрачены. В кургане 2/В был обнаружен только сильно сцементированный колчанный набор, содержащий не менее 75 наконечников стрел, формы которых в большинстве своем не определяются даже после реставрации, произведенной в 1980 г.

Весьма представительную группу вещей составляют бронзовые навершия, характерные именно для четырех рассмотренных выше комплексов. И вряд ли случайно, что наиболее архаичны не только конские принадлежности из кургана 2/В, но и встреченные там навершия (рис. 3, *1, 2*) — бронзовые шаровидные типа махошевских находок, но с ромбовидными значками на вершине и железные грушевидные с клювовидными завершениями, имеющие соответствия в Краснознаменском кургане 3 [38, с. 47, рис. 38], Журовском 406, Репяховатой Могиле и других погребальных комплексах раннескифской эпохи [39, с. 30, рис. 3—5]. В кургане 1/В наряду с аналогичными предметами присутствовали навершия и иных форм: бронзовые биконические, втульчатые с головками мулов и грушевидное, увенчанное головкой длинноклювой птицы. Всего здесь было обнаружено 17 экз. (рис. 3, *11—15*). Шаровидное навершие из кургана 4/Ш связывает последний с двумя предыдущими памятниками (рис. 3, *57*). А коллекция наверший

Рис. 3. Вещевые комплексы Келермесских курганов. I — курган 2/В; II — курган 1/В; III — курган 1/Ш; IV — курган 2/Ш; V — курган 3/Ш; VI — курган 4/Ш. *1, 3—6, 9—11, 13—16, 33 а, 41, 43—49, 57, 58* — бронза; *2, 12, 33, 38, 39, 62, 63* — железо; *18—20, 23—30, 36, 40, 52—54, 56, 60* — золото; *34, 55, 61* — бронза, золото; *32, 35, 37, 42* — железо, золото; *7, 50, 51, 59* — серебро, золото; *17* — глина; *8, 22* — кость; *31* — камень; *21* — паста

из кургана 3/Ш отличается от остальных экземпляров ясно выраженными следами воздействия греко-восточной изобразительной традиции. Таковы четыре грушевидных навершия с головами греко-ионийского грифона в скифской стилистической обработке и одно, завершающееся мордой ушастого хищника со свисающим вниз языком, как у хеттских львов (рис. 3, *46, 47*).

При взгляде на бронзовые литые котлы тоже бросается в глаза разница между находками Д. Г. Шульца (курганы 2—4) и Н. И. Веселовского. Совершенно очевидно, что невозможно поставить в один типологический ряд сравнительно небольшой гладкий котелок с простыми арочными ручками из кургана 1/В и четыре более крупных котла, богато орнаментированных геометрическими композициями на тулове и фигурками козлов, служившими ручками (рис. 3, *16, 43, 44, 48, 58*).

Топографические данные по могильнику в целом (рис. 1) тоже не противоречат заключению о более молодом возрасте кургана 24 (т. е. 3/Ш или 4/Ш) по сравнению с курганами 1/В и 2/В (современные № 27 и 31). Но это отнюдь не означает, что абсолютно все насыпи, вскрытые Д. Г. Шульцем, составляют позднейший хронологический пласт в этой группе. Возможно, близок по времени к курганам Н. И. Веселовского расположенный между ними небольшой курганчик 29 (доисследован в 1988 г.), который, однако, невозможно отождествить ни с одним из четырех объектов, охарактеризованных в отчете Д. Г. Шульца.

Переходя к вопросу об абсолютной хронологии Келермесских курганов, необходимо отметить, что старейшие из них были удревнены нами до третьей четверти VII в. до н. э. только ввиду близости обнаруженных там скифских уздечек к краснознаменским и кармирблурским, но и на основании присутствия в них разнообразных новочеркасских элементов [23, с. 37 сл.]. Этот вывод вполне согласовывался с известным тезисом А. И. Тереножкина о вероятности встречи позднейшей предскифской культуры со скифской в период около 650 г. до н. э. [40, с. 204, 205]. Между тем в последнее время наметилась тенденция к углублению финальной даты новочеркасского этапа до рубежа VIII—VII вв. до н. э., чем и объясняется, в частности, стремление Г. Коссака механически подтянуть отдельные Келермесские курганы до 700 г. до н. э. Однако тотальное изучение келермесских материалов, создающее предпосылки для более уточненной хронологии данных памятников, не позволяет согласиться как с точкой зрения Г. Коссака, так и наших общих с ним оппонентов, неоправданно омолаживающих все погребения этой группы.

С наибольшей определенностью устанавливается дата курганов 1, 3 и 4 Д. Г. Шульца, с которыми в силу их меньшей потревоженности, чем курганы Н. И. Веселовского, связываются не только детали конского убранства, но и разнообразные предметы личного обихода погребенных, в том числе знаменитый золотой фонд Келермеса, состоящий из ярчайших произведений древневосточной и скифской торевтики.

О довольно ранней дате этих комплексов говорят прежде всего колчанные наборы [36, с. 39, рис. 5, *18—36*; 37, с. 89, табл. 1], бытовавшие на юге Восточной Европы с середины VII до рубежа VII—VI вв. до н. э. [24, с. 19—23]. Литой бронзовый шлем из кургана 1/Ш (рис. 3, *41*) принадлежит к числу защитных наголовий, характерных для памятников Северного Кавказа середины — второй половины VII в. до н. э. [41, с. 174, 175]. С рубежа VIII—VII вв. до н. э. внедряются в том же регионе чешуйчатые панцири [42, с. 51, 52], остатки которых засвидетельствованы в курганах 1/Ш, 24/1983 г. и 29/1988 г. (рис. 3, *33*). В последнем встречен также фрагмент каменного блюда, многочисленные аналогии которому содержатся в приднепровских и предкавказских могилах раннескифской эпохи [43, с. 150; 44, с. 69]. Клепаная ситула с литыми ушками из кургана 3/Ш (рис. 3, *49*) входит в круг кобанских бронз, активно экспортировавшихся в районы Среднего Закубанья и Приднепровья в VIII—VII вв. до н. э. [12, с. 28; 20, с. 23]. Золотые оковки от деревянного сосуда, найденные в кургане 1/Ш (рис. 3, *25*), обнаруживают себе соответствие в гробнице 2

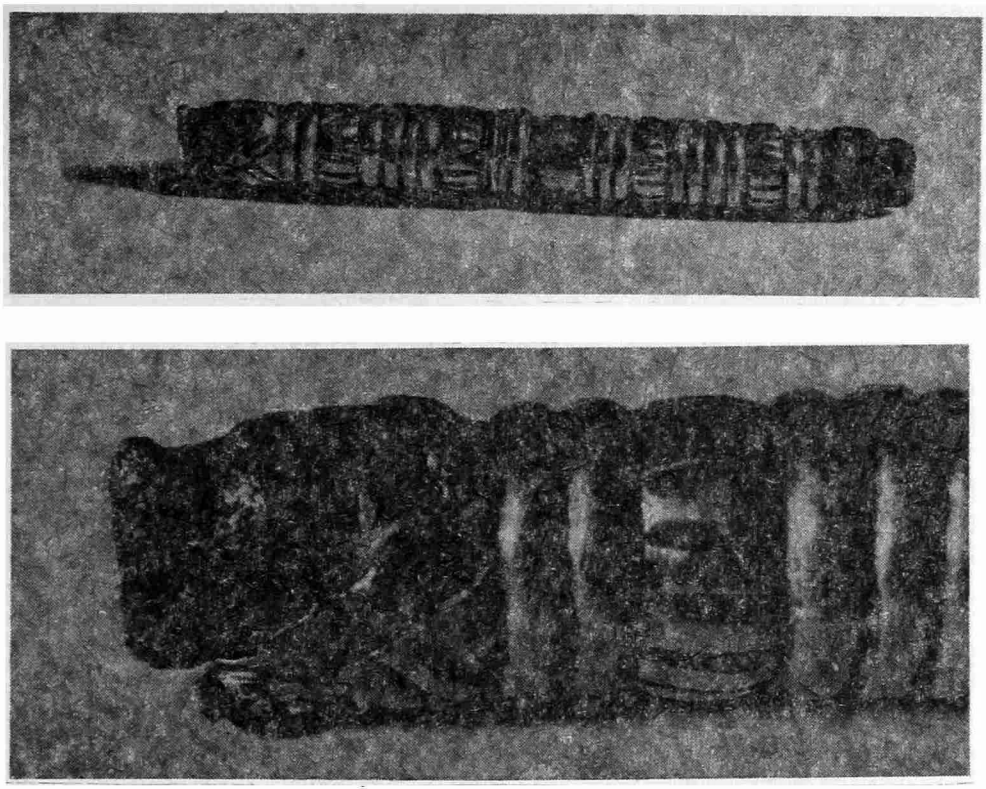


Рис. 4. Колчанная застежка из кургана Темир-Гора (бронза, золото)

Репяховатой могилы на Тясьмине [45, с. 42, рис. 11, *2*]. По форме, расположению гвоздиков и отсутствию декорировки на поверхности эти набивные пластинки тяготеют к предскифским образцам [40, с. 32, рис. 6, *5*, *6*, с. 163]. Совсем недавно появились ближайшие параллели грушевидным навершиям из кургана 3/Ш (рис. 3, *47*). Аналогичными головами увенчаны два колоколовидных навершия, встреченных вместе с вещами новочеркасского облика в кургане 8 на могильнике Новозаведенное II в Ставрополье [46, с. 48, № 11].

Из числа предметов, до сих пор не принимавшихся во внимание при датировании келермесских комплексов, особо следует выделить биметаллические (бронзовые с золотым покрытием) колчанные застежки (рис. 3, *34*, *55*, *61*): желобчатую с округлыми завершениями (курган 1), украшенную вставками красного янтаря и бараньими головками на концах (курган 3), с валиками на стержне и отпечатками копыта на торцах (беспаспортная находка, вероятнее всего, из кургана 4). Подобные, но иначе оформленные парадные палочки-застежки встречены в четырех северопонтийских курганах (Мельгуновский, Темир-Гора, Журовский 406, Ногайский 3). Для хронологии этой весьма небольшой серии престижных вещей наиболее существенно то, что мельгуновская и журовская застежки, представляющие собой желобчатые стержни со стилизованными львиными мордами на концах, аналогичны экземпляру из Темир-Горы, сочетавшемуся в погребении с родосско-ионийской ойнахоей третьей четверти VII в. до н. э. (рис. 4). Львиные головки на первой из них тождественны темиргорским, а на второй отличаются примитивизмом и подражательностью [47, с. 24].

Желобчатая застежка из кургана 1/Ш являлась составной частью парадного воинского комплекта, включавшего знаменитые секиру и меч в золотых ножнах с портупейными деталями [48, с. 258, рис. 2] и малоизвестный кинжал в деревянном футляре с золотым наконечником (рис. 3, *32*, *34*, *37*; рис. 5). Оба меча — длинный, предназначавшийся для рубящего удара (II тип по классификации А. И. Мелюковой) и короткий — колющего действия (I тип по той же классификации) — относятся к категории старейших скифских акинаков, рас-

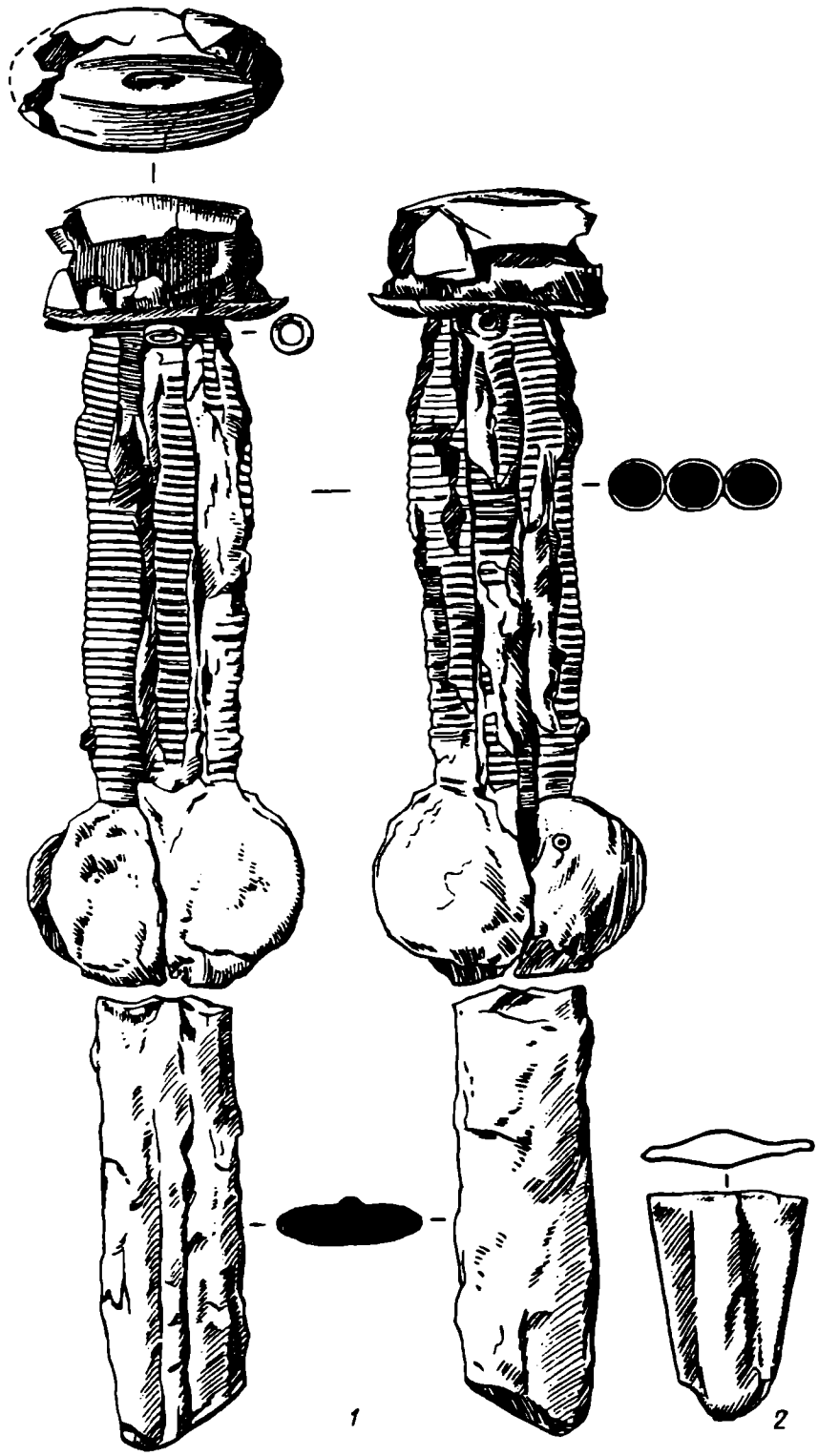


Рис. 5. *1* — железный кинжал с рукоятью в золотой оправе; *2* — золотой наконечник от ножен кинжала (курган 1/Ш)

пространенных в VII в. до н. э. и в более позднее время [40, с. 128, рис. 78; 49, с. 47, 49—51; 50, с. 66, рис.1, *1*; 51, с. 46; 52, с. 256].

Несмотря на типологические и художественные отличия меча и кинжала, между ними наблюдаются и элементы сходства. Оба обладают брусковидными навершиями и клинками с параллельными лезвиями и, что особенно важно, снабжены одинаковыми по форме и способу крепления золотыми петлями для

темляков. Эти и другие технические детали (например, способ насадки наверший) указывают на возможность изготовления роскошного акинака и боле скромного кинжала в одной оружейной мастерской.

Своеобразна рукоять кинжала, имеющая не цельнокованный ствол, как у остальных акинаков раннескифской эпохи, а сконструированная из трех отдельных круглых в сечении железных стержней, орнаментированных кольцевыми поясками и обтянутых золотой фольгой (рис. 5). Абсолютно в такой же художественно-технической манере сделана и рубчатая застежка, что позволяет синхронизировать эти предметы.

Как уже отмечалось выше, хронология меча в золотых ножнах, секиры и всего погребального комплекса кургана 1/Ш определялась рубежом VII—VI вв. до н. э. на основании стилистической близости этого оружия с изделиями ближневосточной торевтики из Зивие. Несколько дальше пошел Е. В. Черненко, предложивший датировать меч концом VII в. до н. э. Среди выдвинутых им аргументов особого внимания заслуживает указание на тождество тамгообразных знаков, прочерченных на крупах животных келермесских ножен и серебряной пластины из Зивие. По сводке Е. Акургала, на которую ссылается Е. В. Черненко, подобные знаки характерны для переднеазиатских изображений VII в. до н. э. [22, с. 15, рис. 8, 9, с. 25].

Однако в свете современных представлений о времени появления скифских акинаков этого типа и с учетом других факторов (сильная потертость на выступе ножен вследствие рабочего использования оружия, вероятность его изготовления одновременно с кинжалом, который синхронизируется с застежкой) келермесский меч в ножнах урартско-скифского стиля следует датировать ранее, чем конец VII в. до н. э.

Кроме секиры и меча связь с саккызскими находками показывают и две золотые диадемы (рис. 3, *26, 27*), принадлежавшие тому же знатному воину (ср. [53, с. 104, рис. 90; 54, рис. на с. 27]). Но не менее, а скорее даже более значимы в хронологическом аспекте две золотые чаши, одна из которых вставлялась внутрь другой (рис. 3, *23, 24*). Наружная чаша, покрытая выпуклыми ромбами и миндалинами, имеет частичные аналогии в ассирийских и урартских сосудах IX—VII вв. до н. э. А зооморфно орнаментированная фиала выполнена в изобразительной манере эпохи Ашшурбанипала (669—633/27 гг. до н. э.), о чем говорит, в частности, трактовка фигуры льва, терзающего козла, не свойственная ассирийскому искусству ни предшествующего, ни последующего времени. Вместе с тем в подборе мотивов, среди которых, в частности, многократно повторяются изображения лежащих козлов и оленей, ощущается скифская направленность [47, с. 20].

Курган 3 не намного уступает предыдущему по количеству импортных вещей, в основном греко-восточного стиля[2]. Такова золотая ленточная диадема с подвесками, висящими на цепочках бараньими головками, накладными розетками с эмалями и протомой грифона (рис. 3, *53*), которую К. Шеффольд, П. Якобсталь [6, с. 12; 55, с. 38] и другие исследователи относят к ионийской школе торевтики. Согласно Р. Хигтинсу, это неординарное украшение архаической эпохи было сделано греческим мастером для скифского заказчика. По-видимому, исходя из общепринятой в то время датировки Келермеса, он рассматривает диадему в числе изделий VI в. до н. э., но вместе с тем присоединяется к мнению Р. Якобсталя о ее связи с искусством островной Греции VII в. до н. э. [56, с. 122].

Основные черты облика грифона на диадеме (ушастая птичья голова с широко раскрытым клювом и торчащим из него языком, свисающие с макушки спиральные локоны, толстая складка под челюстью) прослеживаются в позднехеттском искусстве VIII—VII вв. до н. э. [57, с. 60, 304, табл. 14—16]. Однако обрамляющие шею спиральные локоны появляются у греческих грифонов не ранее второй

[2] Курган 2 не имеет прочных оснований для датировки, так как из этого комплекса до нас дошли только два котла.

четверти — середины VII в. до н. э. [58, с. 34, 38]. По общим пропорциям, деталям головы и рисунку шеи (довольно плотной и не имеющей ярко выраженных змеевидных очертаний) келермесский грифон близок протомам грифонов от бронзовых котлов-треножников второй половины VII в. до н. э. из Самоса [59, с. 168, 169, № 112—115].

Симптоматично также, что диадема обладает рядом общих черт с найденными в том же погребении деталями ручек трона (глаза львов и грифона трактованы в виде подтреугольных гнезд с рубчатыми ободками, сходный тип бараньих голов, применение голубой эмали для расцвечивания розеток) (рис. 3, *54*). Мы уже отмечали [47, с. 16], что, по наблюдению П. Якобсталя, плоды граната (или мака, по Ф. Р. Балонову) на украшениях трона морфологически совпадают с формой навершия костяной булавки второй половины VII в. до н. э. из Эфеса. А чередующиеся с ними бараньи головки стилистически напоминают соответствующие изображения на золотом браслете из Зивие и на неоднократно упоминавшейся здесь колчанной застежке, добытой крестьянами вместе с частями ручек трона. Говорилось также что литые бараньи головки на застежке могли быть скопированы с чеканных головок на принадлежностях трона. Не исключено, однако, что те и другие выполнены по какому-то общему образцу, но скорее всего разными мастерами. Следовательно, детали трона были сделаны либо раньше, либо одновременно с колчанной застежкой, датирующейся третьей четвертью VII в. до н. э. или чуть позже. Приблизительно ту же дату можно предположить и для золотой диадемы.

Курган 3 содержал, кроме того, золотой колпачок, орнаментированный розеткой, и два серебряных ритона (рис. 3, *50, 51, 55*). Один из них оканчивается львиной головой, восходящей к хеттским прототипам. Вопрос о его хронологической атрибуции остается пока открытым. Второй ритон, орнаментированный изображениями Кибелы, кентавра Хирона и других персонажей, М. И. Максимова отождествила в стилистическом отношении с серебряным зеркалом и отнесла к периоду не позднее 570 г. до н. э. В декорировке этого культового сосуда она усматривает связь со скифскими религиозными представлениями, с чем нельзя не согласиться [8, с. 224, 225]. Что касается хронологии серебряного ритона, то по аналогии со знаменитым серебряным зеркалом, удревненным В. А. Киселем сначала до второй половины VII в. до н. э. [60, с. 89, 91], а затем до 650—620 гг. до н. э. [61, с. 215], его можно поместить в те же или чуть более широкие временны́е рамки, но в пределах второй половины VII в. до н. э. Само же зеркало происходит из кургана 4, не отличавшегося обилием и разнообразием погребальных приношений, что, по-видимому, объясняется сильной ограбленностью могилы в древности (рис. 3, *59*).

Не сохранилось никаких данных об обстоятельствах находки золотых львиноголовых наконечников, которым А. П. Манцевич нашла аналогии среди деталей сидений ассиро-вавилонских табуретов, изображенных на переднеазиатских рельефах конца VIII—VII в. до н. э. [15, с. 200, 201].

Объем настоящей статьи не позволяет предложить более подробный и исчерпывающий анализ келермесских древностей, кроме того, некоторые материалы этой коллекции еще ждут своего исследователя. И все же нетрудно заметить, что основу рассмотренных выше комплексов или их «вещевое ядро», по А. Ю. Алексееву [62, с. 73], составляют находки, укладывающиеся в рамках середины — второй половины VII в. до н. э. Особенно важно, что в каждом погребении оказались к тому же предметы престижного характера с более узкой и независимой от скифских древностей хронологией: ассирийская чаша 669—633/627 гг. до н. э. (курган 1), серебряные ритон и зеркало 650—620 гг. до н. э. (соответственно курганы 3 и 4). Период из временно́го совмещения охватывает 650—627 гг. до н. э. Фактически в тот же интервал попадают парадные застежки, имеющие привязку к родосско-ионийской ойнохое третьей четверти VII в. до н. э.

Как мы видели, преобладающая часть иноземных вещей изготовлялась по

специальному заказу скифов или по крайней мере с учетом их потребностей и потому вряд ли относится к категории «долгожителей». А поскольку их даты устанавливаются в диапазоне 30—40 лет и такова же средняя продолжительность жизни «келермессцев» (по данным грунтового могильника) [36, с. 51], то хронология импортной торевтики и время погребения скифских воинов, вернувшихся из переднеазиатских походов, в археологическом отношении практически совпадают.

В сущности, речь может идти об эпохе Ашшурбанипала, тем более что с этим историческим периодом связывается ближневосточный импорт и из других северокавказских курганов, таких как Краснознаменский 1, Нартановские 9 и 12, а также курган 1 из группы Новозаведенное I [33, с. 69; 26, с. 76]. Однако целый ряд привозных вещей из Келермеса не поддается пока что более узкой датировке, чем вторая половина VII в. до н. э., что нельзя не учитывать при определении верхнего хронологического рубежа нашей группы. В свою очередь начало функционирования могильника не следует отодвигать далеко от середины VII в. до н. э., так как по характеру погребального обряда старейшие келермесские усыпальницы не могут быть слишком далеко оторваны по времени от остальных погребений. Немногочисленный импорт, уцелевший в опустошительно ограбленных курганах Н. И. Веселовского (золотые розетки от одежды, серебряная деталь скипетра или парадной секиры, серебряные полихромные фалары), точно не датируется (рис. 3, *7*, *18*, *20*). Неизвестны также составы стрелковых наборов. Но предметы конского снаряжения и другие случайно сохранившиеся вещи (кавказский сосуд с зооморфной ручкой, литые бронзовые шлемы, костяная пинтадера и бронзовое зеркало типа найденного в кургане у с. Глинище вместе с жаботинскими и келермесскими наконечниками стрел) не препятствуют тому, чтобы несколько сдвинуть наиболее ранние Келермесские курганы к рубежу второй-третьей четверти VII в. до н. э., приблизительно к 660—640 гг. до н. э.

Этому не противоречат также исторические данные. Находки в предкавказских памятниках предметов импорта эпохи Ашшурбанипала и вместе с тем отсутствие упоминаний этнонима «ишкуза» в клинописных документах того времени может свидетельствовать о каких-то политических коллизиях, происходивших в первые десятилетия правления этого царя, в том числе и о начавшемся около середины VII в. до н. э. исходе древнейшего поколения переднеазиатских скифов (потомков Ишпакая-Партатуа) из ближневосточного региона [63, с. 180]. Те же исследователи, которые, вопреки очевидным археологическим фактам, упорно соотносят Келермес с событиями, последовавшими за истреблением скифской верхушки на кровавом пиру Киаксара, находятся в плену уже устаревших и сильно упрощенных представлений о хронологии и самой сути переднеазиатских походов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pharmakowsky B.* Die Funde in Sudrussland im Jahre 1903//AA. 1904. № 19.
2. *Pharmakowsky B.* Die Funde in Sudrussland im Jahre 1904//AA. 1905. № 20.
3. *Ebert M.* Reallexykon der Vorgeschichte Unter Mitwirkung zahlreicher Tachgelehrter. B. 13. B., 1929.
4. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
5. *Придик Е.* Мельгуновский клад 1763 г.//МАР. 1911. № 31.
6. *Schefold K.* Der Scythishe Tierstil in Sudrussland//ESA. 1938. V. 12.
7. *Максимова М. И.* Серебряное зеркало из Келермеса//СА. 1954. Т. XXI.
8. *Максимова М. И.* Ритон из Келермеса//СА. 1956. Т. XXV.
9. *Пиотровский Б. Б.* Скифы в Закавказье//ТОВГЭ. 1940. Т. 3.
10. *Пиотровский Б. Б.* Скифы и Древний Восток//СА. 1954. Т. XIX.
11. *Пиотровский Б. Б.* Скифы и Урарту//ВДИ. 1989. № 4.
12. *Крупнов Е. И.* Жемталинский клад//ТГИМ. 1952. Вып. IV.
13. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.)//СА. 1953. Т. XVIII.
14. *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII в. до н. э. на Северном Кавказе//ВССА. 1954.
15. *Манцевич А. П.* Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитва//СА. 1958. № 2.

16. *Манцевич А. П.* Золотая чаша из Келермеса//Omagui Lui George Oprescu Bucuresti, 1962.
17. *Barnett R.*, Median Art//Iranica Antiqua. Leiden, 1962.
18. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л.; Прага, 1966.
19. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
20. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
21. *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971.
22. *Черненко Е. В.* Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес)//Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
23. *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов)//АСГЭ. 1983. Вып. 24.
24. *Полин С. В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток//Археологія. 1987. № 59.
25. *Мурзин В. Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев: Наук. думка, 1990.
26. *Махортых С. В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наук. думка, 1991.
27. *Эрлих В. Р.* Бронзовые наконечники стрел и проблема хронологического распределения комплексов раннескифского времени Среднего Закубанья. Материальная культура Востока. Ч. 1. М.: Наука, 1988.
28. *Анфимов Н. В.* Древнее золото Кубани. Краснодар. кн. изд-во, 1987.
29. *Kossack G.* Zaumzeug aus Kelermes//Hallstatt Kolloquium Vesprem 1984. Budapest, 1986.
30. *Kossack G.* Von den Anfangen des skytho-iranische Tierstils//Skythika, München, 1987.
31. *Медведская И. Н.* Периодизация скифской архаики и Древний Восток//СА. 1992. № 3.
32. *Mansfeld G.* Zur Periodisierung skythisher Grabfunde//Me//Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э.//Материалы IV Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья 1985 г. Тбилиси, 1988.
33. *Петренко В. Г.* К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья//Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.
34. *Кореняко В. А.* О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе//Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990.
35. *Кузнецова Т. М.* Келермес в системе хронологии Евразии//Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тез. докл. к Всесоюз. науч. конф. (3—5 апреля 1991 г.). Барнаул, 1991.
36. *Галанина Л. К., Алексеев А. Ю.* Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время//АСГЭ. 1990. Вып. 30.
37. *Rau P.* Die Gräber der Frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet//Studien zur Chronologie der skytischen Pfeilspitze. Pokrowsk, 1929.
38. *Петренко В. Г.* Скифская культура на Северном Кавказе//АСГЭ. 1983. Вып. 23.
39. *Переводчикова Е. В.* Типология и эволюция скифских наверший//СА. 1980. № 2.
40. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
41. *Галанина Л. К.* Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения)//Культурное наследие Востока. Л.: Наука, 1985.
42. *Дударев С. Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.
43. *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
44. *Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.* Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. Киев: Наук. думка, 1989.
45. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов//Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
46. The Treasure of nomedic tribes in South Russia. Catalogue of exebition. Japan, 1991.
47. *Галанина Л. К.* Контакты скифов с ближневосточным миром (по материалам Келермесских курганов)//СМГЭ. 1991. Вып. 31.
48. *Галанина Л. К.* Атрибуция двух золотых предметов из Келермеса (детали портупеи парадного меча)//СА. 1989. № 4.
49. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д1—4.
50. *Unal V.* Zwei Gräber eurasischer Reiternomaden in nördlichen Zentralanatolien//Beiträge Allgemeinen und viergleichenden Archaeologie. B. IV. München, 1983.
51. *Есаян С. А., Погребова М. Н.* Скифские памятники Закавказья. Москва; Наука, 1985.
52. *Белозор В. П., Скорый С. А.* Архаический скифский меч из Киева//СА. 1985. № 1.
53. *Godar A.* Le tresor de Ziwiyé (Kurdistan). Haarlem, 1950.
54. *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. Л., 1977.
55. *Gacobsthal P.* Greek Pins and their connexions whith Europe and Asia. Oxford, 1956.
56. *Higgins R. A.* Geek and Roman Jewelery. L., 1961.
57. *Akurgai E.* Die Kunst Anatoliens von Homer bis Aiexander. B., 1961.
58. *Jantzen U.* Greechische Greifenkessel. B., 1955.
59. Mer Egee Grece des Iles. Catalogue d'exposition. P., 1979.
60. *Кисель В. А.* О серебряном зеркале из Келермеса//Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
61. *Кисель В. А.* Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса//ВДИ. 1993. № 1.

62. *Алексеев А. Ю.* О месте Чертомлыкского кургана в хронологии скифских погребений//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
63. *Алексеев А. Ю.* «Страна скифов» царя Партатуа на Северном Кавказе? (к хронологии и локализации)//Северная Евразия от древности до средневековья. тез. конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 1992.

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

L. K. GALANINA

ON THE PROBLEM OF KELERMES KURGANS' CHRONOLOGY

Summary

In the article the author presents some new arguments for relative and absolute dating of Kelermes kurgans to the third quarter of the 7th up to the very beginning of the 6th century B. C. which was suggested by her earlier (in 1983). Now more solid sources' base is analysed including not only horse harness but all the assemblage of grave goods, the jewellery of Near Eastern origin among them. The main set of artefacts in Kelermes kurgans is dated from middle to late 7th century B. C., but the imported and social-marking objects are dated to 650-627 B. C. (golden bowl, silver mirror, bimetallic sheath buckles). That as why Kelermes kurgan as well as the other barrow mouds in the North Caucasus should be associated with the epoch of Assurbanipal (669-633/627 B. C.). The beginning of this period marks the start of the first generation of the Western Asiatic Scythians from the Near East.

И. М. ДЬЯКОНОВ

КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

Статья И. Н. Медведской «Периодизация скифской архаики и Древний Восток» (Советская археология, 1992 г., № 3, с. 86—107), касающаяся важнейших вопросов скифской археологии (и истории), вызвала оживленные полемические отклики С. Р. Тохтасьева, М. Н. Погребовой, Г. Н. Курочкина и Д. С. Раевского. Хотя по моей подготовке я неспособен оценивать весомость чисто археологических аргументов, однако поскольку большинство участников дискуссии касается подведомственных мне исторических и филологических материалов, постольку целесообразно выступить в дискуссии и мне. К сожалению, мне в значительной мере придется повторяться, так как еще в 1981 г. я посвятил киммеро-скифской проблеме большую статью[1], оставленную участниками дискуссии почти или вовсе без внимания [1, с. 104—140].

Если не вдаваться в разбор археологической аргументации И. Н. Медведской (который для меня недоступен), а сосредоточиться только на ее выводах, то, если я правильно понимаю, они сводятся к следующим положениям: 1) киммерийцы и скифы археологически неразличимы; 2) в документальных клинописных источниках, относящихся к территории к востоку от р. Галис, включая Урарту, Иран, Ассирийскую империю (в период до ее падения в 612 г. до н. э.), киммерийцы упоминаются между последней четвертью VIII в. до н. э. и первой третью VII в. до н. э.; эти сведения более достоверны, чем предания, записанные Геродотом и другими античными авторами; 3) находимые на этой территории археологические материалы киммеро-скифского характера относятся (А) к этому же отрезку времени и (Б) ко 2-му этапу раннескифской культуры по существующей археологической периодизации.

К этому следует заметить, что если пункт 3 (А) действительно верен в отношении данной территории, то если взять территорию п-ова Малая Азия, то на нем киммерийцы засвидетельствованы клинописными, древнееврейскими и греческими источниками по крайней мере до первой четверти VI в. до н. э. Желательно было бы получить данные об археологической принадлежности также и этой группы киммерийцев.

С исторической точки зрения можно считать установленным [1, с. 109], что одна группа номадов перевалила в последней четверти VIII в. до н. э. через Мамисонский или Клухорский перевал (в противность указанию Геродота, они не могли двигаться вдоль черноморского побережья, в то время густо заросшего субтропическим лесом, недоступным для продвижения конных отрядов). Эта группа, видимо, временно обосновалась в Западной Грузии, откуда совершала набеги на Урарту и далее к югу и западу [1, с. 108 и сл.]; затем она была отброшена урартами в Малую Азию, где в течение VII в. до н. э. занималась набегами на различные территории и даже (несомненно, с помощью вооруженных отрядов местных оседлых народов) временно захватила столицу Лидии Сарды,

[1] В этой статье на с. 117 надо исправить указание на то, что Тугдамме (Лигдамис) назван в одном из клинописных текстов «царем саков и кутием (= варваром)»; в тексте читается не sakai, а šadda'u — «горец».

© И. М. Дьяконов, 1994 г.

но в конце концов осела в Каппадокии южнее р. Галис, в области, которую армяне еще много позже называли Gamirkᶜ. Эта группа номадов называется Gāmīr-, Gāmirr-) (также Gimirr-) в клинописных источниках, Gōmär (в переводе Септуагинты также Gāmer) в Библии, Kimmeriori в греческих источниках. Термин этот я предложил этимологизировать из предполагаемого древнеиранского *gam-īr- (или *gm-īr-) со значением «подвижный (передовой) отряд, идущие впереди» или что-либо в том роде; применение этого термина как этнонима представляется вторичным — он, возможно, мог первоначально применяться к любой выдвинувшейся вперед группе ираноязычных кочевнических племен. В интересной и серьезно фундированной статье А. И. Иванчика [2, с. 61—73] моя этимология термина «киммерийцы» отвергается; но мне кажется, что и независимо от этимологии термина он не был этноним, а означал подвижные отряды номадов, притом ираноязычных, о чем свидетельствует включение в это понятие скифов и саков.

Для меня существенно, что размещение некой древней Киммерии античными авторами и в частности Геродотом, в Крыму и вообще в Северном Причерноморье недостоверно и носит мифологический характер [1, с. 118]. Независимо от этого, кажется, сейчас историки и археологи согласны в том, что «киммерийцы» на Ближнем Востоке и в Малой Азии были в археологическом смысле скифами. Но нет никакой необходимости или даже возможности рассматривать и в Причерноморье и в Прикавказье какую-либо «доскифскую» культуру (скажем, черногоровскую или новочеркасскую) в качестве якобы «киммерийской». Никаких реальных доводов в пользу отождествления носителей этих культур с «киммерийцами» нет. Все доводы сводятся к тому, что эти культуры были «до скифов», а поскольку, по Геродоту, киммерийцы были до скифов, до доскифские культуры должны быть киммерийскими. Именно такое рассуждение позволило грекам при их колонизации Тавриды приписать древние памятники полуострова киммерийцам, которых они знали по Малой Азии. А. И. Иванчик показал, что форма с начальным *k* — лидийского происхождения, что доказывает невозможность помещать Киммерию в Крыму.

Вероятно, «передовые отряды» (иначе «киммерийцев») следует относить к 1-му этапу раннескифской культуры; можно ожидать, что в таком случае он должен был бы задержаться в Малой Азии дольше, чем в Причерноморье. Так ли это, надлежит установить археологам. Если это не так, то ее 2-й этап, может быть, следует начинать уже с конца VIII в. до н. э.

Вторая группа северных номадов, называемых по-гречески Σκύναι, по-аккадски — соответственно *Iškuza* (*Aškuza*, *Ašguza*), в Библии — *'šknz*,

---

[2] Здесь и ниже опускаю флексию (-u, -i, -aia).

[3] Gen. 10: 2 («Таблица народов», дата — конец VII — начало VI в. до н. э.): «... и сыны Яфета — Гомер, и Магог, и Мадай, и Яван, и Мешек, и Тубал». Гомер здесь — киммерийская область в Малой Азии, вероятно, южней р. Галис; Магог (*Magōg* < аккад. *Māt Guggi* «страна Гигеса») — Лидия, Яван — Иония, Мешек (аккад. *Muški*) — Фригия или протоармяне, Тубал (аккад. *Tabal*) — горная Киликия. «Таблица народов» повторена в позднем тексте I Chron. 1 с небольшими разночтениями; Jeremiah 25 : 25 (глава плохо датируется — не ранее 600 г. до н. э.— и считается отредактированной после смерти Иеремии, около 550 г. до н. э.): пророчество *ššk* — зашифрованное название Вавилона, *Bbl*,— где перечисляются враждебные ему народы, в том числе *Zimrî* (описка вместо **Gimarî* «киммерийцы»?), цари Элама и цари Мидии (во множественном числе, обстоятельство, к которому мы еще вернемся); Ezekiel 27 : 11 (590—585 гг. до н. э.): *gmrym* (эмендация, в каноническом тексте *gmdym* «карлики», что не дает смысла; в семитском алфавитном письме VI—II вв. до н. э. буквы *d* и *r* в курсиве совпадали); здесь они являются наемными (?) воинами, охраняющими башни г. Тира; Ezekiel 38 (дата не вполне ясна, примерно начало VI в. до н. э.); в стихе 1 упомянуты «Гог страны Магог» (очевидно «Гигес страны Лидия», но имеется в виду кто-то из его потомков, так как сам Гигес умер столетием раньше), вождь главный (*r'š*, в средние века это написание воспринималось как этноним *Rhōs*, отождествлявшийся как «Русь»; отсюда «Россия») Мешека и Тубала (Фригии и Киликии); затем в стихах 5—6 перечислены *Prs*, *Kwš*, и *Pwt*, явные описки, которые я предложил эмендировать как *Trs* (Азиатская Фракия, *Thrāsikē* = Вифиния), *Kwb* (? Коб, вождь треров, номадов, вторгшихся в Малую Азию с Балкан и столкнувшихся там с киммерийцами) и *Pwṭ* «Понт», т. е. греки островов и прибрежий (не Пунт, страна на Красном море, известная только во II тыс. до н. э.), затем «*Gmr* и все фланги Дома *Twgrmh*» (читать, по Э. Липинскому, *Twgdmh* «Тугдамме» = греч. Лигдамис, вождь киммерийцев в Малой Азии).

(описка вм. *'šk̂uz*, чит. **'Aš k̂us*)[4], появляется в клинописных источниках со времени правления ассирийского царя Асархаддона (681—669 гг. до н. э.) в основном в районах восточнее затронутых «киммерийцами». Вполне убедительно известие Геродота (I, 104) о том, что скифы двигались по западному побережью Каспийского моря и, следовательно, подошли к границам Урартской и Ассирийской империй через Восточное Закавказье. Ассирийские источники упоминают их «царя» Ишпакая[5] [1, с. 112—59], а затем их «царя» Партатуа [3, № 20] (Прототия Геродота, I, 104), просившего руки дочери Асархаддона, а стало быть, весьма могущественного. Затем Геродот (IV, 4) упоминает скифского царя Мадия (Madyēs), сына Прототия, которому приписывается нанесение поражения возникшему в VII в. н. э. царству Мидии и 28 лет господства во всей (горной) Азии,— свидетельство, вероятно, очень преувеличенное[6]. Страбон упоминает Мадия (Madys) только в связи с Малой Азией (I, 3, 21).

Политические события на территории к северу и востоку от ассирийских владений в правление Асархаддона лучше всего отражены в серии его запросов к оракулу бога Шамаша. Из них как будто действительно вытекает, как отметила И. Н. Медведская, что в отличие от севера и запада, где действовали только киммерийцы, к востоку от Ассирии активно действовали как скифы (*iškuzāia*), так и киммерийцы (*gimirrāia*). Соотношение между ними неясно, о чем ниже.

Содержащиеся в оракулах сведения о киммерийцах и скифах можно разделить на три группы.

1. Тексты, где упоминаются только киммерийцы — в царствование Асархаддона в связи с мушками [3, № 1], Киликией [3, № 17][7], Шубрией в верховьях р. Тигр [3, № 18]; с восстанием мидийского вождя Каштариту, которого сейчас в науке уже довольно единодушно (вопреки возражениям некоторых гиперкритиков) отождествляют с Фраортом Геродота [3, № 43—45, 48, 50, 51 (вероятно, в той же связи № 65)]; в очень общих списках народов и областей Ближнего Востока [3, № 139, 142, 144]; в неясной связи [3, № 96, 97]; в царствование Ашшурбанапала (669—630?) в связи с походом на Эллипи (примерно современный Луристан) [3, № 79, 80] и в связи с отправкой послов к киммерийцам [3, № 295].

2. Тексты, где упоминаются как киммерийцы, так и скифы: в связи с походом на Бит-Хамбан и Парсуа, также на пути к Луристану, недалеко от соврем. Кирманшаха[8] [3, № 35—40], на Хубушкию — район соврем. Хаккари на выходах в долину р. Большой Заб в Турции.

3. Тексты, где упоминаются только скифы в связи со сватовством скифского

---

[4] Скифы ('šknz) прямо упомянуты в Библии два раза: в «Таблице народов» Gen 10 : 3 — в качестве «сынов Гомера», вместе с *Rypt* (явная описка в беглом почерке, в I Chron. *Dypt*, может быть, читать *Kwpt*, *Kdpt* «Каппадокия»? По Иосифу Флавию — Пафлагония) и *Twgrmh* (ср. «Дом *Twgrmh*» в прим. 3). Второе упоминание — Jeremiah 51: 27—28, но об этом ниже. Это, несомненно, аккадское *Iškuza*, *Aguza*, т. е. скифы в узком понимании этого слова. Об их локализации см. также ниже.

[5] Был ли Партатуа сыном Ишпакая или лишь его преемником — несущественно.

[6] Геродот (I, 103) помещает за Прототием его сына Мадия. Ему приписывается победа над Киаксаром, царем Мидии (сыном Фраорта-Каштариту) и «господство над всей Азией» в течение 28 лет. Под «всей Азией» здесь разумеется горная часть Западной Азии, включая Малую Азию и Иран или, по крайней мере, его северо-западная часть. Клинописные источники этого античного свидетельства не подтверждают. Термин *ummān-manda*, встречающийся у Асархаддона и в вавилонской «Хронике Набопаласара» [4, с. 33 : 8, с. 51 Ep. 9; с. 100 § 66: 23 и сл.; 5], иногда относящийся и к киммерийцам, здесь скорее должен быть отнесен к мидянам, см. теперь [6, с. 117—120 и др.]; об ошибочности сообщения Геродота о распространении власти Мадия, царя скифов, на Малую Азию см. там же, с. 89.

[7] Еще в начале своего правления (679 г. до н. э.) Асархаддон нанес поражение киммерийцам в Хубушне (античной Кибистре) в Восточной Анатолии [7, с. 216, № 65].

[8] Важное государство Манна у оз. Урмия нигде не обозначено в запросах к оракулу как занятое киммерийцами или скифами, хотя на маннейской территории найдены памятники скифской материальной культуры (городище Саккыз), и манней были связаны с восстановлением Каштариту и косвенно, вероятно, с киммеро-скифскими набегами на Бит-Хамбан, Парсуа и Эллипи в общем районе Кирманшаха. В последней войне мидян с Ассирией Манна была ее союзником. Она была, конечно, занята Мидией, см. [7, с. 244 сл., № 31].

царя Партатуа к дочери Асархаддона (№ 20), в связи с ассирийским наместничеством Бит-Кари — вероятно, районом восстания Каштариту [3, № 66, 67, 71]; в связи с Хубушкией [3, № 13].

Историческое введение, предпосланное Айваном Старром его изданию оракулов, содержит некоторые погрешности. Так, он безоговорочно отождествляет мушков с Фригией (с. LVII), в то время как я пытался показать [8, Index of Tribal Names, с. 227 f], что это обозначение может со времен Тиглатпалара I (XII в. до н. э.) относиться и к протоармянам [10], центр которых в это время следует искать в Мелитене (Мелиде ассирийских надписей и оракулов [3, № 1, 3—7, 11, 12]); киммерийцев Малой Азии Старр, хотя и с оговоркой, отождествляет с трерами, однако нам достоверно известно, что треры были особой этнической группой номадов, которые в отличие от киммерийцев проникли в Малую Азию с Балкан [1, с. 104—107]. Мы не можем согласиться и с выводом Старра [3, с. LXII] о том, что «киммерийцы и скифы обычно действовали независимо и часто несогласованно, даже действуя с одних и тех же или смежных территорий».

Для разрешения проблемы киммерийцев и скифов в Передней Азии в VII—VI вв. до н. э. следует обратить внимание на уже отмечавшийся мною [1, с. 111] факт, что в вавилонских источниках в с е номады включая как скифов, так даже и саков (например, в деловых документах из Вавилонии, в вавилонской версии ахеменидских надписей), обозначаются как gimirr-, точно так же как в персидских источниках в с е номады обозначаются как *sakā* (так в персидской версии ахеменидских надписей, где даже причерноморские скифы обозначаются как *sakā tiyai paradraya). Это заставляет предположить, что не иначе обстоит дело и с термином gimirr-* в запросах к оракулу ассирийских царей VII в. до н. э., написанных на вавилонском диалекте аккадского языка (в том числе и тех, которые переданы ассирийским почерком,— так чаще всего со времени перехода ассирийской разведки к царевичу Ашшурбанапалу около 672 г. до н. э.)[11].

Собственно «скифы» как группа, отличная от киммерийцев, появляются здесь в тексте № 20, посвященном сватовству их царя Партатуа к дочери Асархаддона. Ясно, что, поскольку Партатуа не возглавлял всех вообще номадов, его нельзя было в данном случае назвать gimirr- и пришлось употребить специфическое этническое обозначение для их более восточной кочевой группы. Соответственно и после этого группа скифов упоминается отдельно от прочих «киммерийцев» или наряду с ними в № 29, 35—40 в связи с их походами в районы Бит-Хамбан,

---

[9] В корпусе запросов к оракулу есть один [3, № 13], относящийся к Мидасу (Mitta), но без связи с термином «мушки». Мидас античной традиции — царь Фригии (*Mitā*, царь *Mušku*), потерпевший поражение от киммерийцев, известен не только из греческой традиции, но и из ассирийской дипломатической переписи [9, с. 22 сл.; 3, с. LXXIV, № 241].

[10] Лувийские иероглифические тексты, однако, отличают Musa «фригийцев» (и мисов) от Muskā — вероятно, «протоармян», ср. армянский показатель мн. числа -*k'*, прослеживаемый и в топониме: *Ṭumiški*, греч. Τομίσα (мн. ч.).

[11] Обратим внимание на запросы, относящиеся к судьбам всей Ассирийской державы (у Старра № 139: 10; 142: 10; 144: 10 — все близко к 672 г. до н. э.), где перечислены основные народы на ее границах — 139: итуайцы, ахламеи, [агуррийцы] (основные кочевые племена Западной Азии), [хетты], аккадцы (т. е. вавилоняне), арамеи (видимо, оседлые), киммерийцы, египтяне, нубийцы, кед[ариты] (т. е. арабы); 142: эламиты, «стрелки TAG.GA», хетты, (а)гуррийцы, арамеи, [киммерийцы], филистимляне, нубийцы и какие-то шабукийцы; 144: [иту'айцы, эламиты, стрелки TAG.GA (?), (а)гуррийцы], маннеи, мидяне, киммерийцы, [ахламеи (?), хетты (?), филистимляне (?)], сидоняне (= финикийцы), [нубийцы (?), кедариты (?)...]. В этих списках блистают отсутствием израильтяне и сирийцы, вероятно включаемые в число хеттов, а также скифы, если только не отождествлять их со «стрелками TAG.GA». Некоторые пропуски, например маннеев в первых двух списках, аккадцев во втором и третьем списке, вероятно, объясняются тем, что на данном этапе эти народы были дружественными к Ассирии. Ясно, что здесь перечисляются крупные группировки. «Хетты» могут быть обозначением для жителей Сирии и Палестины — аналогии этому хорошо известны — или, менее вероятно, протоармян, так как не исключено, что самоназвание армян, *hay-*, восходит к **ḫāti-*. Если следовать за Старром, который переводит ^{LÚ}*GIŠ.BAN.TAG.GA* как «конные стрелки», то это могли бы быть скифы. Однако же и киммерийцы были «конными стрелками». Заметим, что в тексте 139 «стрелки TAG.GA» отсутствуют, в тексте 142 они присутствуют, но киммерийцы лишь восстанавливаются в лакуне без уверенности, а в тексте 144 киммерийцы есть, но лишь в лакуне восстанавливаются «стрелки TAG.GA»: не исключено, что это одна и та же группа.

Парсуа и Эллипи, уже входившие в состав ассирийских провинций, и в связи с Хубушкией, нависавшей непосредственно над коренными ассирийскими землями. Однако в случае восстания Каштариту-Фраорта в более отдаленных областях на востоке, где складывалось будущее царство Мидии и где мы можем ждать скорее присутствия скифов, пришедших через Азербайджан, чем киммерийцев в узком смысле слова, пришедших через Грузию, в запросах к оракулу упомянуты только gimirr-.

Все это, конечно, подтверждает мнение о том, что «киммерийцы и скифы археологически неразличимы». Видимо, они не всегда различимы и терминологически. Все они представляли единую этнокультурную массу. К ней (а также и к мидянам) ассирийцами и вавилонянами применялся еще и архаический (восходивший еще к III тыс. до н. э. и продолжавший употребляться в литературе гаданий) термин *ummān-manda* [6, с. 114—131].

Терминологическое неразличение «передовых отрядов» киммерийцев (*gāmīr-*, *gimirr-*), пришедших через Грузию, от скифов, заселивших Причерноморье и проникших в Переднюю Азию через Дагестан и Азербайджан, и от саков Средней Азии не означает, что их принципиально нельзя отличить археологически. Можно согласиться с И. Н. Медведской, что номады, пришедшие в Переднюю Азию при Асархаддоне через Восточное Закавказье (и, добавим, именовавшиеся здесь и «скифами» — *iškuza*, *'aškûz*, и «киммерийцами» — *gimirr-*), принадлежали ко 2-му этапу раннескифской культуры. Следует при этом признать весьма вероятным высказанное С. Р. Тохтасьевым предположение, что сам 2-й этап раннескифской культуры был более или менее законсервирован у переднеазиатских киммеро-скифов и мог здесь продержаться дольше, чем на их причерноморской родине. В то же время, как мы уже упоминали, следует яснее поставить вопрос о том, принадлежала ли первая группа киммерийцев, прошедшая через Центральное Закавказье и ушедшая в Малую Азию в конце VIII в. до н. э., ко 2-му же или еще к 1-му этапу раннескифской культуры. И. Н. Медведская оставила без рассмотрения вопрос о киммерийцах Малой Азии VII—VI вв. до н. э., между тем решение вопроса о них, несомненно, важно для освещения всей проблемы ираноязычных номадов в Западной Азии вообще. Был ли у них законсервирован 1-й этап раннескифской культуры, или их контакты с новоприбывшими в VII в. до н. э. номадами были настолько сильны, что они освоили их 2-й этап? Последнее не кажется мне особенно вероятным.

Мне кажется, учитывая всю сложность историко-терминологической и археологической проблематики, следует внести поправку к выводу И. Н. Медведской, что пребывание скифов на Ближнем Востоке — это лишь «небольшой эпизод». Если киммерийцы = gāmīr VIII в. принадлежали к 1-му этапу раннескифской культуры, то появление здесь памятников 2-го этапа должно быть приписано именно скифам, появившимся в первой четверти VII в. до н. э. по западному побережью Каспийского моря.

Затем возникает вопрос, кто из номадов остался в Передней Азии и кто ушел обратно. Так, Г. Н. Курочкин спрашивает: «Так где же они [киммерийцы и скифы] все-таки были в этом время (первая половина VII в. до н. э.): на Древнем Востоке... или в Восточной Европе?» Ответ, конечно, заключается в том, что они были там и там. Набеги киммерийцев-скифов не были переселением народов на Ближний Восток. Киммерийцы в узком смысле, видимо, в основном остались в Малой Азии, скифы в узком смысле частично могли остаться в Сакасене и частично уйти обратно. Хотя, по мнению Г. Н. Курочкина, достоверно свидетельство Геродота (I, 102—104), что скифы нанесли поражение мидянам, и в 640—610 гг. распространили на 28 лет (I, 130) свое владычество по всей Азии до Египта (сметя по дороге как бы уже не существующую Ассирию), но это известие, если принять его буквально, не подтверждается древневосточными письменными источниками. Правда, скифские наконечники стрел VII—VI вв. до н. э. находят по всей территории Передней Азии вплоть до Палестины (в том числе в Каркемише, где разыгралась последняя битва между ассирийцами и вавилонянами в союзе с мидянами в 605 г. до н. э.), но скифская стрелковая тактика (и скифское вооружение) были, вероятно, заимствованы мидянами, а за

ними и персами (о чем свидетельствует и Геродот, I, 73), и о чем писала в одной из своих статей И. Н. Медведская. Следует заметить, что мне не кажется вероятным предположение о многократных, «типологически отличных», «малых» рейдах скифов или их предшественников в Переднюю Азию. Нам известно, что документированный крупный набег киммерийцев натолкнулся на сильное сопротивление мощного тогда государства Урарту и был повернут им в Малую Азию, а исторически засвидетельствованные набеги скифов также были сдержаны. Нет основания думать, что границы древневосточных империй были прозрачны для «малых» скифских или доскифских рейдов. Хроника Набопаласара рисует Ассирию конца VII в. подвергающимся угрозам с разных сторон, но все еще могущественным государством, и это подтверждается и новейшими исследованиями ассирийских текстов (к сожалению, в сводке в последнем издании «Cambridge Ancient History» много грубых ошибок) [10, с. 147]). Сообщение Геродота (I, 103; IV, 4) о создании Мадием, сыном Прототия (Партатуи), целой скифской империи в Передней Азии, вероятно, имеет своим основанием недавно установленный факт создания «киммерийского» (т. е. скифского?) «Царства Вселенной» на территории Северной Сирии [11, с. 307 сл.]. Сюда же, возможно, относится вавилонский текст, изданный Д. Дж. Уайзманом и обсуждавшийся мною [1, с. 118].

Утверждение Д. С. Раевского о том, будто «завоевание и разрушение крепостей» было нужно номадам — и могло осуществляться — «участниками кратких грабительских рейдов» совершенно неприемлемо. Это утверждение показывает лишь полное незнакомство автора с древневосточной осадной техникой (ср., например, описание осады столицы Шубрии Уппуму у Асархаддона [7, 218, № 71] и многочисленные ассирийские рельефы).

В остальном же из всех высказываний по статье И. Н. Медведской исследование С. Р. Тохтасьева представляется мне наиболее убедительным.

Что касается роли киммеро-скифов и в этой связи датировки гибели Урарту, то можно согласиться с М. Н. Погребовой в том, что «тезис о тотальной гибели Урарту в середине VII в. до н. э. достаточно спорен». Вполне допустимо думать, что серия крепостей на востоке Урартской державы, построенных или достраивавшихся при Русе II, создавалась в связи с возникшей на востоке мидийской угрозой. Учтем, однако, что восстание мидян (673—672 г.) было еще не военным выступлением целостной Мидийской державы, а первоначально лишь трех мидийских княжеств, во главе одного из которых стоял Хшатрита-Каштариту (вероятно, тождественный геродотовскому Фраорту) [12]. Хотя еще Ашшурбанапал (669—630 гг. до н. э.) формально считал, видимо, в самом начале своего правления, что мидийские области должны быть подвластными ему [7, с. 233, № 71], но в разведывательном донесении к Асархаддону, датирующемся 672—669 гг., т. е. в годы фактического правления Ашшурбанапала [7, № 69, 1], Мидия уже занимает место наряду с Урарту, Манной и Хубушкией. До того чтобы уничтожить Урарту, Мидии было еще далеко, и даже завоевание урартской восточной периферии (того же Бастама), как это и считает И. Н. Медведская, еще не означало гибели всего Урарту.

[12] Запросы к оракулу отмечают восстание не одного только Каштариту [3, № 41—71], «господина поселения» Кар-Кашши́ (вероятно, позже названного Hangmatana «Экбатана», букв. «место собрания» (или «собирания»), но и его союзника Дусанни, «господина поселения» Сапарды [3, № 45, 50, 51], и его соглашение с еще одним «господином поселения» мидян, Мимитиаршу (вероятно, иранск. Вахмьятарши, № 41). Отметим, что термин «господин поселения» применяется главным образом к иранским вождям и, видимо, соответствует авестскому vispari. Отождествление Каштариту-Хшатриты с геродотовым Фраортом следует, вопреки некоторым гиперкритикам, считать достоверным; именно ему надо приписать создание ядра мидийского государства — иначе не хватает времени для создания великой Мидийской империи, которая в 640—630 гг. уничтожила Урарту, а в 615—605 гг. сокрушила Ассирию. Название города Каштариту — Кар-Кашши́ «крепость касситов» — указывает на то, что касситы когда-то создали здесь опорный пункт, а из этого само по себе следует, что он находился вне коренной касситской территории. Отождествление его с Экбатаной кажется вероятным. Под своим позднейшим именем Экбатана никогда не упоминается среди сотен топонимов в ассирийских источниках.

Вполне вероятно, что Бастам и другие восточные крепости Урарту были возведены Русой II против возникшей угрозы от Мидийской державы, недавно образовавшейся. Но хотя сейчас приходится допустить, что Бастам был и разрушен при Русе [13, с. 175 сл.], это вряд ли верно в отношении Тейшебайни. Немецкие исследователи Бастама ссылаются на расчеты времени, требовавшегося для строительных работ в Бастаме, а также на тот факт, что там, в частности в помещении, где было уничтожено 1200 голов скота, найдены буллы с царскими печатями одного только Русы II, построившего как крепость Басам, так и крепость Кармир-Блур; помимо этих печатей в Бастаме встречаются также печати с именами царского типа, но без царского титула, которые приписываются царевичам, предположительно правившим в Бастаме от имени Русы II. Однако не всякое упоминание царского имени без титула в Урарту означает, что его носитель не был царем. В моей публикации «Урартских писем и документов» (УПД) [12] под № 1 приведено письмо Сардури, сына Русы, поступившее в Тейшебайни (Кармир-Блур), очевидно, из Тушпы (Вана). В нем Сардури не назван царем, поэтому, возможно, он был тогда царевичем при своем отце Русе, однако печать при письме (печать типа, который С. Кролль приписывает только царевичам) имеет подпись: «Руса. Сардури», которая имеет смысл только как подтверждение того, что печать имеет отношение не только к Сардури, но и к его отцу, царю Русе, и что поэтому содержание письма должно считать исходящим от Русы (III?), который, вероятно, и являлся на тот момент царем, хотя это текстуально не указано. Известие о переписке с Сардури (III) имеется у Ашшурбанапала, в сообщении, датируемым либо 643, либо 639 г. [7, с. 236, № 2, с. 232, № 79], но С. Кролль [14. с. 163] выражает сомнение, являлся ли и этот Сардури сыном Русы III или скорее Русы II, и при этом предлагает отождествить его с царевичем из письма УПД 1.

Далее, печать к письму УПД 3 настолько повреждена, что ее нельзя отнести к типу, который С. Кролль приписывает только царевичам (ссылаясь на печать Русы II из Бастама, он считает, что на царской печати непременно должны быть царские атрибуты, в данном случае зонт. Довод этот не представляется мне убедительным: он подтвержден одним-единственным примером; вполне вероятно, что в начале своего правления или даже всегда молодой царь мог продолжать применять свою личную печать, которой он пользовался еще как царевич). К несохранившейся печати на документе УПД 3 имеется приписка имени Эримена без титула, однако он, в противоположность мнению С. Кролля [14, с. 162 и сл.], несомненно уже был царем, так как само письмо, удостоверенное этой печатью, сформулировано от имени царя. К Эримене же, возможно, относится и сильно поврежденная царская надпись УКН 287. При копировании письма Эримены я колебался, как передать сохранившийся начальный знак его отчества; знак очень стерт и проступает неясно, и читать его ^{m}A[r-] от ^{m}Ar-gi-iš-ti? можно лишь очень условно. С. Кролль не только считает, что Эримена не был царем, но и что он был сыном Аргишти II и тем самым братом Русы II; последнее не исключено, но и доказанным считать это нельзя. По моему мнению, нет причин сомневаться в том, что Эримена несомненно царствовал в период после Русы II. Далее, в корпусе урартских надписей сохранилось еще не менее 10 надписей царя Русы III, сына Эримены, из Аргиштихенели (Армавир-Блура, УКН 288) и Тушпы (УКН 289—296). Наконец, в Кармир-Блуре найден бронзовый щит с надписью царя Сардури, сына Сардури. С. Кролль [14, с. 164] пытается explain it away, высказывая предположение, что щит был перенесен вместе с рядом других вещей в Кармир-Блур из более раннего Эребуни (Аринберда) и что речь идет о неком кратковременно правившем старшем брате Русы II, сына Сардури II, о котором ничего не известно. Объяснение это представляется нам искусственным, и я продолжаю придерживаться мнения о том, что речь идет о сыне Сардури III, сына Русы II. Далее, С. Кролль [14, с. 163] предлагает считать, что Руса, царь Урарту, упоминаемый Ашшурбанапалом под 654/653 г., не Руса II, а Руса III.

Реконструкции С. Кролля кажутся мне во многом искусственными. В самом деле, с одной стороны, он считает, что Бастам был не только построен, но и разрушен при Русе II, и что царствование Русы II прервалось до 655 г., с другой

стороны, после него еще царствовал Руса III, сын Эримены, и Сардури IV (III?), тождественный с царевичем текста УПД № 1. К ним, как мне кажется, несомненно, следует прибавить и самого Эримену, независимо от характера его родства с другими царями Урарту. Ясно, что если разрушение Бастама действительно произошло уже при самом Русе II, то это событие не было синхронно гибели ни Тейшебайни (Кармир-Блур), ни Тушпы. Если первоначальная датировка гибели Кармир-Блура 585 г. до н. э., несомненно, была завышенной, все же ее нельзя датировать 650-ми или даже 640-ми годами.

Мнение о том, что Кармир-Блур был взят скифами, основано на находке наконечника скифской стрелы между камнями кладки наружных стен дворца-крепости. Однако мидяне обучались стрелковому искусству у скифов, и стрелы, применявшиеся при осаде Тейшебайни (как и при осаде Каркемиша), могли быть мидийскими. Тейшебайни, как и Бастам,— однослойный памятник и вряд ли мог просуществовать сколько-нибудь долее одного поколения, но все же пережил после Русы II три царствования и не погиб при Русе II.

Данным о ранней гибели Урарту, приводимым группой немецких исследователей, а также И. Н. Медведской и С. Завадским, казалось бы, противостоит известие Иеремии 51: 27—28. Оно входит в состав пророчеств против Вавилона. Текст стихов 27—28 гласит: «Восставьте веху в стране, вострубите в рог среди народов, посвятите народы против него[13], созовите [14] против него царства [15] Урарту («Арарат»), Манну («Минни») и Скифию (может быть, Сакасену, «Ашкеназ» — описка *'šknz* ВМ. *'škwz*), назначьте чиновников[16] против него, вызовите коней как ощетинившуюся саранчу, посвятите против него народы, царей Мидии, сатрапов ее и всех наместников ее и всю землю, подвластную ей». Текст датирован 594 г. до н. э., почему сторонники ранней даты падения Урарту пытаются explain it away, объявляя, что это топос, механически перенесенный в текст Иеремии из VII в. до н. э., где он адресовался не Вавилонии, как в каноническом тексте, а Ассирии. Это предположение, однако, совершенно невероятно. И Иеремия, и Езекиил, и другие пророки точно адресуют свои пророчества и всегда сообразуются с реальной ситуацией. С какой стати Иеремия (или его редактор) стал бы переносить не отдельную фразу или оборот (каким обычно являются топосы), а целый развернутый текст, так что любой слушатель не мог немедленно же не заметить анахронистичность? Какой смысл было грозить Вавилону уже не существующим врагом? И откуда взят этот топос? Ему нет прототипа в текстах более ранних пророков.

Однако же кажется, что я ошибался, датируя на основании этого текста падение урартской державы после 594 г. до н. э. Следует обратить внимание на свидетельство Геродота (I, 134), согласно которому Мидия представляла на монолитную и делящуюся на однородные сатрапии империю, подобную Ахеменидской, а конгломерат подчиненных ей царств, каждому из которых снова подчинены были более мелкие автономные единицы. Таким образом, в тексте 594 г. до н. э. Иеремии речь идет об автономных царствах Манна, Урарту и Ашкуза (скорее Северная Сирия, чем Сакасена), подчиненных главенству Мидии[17] (ср. «царей Мидии» во множественном числе в тексте Иеремии 25 : 25).

Участники дискуссии поднимают вопрос о сравнительной ценности документальных источников Ближнего Востока VIII—VI вв. и сведений греческих авторов; первые кажутся им фрагментарными, лишенными цельности Геродота или Страбона. Однако следует учитывать, что документальные свидетельства — будь то административная переписка, будь то запросы к оракулам — это свидетельства

[13] В оригинале и ниже, «нее». Babel «Вавилон» по-древнееврейски ж. р., а *'Aššûr* «Ассирия» — м. р.: уже поэтому данный отрывок не мог первоначально относиться к Ассирии.

[14] Дословно «заставьте услышать».

[15] Слово *mamlэka* может означать не только «царство», но всякое государственное образование, даже номы Египта, Isaiah 19 : 2.

[16] В оригинале *tipsar* «аккад. *.tupšarru* «писец, пишущий на клинописных табличках».

[17] Так же, вероятно, надо понимать и URUu-ra-áš-tu в Хронике Набопаласара под 610 г. [7, с. 247].

современников событий, между тем как Страбон пользовался данными из третьих рук, а Геродот, во всяком случае, только слухами и устными рассказами, переданными через грекоязычных базарных переводчиков. Их сведения, конечно же, не идут ни в какое сравнение с подлинными документами эпохи. Попробуем взять третью книгу Геродота и восстановить по ней историю Египта! Такие попытки оставлены более 100 лет назад, и трудно предположить, что сведения Геродота о киммерийцах, скифах, мидянах и вавилонянах более достоверны. Однако С. Р. Тохтасьев справедливо указывает на хронологические лакуны в клинописных источниках: хотя «репрезентативность» их тем не менее никак нельзя назвать «мнимой», однако греческие источники, при всей их недостоверности, тем не менее позволяют попытаться восполнить пропуски в документальных свидетельствах; необходимо лишь подходить к ним крайне критически.

Совершенно напрасно участники дискуссии упрекают друг друга в использовании argumentum ex silentio. Дискутирующие вынуждены строить предположения как «мостики» между достаточно хорош засвидетельствованными фактами — это их беда, но не их вина: от наличного материала источников нельзя требовать более того, что он содержит.

Работа И. Н. Медведской по хронологии скифской архаики снимает те недоумения, которые заставили меня когда-то высказать предположение, что киммерийцы и скифы, известные по письменным памятникам VIII — начала VIII в. н. э., «принадлежали археологически к доскифским культурам».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Diakonoff I. M.* The Cimmerians//Monumentum G. Morgenstierne. Hommages et Opera Minora. Leiden, 1981.
2. *Иванчик А. И.* Об этнониме «киммерийцы»//Terra Antiqua Balcanica. VI. Sofia, 1991.
3. *Starr I.* Queries to the Sungod//State Archives of Assyria. IV. Helsinki, 1990.
4. *Borger R.* Die Inschriften Asarhaddons, Königs von Assyrien//Archiv für Orientforschung. Beiheft 9. Craz, 1956.
5. *Gadd C. J.* The Fall of Nineveh. L., 1923.
6. *Zawadzki S.* The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopalassar Chronicle. Poznań; Delft, 1988.
7. *Дьяконов И. М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту//ВДИ. 1951. № 3.
8. *Diakonoff I. M.* Prehistory of the Armenian Nation, Delmar. N. Y., 1984.
9. *Postgate J. N.* Assyrian Texts and Fragments//Iraq. 1973. V. 35.
10. Assyria and Babylonia//Cambridge Ancient History. V. III. Pt 2. Cambridge, 1991.
11. *Parpola S.* Letters from Assyrian Scholars to the Kings Esarhaddon and Ashurbanipal, II. Neukirchen-Vluyn, 1983.
12. *Дьяконов И. М.* Урартские письма и документы. М.; Л., 1961.
13. *Boessneck J., Kokabi M.* Tierknochenfunde//Bastam II, Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978/Ed. Kleiss. W.; B., 1988.
14. *Kroll S.* Urartus Untergang in anderer Sicht//Istanbuler Mitteilungen. 1984. Bd 34.

Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения РАН

I. M. DYAKONOV

THE CIMMERIANS AND THE SCYTHIANS IN THE ANCIENT NEAR EAST

Summary

The author accepts, on the whole, the chronology suggested by I. N. Medvedskaya and the majority of her ideas, but attempts to stress the following points relating to the history of the Cimmero-Scythians: 1. The quest for an autochtonous Cimmerian culture in the North Pontic area different from the Scythian one should be abandoned. 2. The term "Cimmerian" in the Assyrian oracle texts of the 7th century B. C. could also have been used for the Scythians (but hardly vice versa). 3. The fall of Karmir Blur formerly dated to ca 585 B. C. should now be dated between 640—630 B. C. The final fall of Urartu may be pointed approximately at this date or near to it. 4. Having abandoned his former hypothesis, the author agrees with A. I. Ivanchik who stated that the Greeks first learned about the Cimmerians from the Lydians (basing on historical phonetic forms of the term).

Г. Н. КУРОЧКИН

ХРОНОЛОГИЯ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПОХОДОВ СКИФОВ ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Относительная и абсолютная хронология памятников предскифского и раннескифского времени в Юго-Восточной Европе в последние годы стала предметом острой дискуссии (работы Г. Коссака, В. Г. Петренко, С. В. Полина, В. И. Клочко, В. Ю. Мурзина, Г. Мансфельда, В. А. Кореняко, С. В. Махортыха, А. Ю. Алексеева и др.). Эта дискуссия была стимулирована новыми археологическими открытиями, среди которых в первую очередь следует назвать исследования курганов и грунтовых могил Келермесской группы и комплекса памятников у хут. «Красное Знамя». Статья И. Н. Медведской развивает прежде всего положения о периодизации скифской архаики, содержащиеся в известной работе Г. Коссака, с учетом некоторых новых материалов (могильник Нартан, курган Перепятиха). И. Н. Медведская привлекает некоторые новые материалы с территории Ближнего Востока и в своих выводах идет даже дальше Г. Коссака, удревняя I этап раннескифской культуры (РСК) до середины VIII в. до н. э. Между тем предложенные Г. Коссаком датировки некоторых памятников раннескифской эпохи далеко не бесспорны. В первую очередь это касается Репяховатой Могилы, которая является опорным памятником для III этапа РСК, по Г. Коссаку и И. Н. Медведской. И. Н. Медведская относит впускное погребение в Репяховатой Могиле ко второй половине VII в. до н. э. на основании того, что «греческая керамика, найденная в Репяховатой Могиле 2, теперь датируется второй половиной VII в. до н. э.». Как мне любезно сообщила М. Ю. Вахтина, на самом деле эта керамика никак не может быть датирована временем более ранним, чем VI в. до н. э. Тот же Г. Коссак отмечал, что расписной кувшин из Репяховатой Могилы 2 относится к группе, датируемой концом VII — первой половиной VI в. до н. э. Точная аналогия бронзовому зеркалу с железной рукоятью из 2-го погребения Репяховатой Могилы встречена в кургане 423 Журовской группы, который по позднесамосскому лекифу и фрагментам чернолаковой амфоры отнесен В. А. Ильинской к концу VI в. до н. э. [1]. Причисленный И. Н. Медведской к 650—600 гг. до н. э. курган 38 Гуляй-Города содержит зеркало ольвийского типа с головкой барана на конце рукояти — это VI в. до н. э. Таким образом, РСК III практически целиком (за исключением Келермесских курганов 1903 г., дилетантски раскопанных Д. Г. Шульцем) «уходит» из второй половины VII в. до н. э. в VI в.

Датируемый И. Н. Медведской серединой VII в. до н. э. курган-склеп Перепятиха содержит зеркало с боковой ручкой и золотые бляшки в виде сидящих грифонов, которые могли попасть в отдаленные лесостепные районы Скифии только после переднеазиатских походов. С учетом всего комплекса находок автор обстоятельной публикации этого интересного памятника считает возможным относить его к последней четверти VII в. до н. э. [2, с. 68], однако большинство датирующихся вещей из кургана продолжает бытовать и в первой половине VI в. до н. э. Конец VII — первая четверть VI в. до н. э.— это и есть, вероятно, наиболее реальная на сегодня датировка Перепятихи.

© Г. Н. Курочкин, 1994 г.

Обращает на себя внимание, что период РСК II (700—650 гг. до н. э., по И. Н. Медведской) оказывается заполнен археологическим материалом непропорционально больше других, что довольно странно, если учесть, что первая половина VII в. до н. э.— время большой активности на Древнем Востоке и киммерийцев, и скифов. Один из эталонных памятников РСК II — Старшая Могила — содержит пластинчатый доспех, который распространяется в Скифии после древневосточных походов, на что уже обратил внимание А. Ю. Алексеев в связи с датировкой стеблевского погребения [3, с. 35]. Роговое окончание ножен в форме свернувшегося хищника из Старшой Могилы вряд ли может быть датировано ранее рубежа VII—VI вв. до н. э., ибо употребление образа свернувшегося зверя для украшения бутеролей акинаков и сердцевидная форма уха являются результатом пребывания скифов на Древнем Востоке. Не случайно бутероли в виде свернувшегося хищного зверя и сердцевидная форма уха не встречаются в азиатской Скифии, что лишний раз свидетельствует об отсутствии западного влияния на азиатские области скифского мира, в отличие от хорошо прослеживаемого центральноазиатского импульса в европейской Скифии. Недавно В. А. Косиковым произведен анализ металлических изделий из ряда курганов, отнесенных И. Н. Медведской к 700—650 гг. до н. э. [4]. По его данным, удила, псалии и бляхи конского убора из Старшой Могилы, Волковцов, Аксютинцев, Стайкина Верха и др. изготовлены на производственной базе античных городов Северного Причерноморья. Но начало греческой колонизации Северного Причерноморья, как известно, относится к середине VII в., а широкие деловые контакты греков со скифами завязываются не ранее рубежа VII—VI вв. до н. э. [5]. Исходя из этих данных, основной массив памятников РСК II может быть датирован временем после середины VII в. до н. э. и даже частично заходить в VI в.

Бросается в глаза, что примерно полтора десятка комплексов, отнесенных И. Н. Медведской к фазе РКС I (750—700 гг. до н. э.), рассредоточены по огромной территории (Закавказье, Северный Кавказ, Приднепровье). Нельзя согласиться с отнесением ко второй половине VIII в. до н. э. комплексов Жаботин 2 и 524. Курган 524 содержит элементы пластинчатого доспеха, о переднеазиатском происхождении которого говорилось выше. Скорее всего, у рядового населения в отдельных районах традиционные типы конского убора могли оставаться в употреблении несколько дольше. Что касается закавказских погребений с ранескифскими вещами в Самтавро (мог. 27, 106) и Тли (мог. 68, 85, 129), то они представляют собой неотъемлемую часть большой группы «скифоидных» погребений в этих памятниках, датировка которых в целом не выходит за рамки VII в. до н. э. и даже, скорее, его второй половины (подробнее см. [6]). В Тлийском могильнике, например, найдено большое число бутеролей с изображением стилизованного животного довольно позднего облика. Такие же хорошо известные памятники Северного Кавказа, как курган у хут. Алексеевского и комплекс вещей у Лермонтовского разъезда, знаменуют собой переживание новочеркасских традиций в раннескифскую эпоху и относятся ко времени не ранее рубежа VIII—VII вв. до н. э. Культурно-хронологическая характеристика этих памятников, предложенная А. И. Тереножкиным, полностью сохраняет свое значение [7, с. 128].

В статье И. Н. Медведской большое место уделяется различным аспектам пребывания киммерийцев и скифов на Древнем Востоке и их взаимоотношениям с урартами, ассирийцами и мидянами. На современном уровне исторической науки это задача сразу с несколькими неизвестными. Киммерийская проблема на Древнем Востоке в ее археологическом выражении на сегодня так же далека от решения, как и прежде. Тезис о тождестве археологической культуры (по крайней мере, вооружения, узды и произведений искусства) киммерийцев и скифов в Передней Азии — это, по существу, признание беспомощности современной археологической науки (или только ее отдельных представителей?) при решении проблем этногенеза даже при наличии письменных источников. Или

возьмем археологический аспект мидийской проблемы. Пока для археологов мидяне — это народ-невидимка. Объявление Нуш-и Джана эталонным мидийским памятником не только не решило крупнейшей проблемы древневосточной археологии, но еще больше ее запутало. Материальная культура Нуш-и Джана сильно отличается от основного массива памятников Иранского плато мидийской эпохи. В свое время, возражая Р. Дайсону по поводу предложенной им урартской атрибуции комплекса Хасанлу IIIB (между 700 и 600 гг. до н. э.), я обратил внимание на то, что появление расписной керамики типа Хасанлу IIIB в верхних слоях урартских крепостей в Иранском Азербайджане (Мидия-Атропатена античных авторов) совпадает с прослеживаемой по письменным источникам потерей урартами своих восточных провинций [8, 9]. Генетические связи керамического комплекса Хасанлу IIIB уводят нас в Восточный Иран и Среднюю Азию (памятники типа Яз I). Распространение в Иране с востока на запад с IX до VII вв. до н. э. поздней расписной керамики хорошо увязывается с миграцией этнонима «мидяне», который на протяжении этого времени меняет свое содержание. Ассирийские источники сначала часто упоминают мидян как живущих далеко на востоке или простирающихся далеко на восток: «могучие мидяне востока» (Тиглатпаласар III — 744—727 гг. до н. э.), «могучие мидяне на краю гор Бикни (хребет Эльбурс)», «мидяне, живущие далеко, где восходит солнце» (Саргон II — 721—705 гг.), «мидяне, страна которых лежит далеко» (Синахериб — 704—681 гг.). Даже Ассархаддон (680—669 гг.), современник союзника маннейцев скифского вождя Ишпакая и Партатуа, названного уже «царем (страны) Ишкуза», говорит о мидянах с эпитетом «далекие», что как будто бы свидетельствует о том, что в Приурмийском районе первая волна скифов Ишпакая-Партатуа появилась раньше мидийцев. И только Ашшурбанапал (668—635 гг.) упоминает около середины VII в. до н. э. о захваченном во время похода в область Манна (современный Иранский Курдистан) мидийском вожде Биришатри. После этого начинается широкий захват мидянами бывших урартских территорий в районе озер Урмия и Ван. Геродот (Herod., I, 103) сообщает о мидийском царе Киаксаре, что он «всю Азию по ту сторону Галиса (р. Кызыл-Ырмак в Турции) присоединил к своей державе».

Сорокалетнее правление Киаксара обычно датируют 625—585 гг. до н. э. Правда, ведутся споры, следует ли включать в 40 лет его правления 28 лет скифского владычества в Передней Азии (см. например, [10, с. 177, 178, 296; 11, с. 230]). Если в 40 лет царствования Киаксара включать 28 лет господства скифов над Азией, то получится, что Киаксар самостоятельно правил всего 12 лет. Согласно Геродоту, (Herod., I, 74), только война с Лидией заняла у Киаксара 6 лет, а ведь Киаксар еще вел длительную войну с Ассирией и присоединил «всю Азию» до р. Галис. Скорее всего, следует говорить о 40 годах правления Киаксара *без учета* 28-летнего скифского владычества над Азией. Тогда правление Киаксара и скифов приходится на период с 653 по 585 г. до н. э. (40 + 28 лет). В том, что Киаксар в общей сложности правил 68 лет, я не вижу ничего невероятного. Дед его Дейок правил 53 года, один из скифских царей — Атей пал во время сражения, когда ему было 90 лет.

Киаксар во время своих территориальных захватов действовал в союзе с какой-то группой скифов, «удалившихся из-за распрей в мидийскую землю». Возможно, именно этим «молившим о защите» скифам-отщепенцам и принадлежат найденные в восточных областях Малой Азии биметаллические клевцы ананьинско-уйгаракского типа (подробнее см. [12]). В Восточной Европе эти клевцы никогда не находили в собственно скифских памятниках, но зато они долго бытовали в районе ананьинской культуры, которую М. Н. Погребова и Д. С. Раевский идентифицируют с «отделившимися скифами» [13]. Дважды Геродот упоминает отложившихся или отделившихся скифов: первый раз во время завоевания Киаксаром Малой Азии и второй раз в Восточной Европе, в местности «выше пирков» (Herod., IV, 22),— и оба раза мы находим в указанных районах один и тот же очень характерный и в то же время чрезвычайно редкий для западной

части скифского мира вид оружия. Вряд ли это случайность. Скорее всего, разрешающие возможности археологической науки несколько большие, чем это принято иногда считать.

Во время первой осады Киаксаром Ниневии происходит вторжение основной массы скифов, второй поход скифов под руководством Мадия, сына Партатуа-Прототия. Мидяне терпят в борьбе с ними поражение, и скифы распространяют свое владычество по всей Азии, пойдя затем на Египет, но встретили на пути фараона Псамметиха I (664—610 гг.). Скифы владычествовали в Азии 28 лет, пока Киаксар не перебил их верхушку (Herod., I, 103—106). Эти данные И. Н. Медведская в своей работе не учитывает, и совершенно напрасно. Версия Геродота восходит к малоазийской греческой традиции и органично дополняет ассиро-вавилонские документы, которые после смерти Ашшурбанапала (635 г. до н. э.) становятся более чем скудными. Ассирия в это время фактически вытесняется с арены мировой истории, начинается ее агония. Захват Ниневии и окончательное покорение ассирийцев происходит после того, как Киаксар изгоняет скифов Мадия из Азии (Herod., I, 106). Поскольку дата гибели Ниневии хорошо известна — 612 г., то скифское владычество в Азии относится к 640—612 гг. до н. э. или к чуть более раннему времени (ср. [3, с. 64]). Именно к этому периоду и принадлежит подавляющее большинство вещей скифского облика с территории Малой Азии. И. Н. Медведская правильно отмечает, что скифские древности в Малой Азии относятся к этапу РСК II, но, как нами было показано выше, имеются серьезные основания для датировки большинства памятников этого периода второй половиной VII в. до н. э. Таким образом, становится ясно, что в Малой Азии эти вещи раннескифского облика маркируют не присутствие киммерийцев (которые в этом районе впервые появляются много раньше, в конце VIII в. до н. э.), а второй поход скифов Мадия. Основными нарративными источниками для этой эпохи становятся данные античных авторов, поскольку последние десятилетия VII в. до н. э. практически не освещены урартскими и ассирийскими источниками, а мидяне, захватившие к этому времени большие территории в Северо-Западном Иране и на востоке Малой Азии и игравшие ведущую роль в описанных событиях, своих документов в силу отсутствия у них письменности не оставили.

Как соотносится со скифскими древневосточными походами хронология эталонных памятников скифской архаики — Келермесских и Краснознаменских курганов? Весь характер находок из Келермесских курганов, в первую очередь раскопанных в 1903 г. Д. Г. Шульцем и включавших вещи малоазийского производства, свидетельствует о том, что они относятся к концу VII в. до н. э., ко времени возвращения скифов Мадия из переднеазиатских походов. Это не исключает того, что отдельные вещи из этих курганов могут относиться к более раннему времени. Наиболее же ранние курганы Келермесской группы могут принадлежать к периоду, непосредственно предшествующему походу Мадия,— около середины VII в. до н. э. Показательно, что аналогии зеркала с зооморфной бляшкой на двухстолбчатой ручке из впускного погребения 5 кург. 19 (раскопки Гос. Эрмитажа) и круг. 2 из раскопок Н. И. Веселовского в Келермесе обнаружены в Малой Азии (случайная находка — по информации Г. Коссака со ссылкой на Б. Б. Пиотровского) и в храме Геры на о-ве Самосе, где такое зеркало датировано второй половиной VII в. до н. э. [14, с. 14]. Исследованный В. Г. Петренко курган 1 у хут. «Красное Знамя» по находке остатков ассирийской колесницы очень соблазнительно связать с Партатуа, который сватался к ассирийской царевне, дочери Ассархаддона. Найденные в южной могиле этого кургана трехжелобчатые застежки восходят к бляшкам из Высокой Могилы, но типологически более поздние. В Восточную Европу такие бляшки были принесены из Южной Сибири, где они известны с карасукской эпохи, т. е. с самого начала I тыс. до н. э. Что касается Зивийе в Западном Иране, где найден Саккызский клад, то здесь в 70-е годы VII в. до н. э., видимо, была ставка скифов-ишкуза эпохи Ишпакая и Партатуа. Комплекс вещей Саккызского клада представляет собой,

по моему мнению, утварь из погребения Ишпакая, погибшего в районе Манны около 675 г. до н. э.

Нельзя согласиться с мнением И. Н. Медведской о том, что «скифские древности в урартских крепостях и вне их должны датироваться первой половиной VII в. до н. э.». Единственная крепость, где обнаружена большая серия раннескифских вещей,— Кармир-Блур. Это, бесспорно, один из ключевых памятников для датирования предметов скифской архаики в Передней Азии. Основана эта крепость в царствование Русы II (685—645 гг. до н. э.). В последнее время традиционная дата гибели Тейшебаини — Кармир-Блура — 585 г. до н. э.— справедливо ставится под сомнение, в том числе и И. Н. Медведской. Однако помимо находок с именем Русы II в Кармир-Блуре найдены клинописные таблички с именем Сардури III (прибл. 645—625 гг.). Даже если отвергать принятую урартологами версию о правлении после Сардури III царей Эримены и Русы III (и IV?), надписи которых тоже обнаружены в Тейшебаини (см. [15]), все равно Кармир-Блур погибает в эпоху Киаксара — Мадия, что полностью совпадает с той атрибуцией скифских вещей в этом регионе, которая предложена нами выше. Согласно предположению С. Кролля и У. Зайдль, которое принимает И. Н. Медведская, урартские крепости Бастам и Кармир-Блур погибают одновременно, эта синхронизация нужна для того, чтобы обосновать раннюю дату гибели Кармир-Блура. В Бастаме действительно найдены оттиски царских печатей только Русы II, но это свидетельствует всего лишь о том, что Бастам, расположенный в Иранском Азербайджане, погибает в результате мидийской экспансии на несколько десятилетий раньше Кармир-Блура, который находится гораздо севернее Бастама, в Армении. Показательно, что в Бастаме, погибшем где-то около середины VII в. до н. э. или чуть позже, не найдено ни одной скифской вещи, а в Кармир-Блуре, функционировавшем во второй половине VII в., такие предметы найдены в большом количестве. Предположение И. Н. Медведской о том, что четырехгранные костяные палочки с орнаментом в жаботинском стиле могли быть принесены при основании Кармир-Блура — Тейшебаини из Эребуни вместе с урартскими царскими регалиями, мне кажется маловероятным и труднодоказуемым.

В заключение хочу отметить, что в наше время узкой научной специализации мало кто из исследователей обладает необходимой квалификацией для изучения больших объемов информации из различных регионов и сопоставления этой археологической информации с другими видами источников. И. Н. Медведская принадлежит к небольшому кругу специалистов, которые, довольно свободно ориентируясь в скифологической проблематике, вместе с тем профессионально занимаются изучением археологии и древней истории Ближнего Востока. Хотя многие положения, содержащиеся в статье И. Н. Медведской, спорны, наметившаяся в современной скифологии тенденция к хронологическому «заглублению» памятников скифской архаики в целом верна, недопустимы только перехлесты в сторону удревнения как раннескифских комплексов, так и памятников новочеркасского и черногоровского этапов предскифского времени. Многие вопросы, поднятые в работе И. Н. Медведской, дискуссионны в принципе, и можно только поблагодарить И. Н. Медведскую за острую постановку и поиск оригинальных решений сложных вопросов раннескифской и древневосточной археологии и истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.
2. *Скорий С. А.* Курган Переп'ятиха. Киев, 1990.
3. *Алексеев А. Ю.* Скифская хроника. СПб., 1992.
4. *Косиков В. А.* Техника изготовления художественных бронзовых предметов конского снаряжения скифской эпохи//Донецкий археологический сборник. Вып. 2. Донецк, 1992.
5. *Вахтина М. Ю.* Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII—VI вв. до н. э.//Кочевники евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989.

6. *Есаян С. А., Погребова М. Н.* Скифские памятники Закавказья. М., 1985.
7. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
8. *Курочкин Г. Н.* Этнокультурные связи Ирана с Закавказьем в предахеменидский период//Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М., 1981.
9. Исследования археологов США в Северо-Западном Иране//Археология Зарубежной Азии. Л., 1985.
10. *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.; Л., 1956.
11. *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960.
12. *Курочкин Г. Н., Субботин А. В.* Боевые чеканы (клевцы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира: к проблеме происхождения и распространения//Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск, 1993.
13. *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* К вопросу об «отложившихся скифах»//ВДИ. 1989. № 1.
14. *Кузнецова Т. М.* Историко-культурные связи Скифии VI—III вв. до н. э. (зеркала как исторический источник): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
15. *Арутюнян Н. В.* Биайнили (Урарту). Ереван, 1970.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

G. N. KUROCHKIN

THE CHRONOLOGY OF THE NEAR EAST WAR EXPEDITIONS ACCORDING TO WRITTEN SOURCES AND ARCHAEOLOGICAL DATA

Summary

The author stresses that many questions raised in I. N. Medvedskaya's article are of principally discussional nature. But the fact of their raising is of great importance, as well as the attempt to find solution of the problems concerning the early Scythian and the Near Eastern archaeology and ancient history. The author underlines that too early datings of the early Scythian sites have no groud, and presents a brief analysis of main statements forming the base for these early dates.

И. Н. МЕДВЕДСКАЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ДИСКУССИИ

Первые отклики на мою статью «Периодизация скифской архаики и Древний Восток» показывают, что оптимизм Я. А. Шера по поводу наступления третьего этапа существования научной идеи, когда «это давно все известно», преждевременен. Все оценки соотносятся, пожалуй, со вторым этапом — «в этом что-то есть, но не так». Соглашаясь с необходимостью удревнения РСК в целом, исследователи в частностях, как правило, затрудняются отказаться от привычных схем и представлений, что отчасти может быть вызвано недостатками моего исследования. Но поскольку в некоторых случаях обнаруживается непонимание и неверное толкование отдельных существенных положений, необходимо уточнить ряд вопросов, связанных в первую очередь с периодизацией РСК и ее хронологией.

М. Н. Погребова критикует принцип датировки 1-го этапа РСК, основанный, как она поняла, на слабой датировке кавказских памятников Самтавро и Тли. Однако мой принцип построения хронологии понят неверно. Излагая построения Г. Коссака, я вовсе не опиралась на его датировки и строила хронологию первых двух этапов отличным от него способом. Уточнив содержание его трех этапов, я смогла соотнести аморфное понятие «скифские древности Передней Азии» с конкретным этапом РСК. Поскольку часть находок предметов 2-го этапа связана с турецкими и иранскими памятниками первой половины VII в. до н. э., я считала возможным синхронизировать и остальные находки, которые соответствуют набору предметов 2-го этапа, с письменными свидетельствами Асархаддона о кочевниках, так как их территориальное распределение в целом соответствует географии действий номадов по источникам его времени. Отсюда и невозможность соотнести их с саргоновскими свидетельствами, как допускает С. Р. Тохтасьев, и со временем Мадия, как предлагает Г. Н. Курочкин. Не рассматривая вопрос о времени и месте сложения скифского звериного стиля, я считала, что комплект вооружения и конской узды, обнаруженный на востоке Передней Азии, был принесен кочевниками оттуда, где он должен был сложиться в рамках 2-го этапа не позднее 90—80-х годов VII в. до н. э. Таким образом я и получила возможность передвинуть время сложения 1-го этапа РСК в VIII в.; датировки Самтавро и Тли мною в этой связи не использовались, другое дело, что они совпали с предложенной независимо от Г. Коссака датой 1-го этапа. Строго говоря, свидетельства Саргона о появлении кочевников южнее Закавказья в конце VIII в. до н. э. не определяют тот или иной этап РСК, а вешей 1-го этапа здесь нет [1]. Основанием для отнесения к саргоновскому времени уже 1-го этапа служит археологическая ситуация на территории Ирана и Урарту, ограничивающая, на мой взгляд, возможность удревнения 1-го этапа в досаргоновское время, что вытекало бы из предложения С. Р. Тохтасьева относить к саргоновскому времени еще 2-й этап. Около середины VIII в. на этой территории фиксируется появление элементов культуры из карпато-дунайского региона. По мнению В. И. Козенковой, направление культурных связей между этим регионом и Северным Кавказом до

[1] Указанием на их присутствие на урартской периферии служат костяные пластины из пом. 36 Кармир-Блура, где они найдены в корзине, прикрытые щитом Аргишти I и колчанами Сардури II. Эти вещи VIII в. до н. э. могли попасть сюда из Эребуни, откуда священное оружие было перенесено при закладке Тейшебаини и принесено в жертву Халди, как сообщает надпись на камне.

© И. Н. Медведская, 1994 г.

середины VIII в. до н. э. шло с запада на восток, позже — наоборот. В этом потоке с запада на восток, а затем через Кавказ на юг, по-видимому, и проникли элементы конской узды, в том числе и железные удила, появившиеся в период НаВ и распространившиеся в НаС; они представляли здесь иную конструкцию узды, с разъемным соединением удил и псалий [1, с. 71—77]. В РСК железная узда появилась позднее, на 2-м этапе. На фоне проникновения «гальштатского» набора вещей показательно отсутствие к югу от Кавказа компонентов культуры номадов «доскифской стадии», носителей культуры, оставивших курганы у сел Квитки, Носачево, хотя это предполагаемое М. Н. Погребовой и Д. С. Раевским проникновение совпадало бы по направлению и частично по времени с «гальштатским» (подробнее этот вопрос рассмотрен С. Р. Тохтасьевым). Настойчивый призыв моих оппонентов перенести начало переднеазиатских походов ко времени, предшествовавшему формированию РСК, основан на *argumentum ex silentio*, в чем по разным поводам они упрекают меня сами. Впрочем, по-моему, к проблеме построения скифской хронологии этот вопрос не имеет отношения.

Итак, в досаргоновское время первая волна РСК, возникая в «Срединной Азии» (по терминологии М. И. Ростовцева), постепенно достигает Северного Кавказа и приносит сюда некоторые компоненты складывавшегося 1-го этапа. По-видимому, здесь происходит разделение: часть носителей продолжает движение на запад, достигая Приднепровья, другая — проникла через Кавказ, вступив в контакт с урартами (какие метаморфозы происходили как с носителями, так и с набираемыми компонентами РСК — это отдельный вопрос). Возможно, такое же разделение осуществлялось и на 2-м этапе. Некоторое запаздывание отдельных элементов РСК отмечено в моей статье в табл. 1, пространственное же запаздывание самих этапов показано в статье Г. И. Смирновой. Имея в виду это запаздывание в рамках первого 1-го этапа, вероятно, следует приднепровские памятники относить ближе к его концу, а к началу — восточные памятники от Аржана до Гумарово, хотя истоки первого еще более ранние. Одна из возможных моделей такого волнообразного движения описана Я. А. Шером [2].

По недоразумению, М. Н. Погребова приписывает мне утверждение, будто скифы (киммеро-скифы) проникают в Переднюю Азию только на 2-м этапе. Я только подчеркивала, что материальная культура номадов представлена здесь своим 2-м этапом, но очевидно, что они проникли к югу от Кавказа уже на 1-м этапе. Более глубокий смысл имеет сделанное ею и Д. С. Раевским указание, что вопреки моим представлениям, будто РСК сложилась к началу переднеазиатских походов, она, по мнению оппонентов, развивалась и после их начала, а точнее, «формируется именно в процессе контактов скифов с Древним Востоком». Представленное мною описание поэтапного изменения РСК делает этот упрек довольно неожиданным. Очевидно, что процесс формирования РСК шел одновременно с походами, но не только и не столько в связи с ними. Результаты этих контактов проявились чертами переднеазиатского изобразительного стиля в изделиях из благородных металлов скифского художественного круга на 3-м этапе. Но насколько глубоким и длительным было это влияние или оно ограничилось «одномоментным» производством престижных вещей? Сопоставимо ли это влияние по степени воздействия с греческим на последующей стадии развития скифской культуры?

Для того чтобы обосновать гипотезу о формировании основных черт РСК в результате древневосточных контактов, мои оппоненты в своей последней книге прежде всего должны были отрицательно решить вопрос о стимулирующих РСК импульсах из «Срединной Азии», анализировавшихся многими исследователями и сформулированных Г. Коссаком. Складывается впечатление, что была выбрана наиболее уязвимая для критики работа В. Ю. Мурзина с тем, чтобы с ее критикой закрыть проблему [3, с. 63—72]. Нельзя проблему формирования РСК сводить только к проблеме сложения звериного стиля. Я понимаю, что приверженность древневосточной гипотезе его сложения помогли М. Н. Погребовой и Д. С. Раевскому согласиться и с удревнением РСК, и с единством культуры

киммерийцев и скифов уже на 1-м этапе. Ибо, если «скифский пласт» Зивие — первая половина VII в. до н. э.— результат контактов «бескультурных» скифов с культурой Луристана, то непосредственные эти контакты, происходившие, по мнению авторов, в самом Луристане, относятся к 1-му этапу. Хотелось бы понять, каким образом это могло случиться? Что могло тянуть в этот труднодоступный край степняков? Одно дело, когда эти горы нужно было только пересечь тем же ассирийцам с целью достичь благодатных земель к востоку от Луристана, и то для этого конница спешивалась, а колесницы «ставили на затылки людей», другое дело — культурные контакты, которые подразумевают более или менее длительное присутствие здесь номадов. Существование так называемых типичных бронз Луристана приходится на XII—VII вв. до н. э., но расцвет их помещается между IX—VII вв. до н. э. может ли культура на стадии затухания дать столь сильный импульс, что в результате создается новый художественный стиль и к тому же в инородной среде? Даже если допустить, что скифы оказались в Луристане, то кто из них мог обладать техническими и прочими навыками, необходимыми даже не для создания вещей в новом стиле, но хотя бы для сохранения представлений о луристанском стиле для передачи его на стадии Зивие? Оба автора как будто бы различают походы номадов на 1-м и 2-м этапах по длительности и глубине их проникновения на территорию Древнего Востока: стремительные рейды на 1-м этапе сменились длительным присутствием на 2-м этапе. Но как же эта стремительность сочетается с культурными контактами киммеро-скифов и носителей культуры луристанских бронз на 1-м этапе, и к тому же так далеко на юге от Закавказья? Начиная со времени Тиглатпаласара III, ассирийская агрессия на востоке вступила в новую активную фазу: частые походы сюда отразили в документах многие события из жизни стран к востоку от Ассирии. Если Саргон зафиксировал опосредованные контакты киммерийцев, то в Луристане, через который пролегали все маршруты походов, мог ли он не заметить появление этого нового контингента, о котором был осведомлен в связи с урарто-киммерийским конфликтом?

Древний Восток рассматривается скифологами как нечто аморфное за пределами скифского мира. Оттуда черпаются отдельные сведения как для решения базисных вопросов в скифологии, так и для эпизодических сопоставлений, решающих частные вопросы. Но не учитывается, что этот регион представляет самостоятельную культурную систему, произвольное обращение с которой чревато заблуждениями [2]. Пример — упомянутая монография М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского: в заглавие вынесено понятие «Древний Восток», но именно он в исследовании отсутствует. Памятники Зивие и луристанских бронз рассмотрены вне археологического контекста, вне хронологии, вне геополитической ситуации Древнего Востока. К тому же допущен хронологический произвол и насилие над материалом («если мысленно совсем немного усилить изгиб тела...», то можно получить желаемую эволюцию) [3, с. 96—106] — в результате произвольные сопоставления и выводы.

Оба автора упрекают меня в отходе от традиционной приверженности данным античной традиции. А много ли помогла эта приверженность для построения периодизации и хронологии РСК? С самого начала я обусловила границы поисков независимых хронологических привязок в древневосточном направлении. Впрочем, слово поиск неточно, ибо многое из рассмотренного в статье давно известно. Я попыталась соединить различные источники информации, увязать их между собой и показать, что нельзя вынуть одно звено, не разорвав всю цепь (Д. С. Раевский воспринял это как «длинную цепочку умозаключений»). Данные античной традиции не получают в этой цепи определенного места, они «плавают» в событиях древневосточной истории. Теперь это становится все более очевидным

[2] Как частный пример можно привести случай с изображением Иштарь из краснознаменского кургана, которое стало чуть ли не хронологическим эталоном. Между тем эта иконографическая схема бытует не столько в ассирийской, сколько в урартской изобразительности и именно в убранстве колесниц. Близкую параллель можно видеть на диске IX в. до н. э. [4, с. 58, рис. 30].

из исследований по новоассирийскому периоду. Эта традиционная приверженность предполагала приоритет античных источников V в. до н. э. над клинописными, современными событиями: процедура должна быть обратной — клинописные источники должны быть базой исследований, результаты которых могут сравниваться с данными античных источников. Если они конфликтуют — клинописный текст имеет приоритет [5, с. 98, здесь же анализ гипотез, основанных на приоритете античных авторов в решении вопросов скифской истории на Древнем Востоке — с. 64—98; 6, с. 71, 82]. Это не декларация, активные исследования по истории Мидии последних лет, в частности П. Хельма, С. Брауна, и сопоставительный анализ истории Геродота оставляют возможным только такой методологический подход. После века интенсивных исследований по новоассирийскому периоду стало «мучительно очевидно», пишет С. Браун, как мало совпадений между соответствующими клинописными источниками и *Медикос Логос* Геродота. Особенно «ухудшилось» положение, когда пришлось отказаться от таких, казалось бы, очевидных подтверждений Геродота, как соответствия в ассирийских источниках мидийским царям списка Геродота: Дейок / Дайукку и Фраорт / Каштариту (этому несоответствию С. Браун приводит весьма яркие доказательства) [6, с. 76—78]. В вавилонских источниках известны два последних царя — Киаксар и Астиаг — и мидийская столица Экбатаны / Агамтану. В эламских и урартских документах сообщений о Мидии нет. Но если П. Хельм отказывает полностью в историчности сообщений Геродота о Мидии, аргументируя это тем, что Геродоту была рассказана сага о национальном освобождении мидян, которая не сохранила заслуживающей доверия исторической информации о Мидии до правления Киаксара [7, с. 77, 78], то С. Браун нащупал те три проблемы, которые действительно мешают принять историчность *Медикос Логос*. Эти проблемы суть: 28-летнее господство скифов над мидянами, внутренние противоречия в геродотовой хронологии и отсутствие соответствий между картиной, извлекаемой из ассирийских источников, и геродотовым рассказом о Мидии. Третья проблема касается сугубо мидо-ассирийских материалов и к нашей теме отношения не имеет. Что касается хронологической проблемы, то С. Браун, опираясь на выводы Р. Дрюса, показывает, что Геродот пользовался при написании мидийского раздела двумя хронологическими системами, не согласовывая их. Греческая система представляла общие хронологические рамки, позволяющие связывать хронологию Востока и Запада, другая, давшая годы правления мидийских царей, была, по-видимому, иранской [6, с. 83]. С. Браун ищет рациональное зерно в рассказах Геродота о скифах в Передней Азии и причины, по которым история о них так сильно преувеличена. Вполне вероятно, по его мнению, что скифский информатор Геродота мог рассказать ему, что скифы брались наемниками в ассирийскую армию и соответственно могли отсутствовать 28 лет. Геродот, компилируя историю из разных источников, ошибочно или преднамеренно сконструировал рассказ о покорении скифами мидийцев в эти 28 лет, подосновой которого были реальные сведения о вражде между Мидией и Ассирией. Отмечу попутно, что о киммерийских наемниках можно говорить в связи с документом 679 г. и об агрессии Ассирии не позднее мидийского восстания. Другими словами, этот реконструируемый эпизод можно было бы отнести только к первой половине VII в. до н. э. Почему Геродот настойчиво повторяет рассказ о господстве скифов над мидянами, подчеркивая обиды, понесенные ими от скифов? Казалось бы, ведь мидяне отомстили за себя. С. Браун находит правдоподобное объяснение: скифская гегемония над Мидией имеет фундаментальное значение для геродотовой полемической гипотезы о происхождении греко-азиатского конфликта. Согласно ей, персы хотели отомстить скифам за обиды, нанесенные ими мидянам (Herod. IV, 1). Отдельные эпизоды, в том числе с Мадием, были преувеличены и привязаны во времени к наиболее ярким страницам мидийской истории, но именно тогда *a priori*, как считает С. Браун, господство скифов над Мидией, страной, покорившей земли от Иранского плато до Галиса, было невозможным [6, с. 82]. Примечательно, что Страбон не связывает действия Мадия с Мидией, но только с Малой Азией.

Отсылая читателя к этой и другим работам, где он найдет анализ затронутых вопросов, хочу надеяться, что ему, в частности, нетрудно будет убедиться хотя бы в том, что та легкость решения вопросов хронологии при помощи кавалерийского наскока Мадия, которую можно было заметить в ходе дискуссии, это даже не вчерашний день науки.

Итак, сохраняя главное — историчность *Медикос Логос*, откажемся от малого — скифской гегемонии над мидянами! Ведь и сам Геродот, в конце концов, говорил: «...мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан» (Herod. VII, 152).

Мне хотелось бы также обратить внимание на дифференцированный подход к территории Древнего Востока: вся западная часть Малой Азии за р. Галис мною не рассматривалась и присутствие там киммеро-скифов во второй половине VII в. не отрицалась. В это время они не были ни культурным, ни политическим явлением в зоне военно-политической активности Мидии, т. е. значительно восточнее р. Галис. Этот подход остался непонятым, в частности, М. Н. Погребовой: я не могла утверждать, что «после середины VII в. скифов в Передней Азии быть не могло». В мою задачу входила систематизация материала с целью уточнения хронологии РСК. Для первых двух этапов эти материалы связаны с восточной частью региона.

Что касается 3-го этапа, то в определении его хронологии я действительно опиралась на выводы Г. Коссака, вобравшие в себя исследования Л. К. Галаниной по временному разделению Келермеса и новые даты по греческому импорту. Для первой половины VI в. до н. э. фиксируется сокращение археологических памятников, и прежде всего на Северном Кавказе. Закрытие лакуны путем завышения финальной даты памятников 3-го этапа не представляется обоснованным [8, с. 93]. В противоположность Северному Кавказу в Карпато-Подунавье сложилась иная ситуация. Г. И. Смирнова отмечает отсутствие здесь памятников 1-го этапа и их малочисленность на 2-м этапе. С моей точки зрения, это свидетельствует о том, что импульсы, шедшие из «Срединной Азии», или не достигали этого района (1-й этап), или доходили на стадии затухания к концу этапа. Поэтому естественным выглядит переживание на этой территории тех же зеркал с центральной ручкой в условиях, когда вещевой комплекс 3-го этапа еще не успевает сменить предшествующий. И сам 3-й этап, запаздывая здесь, существует дольше, чем в более восточных районах, и выход его в VI в. до н. э. закономерен. Предложенные Г. И. Смирновой временны́е уточнения для 2—3-го этапов в Приднестровье в сторону омоложения прекрасным образом подтверждают как механизм восточных импульсов в поэтапном сложении РСК, так и предложенную хронологию для ее основного ареала.

Для хронологии 3-го этапа более значимыми становятся привязки к греческому импорту. И конечно же, здесь слово за античниками. Но вместо «любезного сообщения М. Ю. Вахтиной» хотелось бы знать, почему выводы А. Грехэма, В. Грейс, Б. Фрейер-Шауенбург, П. Бернара, на которые опирался Г. Коссак в связи с возможностью датировать аморфный материал уже второй половиной VII в. до н. э., не принимаются отечественными античниками.

К таблице распределения памятников по трем этапам РСК заранее можно предполагать некоторые уточнения. Ведь в ее основу положена относительная хронология, разработанная во многом на материалах старых раскопок, не всегда точно фиксировавших материал. Тем не менее эта хронология, основанная на изменениях керамики пре́жде всего, позволила выделить ведущие типы предметов на каждом этапе. Поэтому, как мне кажется, средством контроля при перестановке памятников должна служить керамика. В случаях, когда это невозможно, в силу вступает вся совокупность инвентаря, сходство которого позволило группировать памятники. Исследованиями многих скифологов и была создана та относительная последовательность памятников, которая лежит в основе периодизации РСК. Обратимся теперь к последствиям предлагаемой Г. Н. Курочкиным передатировки Старшой Могилы вместе с «основным массивом памятников» 2-го этапа, поме-

щаемых им во вторую половину VII в. до н. э., после старших келермесских курганов. Основанием для этого служат несколько металлических панцирных пластинок, анализ металла узды и безграничная вера в культуртрегерские последствия походов Мадия. Между тем ссылка Г. Н. Курочкина на А. Ю. Алексеева в связи с датировкой стеблевского погребения, в котором тоже найдены панцирные пластинки, не влияет на дату Старшой Могилы, поскольку А. Ю. Алексеев вместо VIII в. до н. э. предлагает дату для этого погребения не ранее рубежа VIII/VII — начала VII в. до н. э. [8, с. 34, 35]. Выводы В. А. Косикова по результатам анализов не кажутся убедительными прежде всего потому, что остается неясным понятие «рудные и производственные базы» античных городов Причерноморья и, кроме того, одни и те же удила из Старшой Могилы привязываются к разным производственным базам.

Памятники 3-го этапа отнесены Г. Н. Курочкиным к VI в., ко второй половине VII в. до н. э. вместе с памятниками 2-го этапа отнесены по принципу абсолютной, но не относительной хронологии Самтавро 27, 106, Тли 68, 85, 129, сюда включен, очевидно, Жаботин 2 и 524, последний по наличию тех же панцирных пластинок. В результате получилось: на рубеже VIII/VII вв. до н. э. курган у хут. Алексеевского и комплекс у Лермонтовского разъезда, в середине VII в. до н. э.— старшие курганы Келермеса и курган 1 Красное Знамя. На Ближнем Востоке все находки РСК отнесены ко второй половине VII в. до н. э., «маркируя» второй поход скифов Мадия; в первой половине VII в. лишь одинокий «погребальный комплекс» Зивие маркирует смерть Ишпакая вопреки отмеченному самим Г. Н. Курочкиным обстоятельству, что это был период наибольшей активности киммерийцев и скифов в регионе. Возможность комментировать новую относительную хронологию памятников РСК, лакуну в первой половине VII в. до н. э. и проч. я предоставляю скифологам.

В статье И. М. Дьяконова необходимо выделить следующие важные моменты. Во-первых, он отказывается от своего прежнего понимания киммерийцев как автохтонов в Северном Причерноморье. Оно вытекало из признания в целом версии Геродота и казалось находило подтверждение в предложенном им механизме передачи фракийцами самоназвания их восточных соседей — киммерийцев — грекам. Причем сами фракийцы, как считал И. М. Дьяконов, знали это имя еще по крайней мере в XII в. до н. э. (до времени распада армяно-фрако-фригийского языкового единства), когда в их языке еще сохранялся звук $*g^{(w)}$, а передали его грекам позднее, когда в их языке этот звук уже отсутствовал (переход $*g > k$). Произошло это не позднее времени создания Гомером «Одиссеи» во второй половине VIII в. до н. э., где в главе 11 они названы *kimmerioi* [9, с. 96—99]. Подлинное звучание этого этнонима с начальным «*g*» отражено в аккадской, еврейской и армянской фиксации.

Эта гипотеза И. М. Дьяконова, построенная на сложных языковых изменениях, растянутых на несколько веков, которые одновременно разделяют время восприятия этнонима и его передачи грекам, заменена гораздо более изящной конструкцией, предложенной А. И. Иванчиком. Используя идею И. М. Дьяконова о языке-посреднике, который при передаче этнонима заменил *g* на *k*, он в качестве такового предложил лидийский язык. Это единственный из языков Малой Азии, в котором фонема «*g*» отсутствует [10, с. 63—67]. И. М. Дьяконов согласился с этой заменой, отметив в этом случае невозможность помещать Киммерию в Крыму.

Для нашей темы гипотеза И. А. Иванчика интересна следующим. И. М. Дьяконов неоднократно задается вопросом: представлен ли 1-й этап РСК в Малой Азии, другими словами, как далеко от Закавказья успели проникнуть киммерийцы в саргоновское время? Сумели ли тогда урарты преградить путь киммерийцам, или они прорвались на запад? Археологические памятники номадов в Западной Малой Азии, как отмечалось С. Р. Тохтасьевым и мною, можно отнести только в VII в., ко 2—3-му этапам РСК. Гипотеза А. И. Иванчика безупречна с исторической точки зрения. Лидия была восточным соседом греческих

городов малоазийского побережья, и новости из глубин континента могли достичь греков в основном через лидян. Лидия вела активную торговлю, находясь на стыке западного и древневосточного миров. Именно в VIII в. до н. э. трансконтинентальная торговля в обход Ассирии и территории возможных боевых действий сосредоточивается на малоазийском континенте от побережья на западе через Урарту до Закавказья на востоке. К тому же Лидия в VIII — начале VII в. до н. э. входила в состав Фригии. Следовательно, для лидян возможность достичь глубин континента и западных пределов Урарту была максимально благоприятной. Так что лидийцы могли слышать о конфликте между урартами и киммерийцами, находясь где-то поблизости. Если же исключить эту вероятность и предположить, что киммерийцы все же прорвались на запад, то в этом случае греки в конце VIII в. до н. э. могли сами непосредственно получить сведения о номадах, сохранив подлинное звучание их имени. Но очевидно, что когда киммерийцы действительно достигли этих земель в VII в. до н. э., 11-ая глава Одиссеи была уже сочинена.

Итак, постулируемая на основании Геродота автохтонность киммерийской культуры в Северном Причерноморье не подтверждается ни лингвистическими исследованиями, ни результатами сопоставительного анализа археологических и письменных данных, приведенных в моей статье. Бесплодность многолетних поисков этой культуры вне скифского культурного ареала также очевидна. Тезис «о тождестве археологической культуры киммерийцев и скифов» — это не «признание беспомощности современной археологической науки», как безапелляционно заявляет Г. Н. Курочкин, а состояние наших знаний в настоящий момент. При этом, конечно, следует отдавать себе отчет, что различия между киммерийцами и скифами — племенами, создавшими культуру «скифской» архаики, наверняка были, и со временем, вероятно, они обнаружатся. Говоря о единстве их культур, я прежде всего имела в виду такие их составляющие, как вооружение и конская упряжь, чем главным образом и представлена РСК на Древнем Востоке.

Вторым моментом в статье И. М. Дьяконова является вновь подчеркиваемое им специфическое понимание этнонимов «киммерийцы» и «скифы» в клинописных источниках. Согласно ему, если мы читаем «скифы», то так оно и есть, если же «киммерийцы», то мы должны иметь в виду, что писцы под этим термином часто могли подразумевать и скифов. И. М. Дьяконов допускает правоту критики А. И. Иванчиком его этимологии иранского словосложения *$g\bar{a}m$-$\bar{i}r(a)$ — (обладающий действием хождения и т. д.). Помимо прочего А. И. Иванчик полагает, что в значении «передовой отряд без обоза и женщин» слово должно было бы включать корень "*bal*" [10, с. 64, 65]. И. М. Дьяконов, однако, подчеркивает, что, во-первых, «киммерийцы» как этноним был вторичен и мог применяться к любой группе ираноязычных номадов, но, во-вторых, являясь вместе с тем более общим понятием, термин «киммерийцы» перекрывал входящих в него конкретных скифов и позднее саков. С обоими пунктами трудно согласиться. Имеются тексты, в которых киммерийцы и скифы названы вместе действующими в конкретных событиях [3]. Возможно ли совмещение двух понятий разного уровня — общего и конкретного — в одном тексте? Мог ли, например, римский историк написать, что варвары и даки нападали на северные границы империи? В разных текстах — да, но в одном — нет. Если эти термины были взаимозаменяемы, то почему это не происходило в текстах в связи с Урарту и более западными землями, но было ограничено только Ираном, где эта якобы путаница наблюдалась всего несколько лет?

Достаточно субъективным выглядит объяснение причин, по которым в запросе к оракулу по поводу сватовства Партатуа последний не мог быть назван киммерийцем (кстати, здесь противоречие и другого рода; он «не возглавлял всех вообще номадов», но ведь только в этом случае он назван царем). Но допустим,

[3] В запросе о событиях в Хубушкии оба этнонима сохранились полностью, в текстах о событиях в Бит-Хамбане и Парсумаше то один, то другой термин восстановлен, но, по мнению специалистов, восстановление знаков абсолютно достоверно [11, № 24, 35—40].

что особые причины, как считает И. М. Дьяконов, выделяют в данном случае жениха ассирийской царевны как царя именно скифов. Но почему же ассирийский царь, столь чувствительный к вероломству, что очевидно по характеру многих запросов, не обратил внимание на тот факт, что чуть ли не в этом или следующем году скифы участвуют в мидийском восстании, в событии, которого очень боялись ассирийцы, сознавая его последствия для Ассирии? Очевидно, потому, что в нем участвовали именно киммерийцы, о чем и сообщается в многочисленных запросах в связи с восстанием. Приводимый в качестве аргумента предполагаемый прикаспийский маршрут скифов и отсюда предпочтительное для И. М. Дьяконова присутствие их в Мидии, учитывая высокую мобильность номадов, вряд ли «работает».

В нововавилонских текстах VI в. до н. э. действительно известен термин *gimirrāja*, но то, что он мог обозначать, как считает И. М. Дьяконов, и скифов — это уже момент интерпретации. В этих текстах термин «скифы» вообще неизвестен. Несколько позднее в эламских и древнеперсидских вариантах ахеменидских надписей использован этноним *sakā*, а термин *gimirrāja*, вообще не упоминается. В вавилонских вариантах тех же надписей древнеперсидскому и эламскому *sakā* соответствует *gimirrāja*. Оба эти термина обозначали, в частности, и причерноморских скифов, известных по синхронным античным источникам. Таким образом, речь идет о передаче терминов с одного языка на другой, но ниоткуда не следует, что в каком-либо из этих языков была взаимозаменяемость терминов. И тем более нет оснований говорить о взаимозаменяемости этнонимов «киммерийцы» и «скифы» в аккадском языке ассирийских источников VII в. до н. э., ибо она предполагалась исходя из употребления этих терминов в греческом языке и различных вариантах ахеменидских надписей.

Как известно, для вавилонских источников характерна склонность к использованию архаических терминов. Во время составления этих текстов евразийских кочевников на Древнем Востоке уже не было. Но сам выбор термина показывает, что в памяти сохранилось более знаменитое имя киммерийцев. Этот этноним не «перекрывал» всех номадов вообще, а обозначал более могущественную группу кочевников, действовавших дольше по времени и на более обширной территории, чем скифы. Ассирийцы находились с кочевниками в непосредственном контакте и различали их. Именно такое заключение следует из непредвзятого чтения источников. И именно это позволяет мне настаивать на тезисе, что скифы и их роль в политических событиях на территории Ирана были лишь эпизодом в царствование Асархаддона. Но это вовсе не относится к роли киммерийцев на всем Древнем Востоке.

В этой связи может привлечь внимание упоминаемое И. М. Дьяконовым и С. Р. Тохтасьевым скифское царство в Сирии. Речь идет о давно известном астрологическом отчете 657 г., где сказано, что *умман-манда* — это киммерийцы, и о фрагменте текста, который С. Парпола считает частью первого. В нем упоминается некий царь «множеств» (или «вселенной») — *šar kiššāti*, который при неблагоприятном расположении планет «будет передан его богами его врагу». События обоих текстов связаны со страной *Amurru*. Поскольку астролог вряд ли мог посметь допустить вероятность такого исхода для своего господина Ашшурбанапала, то допускается, что речь идет о плохом предзнаменовании для киммерийского царя. Страна *Amurru* (букв. «Страна западного ветра») обычно обозначала территорию Западной Месопотамии и Сирии. Что касается Сирии, то после ее разгрома Саргоном и депортации значительной части ее населения в район Загроса она вошла в состав Ассирии и вплоть до ее падения была ассирийской провинцией вместе с месопотамской территорией (Харран). Можно ли предположить, что киммерийцы в 50-е годы завоевали ассирийскую территорию, основав там даже царство? Обычно мы узнаем об ассирийских поражениях косвенно и, как правило, в том случае, если Ассирии удалось взять реванш. Что и могло бы иметь место в данном случае, раз Сирия и Харран до конца были ассирийской территорией. Ничего похожего в ассирийских источниках мы

не находим. Напротив, 50-е годы VII в. до н. э. представляются даже относительно спокойными. После успешных походов в Египет (падение Фив в 663 г. было вершиной военных успехов Ассирии) прекращается кушитское вторжение в сиро-палестинские владения Ассирии, и после признания зависимости, хотя и формального, Тиром в 662 г. у Ассирии не было трудностей в этом районе [12, с. 144]. Именно в эти годы Ассирия занимается умиротворением Вавилона, возвращая в храм Мардука священные предметы. Правда, в конце концов конфликт между ними все равно разгорелся. Но в 50-е годы «горячей точкой» был район Малой Азии и возмутителями спокойствия были как раз киммерийцы. Но обе попытки киммерийцев напасть на Ассирию около 640 г. не были успешными [12, с. 145]. Ашшурбанапал знает, что «киммерийцы, кто тревожит жителей его (Гигеса) страны (Лидии)», и никак не относит их действия на свой счет. Подоплекой предположения С. Парполы о владении киммерийцами страны *Ammurru* все-таки служит сообщение Геродота о могущественном царстве скифов. Одним из подтверждений этому не могло не послужить неверное чтение термина *šaddā'u* «горец» как *sakā* [13, с. 576; 14, с. 80—81, прим. 26; в статье И. М. Дьяконова прим. 1]. Согласно более ранней работе Х. Тадмора, например, киммериец Тугдамме был одновременно и царем саков, под которым подразумевались скифы, царство которых простиралось чуть ли не до Мидии [15, с. 247]. По уточненному чтению С. Смита, получается «Тугдамме царь диких горцев или варваров». Все сказанное делает более предпочтительным мнение Л. Хартмана, полагавшего, что автор гадания 657 г. имел в виду Малую Азию, но не Сирию [16, с. 29], тем более что для гадательных текстов характерно использование архаических терминов, каким было *Амурру / Хатти*, когда-то связанное с хеттской империей. Вместе с тем в гадательном тексте вероятнее использование не названия страны в приложении к конкретной территории, а абстрактного понятия, а именно *amurru* в значении одной из четырех сторон света — «запад». Все это вместе лучшим образом подходит для территории Западной Малой Азии, где в эти годы и действовали киммерийцы.

Только находясь в плену представлений Геродота, можно видеть в киммерийцах VII в. скифов. В отличие от клинописных текстов Геродот упоминает киммерийцев всего 9 раз (I, 6, 15, 16, 103; IV, 1, 11—13; VII, 20). Из них в восьми случаях они представлены изгоями, которых преследуют скифы, и в одном — их изгоняет из Азии лидийский царь Алиатт. Однажды они упомянуты без такой характеристики, но с существенной оговоркой: «нашествие киммерийцев... не было длительным завоеванием, а скорее простым набегом для захвата добычи». Только 1 раз упомянута военная акция киммерийцев — захват г. Сарды, хотя и с некоторым искажением: он связывает это событие с царствованием Ардиса, а не его отца Гигеса, который в связи с киммерийцами у Геродота не фигурирует. И хотя он сообщает, что Алиатт изгнал из Азии киммерийцев, господство над ней приписано скифам. Это противоречие между клинописными и античными источниками историками или не замечалось, или затушевывалось, что и отмечалось мною выше. Но это противоречие, по-видимому, результат исторической реконструкции Геродота. Месть персов за обиды, нанесенные скифами мидянам, была важным звеном в цепочке причин, приведших, согласно Геродоту, к греко-персидским войнам. Но поскольку в его эпоху этноним «киммерийцы» уже не существовал и, следовательно, некому было мстить, он экстраполировал на всех участников переднеазиатских походов не только имя могущественных соседей ольвиополитов, но и свое представление о военно-политической значимости скифов в судьбах стран Древнего Востока. Оно же сложилось на реальности V в. до н. э. Имя скифов прославилось не во время переднеазиатских походов VII в. до н. э., а в результате имевшего огромный резонанс в тогдашнем мире похода Дария в Скифию в конце VI в. до н. э. Таким образом и сложился миф о могущественных скифах на Древнем Востоке, подхваченный современными исследователями.

Третьим существенным моментом в статье И. М. Дьяконова является пересмотр

времени гибели Урарту. Он признает невозможность использовать пророчество Иеремии 594 г. в качестве доказательства существования Урарту еще в начале VI в. до н. э. Вполне можно удовлетвориться предложенным им толкованием текста пророчества. И все же проблем с этим текстом, как и с личностью Иеремии, много. Вот одна из них: Иеремия настойчиво призывал отказаться от бесполезного сопротивления Вавилону, вызывая своими действиями гнев властей, его сажали в тюрьму, а свитки с пророчествами сжигали. Навуходоносор явно мирволит Иеремии, заботится о его безопасности, что явно вытекает из деятельности Иеремии (Иеремия, гл. 27—29, 39—40). И на этом фоне диссонирующими выглядят гл. 50—51 с неожиданным проклятием Вавилону. Оправданными выглядят объяснения исследователей, считающих, что эти главы были вставлены составителями ветхозаветного канона с целью нейтрализовать впечатление, что Иеремия друг Вавилона и, следовательно, предатель. Прототипами для этих глав могли послужить пророчества Исайи против Вавилона / Ассирии, особенно гл. 13—14 со сходным содержанием, которые датируются VII в. [17, с. 156—165].

Относительно даты гибели Кармир-Блура И. М. Дьяконов замечает, что это однослойный памятник, который вряд ли существовал долее одного поколения, хотя и пережил двух царей или даже трех, если считать и Эримену. Даже отсюда следует, что царствования этих царей были непродолжительными. По существу об этом говорят и результаты археологических исследований: духовная и материальная жизнь Бастама, Топрак-кале и Кармир-Блура слишком близка, чтобы допустить длительное переживание последнего [18, с. 78]. Ссылка на отдаленность Кармир-Блура не очень помогает. Кармир-Блур и Бастам находятся в долине Аракса, не разделены значительными горными кряжами и по прямой между ними около 150 км. При минимальном ежедневном шестичасовом переходе, по 25—30 км в день, это расстояние можно преодолеть за 5—6 дней (расчеты см. [19, с. 114—116]). К тому же маловероятно, что Кармир-Блур — военный форпост Урарту в Закавказье — мог остаться в качестве автаркии, после того как окружающая территория была завоевана. Что касается времени, необходимого Мидии, чтобы мобилизовать силы для последующей экспансии, то его требовалось значительно меньше, чем допускает И. М. Дьяконов. Успешное завершение восстания само по себе означало, что эти силы уже созрели, а необходимость ассирийской «охранной службы» против укреплений Мидии наравне с Урарту, Манной, Хубушкией уже в 672—669 гг. красноречиво это подтверждает. В этой связи можно вспомнить, что Кир II, поднявший успешное восстание против Мидии в 553 г. и в 550 покоривший ее, уже в 549—548 гг. завоевал Парфию и Гирканию, а в 546 г.— Лидию.

В заключение можно отметить. 1. Обоснованность предложенных мною хронологических привязок не опровергается, и аргументированных возражений предложенной хронологии РСК не предъявлено. После некоторых разъяснений и уточнений, сделанных в связи с высказанными замечаниями, эта хронология может стать основой для дальнейших исследований, которые, будем надеяться, проверят ее надежность. 2. Дискуссия показала, что поиск автохтонной киммерийской культуры в Причерноморье в период, предшествующий РСК, вряд ли перспективен. 3. Хочется надеяться, что в изучении Древнего Востока наступил тот же момент, что и 100 лет назад в египтологии, о котором напомнил И. М. Дьяконов. Даже отдельные страницы истории стран этого региона VIII—VII вв. до н. э. нельзя восстановить, полагаясь только на Геродота. Сведения античных авторов могут лишь дополнить в некоторых случаях картину, но не создать канву событий, которая строится только на собственных материалах Древнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Медведская И. Н.* Конский убор из могильника Сиалк В // Iranica Antiqua. 1983. V. XVIII.
2. *Шер Я. А.* Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля//Скифо-сибирское культурно-историческое единство//Матер. I Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1980.
3. *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и Древний Восток//М., 1992.

4. *Merhav R.* Chariot Accessoiries//Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium B. C. E. The Israel Museum, Jerusalem. Jerusalem, 1991.
5. *Zawadzki S.* The Fall of Assyria and Median — Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle. Poznan; Delft, 1988.
6. *Brown S. C.* The Medikos Logos of Herodotus and the Evolution of the Median State//Achaemenid History III. Leiden, 1988.
7. *Helm K. R.* Herodotus' Medikos Logos and Median History//Iran. 1981. V. XIX.
8. *Алексеев А. Ю.* Скифская хроника. СПб., 1992.
9. *Дьяконов И. М.* К методике исследований по этнической истории («киммерийцы»)//Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
10. *Иванчик А. И.* Об этнониме «киммерийцы»//Acta Associationis Internationalis. Terra Antiqua Balcanica VI. Sofia, 1991.
11. *Starr I.* Queries to the Sungod//State Archives of Assyria, IV. Helsinki, 1990.
12. *Grayson A. K.* Assyria and Babylonia: § 24. Assyria 668—635 B. C. the reign of Ashurbanipal//CAH. V. III. 2. Cambridge; N. Y., 1991.
13. *Smith S.* review of//The British Museum Excavations at Nineveh, 1931—32. By R. Campbell Thompson and M. E. L. Mallowan. Liverpool, 1933//JRAS, 1934.
14. *Cogan M., Tadmor H.* Gyges and Ashurbanipal. A Study in Literary Transmission//Orientalia. 1977. N. S. 46.
15. *Тадмор Х.* Три последних десятилетия Ассирии//Тр. 25-го Междунар. конгр. востоковедов. М., 1962. Т. 1.
16. *Hartman L. F.* The Date of the Cimmerian Threat agaist Ashurbanipal According to ABL 1391// JNES. 1962. V. XXI, 1.
17. *Erlandsson S.* The Burden of Babylon. A Study of Isaiah 13 : 2—14 : 23//Coniectanea Biblica. Old Testament series 4. Lund, 1970.
18. *Kroll S.* Grabungsbericht//Bastam II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978. B., 1988.
19. *Медведская И. Н.* К уточнению маршрута похода Саргона в 714 г. до н. э.//ВДИ. 1989. № 2.

Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения РАН

I. N. MEDVEDSKAYA

SUMMARY OF THE DISCUSSION

Summary

The article is aimed at rendering more explicit some problems connected with the periodisation of the Early Scythian Culture (ESC) ind its chronology. The role of Central Asian components in the development of the succesive stages of ESC is stressed, and the hypothesis of the Near Eastern origin of the Scythian "animal style" is questioned. The discussion seems to have resulted in a more explicit development of the following thesis: the autochtonous origin of the Cimmerian culture in the Northern Pontic area cannot be upheld; the Cimmerians and the Scythians shared a common archaic culture, but the first and the latter ones were two separated groups of nomades. In the ancient Near East the Cimmerian group was more numerous than the Scythian one, the Cimmerian group evidently had a longer period of existance and a larger habitation area. That was the reason for the preservation of the ethnonym "Cimmerians" during the later periods in the Near East. Herodotus' information on the Scythians and their political role is strongly exagerrated and cannot be substantiated by the newest discussions of the Neo-Assyrian and Babylonian cuneiform texts.

Публикации

А. Е. МАТЮХИН

НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В БАССЕЙНЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

До недавнего времени в бассейне Северского Донца на территории Ростовской обл. были известны такие памятники, как домустьерские местонахождения Хрящи и Михайловское [1, с. 22—56], а также кварцитовые мастерские, имеющие мустьероидный облик [2, с. 110, 111; 3, с. 115; 4, с. 83—88; 5, с. 23—42]. В 1979 г. Н. Д. Прасловым в Константиновском р-не Ростовской обл. было открыто местонахождение, содержащее позднепалеолитические кремневые изделия (Бирючья балка 1). Указанный пункт связан с устьевой частью Бирючьей балки. Расстояние до Северского Донца составляет около 3 км. Находки обнаружены как непосредственно в обнажении склона балки, так и у его подошвы, в русле современного ручья.

В 1987 г. Калитвенским палеолитическим отрядом была проведена археологическая разведка в бассейне Северского Донца. Нами были осмотрены долины рек Глубокой, Быстрой и Калитвы, а также участок долины Северского Донца от хут. Базки до хут. Хрящи. В долине р. Глубокой, в частности в окрестностях поселков Тарасовского и Глубокого, имеются богатые месторождения кварцита. В ряде мест здесь осуществляется его промышленная разработка. По своим физическим и технологическим свойствам данный кварцит отличается от кварцита из долины р. Калитвенки, где открыты мастерские. Он менее твердый и прочный, более вязкий. Открыто несколько местонахождений с небольшим числом изделий — отщепов, осколков, нуклевидных кусков и нуклевидных изделий. Сейчас трудно ставить вопрос об их археологическом возрасте. В долинах рек Быстрой и Калитвы находки не были обнаружены. Не найдены они также в долине Северского Донца, у хуторов Базки, Авилов и Журавка.

Основная работа проводилась отрядом в окрестностях хут. Кременского. Осмотрены балки Кременская, Бирючья, Донская, Хлыстовская, Головская и др. Во всех балках, кроме Бирючьей, найдены единичные кремневые изделия. Они собраны на склонах балок и рядом с ними — на пахотных участках. Находки приурочены к современному почвенному слою. В заложенном на склоне Хлыстовской балки шурфе кремневых изделий в нижележащих суглинках не обнаружено. Нет их и в естественных обнажениях суглинков, имеющихся в Хлыстовской, Головской и Донской балках. Среди подъемного материала следует упомянуть призматические нуклеусы, пластины, отщепы, осколки, скребки и редкие наконечники. Исходя из условий залегания находок, их типологического состава, особенностей техники расщепления, резонно ставить вопрос об их неолитическом возрасте.

Самые интересные открытия сделаны в Бирючьей балке. Открыты два новых пункта Бирючья балка 2 и Бирючья балка 2а. Первый расположен выше по балке местонахождения Бирючья балка 1. Расстояние между ними 1600 м.

© А. Е. Матюхин, 1994 г.

Пункт Бирючья балка 2а отстоит от Бирючьей балки 2 на расстояние 150—200 м. Правый склон Бирючьей балки, сложенный меловыми мергелями, имеет высоту 15—25 м. На участке этого склона длиной около 2 км встречены в мергелях кремневые желваки разных размеров и невысокого качества. Левый склон более низкий. Здесь коренные породы располагаются ниже дна балки и всюду перекрыты суглинками, мощность которых доходит до 8—9 м. Протекающий по дну балки ручей, действующий лишь в периоды сильных дождей и таяния снега, заметно подмыл в отдельных местах склон, что привело к образованию ряда обнаружений мощностью от 2 до 8 м. В суглинках двух обнажений, в их осыпи, а также в русле ручья найдены многочисленные кремневые изделия. Это и есть памятники Бирючья балка 2 и Бирючья балка 2а. Высота обнажения на Бирючьей балке 2 достигает 8 м, а длина — около 50 м. Можно допустить, что значительная часть склона балки шириной примерно 10—15 м была разрушена ручьем.

Для предварительного выяснения стратиграфии отложений склона балки, условий и характера залегания находок на Бирючьей балке 2 сделана ступенчатая зачистка шириной 1 м. В итоге удалось установить следующие литологические горизонты и их последовательность (рис. 1).

1. Современный почвенный слой. Содержит редкие находки	0,18 — 0,27
2. Суглинок желтоватый однородный с оформленной белоглазкой	0,25 — 0,43
3. Суглинок буроватый с желтоватым оттенком, местами структурно не выраженный, грязевидный. Содержит два горизонта находок	3,30 — 3,40
4. Суглинок буроватый однородный рыхлый	0,32 — 0,52
5. Суглинок бурый однородный	0,60 — 0,70
6. Суглинок коричневатый относительно однородный, заметно глинистый. В подошве горизонта встречены находки	2,90 — 3,10
7. Мергель меловой, местами с зеленоватым оттенком. Видимая мощность в разрезе	0,25 — 0,28

Не исключено, что все суглинки имеют делювиальное происхождение. Они относительно однородны. Обломочный материал и прослойки песка не установлены. Следует отметить, что буроватый с желтоватым оттенком суглинок, содержащий нижний, очень насыщенный горизонт находок, представлен в виде некрупных слипшихся комков, т. е. имеет аморфную структуру. Ненарушенность основной толщи коричневатого суглинка не вызывает сомнения. Справа от зачистки, в центральной части обнажения, коричневатый суглинок содержит скопление некрупных кусков мергеля протяженностью 3—4 м. Он в свою очередь перекрыт очажной прослойкой толщиной 3—5 см. Несомненно, что установленная в зачистке стратиграфия отложений будет уточнена в ходе дальнейших раскопок.

Кремневые изделия связываются с четырьмя культурными горизонтами. В современном почвенном слое находки крайне малочисленны. В буроватом с желтоватым оттенком суглинке второй культурный горизонт выявлен на глубине 180—230 см, а третий — 320—330 см от современной поверхности. Верхние находки в целом малочисленны и не представлены в виде четкой прослойки, хотя слева от зачистки подобная прослойка была выявлена. Некоторые предметы слегка окатаны и оглажены, имеют двустороннюю патину, поврежденность краев и притупленность их кромок. Сохранность других изделий нормальная. Третий культурный горизонт представлен весьма насыщенным скоплением. Его мощность около 10 см. Изделия, особенно в правой части зачистки, находились в слипшемся состоянии. На отдельных комках суглинка отмечены блестящие отпечатки за-

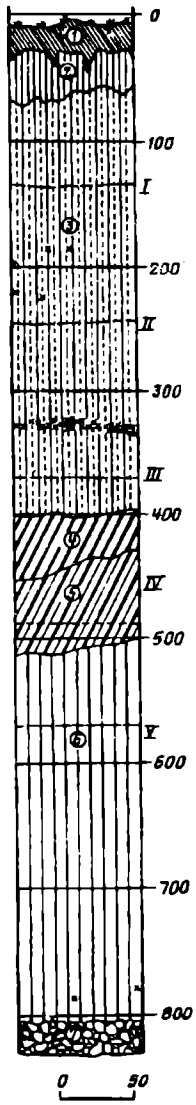


Рис. 1

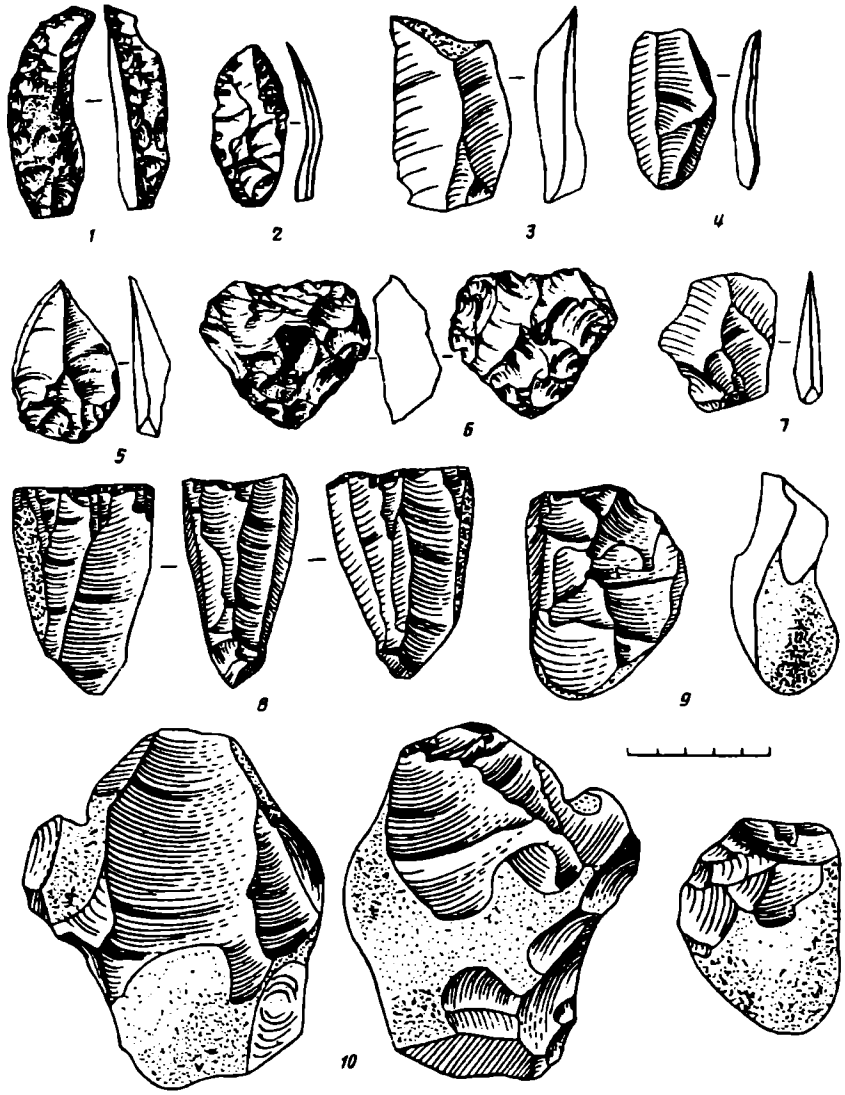


Рис. 2

Рис. 1. Бирючья балка 2. Зачистка 1. Разрез по восточной стене. *1* — почвенный слой; *2* — суглинок желтоватый; *3* — суглинок буроватый с желтоватым оттенком; *4* — суглинок буроватый; *5* — суглинок бурый; *6* — суглинок коричневатый; *7* — мергель меловой. Крестиками обозначены кремневые изделия. Пунктирной линией и римскими цифрами обозначены контуры и число ступеней зачистки

Рис. 2. Бирючья балка 2, кремневые изделия. *1*, *2* — скребла (четвертый культурный горизонт); *3*, *5* — отщепы (четвертый культурный горизонт); *4* — отщеп (третий культурный горизонт); *6* — нуклеус (второй культурный горизонт); *7* — отщеп (второй культурный горизонт); *8* — нуклеус (подъемный материал); *9* — нуклеус (второй культурный горизонт); *10* — нуклеус (третий культурный горизонт)

легавших в них предметов. Непосредственно в суглинке находки залегали различным образом — в горизонтальном, наклонном и вертикальном положении. Большая часть кремней имеет одностороннюю патину, острые края, слабую оглаженность и окатанность поверхностей и умеренное повреждение краев. Тем не менее у некоторых предметов отмечена заметная оглаженность и повреждение краев. На некоторых находках, в разных их местах, выявлены блестящие бороздки и точки. Последнее, безусловно, свидетельствует о контакте предметов друг с другом. Общая сохранность не указывает на их явную переотложенность. В то же время наличие грязевидного суглинка, слипшихся в нем находок, наклонное и вертикальное расположение многих из них свидетельствует о частичном сме-

щении культурного горизонта. Кроме кремневых предметов обнаружено несколько мелких фрагментов костей. Совершенно очевидно, что значительная часть скопления была разрушена.

В коричневом суглинке находки располагались в целом равномерно по всей площади зачистки (четвертый культурный горизонт). Сохранность находок разная. Если одни предметы несут отчетливые следы двусторонней оглаженности и даже окатанности, а также повреждения краев, то другие имеют острые без повреждений края, легкую оглаженность или вообще лишены ее. Интересно, что практически у всех находок отсутствует патина. Вместе с каменными предметами найдено несколько фрагментов трубчатых костей, в том числе эпифизных частей. Существенно и то, что справа от зачистки непосредственно в упомянутой выше очажной прослойке, обнаружены целая, хорошо сохранившаяся нижняя челюсть бизона [1] и плохой сохранности лопатка.

На памятнике Бирючья балка 2а длина обнажения тоже составляет около 50 м. Высота его не более 5 м. Здесь раскопочные работы не проводились. Визуально суглинки по цвету кажутся похожими на суглинки из обнажения на Бирючьей балке 2. На глубине 2 и 3,5 м от современной поверхности обнаружено несколько кремневых изделий. Они заметно оглажены и повреждены. У одного предмета выявлена исключительно сильная заполировка (судя по всему, естественная) значительного участка тыльной поверхности. Все это, несомненно, указывает на определенную переотложенность кремневых изделий. В целом и в самом обнажении, и в его осыпи, а также в русле ручья находок собрано довольно мало.

Собранные на пашне и на поверхности обоих склонов Бирючьей балки находки имеют неолитический облик. На местонахождении Бирючья балка 2 кремневые изделия, связанные с осыпью обнажения и руслом ручья, весьма многочисленны и многообразны. Это кремневые желваки, нуклевидные куски, нуклевидные изделия, нуклеусы, отщепы и орудия. Нуклеусы свидетельствуют о преобладании параллельной плоскостной системы расщепления. Выразительных призматических нуклеусов мало (рис. 2, *8*). Практически все найденные пластины сломаны. Среди орудий выделены скребки, наконечники, скребла, заготовки орудий и др.

Подробней остановимся на изделиях, происходящих из зачистки. Находки, обнаруженные в современном почвенном слое, состоят из нескольких невыразительных отщепов и осколков. Из второго горизонта происходит небольшая, но интересная коллекция. Она состоит из нуклевидных кусков (2 экз.), нуклеусов (2 экз.), орудий (5 экз.), а также отщепов и осколков. Длина нуклеусов 5,5 и 8 см (рис. 2, *6*, *9*). На рабочей поверхности нуклеусов отмечены только негативы отщепов, свидетельствующие об использовании параллельной плоскостной системы расщепления, хотя применительно к одному нуклеусу правильней будет говорить о смешанной системе расщепления (рис. 2, *6*). Ударные площадки оформлены крупными сколами. Практически все найденные отщепы являются краевыми и полукраевыми. Другими словами, это сколы от подготовки нуклеусов. Лишь два отщепа можно отнести к числу заготовок (рис. 2, *7*).

Выделено шесть орудий. наконечники (1 экз.), скребла (2 экз.), скребки (1 экз.), макроорудия (1 экз.), отщепы с ретушью (1 экз.). Наконечник представлен крупным обломком длиной 7,5 см, оформлен сколами и крупной ретушью. Боковые края неровные. Скорей всего орудие не закончено. Длина скребел около 5 см. Боковое простое скребло обработано регулярной мелкой ретушью по одному краю. У двойного угловатого скребла одна из сторон имеет интенсивную обработку, другая — частичную ретушь по двум краям и регулярную в основании. На двух краях мелкие сколы снимались с подготовленных ударных площадок. У скребка размерами 4,5 × 3,5 × 0,9 см оба боковых края оформлены крупной и мелкой ретушью. Более регулярной и тонкой ретушью выделено рабочее лезвие, имеющее выпуклые плавные очертания. Размеры макроорудия 9 × 8,5 × 5,2 см. С двух сторон оформлено сколами. Крупная ретушь нанесена в нижней части орудия.

[1] Определение Г. Ф. Барышникова, которому автор выражает благодарность.

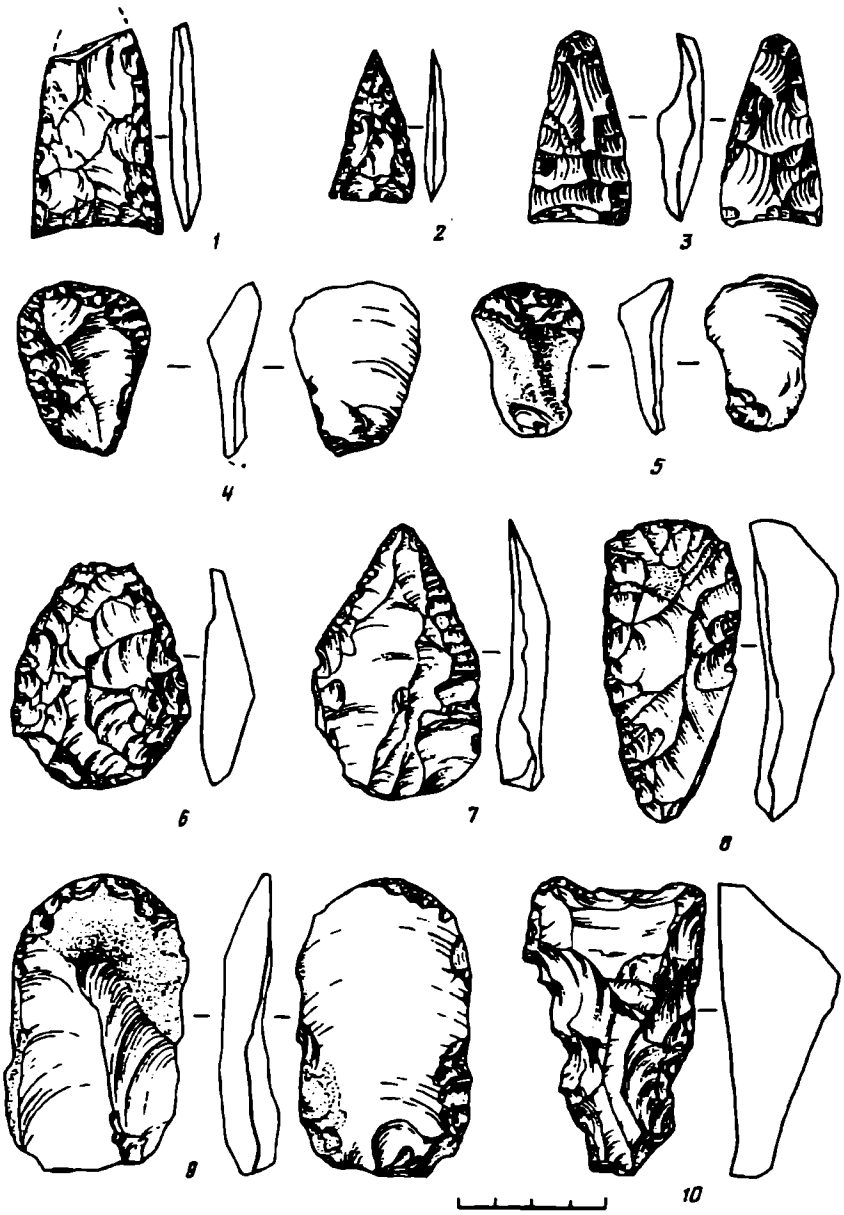


Рис. 3. Бирючья балка 2 (*1—8, 10*). Бирючья балка 2а (*9*), кремневые изделия. *1—3, 6* — наконечники (третий культурный горизонт); *4, 5, 8* — скребки (третий культурный горизонт); *7* — остроконечник (четвертый культурный горизонт); *9* — скребок (из обнажения — глубина около 2 м); *10* — заготовка скребка (третий культурный горизонт)

Здесь она по существу забивает край. На рабочем лезвии, выделенном сколами и крупной ретушью, отмечены нерегулярные, нетипичные фасетки. Не исключено, что это — ретушь использования. Ко второму горизонту находок следует относить и крупное орудие с двусторонней обработкой (скорей всего, это заготовка для орудия). Оно найдено рядом с зачисткой, на одном уровне с остальными изделиями.

Значительный интерес представляют находки из третьего культурного горизонта. В скоплении преобладают грубые отщепы, осколки, особенно мелкие осколки и чешуйки. Остальная, гораздо менее многочисленная группа изделий,— нуклевидные куски, нуклеусы, отбойники, пластины и орудия. Выделено шесть нуклеусов (рис. 2, *10*). Все нуклеусы, кроме одного, оставлены на начальной стадии расщепления. Длина их колеблется в пределах 8—15 см. Установлены параллельная плоскостная и смешанная системы расщепления. На рабочей поверхности нуклеусов отмечены только негативы отщепов. Выразительных нук-

леусов нет. Собрано много краевых, полукраевых и отщепов с частичной коркой. Отщепов, лишенных корки, мало. Длина отщепов не превышает 12 см, в среднем она равна 5 см. Отщепы, тонкие в сечении и с выразительной огранкой спинки, т. е. заготовки, весьма малочисленны (рис. 2, *4*; 3, *4*). Леваллуазские сколы единичны. Присутствие большого количества массивных в сечении грубых отщепов свидетельствует о том, что это технические сколы, полученные при получении заготовок нуклеусов, а также подготовке ударных площадок и рабочей поверхности последних. Пластин найдено довольно мало, все они сломаны. Редки пластины с правильной, призматической огранкой спинки.

Отбойники представлены двумя целыми экземплярами и одним обломком. Длина первых равна 11 см. В качестве одного использовано нуклевидное изделие толщиной 5 см, а другого — галька из глинистого сланца толщиной 6 см. Следы сильной забитости на кремневом отбойнике оставлены почти по всему его периметру. На отбойнике из сланца они локализуются в двух местах.

Всего в третьем горизонте обнаружено около 20 орудий. Типологически это макроорудия (3 экз.), скребки и их заготовки (6 экз.), наконечники целые и их обломки (7 экз.), скребла (1 экз.), скребловидные орудия (2 экз.), пластины и отщепы с ретушью (3—4 экз.). Из трех макроорудий лишь одно можно уверенно относить к числу выразительных экземпляров. Длина изделий 9—12 см, ширина 9—11 см, толщина 5—7 см. Использован кремень плохого качества. У всех орудий отмечено оформление аккомодационных участков с помощью сколов, а также затупливающей ретуши. Боковые края обработаны лишь в отдельных местах. На рабочих краях, выделенных довольно небрежно сколами и крупной ретушью, отмечены нерегулярные, неправильной формы фасетки — вероятные следы от работы.

Среди скребков 1 экз. уместно относить к заготовкам (рис. 3, *10*). Длина всех скребков 3—8 см, толщина 1,5—3,5 см (рис. 3, *4—5*). Изготовлены из краевых, полукраевых и отщепов без корки. Заготовка скребка довольно массивна в сечении. Имеет дивергентные очертания. Боковые края обработаны сколами и крупной ретушью, они очень неровные. Дистальный конец оформлен одним крупным сколом и нерегулярной ретушью и имеет вогнутую форму. В нижней части орудия, на брюшковой поверхности, отмечен плоский короткий резцовый скол. У собственно скребков боковые края или оформлены, или полностью лишены обработки (рис. 3, *4*, *5*). На рабочих лезвиях фиксируется регулярная, в том числе и мелкая ретушь. Форма лезвий у этих скребков выпуклая, очертания их плавные. Интересным представляется самый крупный скребок (рис. 3, *8*). У него один боковой край оформлен регулярной, а другой — несистематической ретушью и дополнительно — резцовым сколом. Это придало нижней части орудия дивергентные очертания. Рабочее лезвие обработано довольно тщательной ретушью.

В группе наконечников 3 экз. сломаны. Длина целых изделий равна 4—6,5 см. Лишь три изделия относятся к законченным орудиям (рис. 3, *1—2*, *6*). Два из них чрезвычайно выразительны (рис. 3, *1*, *2*). У более крупного обломан конец. Размеры их 5,5 × 3,4 × 0,9 см и 4,1 × 2 × 0,5 см. Форма у них треугольная и подтреугольная. Обработаны весьма тщательной крупной и мелкой ретушью равномерно с обеих сторон. Боковые края изделий достаточно прямые в профиле. Третье законченное орудие оформлено менее тщательно (рис. 3, *6*). Кончик орудия обломан. Основание имеет выпуклую форму. Интерес представляют незаконченные орудия (рис. 3, *3*). Специфическим признаком у готовых и незаконченных наконечников является наличие прямого или вогнутого основания.

Скребло размерами 6 × 3 × 1,5 см изготовлено из пластинчатого отщепа. Типологически это простое боковое скребло. Лезвие оформлено регулярной крупной и мелкой ретушью. Скребловидное орудие имеет крупные размеры 13 × × 7 × 4 см. Один из боковых краев небрежно оформлен крупной ретушью, что придало ему крупнозубчатые очертания. Наконец, на некоторых участках боковых краев ряда отщепов и пластин отмечена нерегулярная крупная ретушь.

Описанные изделия, происходящие из горизонтов 2—3, с типологической

точки зрения, несомненно, имеют позднепалеолитический облик. На это указывает прежде всего присутствие совершенных по форме и технике обработки наконечников и скребков. Причем наконечники с вогнутым основанием находят прямые аналогии в памятниках костенковско-стрелецкой культуры, например в пятом слое Костенок 1 [6, с. 63—66], Костенках 6, третьем слое Костенок 12 и др. [7, с. 179—180, 244, 245].

Перейдем теперь к описанию изделий, происходящих из четвертого культурного горизонта. Сюда мы включаем только те находки, которые были извлечены непосредственно из чистого суглинка. В то же время исключить проникновение отдельных изделий из заполнения русла ручья в кровлю суглинка все же нельзя.

Выделены следующие группы изделий: кремневые куски и желваки без следов обработки (6 экз.), нуклеусы (15 экз.), орудия (8 экз.). Найдено также огромное количество грубых отщепов, осколков, в том числе мелких, и чешуек. Длина кремневых кусков и желваков, а в равной мере нуклевидных кусков, от 6 до 12 см. Среди нуклеусов выделены нуклеусы на начальной (4 экз.), средней (4 экз.), и заключительной стадиях расщепления (7 экз.). Длина нуклеусов в пределах 4,5—9 см, в среднем 6 см. Выразительных нуклеусов мало. Преобладает параллельная плоскостная система расщепления — одноплощадочные и двуплощадочные нуклеусы. Ударные площадки подготовлены одним или двумя крупными сколами. Ретушированные площадки не установлены. Обнаружен всего один нуклеус, свидетельствующий об использовании параллельной круговой, т. е. призматической системы расщепления. Нуклеус имеет довольно грубый облик. На рабочей поверхности негативы невыразительных пластинчатых снятий.

Отщепы достаточно многочисленны. Преобладают краевые, полукраевые и отщепы с частичной коркой. Длина их доходит до 12 см. В среднем она равна 4—5 см. Это преимущественно сколы, имеющие грубую огранку спинки. Число отщепов без корки, а также заготовок, по сравнению со сколами из третьего горизонта несколько выше (рис. 2, *3*, *5*). Выделено четыре-пять леваллуазских сколов (рис. 2, *5*; 3, *7*). Очень выразительным является треугольный леваллуазский отщеп (рис. 2, *5*). Его размеры 6 × 3,7 × 1,2 см. Другие остроконечные формы отщепов менее выразительны. Пластины не обнаружены. Найдено, однако, несколько пластинчатых отщепов с правильной огранкой спинки.

Интересны и показательны орудия (рис. 2, *1*, *2*; 3, *7*). Выделены такие их категории: остроконечники (1 экз.), скребла (3 экз.), скребки (1 экз.), скребковидные орудия (1 экз.), долотовидные орудия (1 экз.), отщепы с ретушью (2 экз.). Размеры остроконечника 7,5 × 4,5 × 0,8 см (рис. 3, *7*). Изготовлен из леваллуазского отщепа. Боковые края оформлены регулярной краевой и мелкой, т. е. кромочной, ретушью. Нижняя часть орудия выделена довольно небрежно.

Скребла весьма выразительны (рис. 2, *1*, *2*). Длина их 7,5 и 6 см. Изготовлены из отщепов без корки (2 экз.) и массивного полукраевого скола. У выразительного бокового скребла, изготовленного из массивного отщепа, лезвие оформлено исключительно тщательно краевой и кромочной ретушью (рис. 2, *1*). Оно имеет выпуклую форму. Его угол заострения составляет 70°. Двойное скребло сильно изогнуто в профиле (рис. 2, *2*). Оба боковых края оформлены регулярной ретушью, но не по всей длине. Угол их заострения равен 20—25°. Орудие типа долота размерами 6 × 4 × 1,7 см изготовлено из обломка отщепа. Рабочее лезвие выделено регулярной крупной ретушью. На противоположном конце отмечена менее выразительная ретушь. Длина скребка 5,5 см. Изготовлен из полукраевого отщепа. Его выпуклое, плавных очертаний лезвие оформлено тщательной мелкой ретушью. Боковые края лишены обработки. Не исключено, что этот скребок мог попасть в коричневатый суглинок случайно. У отщепов с ретушью грубая обработка фиксируется как со стороны брюшка, так и со стороны спинки. Возможно, что на некоторых предметах ретушь имеет естественную природу. В итоге, исходя из типологического состава изделий и особенностей техники раскалывания, уместно ставить вопрос о их мустьерском облике.

На Бирючьей балке 2а интерес представляют нуклеусы и орудия (рис. 3, *9*).

Стоит упомянуть полупризматический торцовый нуклеус, у которого крупным сколом с обеих сторон заужена рабочая поверхность. На последней отмечены негативы пластинчатых снятий. Нуклеус имеет явно позднепалеолитический облик. Размеры скребка 8 × 4,7 × 1,5 см (рис. 3, 9). Изготовлен из полукраевого отщепа. Один боковой край оформлен с брюшка крупной нерегулярной ретушью, другой лишен обработки. Рабочее лезвие выделено с двух сторон крупной и несистематической мелкой ретушью. Несмотря на небольшое количество собранные на Бирючьей балке 2а изделия достаточно выразительны и могут быть предварительно датированы поздним палеолитом.

Таким образом, в Бирючьей балке всего открыто три местонахождения. Они связаны с мощными обнажениями суглинков. Находки, как нам представляется, могут иметь стратифицированное положение. На пункте Бирючья балка 2 установлено четыре горизонта находок, состоящих, главным образом, из кремневых изделий. Интенсивное скопление находок отмечено в третьем горизонте. Изделия, связанные с горизонтами 2—3, можно датировать поздним палеолитом. Находки из четвертого горизонта имеют мустьерский облик. В функциональном отношении памятник Бирючья балка 2 следует рассматривать как мастерскую — стоянку, где происходили добыча кремня, его первичное раскалывание, получение заготовок и изготовление некоторых типов орудий. Памятник интересен не только тем, что содержит несколько разновременных горизонтов с находками, но также и культурным обликом позднепалеолитических изделий. Резонно говорить об их сходстве с материалами костенковско-стрелецкой культуры. Дальнейшие полевые работы внесут ясность в затронутые нами вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Северо-Западного Приазовья и Нижнего Дона. Л.: Наука, 1968.
2. *Матюхин А. Е.* Раскопки палеолитической мастерской Калитвенка 1//АО — 1980. М., 1981.
3. *Матюхин А. Е.* Исследование Калитвенских палеолитических мастерских//АО — 1981. М., 1983.
4. *Матюхин А. Е.* Палеолитическая мастерская Калитвенка 1//КСИА. 1987. Вып. 189.
5. *Матюхин А. Е.* Макроорудия из палеолитических мастерских //СА. 1988. № 2.
6. *Рогачев А. Н. и др.* Костенки 1 (стоянка Полякова)//Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879—1979. Л.: Наука, 1982.
7. *Рогачев А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма//Археология СССР. Палеолит СССР. М.: Наука, 1984.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

A. E. MATYUKHIN

SOME NEW PALAEOLITHIC SITES IN THE BASIN OF SEVERSKY DONETS

Summary

For the first time out of the Kostenki region there were investigated by the author two Upper Palaeolithic sites — Biryuchya Balka 2 and Biryuchya Balka 2a. The industry of the sites is mysteriously perfect for this period including flint arrowheads (?) with concave tang. The sources for this type of artefacts were searched for in the site of Ilskaya and in the Urals, but close parallels have not been found. Now they have been explored, and this fact raises a series of important problems, among them a question of mass migrations and cultural contacts.

СТЕПАНЧУК В. Н.

ПРОЛОМ I — МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА В КРЫМУ

В силу особенностей естественно-географического положения Крым представляет собой относительно замкнутую территорию. Благодаря этому крымский палеолитический регион предоставляет весьма ценные возможности для исследования закономерностей культурно-исторических проявлений эпохи среднего палеолита. Полный учет информации по основным стратифицированным и на сегодняшний момент достаточно полно исследованным памятникам позволяет подойти к решению ряда проблем, среди которых: выяснение технико-типологической специфики мустьерских индустрий и связанный с этим поиск общего и особенного в их проявлениях, вопросы относительной хронологии и периодизации, происхождения и судеб мустьерских индустрий Крыма. Но решение этих вопросов подчас упирается в отсутствие базовых данных — информации по конкретным индустриям, конкретным памятникам.

В Крыму в настоящий момент известно около 35 стратифицированных памятников мустьерского времени. Не все они одинаково ценны в информационном отношении [1], иногда из-за специфики самого памятника, доставившего при исследовании недостаточно обширные серии материалов (Чагорак-Коба, Аджи-Коба и др.), иногда из-за недоисследованности памятников, особенно открытых в последнее время (Кабази III, IV, Улаклы, ГАБО и др.), иногда же из-за того, что материалы памятника опубликованы не полностью. К последним относится и Пролом I, открытый Ю. Г. Колосовым в 1973 и им же исследованный в 1973, 1974 и 1977 гг. По результатам исследований изданы две специальные работы [1, с. 19, 20; 2, с. 157—171], введшие в научный оборот лишь часть кремневого комплекса стоянки. Настоящая работа посвящена публикации всего комплекса кремневых изделий стоянки [2].

Стоянка расположена в гроте на юго-восточной окраине с. Пролом Белогорского р-на (рис. 1). Грот связан с левым склоном долины р. Кучук-Карасу, образовался в массиве среднеэоценовых известняков [3]. Пролом I имеет одну из самых низких среди пещерных мустьерских памятников Крыма гипсометрическую отметку. Высота грота над урезом вод реки около 12 м. Речная долина в районе стоянки имеет ширину всего около 200 м, но уже в 100 м севернее расширяется до 1—1,5 км. Двукамерный грот в древности имел одно входное отверстие. Общая площадь убежища 33 м^2, ориентировка юго-восточная (рис. 2). Основная камера имеет длину 5 м, ширину 7 м, высоту у входа 4 м. Меньшая камера: длина 5 м, ширина у входа 2,5 м, высота 1,5 м. Площадка перед гротом, ограниченная к долине реки склоном под углом 15°, достигает 60 м^2. В процессе исследований была выявлена следующая стратиграфия (рис. 2): 1 — чернозем суглинистый с известняковым щебнем и дресвой мощностью до 0,1 м; 2 — щебень известняковый с включением мелких глыб известняка, заполнитель — темно-серый рыхлый суглинок, мощность до 0,3 м; 3 — песок нуммулитовый, среднезернистый, светло-желтый, мощность до 0,4 м; 4 — коренные нуммулитовые известняки. В

[1] Здесь имеется в виду только одна сторона: представительность коллекций кремневых изделий

[2] Пользуюсь случаем выразить благодарность Ю. Г. Колосову за разрешение работать с материалами стоянки.

[3] Геоморфологическое описание и стратиграфия стоянки даны по В. П. Душевскому.

© В. Н. Степанчук, 1994 г.

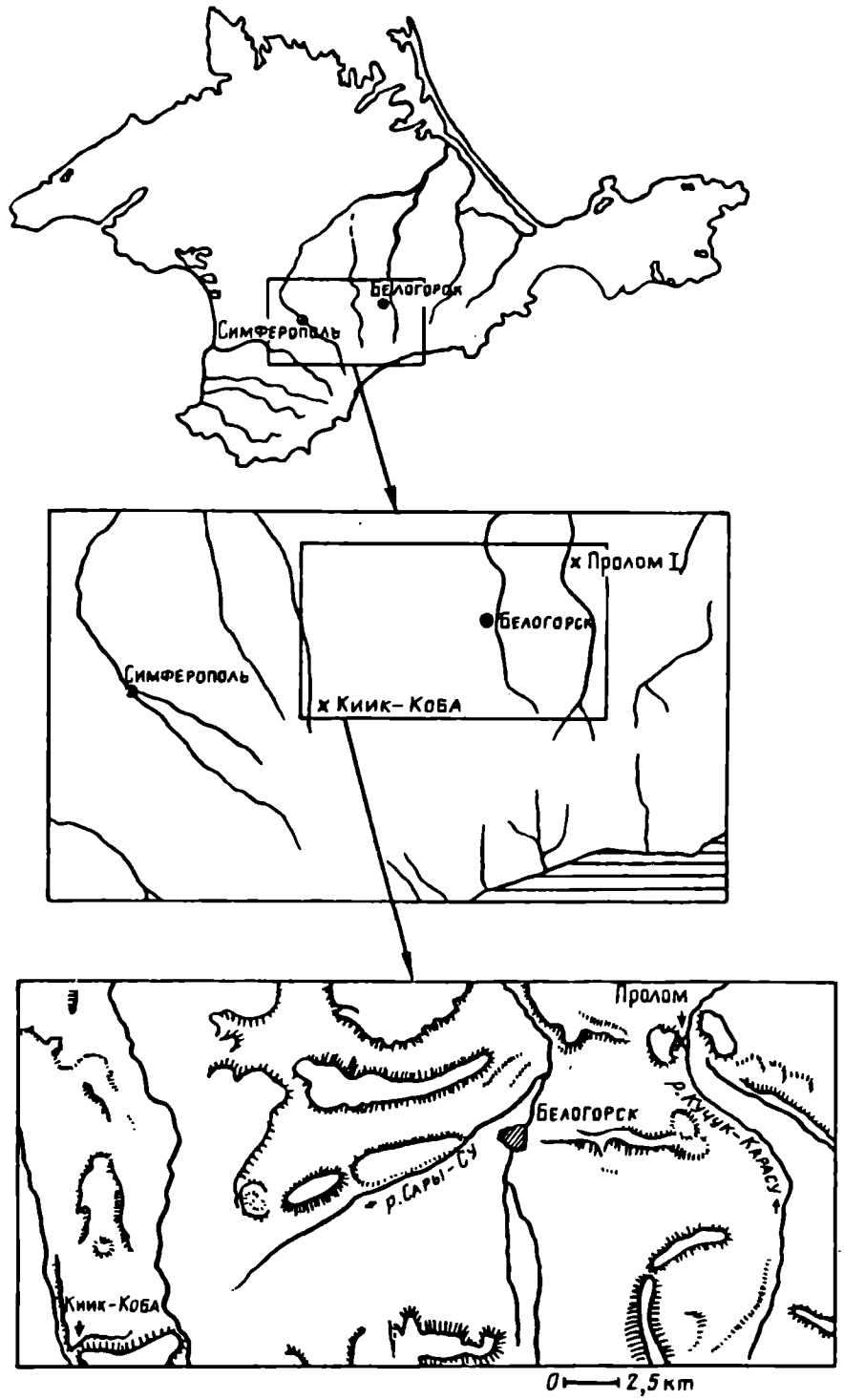


Рис. 1. Положение мустьерских стоянок Пролом I и Киик-Коба на территории Крыма

верхней части третьего литологического горизонта на площадке была зафиксирована карбонатная корочка.

Культурные остатки первого слоя мустьерского возраста связаны со вторым литологическим горизонтом, находки второго слоя увязываются с третьим литологическим горизонтом. В 1977 г. на северо-восточном участке площадки был зафиксирован горизонт обвальных плит (в нижней части второго слоя). Над обвалом в слое серого рыхлого суглинка и под обвалом в песчанистом слое были встречены многочисленные культурные остатки мустьерского времени. На уровне

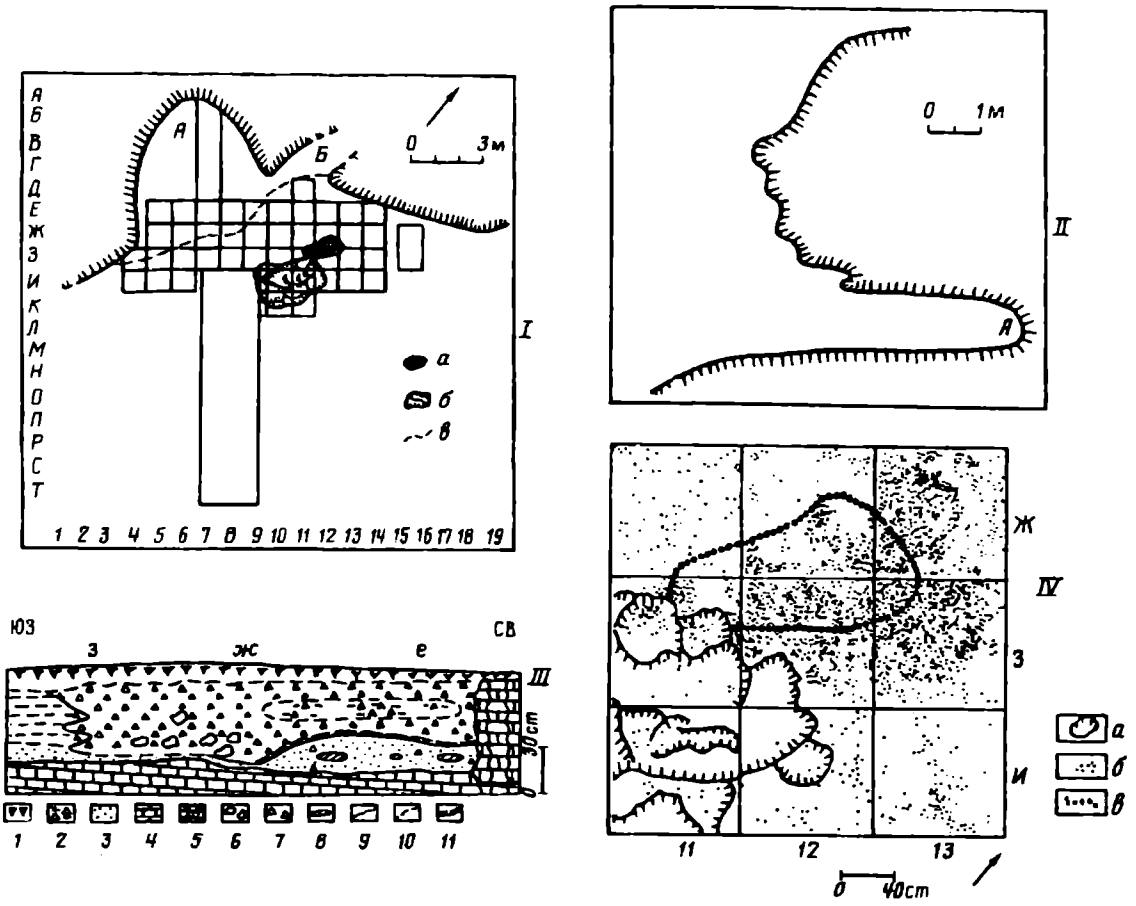


Рис. 2. Пролом I. *I* — план (*а* — очажное пятно, *б* — блоки упавшего козырька; *в* — капельная линия); *II* — поперечный профиль грота; *III* — разрез отложений по линии 6/7 ЗЖЕ (*1* — суглинистый чернозем; *2* — гумусированный суглинок с известняковой щебенкой; *3* — светло-желтый известняковый песок; *4* — нуммулитовые известняки среднего эоцена; *5* — глыба нуммулитового известняка; *6* — мелкие глыбы известняка; *7* — известняковый щебень; *8* — норы грызунов; *9* — четкие границы слоев; *10* — нечеткие границы слоев; *11* — участки выщелачивания (по В. П. Душевскому); *IV* — участок слоя близ очага (*а* — фрагменты рухнувшего козырька навеса; *б* — находки расщепленного кремня; *в* — граница очажного пятна)

нижнего культурного слоя, ниже плит обвала и частично под ними, был зафиксирован очаг, в плане неправильной овальной формы (рис. 2).

По предварительному определению К. В. Капелист [2, с. 160] нерасчлененная на слои фауна стоянки представлена: сагой — 88/4 [4], гигантским оленем — 4/2, мамонтом — 1/1, лошадью — 3/1, северным оленем — 1/1, благородным оленем — 2/1, зубром — 3/1, пещерным медведем — 1/1, волком — 2/1, песцом — 1/1, лисицей — 2/1, зайцем (русак) — 2/1, хомяком — 1/1 и крупными копытными — 16/1.

Для изготовления орудий в обоих культурных слоях стоянки использовалось сырье двух видов: высококачественный мелкозернистый кремень туронских отложений и низкокачественный кремчистый известняк, включенный в палеогеновые известняки. Шерт имеется в ближайших окрестностях стоянки в практически неограниченном количестве. Сырье более высококачественное рядом со стоянкой в первичном залегании отсутствует. Ближайшие выходы его удалены на расстояние до 10 км (одно из месторождений — в районе Ак-Кая).

Кремень более высокого качества значительно преобладает и в группе ретушированных изделий, и в группе отходов. Несмотря на доступность и обилие кремнистого известняка предпочтение отдавалось не ему, а приносному сырью.

[4] В числителе — количество определенных костей, в знаменателе — количество особей.

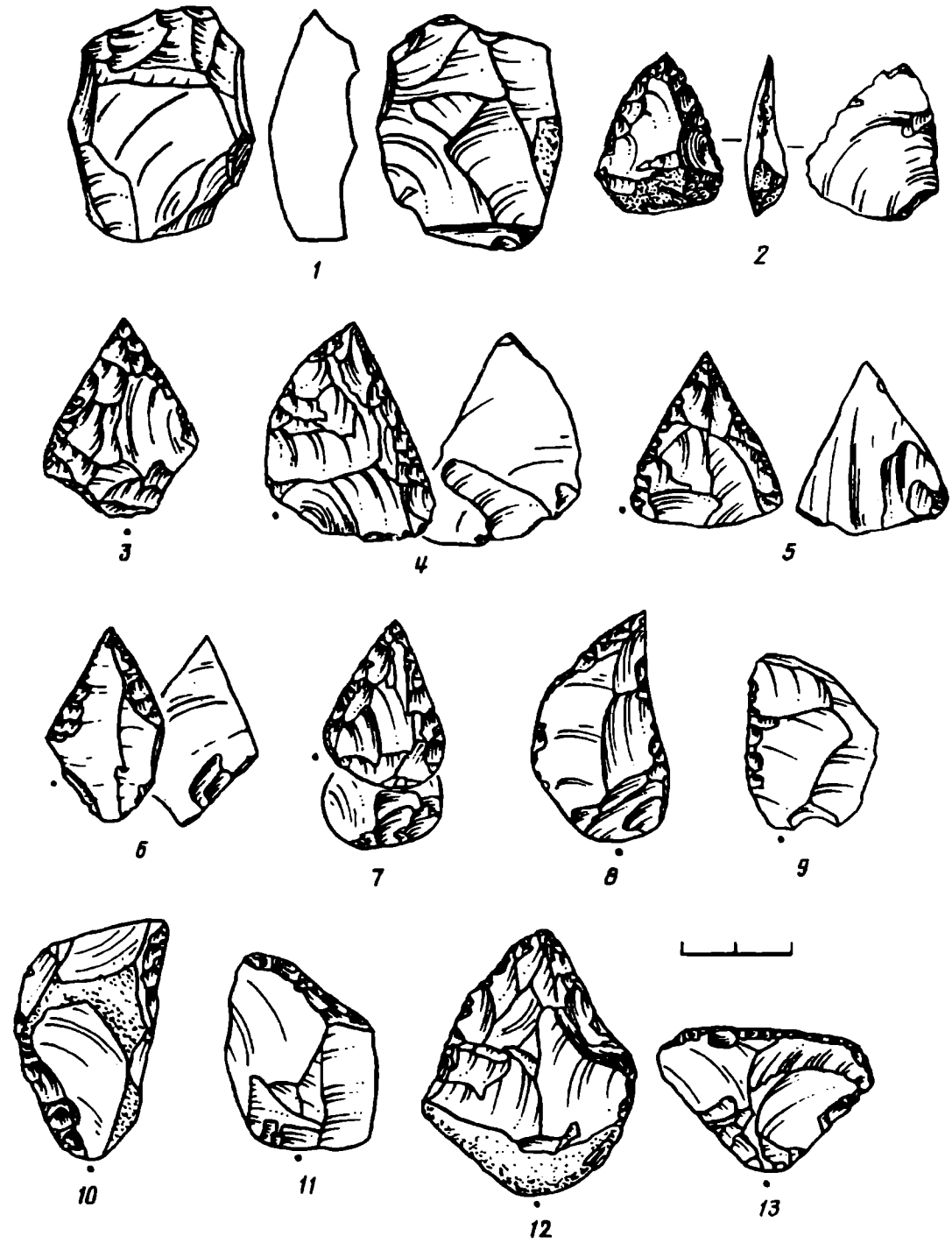


Рис. 3. Пролом I. Кремневые изделия нижнего культурного слоя. *1* — радиальный нуклеус; *2, 4—7* — угловатые остроконечники; *3, 8* — продольноострийные остроконечники; *9* — скребло продольное; *10* — скребло двойное; *11* — скребло поперечное; *12* — скребло конвергентное; *13* — скребло угловатое

Среди 10 882 находок кремня на стоянке отщепы составляют 4242 (39%), пластины — 149 (1,4%), чешуйки — 4988 (45,7%), обломки кремня — 275 (2,4%), нуклеусы и нуклевидные обломки составляют 0,6% коллекции кремневых изделий. Показатель орудий (включая отщепы и пластины с ретушью) — 10,9.

Индустрия нижнего слоя. В материалах слоя имеется 4 пренуклеуса и 21 нуклеус (рис. 3, *1*). Преобладают ядрища радиальные — 15 (из них двусторонних 9), четыре нуклеуса бессистемного снятия, еще два — протопризматические, с параллельной схемой скалывания. Серия отщепов (990) и пластин (40) демон-

стрирует следующие технические показатели: индекс подправки пяток широкий — 39,5, узкий — 25,7, показатель точечных пяток — 43,9, индекс радиально ограненных сколов — несколько более 30, сколов параллельно и субпараллельно ограненных — около 50. Индекс пластин, определенный для неретушированных сколов, 4.

Изделия со вторичной обработкой объединяют как односторонне (271 экз.), так и двусторонне обработанные орудия (47—14,8% всех орудий). Остроконечники составляют 35% всех односторонне обработанных орудий. Различаются продольноострийные (41 орудие) (рис. 3, *3, 8*) и угловатые (54 экз.) (рис. 3, *2, 4—7*). Среди последних представлены как двулезвийные, так и трехлезвийные формы, которых даже несколько больше, чем орудий с двумя сведенными в острый прокалывающий кончик ретушированными кромками (30 экз.). 14 остроконечников с брюшковым утончением. Любопытно, что у пяти угловатых остроконечников утончением снят ударный бугорок (рис. 3, *4, 5, 6* (?)), чем было достигнуто почти равномерное сечение изделия по всей его плоскости, у других же пяти — утончены с брюшка участки, противолежащие острию (ср. рис. 3, *7*). Типологически остроконечники неоднородны. В зависимости от формы лезвий и их сочетания различается более 10 вариаций таких орудий [5], но все же большая часть их представлена выпуклолезвийными и прямолезвийными изделиями.

С к р е б е л односторонней обработки 79, что составляет 29,2%. Имеются скребла: продольные — 20 (рис. 3, *9*), двойные — 9 (рис. 3, *10*), конвергентные — 11 (рис. 3, *12*), угловатые — 31 (рис. 3, *13*), поперечные — 8 (рис. 3, *11*). Как видим, количественно преобладают угловатые скребла — 40,3% этого класса орудий. Представлены как угловатые простые, образованные двумя сходящимися ретушированными лезвиями (около 2/3 всех угловатых), так и скребла угловатые двойные. На втором месте — продольные скребла, среди которых большую часть составляют продольно-выпуклые (почти 1/2), а затем продольно-прямые (около 1/3). Двойные, поперечные и конвергентные скребла приблизительно равно представлены и соответственно составляют 11,7; 10,4 и 11,7% в классе скребел. Среди двойных преобладают двояковыпуклые и прямовыпуклые формы. Почти все поперечно-лезвийные — выпуклые или прямые.

Н о ж е й односторонней обработки 14,0% (38 экз.). К этому классу орудий относились формы, типологически близкие скреблам, но имеющие естественную искусственно подготовленную площадку для упора пальца (рис. 4, *1*). По количеству лезвий и их расположению выделяется несколько разновидностей: ножи продольно-лезвийные (32), двойные (1), угловатые (3), поперечно-лезвийные (2) (рис. 4, *1*). Так же, как и среди скребел, среди ножей преобладают орудия с выпуклыми и прямыми лезвиями. Среди орудий слоя небольшим числом (4,9%) представлены треугольники и близкие к ним формы, переходные от двойных угловатых скребел. При наличии острых прокалывающих кончиков такие изделия учитывались при вычислении индекса остроконечников, а в противном случае относились к скреблам.

З у б ч а т о-в ы е м ч а т ы е орудия очень немногочисленны — всего восемь изделий (менее 3%). П о з д н е п а л е о л и т и ч е с к и е типы орудий представлены скребками (четыре) (рис. 4, *3*), в основном атипичными, достаточно выразительными резцами (три) (рис. 4, *2*) и атипичной проколкой. Их общий индекс среди орудий на сколах — 3,0. Еще 43 односторонне обработанных орудия фрагментированы и не поддаются точному типологическому определению.

Двусторонние орудия наполовину представлены обломками (24 экз.). Среди 26 целых орудий имеются: наконечник копья [6], 16 остроконечников, 7 скребел,

[5] Число вариаций значительно увеличивается, если принимать во внимание такие характеристики, как протяженность лезвий, форма орудий, подтески и т. д.

[6] Орудие отнесено к наконечникам на основании сочетания признаков: прямоосности, симметричности, выравненности нити лезвия в плане и профиле, немассивности в сечении. Все же выделение изделий этого класса в очень большой мере условно. Отличием от остроконечников является, собственно, бо́льшая тщательность изготовления и правильность формы, что, конечно, не может служить прямым указанием на функцию.

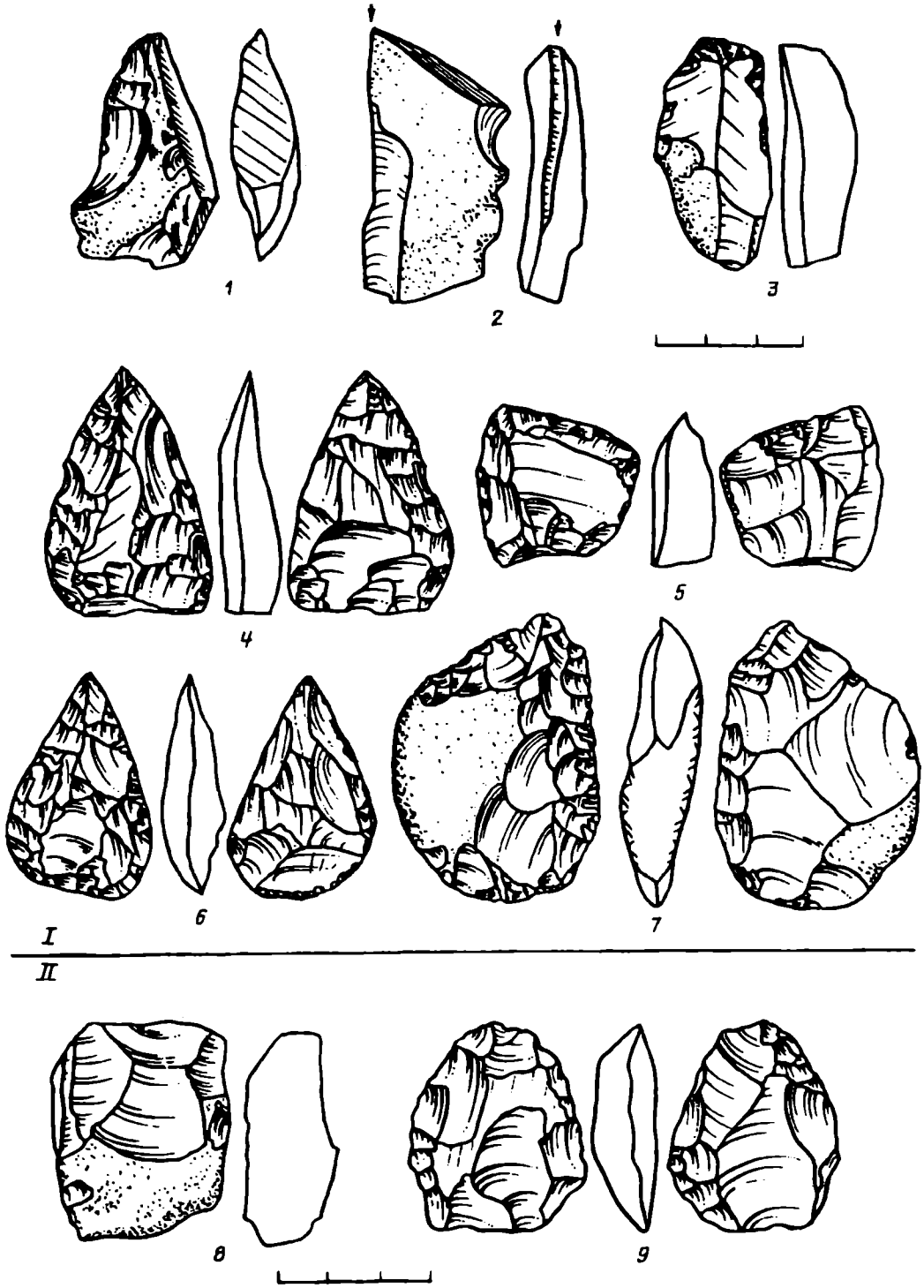


Рис. 4. Пролом I. Кремневые изделия нижнего (I) и верхнего (II) слоя. *1* — нож односторонней обработки; *2* — резец; *3* — скребок; *4, 6* — остроконечники двусторонней обработки; *5* — скребло двусторонней обработки; *7* — нож двусторонней обработки; *8* — протопризматический нуклеус; *9* — радиальный нуклеус

2 ножа с площадками. Среди остроконечников (рис. 4, *4, 6*) явственно преобладают выпукло-лезвийные формы, остальные типы представлены единичными образцами. На каждом двусторонне обработанном скребле ясно читаются ретушированные лезвия. С учетом взаиморасположения этих лезвий различаются: скребло продольное — два, двойное — два, угловатое — два (рис. 4, *5*). Один из ножей с площадками напоминает ножи типа Бокштайн, второй — Клаузеннише (рис. 4, *7*) немецких исследователей [3, с. 21—70].

В нижнем слое обнаружено около 50 галек. В отложениях грота, несмотря на его крайне низкую гипсометрическую отметку, речные отложения, по данным В. П. Душевского, отсутствуют. Можно поэтому утверждать, что все обнаруженные гальки принесены в грот человеком. Гальки представлены различными породами: туф, туфогенный песчаник (до 30%), сланец (25%), песчаник и известняк (по 17%), кварц (до 10%) [7]. Восемь галек (это примерно треть от общего количества галек с размерами более 3 см в поперечнике) имеют на своих поверхностях искусственные повреждения. По характеру последних, их специфическим особенностям различаются: отбойники (два), наковальни (три), ретушеры (три). Различия в сырьевом составе галек-орудий и галек без явственных следов использования позволяют сделать вывод о существовании достаточно жестких требований, предъявляемых к подбору галек для целей использования в расщеплении и при ретушировке [4, с. 112—118]. Кроме галек-орудий и галек без видимых следов использования, имеется около десятка отщепов и чешуек, большей частью первичных. Их немногочисленность говорит скорее о случайном их происхождении. Вероятно, большая их часть — продукты разрушения отбойников.

Кроме того, в материалах нижнего слоя стоянки имеется несколько ретушеров на обломках трубчатых костей животных, а также на сколах. Последние, как правило, имеют ретушированные лезвия. Выщербинки и вмятинки использования локализуются почти всегда на поверхности ударного бугорка.

В целом индустрия нижнего слоя может быть охарактеризована такими показателями: протопризматики (5)—53, индекс пластин, определенный по серии ретушированных сколов — 12,4, подправки пяток широкий — 39,5, узкий — 25,7, индекс двусторонней обработки — 14,8, индекс остроконечников общий — 35,2, индекс скребел общий — 27,1, индекс двусторонних ножей с площадками — 0,4, зубчато-выемчатых форм — 2,5, позднепалеолитических типов — 2,5 (исчислен по отношению ко всем орудиям).

Индустрия верхнего слоя. Так же, как и в нижнем слое, сырьем служил кремень двух сортов. Приносное сырье составляет до 92% всего ретушированного кремня (94% в нижнем слое стоянки).

В слое найдено 3 пренуклеуса и 36 выразительных ядрищ (рис. 4, *8, 9*). По-прежнему преобладают радиальные нуклеусы, но это преобладание стало скорее уже номинальным (ср.: 52,8% радиальных нуклеусов в верхнем слое и 71,4% — в нижнем). Больше стало протопризматических нуклеусов — почти каждый третий (11 экз.). Имеются также бессистемные — 6 экз. Сколы (1869 отщепов и 85 пластин) характеризуются такими техническими показателями: индекс подправки пяток широкий — 34,4, узкий — 26,4, индекс пластин — 4,4 (определен для серии необработанных сколов). Сколы с параллельной и субпараллельной огранкой преобладают (чуть менее половины), сколов с радиальной огранкой около трети. Был определен также показатель массивности [6, с. 5—8, 7, с. 112, 113]; для сколов, изготовленных из высококачественного сырья, он составил 19,4 (для нижнего слоя 18,9), а для низкокачественного — 22 (нижний слой — 22,9).

Из 649 орудий слоя 112 (17,3%) — двусторонние. Односторонние орудия (537) представлены теми же типами, что и в нижнем слое, имеются лишь некоторые отличия в их процентном соотношении.

Остроконечники объединяют 36,3% всех односторонне обработанных орудий слоя. По-прежнему ведущая роль принадлежит угловатым остроконечникам — 56% (рис. *5, 5, 6*), их даже несколько больше, чем в нижнем слое. В целом и среди угловатых, и среди продольно-острийных остроконечников преобладают симметричные формы (со сходящимися прямыми, выпуклыми или извилистыми лезвиями) (рис. *5, 1—3, 5, 6*). Они составляют 43,6% (нижний слой 45,3%). 13 из 86 продольно острийных и 17 из 109 угловатых остроконечников — с утончениями. Для угловатых остроконечников в девяти случаях

[7] Определение серии галек было проведено канд. геол.-минер. наук О. Ф. Радченко и Э. В. Мельничук.

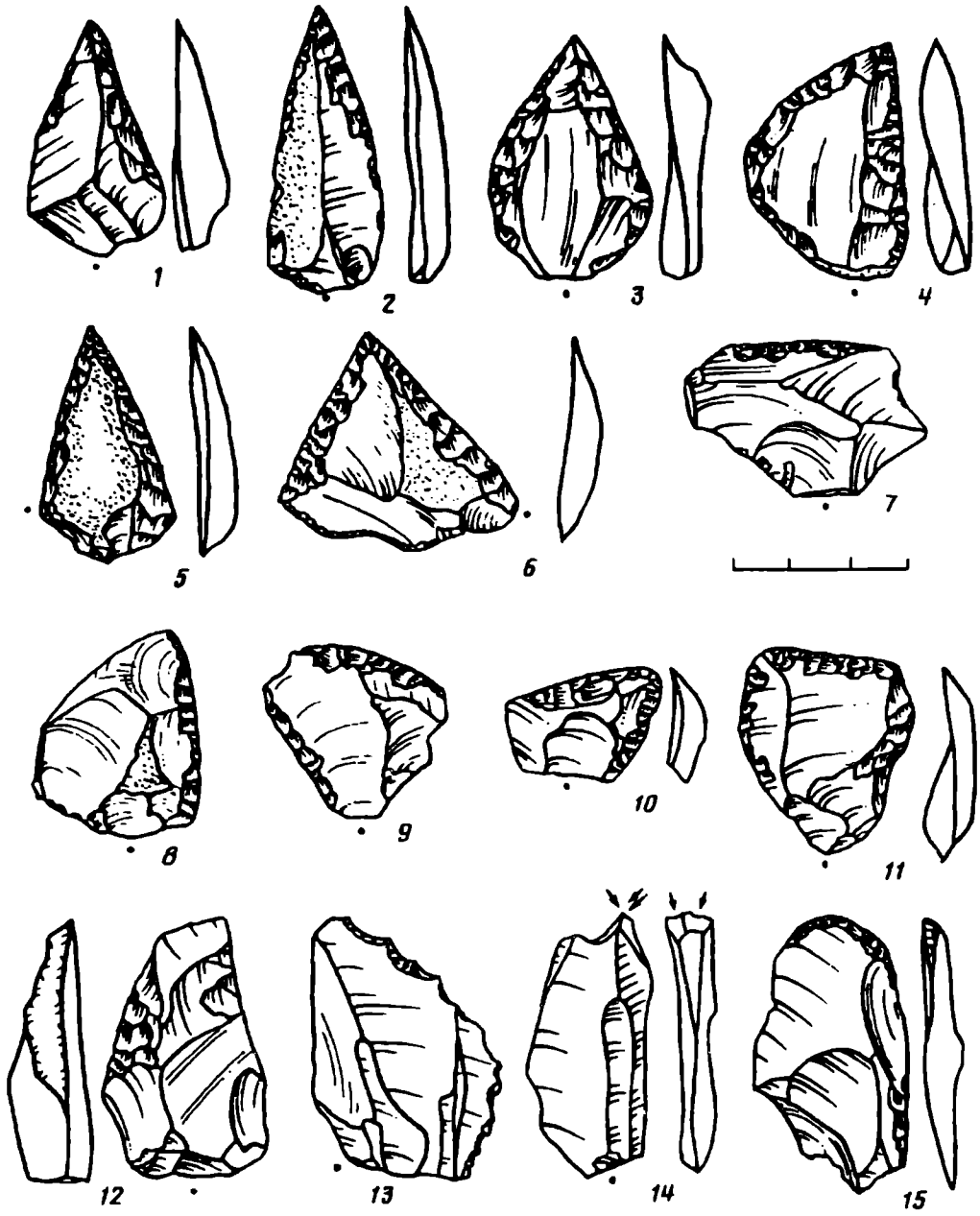


Рис. 5. Пролом I. Кремневые изделия верхнего культурного слоя. *1—4* — продольноострийные остроконечники; *5, 6* — угловатые остроконечники; *7* — поперечное скребло; *8* — продольное скребло; *9* — двойное скребло; *10, 11* — угловатые скребла; *12* — нож односторонней обработки; *13* — зубчатое скребло; *14* — резец; *15* — скребок

это утончение с пятки скола на брюшке; в восьми — также брюшковое, но противолежащее острию. Скребла — 155 экз. (28,9% всех орудий на сколах). Типологически это тот же набор, что и в нижнем слое, добавились лишь лимасы (1,3% скребел). Представлены скребла продольные — 42 (рис. 5, *8*), двойные — 28 (рис. 5, *9*), конвергентные — 19, угловатые — 40 (рис. 5, *10, 11*), поперечные — 26 (рис. 5, *7*). Преобладают скребла продольно-лезвийные — 28,7% всех скребел слоя, выпукло- и прямолезвийные формы составляют соответственно около $^1/_2$ и более $^1/_3$ продольных скребел. На втором месте — угловатые. Их 20,7%, что почти в 2 раза меньше, чем в нижнем слое. Число простых угловатых (двулезвийных) возросло до 70% (рис. 5, *10*). Увеличилась доля двойных скребел до 19,3% (рис. 5, *11*). Среди них также представлены в основном двояковыпуклые и прямовыпуклые изделия. Больше стало поперечно-лезвийных скребел (18%).

Среди них резко (до 70%) преобладают выпукло-лезвийные. Конвергентные скребла остались на прежнем уровне — 12%.

Н о ж е й односторонней обработки в материалах верхнего слоя 62. Различаются: продольные — 42 (рис. 5, *12*), двойные — 8 экз., угловатые — 5, поперечные — 5. Значительно преобладают орудия с прямыми и выпуклыми лезвиями. Так, например, половину всех продольно-лезвийных ножей составляют прямолезвийные, еще $^1/_3$ — выпукло-лезвийные орудия. Один из ножей битерминально утончен. Изделие близко напоминает так называемые ножи «костенковского типа» [8, с. 81, рис. 16]. Возможно, в этом случае мастер также стремился выровнять изделие в профиле. Базально утончены еще три ножа. Далее, в материалах верхнего слоя представлены треугольные остроконечники (скребла) — так называемые «треугольники» — их 2% от общего числа односторонне обработанных орудий. З у б ч а т о-в ы е м ч а т ы х мало, всего 11 экз. (рис. 5, *13*), позднепалеолитические типы — скребки (12 экз.) (рис. 5, *15*), резцы (5) (рис. 5, *14*), проколки (5) — составляют 4,0%.

76 фрагментированных орудий односторонней обработки не поддаются точному типологическому определению.

Двусторонне обработанные орудия представлены наконечниками копий (7 экз.—6,3% ко всем целым двусторонним орудиям слоя) (рис. 6, *1, 2*), остроконечниками (40—35,7%) (рис. 6, *3—5*), скреблами (16 экз.) (рис. 6, *7*), ножами с площадкой (4 экз.) (рис. 6, *6*). По форме лезвий и их сочетанию различаются несколько типов остроконечников, но преобладают симметричные (прямолезвийные, выпукло-лезвийные) формы. Среди скребел различаются: продольные — 3 экз., двойные — 2, угловатые — 5, конвергентные — 4. Появились двойные конвергентные скребла (атипичные лимасы) — два (рис. 6, *7*). Из ножей с площадками часть близка центральноевропейским изделиям типа Бокштайн и Клаузеннише (рис. 6, *6*).

В заполнении слоя обнаружено более 70 галек и их обломков. Гальки туфа и туфогенного песчаника составляют более 37%, сланца — 21%, песчаника, кварца, известняка — в среднем до 15%. 21 галька имеет искусственные повреждения, полученные в результате использования в качестве отбойников, ретушеров, наковален. Отбойников найдено 4, наковален — 1, ретушеров — 13 (рис. 6, *8*), есть также несколько комбинированных орудий. Так же, как и в нижнем слое, имеется около 1,5 десятков мелких отщепов и чешуек — продуктов разрушения галек в процессе утилизации.

В слое встречены также немногочисленные ретушеры на фрагментах трубчатых костей животных и на сколах (рис. 6, *9*). Имеются отдельные кости с хаотически расположенными царапинами, пробитыми полуотверстиями [8] и прочими повреждениями, полученными при утилизации охотничьей добычи. Найдено одно несомненно костяное орудие (рис. 6, *10*). Поделка размерами 49×23×7 мм имеет тщательно закругленную рабочую часть. Визуально фиксируются сплошные царапины, полученные при подготовке рабочего края лощильца (?) скоблением. В материалах мустье Крыма имеется несколько аналогичных находок (Пролом II, Заскальная VI, Кабази II).

Из верхнего слоя стоянки известна также ушная косточка пещерного медведя (определение В. И. Бибиковой, К. В. Капелист) с отверстием, не исключено, искусственного происхождения. Кость, судя по интенсивной заполировке, могла использоваться в качестве подвески (рис. 6, *11*).

В целом индустрия верхнего слоя может быть охарактеризована такими показателями: протопризматики — 50,6, индекс пластин — 10,4, подправки пяток широкий — 34,4, узкий — 26,4, индекс двусторонней обработки — 17,3, индекс остроконечников общий — 37,3, индекс скребел общий — 26,3, индекс двусто-

[8] Эти сегментовидные в плане выломы, как правило, приурочены к длинной стороне осколка трубчатой кости, образованы несколькими фасетками, обращенными в сторону от компактного слоя, и, по-видимому, образовались при дроблении кости для добывания костного мозга, хотя некоторые выемки производят впечатление намеренно ретушированных.

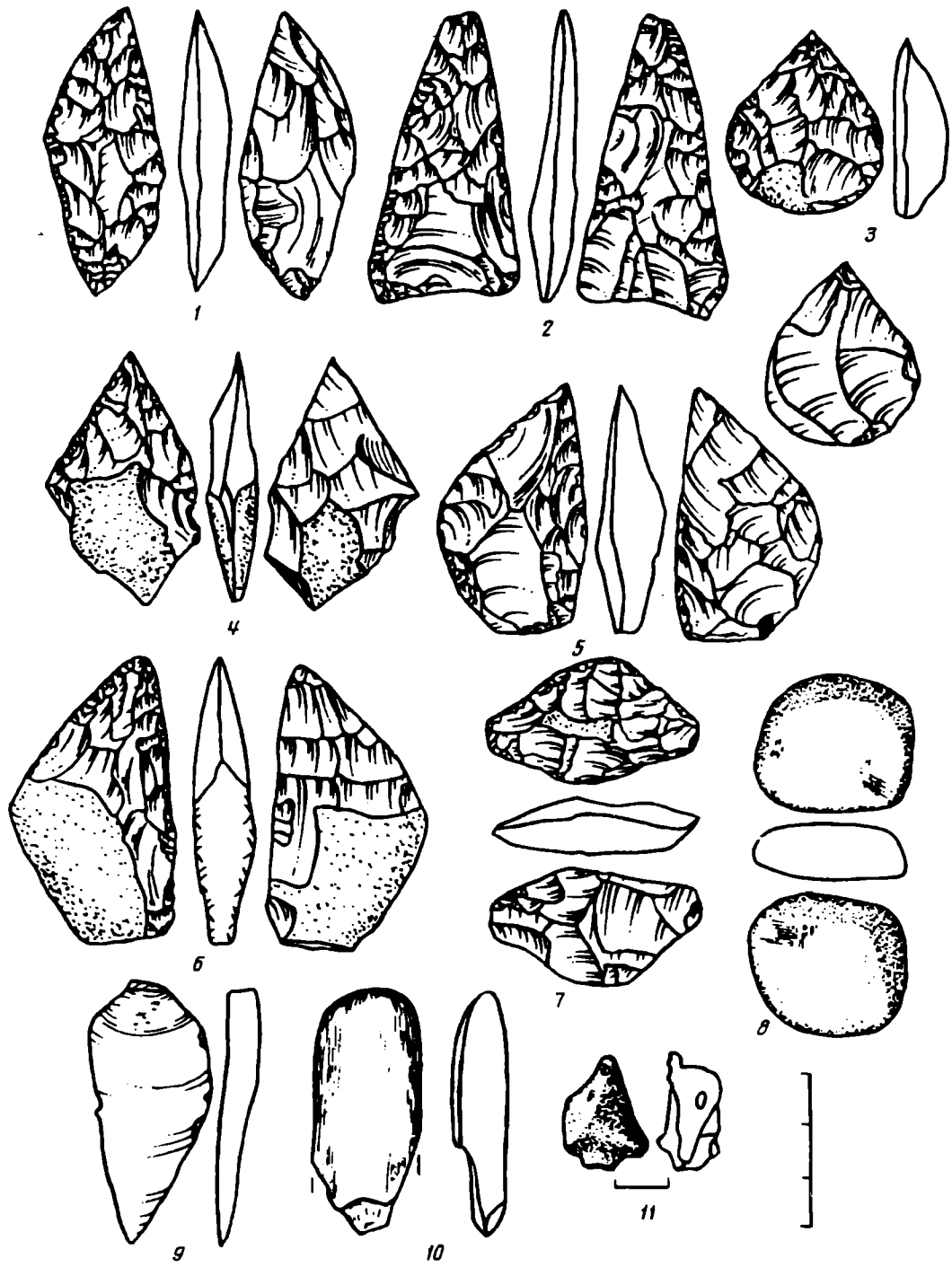


Рис. 6. Пролом I. Изделия из кремня, гальки, кости из верхнего культурного слоя. *1, 2* — наконечники, *3—5* — остроконечники двусторонней обработки; *6* — нож двусторонней обработки; *7* — скребло двусторонней обработки; *8* — ретушер на гальке; *9* — ретушер на сколе; *10* — костяное лощильце (?); *11* — подвеска (?) из ушной кости пещерного медведя

ронних ножей с площадками — 1,3, зубчато-выемчатых форм — 1,7, позднепалеолитических типов — 3,4.

* * *

Как видно при сравнении соответствующих показателей индустрий нижнего и верхнего слоев (табл. 1), различия между ними несущественны. Это может говорить о том, что временной интервал между этими слоями совсем невелик. С другой стороны, фиксируются изменения, но они очень плавные, не скачко-

Таблица 1

Сводка основных показателей, характеризующих инвентарь Киик-Кобы (верхний слой), грот Пролом I (нижний и верхний слои)

Показатель	Киик-Коба, верхний слой	Пролом I, нижний слой	Пролом I, верхний слой
Радиальных нуклеусов	77,3	71,4	52,8
Бессистемных нуклеусов	9,1	19,0	16,7
Протопризматических нуклеусов	9,1	9,5	30,5
Леваллуазских нуклеусов	4,5	—	—
Подправки пяток широкий	41,9	39,5	34,4
Подправки пяток узкий	21,9	25,7	26,4
Точечных пяток	39,3	43,9	42,7
Массивности	18,6	20,9	20,7
Пластин среди орудий	11,6	12,4	10,4
Пластин среди сколов	5,4	4,0	4,4
Односторонних орудий	86,0	85,2	82,7
В том числе остроконечников	38,9	35,0	36,3
скребел	32,5	29,2	28,9
ножей	4,7	14,0	11,6
зубчатых	8,7	2,2	2,1
выемчатых	1,5	0,7	—
скребков	1,5	1,5	2,2
резцов	0,4	1,1	0,9
проколок	0,2	0,4	0,9
тесел	0,2	—	—
фрагментированных	21,6	15,9	14,2
Двусторонних орудий,	14,0	14,8	17,3
в том числе наконечников	1,1	2,1	6,3
остроконечников	45,4	31,9	35,7
скребел	18,6	14,9	14,3
ножей	5,8	2,1	6,3
фрагментированных	27,9	51,1	38,4
Остроконечников общий	40,0	35,2	37,3
Скребел общий	30,7	27,1	26,3
Ножей общий	4,9	12,6	10,2
Выемчато-зубчатых	8,8	2,5	1,7
Позднепалеолитических типов	1,9	2,5	3,4
Конвергентных лезвий общий	57,6	51,2	51,2
Продольных лезвий общий	27,2	26,7	27,1
Утончений общий	3,6	6,6	7,6
Альтернативности ретуширования общий	4,2	0,4	1,1
Среди орудий на сколах:			
подтреугольных форм	31,0	22,1	20,0
подлавролистых форм	14,8	6,4	15,1
подсегментовидных форм	9,2	11,4	19,9
подклювовидных форм	6,3	10,4	6,6
трапециевидных форм	7,4	10,7	7,7
подпрямоугольных форм	3,7	3,6	3,9

образные. Так, в области техники наблюдается возрастание числа нуклеусов с параллельной и подпараллельной схемой расщепления, т. е. техника развивалась в том направлении, которое принято называть прогрессивным. Но в то же время ясно видны признаки и некоторого регресса: снижается индекс пластин, показатель протопризматики (фиксирующий долю сколов с параллельной и близкой огранкой); следует отметить также изменение объема сколов с подправленными пятками: их общее число уменьшается к верхнему слою, но зато увеличивается доля тонкоподправленных. По поводу изменений в типологической структуре

орудий многого сказать нельзя. Возможно, какое-то колебание численности того или иного типа орудий и является неслучайным, качественно новым, существенным. Однако, основываясь только на материалах грота Пролом I, установить это нет возможности. Слои слишком сближены во времени. Новые «типологические направления» еще не успели выкристаллизоваться и сколько-нибудь оформиться. Больше данных предоставляет сравнение индустрий Пролома I с материалами еще одного, близкого в индустриальном отношении, но более раннего, памятника — Киик-Кобы (верхний слой), но детализация этого сравнения выходит за рамки задач настоящей работы. Здесь можно ограничиться указанием того, что с учетом материалов Киик-Кобы (подсчеты автора) подтверждается тенденция увеличения тонкой подправки при сопутствующем снижении объемов подправки пяток в целом (табл. 1), снижается показатель точечных пяток, равно как и показатель протопризматики, индекс пластин в целом меняется слабо, неуклонно снижается число скребел, возрастает число двусторонних орудий, резко падает количество зубчато-выемчатых форм, от верхнего слоя Киик-Кобы к верхнему слою Пролома I почти втрое возрастает число односторонних ножей и в полтора раза — двусторонне обработанных ножей с площадками. Неизменными остаются общие показатели остроконечников (односторонней и двусторонней обработки), стабильны уровни различных в типологическом отношении скребел, хотя их общее число, как говорилось, несколько снижается. Неизменно устойчива и такая характеристика, как высокий уровень типологического разнообразия скребел и остроконечников. В самом общем приближении специфику индустрий можно усматривать в большой доле остроконечников, где около $^{2}/_{3}$ — угловатые формы, треть которых в свою очередь имеет брюшковые утончения, в наличии своеобразных треугольных одно- или двусторонне обработанных орудий, в главенствовании среди двусторонних орудий подтреугольных и миндалевидных форм. Характерен и общий микролитизм инвентаря, что может находить объяснение как в своеобразной культурной традиции [5, с. 92—127], так и в нехватке каменного сырья [9, с. 1—13].

Яркое своеобразие материалов Киик-Коба, верхний слой, Пролом I, нижний и верхний слои, проявившееся в специфичности структуры орудийного набора, делает их резко отличными от синхронных в широком понимании мустьерских индустрий Крыма. Сравнение структуры орудийного набора киик-кобинской индустрии и индустрий других памятников мустье Крыма, принадлежность которых самостоятельным мустьерским культурам доказана (ак-кайская культура Восточного Крыма) или допускается (старосельская и кабазийская культура Юго-Западного Крыма) [10, с. 110—136; 11, с. 809—838], позволяет устанавливать, с одной стороны, оригинальность и самобытность киик-кобинской индустрии, а с другой — находить наиболее близкие и, видимо, отдаленно родственные памятники среди принадлежащих ак-кайской мустьерской культуре. Специфика перечисленных памятников устанавливается не только по кремневому инвентарю, но и по ряду других моментов: наличию развитой костяной индустрии (по крайней мере, в материалах Киик-Кобы), и, не исключено, неутилитарных изделий из кости; возможному наличию погребений (младенец из Киик-Кобы) [12, с. 17—21]; свидетельству сложных конструкций на стоянках [13, с. 244—246]; специфическому составу фауны. При этом наиболее «чистым», характеризующим только рассматриваемые памятники является видовой состав промысловых животных, почти треть которых составляют гигантский и благородный олени; это резко отличает памятники от прочих синхронных крымских стоянок.

Таким образом, при сравнении с синхронными индустриями Крыма для памятников типа верхнего слоя Киик-Кобы по многим параметрам выявляется своеобразие. Это позволяет, исходя из имеющихся в отечественном палеолитоведении определений мустьерской культуры [5, с. 112—115; 14, с. 203], утверждать о существовании особой киик-кобинской мустьерской культуры [1, с. 19—20; 5, с. 115—116; 15, с. 58—60].

Имеющиеся материалы позволяют различать два этапа в периодизации па-

мятников киик-кобинской культуры — ранний (верхний слой Киик-Кобы) — и поздний (Пролом I). Еще раз следует подчеркнуть, что индустрия культуры не изменяется значительно от этапа к этапу. Причиной может быть высокая степень консерватизма культуры. Возможно также, что временной разрыв между этапами не очень велик. Возникает проблема хронологического положения индустрий киик-кобинской культуры. Абсолютные датировки, к сожалению, отсутствуют, равно как и сколько-нибудь подробные естественнонаучные данные. По поводу геологического возраста верхнего слоя Киик-Кобы высказывались различные точки зрения. В целом общепринятой является датировка верхнего слоя началом вюрма [16, с. 114—183; 17, с. 22—31; 18, с. 152; 19, с. 101—109]. В. Н. Гладилин, на наш взгляд доказательно, аргументирует возраст слоя в пределах одного из потеплений внутри вюрма 1 [20, с. 87—93]. В этом случае Киик-Коба (верхний слой) оказывается синхронной пятым слоям Заскальной V и Заскальной VI (также территория Восточного Крыма), для которых, исходя из палинологических данных, предполагается брерупский возраст [21, с. 95—103]. Стратиграфическая колонка Пролома I также фиксирует фазу теплого и влажного климата (натечная корочка). О комфортном климатическом периоде можно заключать по наличию процессов водной эрозии, на которые указывает несогласность залегания отложений, зафиксированная на отдельных участках (рис. 2, *3*). Уточнение фаунистического списка также позволяет четко установить явное ухудшение климата ко времени аккумуляции верхнего, щебнистого, культурного слоя. Так, если на уровне нижнего слоя преобладают виды умеренных и теплых степей, то появление в верхнем слое мамонта, северного оленя, песца указывает на ухудшившиеся природные условия, близкие обстановке арктических степей и тундры. Сравнительный технико-типологический анализ указывает на более существенный временной разрыв между верхним слоем Киик-Кобы и нижним слоем Пролома I, нежели между культурными слоями грота Пролом. С учетом более позднего, сравнительно с верхом Киик-Кобы, облика индустрии Пролома I можно предположить положение мустье грота в вюрме 1/2. Такое допущение отчасти может быть подтверждено имеющимися для стоянки показателями прокаливания [9]. Для нижнего слоя он составляет 563, для верхнего — 558 единиц. Эти показатели, если применить предложенную М. Н. Грищенко [22, с. 56—59] идею построения кривой зависимости между показателями прокаливания и абсолютными датами, могут соответствовать дате около 42 тыс. лет назад с разрывом около 400—600 лет, тем самым в целом соответствуя вюрму $^1/_2$ центральноевропейской схемы, включающему интерстадиалы моерсхофд и хенгело. Возможна также корреляция с верхним слоем Заскальной V, имеющим близкий показатель прокаливания и с палинологической стороны охарактеризованным как отложившийся в фазу более влажную, чем слои со II по IV (напомним, что слой V может соотноситься с брерупом) [19, с. 101—109].

В настоящий момент на территории восточной части предгорий полуострова известно три памятника, достоверно принадлежащих киик-кобинской мустьерской культуре (верх Киик-Кобы, два слоя Пролома I). По-видимому, киик-кобинской культуре будут принадлежать мустьерские материалы памятника, открытого в 1990 г. А. А. Яневичем возле мезолитической стоянки Буран-Кая. Некоторые аналогии можно усматривать в материалах четвертого слоя Заскальной V, Волчьего грота, Чокурчи I [5, с. 103; 15, с. 58—60; 23, с. 31]. Но делом будущего остается пока задача детального исследования природы этих аналогий, обещающая дать

[9] Следует, конечно, оговорить весьма условную надежность этого показателя; в нашем случае серьезные возражения может вызывать слишком малый временной (в абсолютных датах) разрыв между слоями Пролома I. В то же время, на наш взгляд, использование показателей прокаливания, по крайней мере для среднепалеолитического времени, существенно оправдывается двумя обстоятельствами: отсутствием случаев явного несоответствия между значениями показателя прокаливания и предполагаемой датой по другим данным (как это часто наблюдается для позднепалеолитических и мезолитических памятников) и всегда неинверсивным, последовательным характером изменения показателей прокаливания для среднепалеолитических материалов, чье четко последовательное положение во времени достоверно устанавливается по стратиграфическим данным.

интересные материалы к изучению вопросов генезиса и взаимодействия мустьерских культур полуострова.

Ближайшие параллели вне полуострова усматриваются в мустьерских памятниках типа Скели Орел в Надпорожье, стоянках мустье Прикубанья. Эти памятники, возможно, фиксируют направления оттока мустьерского населения с традицией изготовления киик-кобинского орудийного набора с территории Крыма. Причины такого передвижения пока не ясны. Аналогичные процессы характерны, видимо, для всего круга крымского мустье с двусторонними орудиями. Имеющиеся в настоящее время факты позволяют усматривать в позднепалеолитических памятниках Крыма и близлежащих территорий генетическую преемственность лишь от местного одностороннего мустье (мустье типичное — кабазийская культура). Генетическая линия развития мустье с двусторонними орудиями выглядит, таким образом, прерванной. Объяснение этому явлению можно искать в трех направлениях, исследуя возможности: полной культурной дезинтеграции; перерастания мустье с двусторонними формами в поздний палеолит ориньякского круга; миграции на другие территории.

Поиск предков киик-кобинской культурной традиции в ашельских памятниках Крыма и близлежащих территорий заставляет признать отсутствие непосредственных и прямых генетических корней. В то же время можно предполагать местное, но синкретическое происхождение культуры. В качестве вероятных предков могут выступать ашельские индустрии типа ашельских памятников А. А. Щепинского [24, с. 85—106] и реутилизированного комплекса Заскальненских стоянок [25, с. 16, 17], а также тайякские индустрии (Киик-Коба, нижний слой, Залесное, Кабази II, IV слой). Таким образом, отсутствие в Крыму и на смежных территориях близких по орудийной структуре и предшествующих во времени памятников позволяет предполагать происхождение названной культуры от отличных в индустриальном отношении памятников.

Материалы киик-кобинской культуры находят определенные аналогии в памятниках среднеевропейского и восточноевропейского микока. Параллели устанавливаются, главным образом, в общей технологической ориентации на двусторонне оббитую заготовку, а также в ряде типологических соответствий орудийного набора. Уровень различий, в целом синхронность памятников не позволяет видеть в этих параллелях свидетельства близких генетических связей. В целом киик-кобинскую мустьерскую культуру допустимо определять как локальную разновидность восточноевропейского микока, возникшую наряду с другими (в Крыму — ак-кайская и старосельская разновидности) как результат параллельного развития от генетически близкой ашельской подосновы. Предполагается участие в сложении культуры тайякского компонента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Колосов Ю. Г.* Новая мустьерская стоянка в гроте Пролом//Археологические исследования на Украине в 1976—1977. Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород, 1978.
2. *Колосов Ю. Г.* Новая мустьерская стоянка в гроте Пролом//Исследование палеолита в Крыму. Киев: Наук. думка, 1979.
3. *Wetzel R., Bosinski G.* Die Bocksteinschmiede im Lonetal. T. 1. Stuttgart, 1969.
4. *Степанчук В. Н.* Критерии подбора инструментов расщепления и ретуширования в мустье Крыма//Каменный век на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1990.
5. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наук. думка, 1976.
6. *Анисюткин Н. К.* Дополнение к методике обработки нижнепалеолитических комплексов//АСГЭ. 1965. № 10.
7. *Анисюткин Н. К.* К вопросу о показателе «массивности палеолитических заготовок»//АСГЭ. 1973. № 15.
8. *Семенов С. А.* Первобытная техника//МИА. 1957. № 54.
9. *Степанчук В. М., Чабай В. П.* Про критеїї виділення мікроіндустрій в мустье//Археологія. 1986. Вип. 56.
10. *Колосов Ю. Г.* Аккайская мустьерская культура//Киев: Наук. думка, 1986.
11. *Kolossov Yu. G.* Les débuts du paléolithique en Crimée//LA. 1988. T. 92. № 3.

12. *Смирнов Ю. А.* К вопросу о стратиграфической позиции детского погребения Киик-Коба 2//КСИА. 1987. Вып. 189.
13. *Любин В. П.* О вероятности искусственных сооружений в гроте Киик-Коба//СА. 1969. № 2.
14. *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977.
15. *Степанчук В. Н.* К вопросу о киик-кобинской мустьерской культуре в Крыму//Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тез. докл. Омск, 1987.
16. *Бонч-Осмоловский Г. А.* Итоги изучения Крымского палеолита//Тр. Междунар. ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. 1934. Вып. 5.
17. *Иванова И. К.* К геологии палеолита Крыма//Изв. вузов. Геология и разведка. 1983. № 11.
18. *Колосов Ю. Г.* Мустьерские стоянки района Белогорска. Киев: Наук. думка, 1983.
19. *Величко А. А.* О региональной палеоэкологии эпохи неандертальцев//Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода. 1988. № 57.
20. *Гладилин В. Н.* К датировке раннепалеолитических остатков в гроте Киик-Коба//Матер. археологии Северного Причерноморья. 1971. № 7.
21. *Губонина З. П.* Условия обитания палеолитического человека в предгорьях Крыма//Палинология четвертичного периода. М.: Наука, 1985.
22. *Грищенко М. Н.* Некоторые особенности геологии Ахштырской пещеры//МИА. 1971. Вып. 173.
23. *Гладилин В. Н.* Ранний палеолит//Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1985.
24. *Щепинский А. А.* К вопросу об ашеле в Крыму//Исследования палеолита в Крыму. Киев: Наук. думка, 1979.
25. *Степанчук В. Н.* Найдавніший комплекс Заскельненских стоянок//Тернопільська обласна наук. істор.-краезнавча конф. Тез. докл. Тернопіль, 1990.

Кооператив «Археолог»,
Киев

V. N. STEPANCHUK

THE MOUSTERIAN SITE OF PROLOM I IN THE CRIMEA

Summary

The materials of the cave site named Prolom I situated in the Eastern Crimea are published in the article. The industries of both layers are characterized by radial knapping technique, moderate level of facetage and blading as well as typological variability of scrapers, numbering up to 1/4 of the inventory, and points (up to 40% of the tools). Bifacial tools are represented widely enough, up to 15%. The materials of the site are of Kiik-Koba type, the upper level, but are dated to later period.

Д. В. ЖУРАВЛЕВ, А. П. МОШИНСКИЙ

ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ГАСТОН УОТА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

На позднекобанском могильнике Гастон Уота в Дигорском ущелье Северной Осетии в 1987—1989 гг. Северо-Кавказской экспедицией ГИМ было раскопано 15 погребальных комплексов [1, с. 37—38; 2, с. 58—59]. Раскопки дали обильный материал: более 500 предметов. В данной работе предлагается анализ одной категории погребального инвентаря — бронзовых поясных пряжек[1].

Для того чтобы дать более или менее подробное описание пряжек, необходимо изначально условиться о терминах. Мы предлагаем называть сторону, на которой располагаются отверстия, основанием, а противоположную, на которой расположен крюк — верхней гранью. Остальные две стороны — боковыми гранями. Такое определение, безусловно, противоречит естественному расположению пряжки в костюме. Тем не менее в пользу такой терминологии говорит то, что сами древние мастера зачастую размещали зооморфные изображения на пряжках таким образом, что нижняя часть композиции была обращена к тому, что мы называем основанием [3, табл. 154/5]. О. А. Артамонова-Полтавцева, рассматривая пряжки типа Исти-су, отмечает, что изображения были рассчитаны на вертикальное расположение пояса, а не на горизонтальное. Она объясняет это тем, что пояс носился не постоянно, как бытовая вещь, а, возможно, использовался в ритуальных целях [4, с. 76—77]. Сходная система расположения изображений отмечена на пряжке из погр. 6 (рис. 1; 2, *1*) и на пряжке из склепа 3 Хор-Гона [5, табл. 10].

В погр. 1 и 2 были обнаружены пряжки двух типов: прямые и бабочковидные. Оба эти типа встречаются в обоих погребениях: погр. 1 — одна прямая и одна бабочковидная, погр. 2 — две прямых и одна бабочковидная (рис. 3, *2—7*).

Термин «бабочковидная пряжка» впервые ввела П. С. Уварова для двояко-изогнутых экземпляров, у которых вогнут центр и выпуклы углы основания, а контур верхней грани в целом повторяет контур нижней [6, с. 40]. Впоследствии исследователи называли их пряжками «изогнутой формы» [7, с. 69; 8, с. 55]. Вследствие морфологического сходства пряжек этого типа с перекрестьями акинаков, для которых термин «бабочковидные» является устоявшимся, мы считаем целесообразным сохранить этот термин и для пряжек.

Б. В. Техов датирует пряжки этого типа концом VIII — концом VI вв. до н. э. [7, с. 69]. Верхняя дата, предложенная Б. В. Теховым, кажется нам справедливой, так как ни в одном из известных нам твердо датированных комплексов V в. до н. э. таких пряжек нет.

Ссылка Б. В. Техова [7, с. 69] и, вслед за ним, А. Х. Сланова [8, с. 54] на О. А. Артамонову-Полтавцеву [4, с. 85] по поводу того, что «эта форма поясных пряжек представляет собой конечный этап развития типичной формы кобанских поясных пряжек», основана на недоразумении, так как О. А. Артамонова-Полтавцева имеет в виду другой тип пряжек.

Под прямыми пряжками мы понимаем пряжки с прямым основанием и, как правило, с прямой верхней гранью. Прямые пряжки существуют в кобанской

[1] В узких рамках статьи невозможно дать полную публикацию материала. Вследствие этого на таблицах представлены только пряжки и вещи, важные для датировки комплексов.

© Д. В. Журавлев, А. П. Мошинский, 1994 г.

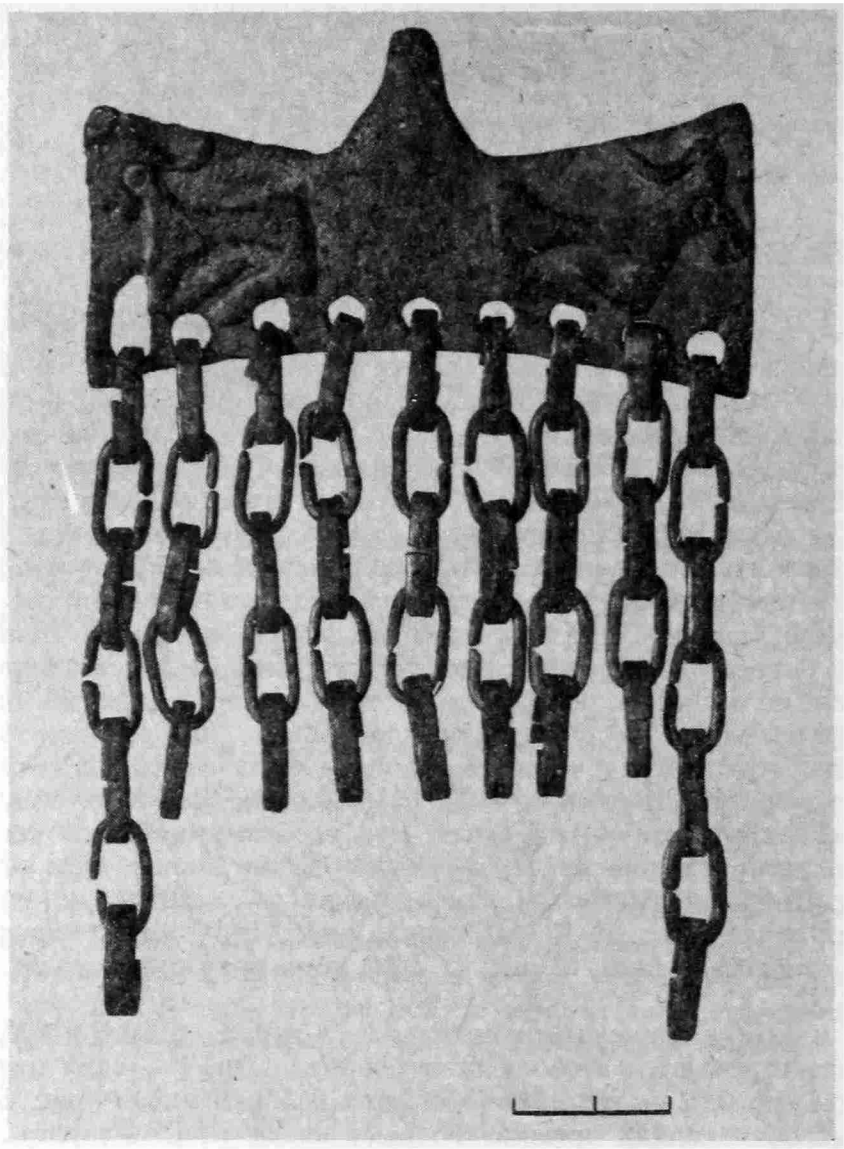


Рис. 1. Погр. 6, пряжка, бронза

культуре с конца II тыс. до н. э. [9, с. 140, 141; 10, с. 77, рис. 7]. Они бытуют в течение всего раннекобанского периода и в начале позднекобанского, но уже в комплексах V в. до н. э. отсутствуют.

Наряду с прямыми пряжками с прямой верхней гранью существуют с древнейшего периода прямые пряжки с поднятыми углами верхней грани [6, с. 40; табл. XIV/*1*; 9, рис. 102, *9*, *19*]. Этот признак сохраняется вплоть до VI в. до н. э. [3, рис. 127, *4*].

Пряжка этого варианта, но значительно более короткая и широкая, найдена в погр. 9 (рис. 2,*10*). По своим пропорциям к ней наиболее близка пряжка из погр. 193 Тлийского могильника [3, с. 30, рис. 154, *5*]. Б. В. Техов датирует этот комплекс концом VI — началом V в. до н. э.

В погр. 2 обнаружена пряжка (рис. 3, *5*), по своим очертаниям восходящая к архаичным прямым пряжкам с поднятыми углами верхней грани, но имеющая дополнительный признак — несколько вогнутое основание. У пряжки четыре отверстия для крепления к поясу.

Это сочетание признаков, кроме количества отверстий, характерно для пряжек из погр. 6, 7, 9, 12 (рис. 2, *1*, *11—13*, *19*, *20*; 4, *10*, *14—17*). К отверстиям на основании этих пряжек привешены цепочки для крепления к кожаному поясу.

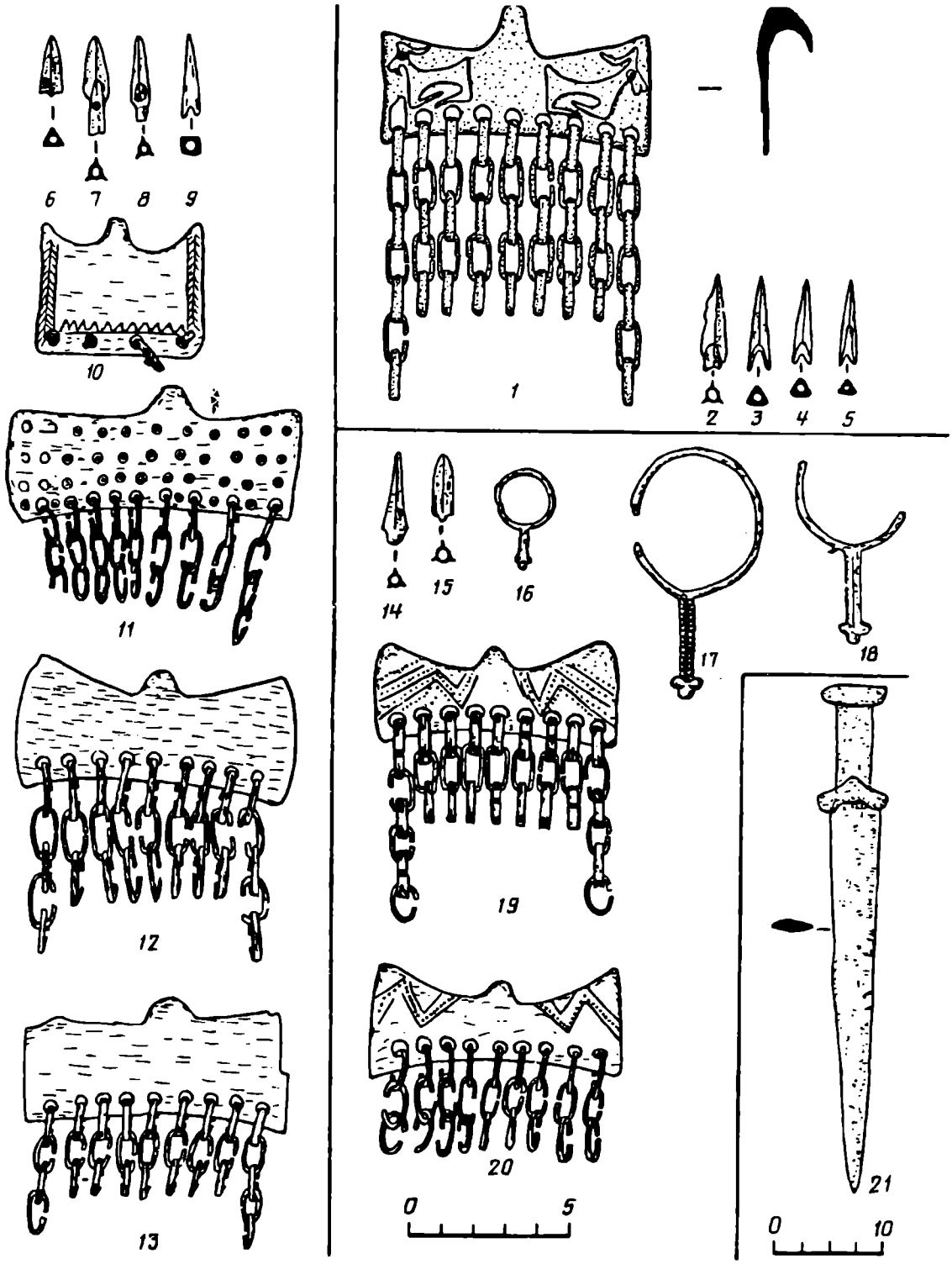


Рис. 2. Инвентарь из могильника Гастон Уота. *1—5* — погр. 6; *6—13* — погр. 9; *14—21* — погр. 12; *1, 2, 6—8, 10—15, 19, 20*—бронза; *3, 4, 9*—кость; *16—18* — серебро; *21* — железо

Боковые грани пряжек могут быть прямыми или округленными. Эти пряжки имеют бо́льшую ширину, чем предшествующие им прямые [7, с. 69] и чем вышеописанная пряжка из погр. 2, форма которой, вероятно, является переходной.

Почти все пряжки данного типа имеют на основании по девять отверстий для цепочек. Лишь одна имеет семь отверстий (рис. 4, *10*). Тем не менее мы не видим здесь никакого противоречия. В тех случаях, когда мы можем говорить о том, что цепочки у пряжек сохранились полностью (в 7 из 11 наших пряжек

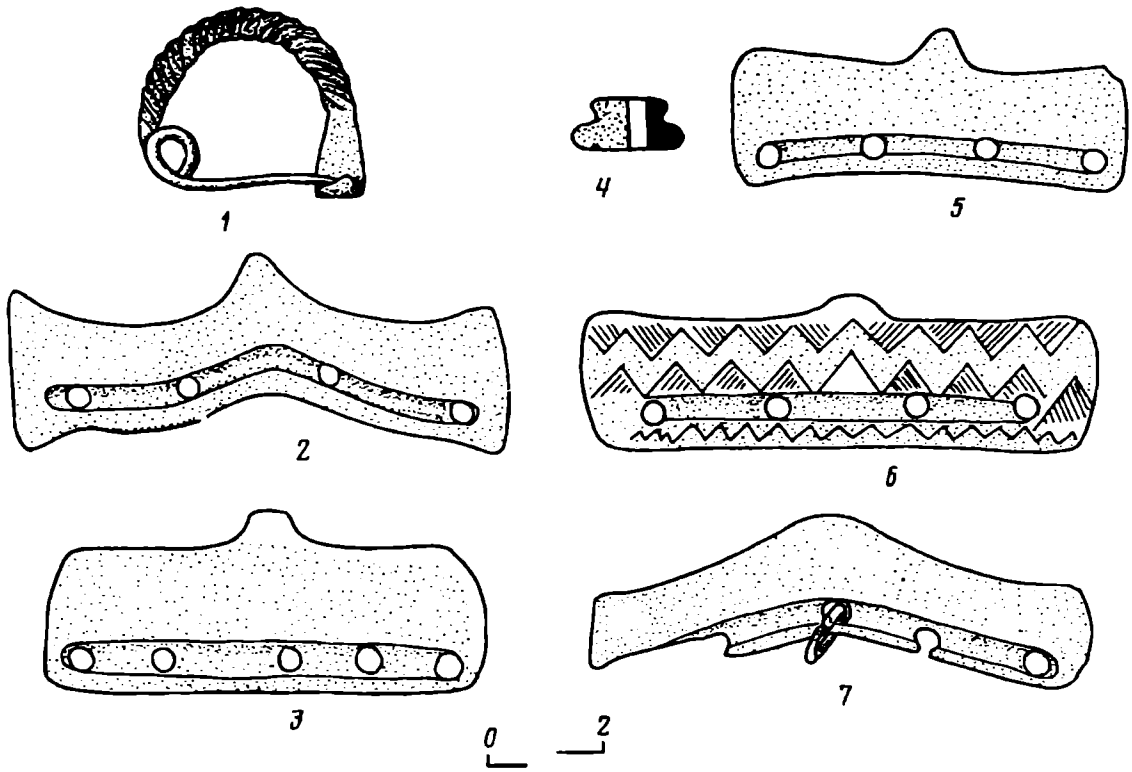


Рис. 3. Инвентарь из могильника Гастон Уота. *1—3* — погр. 1; *4—7* — погр. 2; *1—7* — бронза

этого типа и у пряжки, опубликованной в работе О. А. Артамоновой-Полтавцевой [4, рис. 44, *1*]), крайние цепочки на несколько звеньев (обычно на два) больше, чем семь центральных. Вероятно, семантически значимым, наряду с числом 9, здесь было число 7. В связи с этим нельзя не вспомнить найденный в этом же могильнике бронзовый штандарт с 7 группами изображений, 14 креплениями для колокольчиков и 14 перемычками между низом и верхом.

6 из 11 пряжек этого типа из могильника Гастон Уота орнаментированы. Пряжка из погр. 6 оформлена в технике высокого рельефа (рис. 1). На ней изображены развернутые в разные стороны два козла с поджатыми ногами — поза характерна для скифского искусства; к скифским традициям восходит и изображение глаз в виде концентрических окружностей. Форма же козлиных рогов находит ближайшую аналогию в навершии из Фаскау [6, табл. CXVIII, *2*]. Интересно заметить, что геометризованные очертания туловищ козлов повторяют форму самой пряжки. Техника высокого рельефа для кобанских бронз в целом нетипична. Существует сделанная в той же форме пряжка из склепа 3 Хор-Гона [*5*, табл. X; ГИМ, Б 1286/393] (проверка проведена методом сравнения эстампажей). С. В. Кузьминых, осмотрев эти пряжки, подтвердил, что они отлиты в жесткой литейной форме[2]. Таким образом, мнение Р. С. Минасяна [11, с. 9] об изготовлении кобанских пряжек исключительно по утерянной модели верно только для пряжек с глубоким рельефом. Вероятно, в этой же технике выполнена пряжка из Камунты с рельефным изображением змеи [6, табл. CXXII, *5*].

Пять пряжек имеют гравированный геометрический орнамент, уходящий своими корнями в кобанское искусство классического времени. Геометрический зигзагообразный орнамент двух пряжек из могильника Гастон Уота (рис. 2, *19, 20*) сходен с орнаментом на пряжке из могильника Верхняя Рутха [12, табл. XLVII, *9*]. Для более ранних памятников этот орнамент не характерен. Выделяется

[2] Выражаем С. В. Кузьминых благодарность за консультацию.

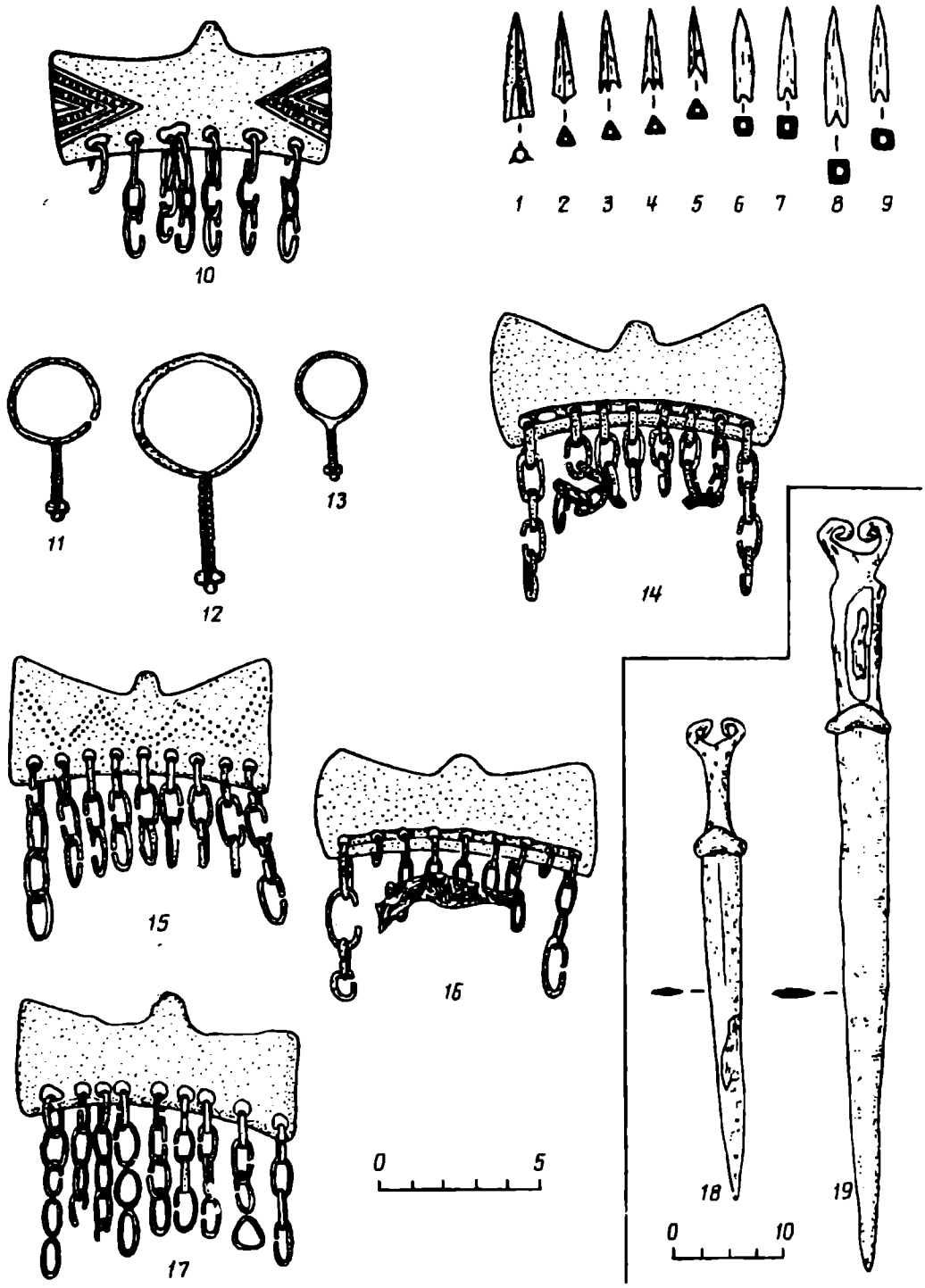


Рис. 4. Инвентарь из погр. 7 могильника Гастон Уота. *1, 10, 14—17* — бронза; *29* — кость, *11* — электр; *12—13* — серебро; *18, 19*—железо

пряжка с орнаментом в виде маленьких концентрических окружностей (рис. 2, *10*).

Е. И. Крупнов датирует пряжку из комплекса 20 («клада») Верхней Рутхи, подобную данным, V в. до н. э. [12, с. 230—231, 239, табл. XLV, *1*]. Он обосновывает это датировками сосуда, в котором был заключен «клад», и входящих в состав «клада» браслетов.

Аналогичная пряжка присутствует в погр. 3 каменного ящика 2 из раскопок

В. И. Долбежева на Рутхе [13, рис. 3,*8*][3]. В. И. Козенкова датирует этот комплекс VIII—VII вв. до н. э. [13, с. 17]. Нам представляется, что эта дата может быть значительно омоложена. Ботало из этого погребения полностью идентично хорошо известным экземплярам из Казбекского клада, датируемого VI—V вв. до н. э. Ажурная выпуклая бляха находит аналогии в погр. 12 и 13 могильника Гастон Уота, которые, как будет обосновано ниже, не могут быть датированы ранее V в. до н. э.

Этот тип пряжек продатирован О. А. Артамоновой-Полтавцевой на основании стилистического анализа фигурной пряжки из Фаскау [4, с. 97, 98; 6, табл. XVII, *8*] V в. до н. э. П. С. Уварова производит их от прямых пряжек с приподнятыми вверх углами верхней грани, происходящих из древней Кобани [6, с. 247]. О. А. Артамонова-Полтавцева, соглашаясь с ней, считает, что они возникают под воздействием пряжек типа Исти-Су [4, с. 97].

Мы полностью согласны с мнением П. С. Уваровой, с той оговоркой, что появление цепочек на пряжках, возможно, действительно связано с пряжками типа Исти-Су, хотя на одной из бабочковидных пряжек из погр. 2 (рис. 3, *7*) также присутствовали цепочки. Пряжки типа Исти-Су несут определенную семантическую нагрузку, в частности образ богини Владычицы зверей [4, с. 78], образы птицы и двойной секиры [14]. У нас пока нет основания предполагать присутствие подобной системы образов в анализируемых нами пряжках, однако парное расположение животных на двух из них, вероятно, не случайно перекликается с аналогичным мотивом пряжек типа Исти-Су. Расположение композиции относительно основания также идентично.

В задачу этой статьи не входит анализ погребальных комплексов, однако некоторую информацию о них дать необходимо. Поясные пряжки обнаружены только в шести погребениях (коллективных). Пять из этих комплексов в той или иной степени повреждены грабительскими перекопами, причем даже неограбленное погр. 7 и неповрежденные грабителями слои в остальных практически не содержат костяков in situ (кроме верхнего костяка в ненарушенном погребении). На данном памятнике существовал обряд сдвигания останков погребенных при совершении очередного захоронения. Вещи при этом либо перемешивались, либо складывались в один из углов погребального сооружения.

Наблюдения показали, что захоронения в каждом из погребальных сооружений совершались в течение непродолжительного отрезка времени. В пользу этого предположения говорит то, что вещи внутри каждого из данных комплексов типологически близки. Исходя из анатомической целостности некоторых перемещенных частей костяков, можно констатировать, что сдвигались еще не до конца истлевшие останки.

Опираясь на некоторые хорошо датируемые категории инвентаря, мы можем предложить датировки для погребальных комплексов. В погр. 7 найден бронзовый трехгранный наконечник стрелы с одним опущенным жальцем, образующим шип: головка в плане имеет вид треугольника с широким основанием (рис. 4, *1*). По классификации А. И. Мелюковой он относится ко II отделу, 6 типу и датируется концом VI — началом V в. до н. э. В более поздних комплексах наконечники этого типа встречаются в небольшом количестве [15, с. 21]. В. Г. Петренко относит подобные наконечники ко II отделу, 2 типу и датирует их V в. до н. э. [16, с. 46].

В погр. 6 обнаружен бронзовый наконечник стрелы — трехлопастной, с остролистной головкой подтреугольного очертания, но с достаточно округлыми очертаниями контура, втулка частично обломана (рис. 2, *2*). По классификации А. И. Мелюковой он относится ко II отделу, 2 типу, 2 варианту, датируется очень широко — с рубежа VII—VI вв. до н. э. по III в. до н. э. [15, с. 19—25]. По классификации С. А. Есаяна и М. Н. Погребовой он относится ко II типу

[3] На рисунке у пряжки восемь отверстий для крепления цепочек; в действительности отверстий девять (ГИМ Б 1286/145).

и датируется не ранее VI в. до н. э. [17, с. 65—69]. Два аналогичных наконечника происходят из погр. 9 (рис. 2, *7, 8*).

В погр. 9 был найден бронзовый трехгранный наконечник стрелы с узкой длинной головкой, слегка выступающей втулкой, отделенной от головки арочным вырезом (рис. 2, *6*). Он принадлежит к III отделу, 2 типу, 2 варианту по В. Г. Петренко. Наконечники этого типа появляются в V в. до н. э., однако наибольшее распространение получают позднее [16, с. 46, 47, табл. 34, *200—208*]. По А. И. Мелюковой он относится к III отделу, 3 типу и датируется, вероятно, V—IV вв. до н. э. [15, с. 24].

В погр. 12 найден трехлопастной башнеобразный наконечник стрелы с выступающей втулкой (рис. 2, *15*). По А. И. Мелюковой, II отдел, 10 тип, 1 вариант, вторая половина VI — первая половина V в. до н. э. [15, с. 22]. Второй наконечник стрелы из этого погребения аналогичен находкам из погр. 6 и 9 (рис. 2, *14*).

В погр. 7 обнаружены костяные стрелы, как трехгранные, так и четырехгранные (рис. 4, *2—9*). Последние В. И. Козенкова относит к варианту 4 своей классификации и датирует VI—V вв. до н. э. [18, с. 14]. Подобные костяные стрелы обоих типов также происходят из погр. 19 на Кумбултском могильнике Верхняя Рутха, которое Е. И. Крупнов датирует V в. до н. э. [12, рис. 33]. Два костяных четырехгранных наконечника найдено в погр. 9 (рис. 2, *9*).

В погр. 6 найдены три костяных трехгранных наконечника с арочным подтреугольным вырезом у основания (рис. 2, *3—5*). А. И. Мелюкова относит их появление ко времени не ранее второй половины VI — начала V в. до н. э. [15, с. 32].

В погр. 7 обнаружено два меча скифского типа длиной 45 и 68 см (рис. 4, *18—19*). Оба эти меча имеют антенное навершие и бабочковидное перекрестье. Сохранность мечей не дает возможности точно идентифицировать форму наверший как простых антенных или трактованных в зверином стиле. Соответственно они могут относиться либо ко II отделу, 1 подотделу, 2 типу, либо ко II отделу, 2 подотделу, 1 типу по А. И. Мелюковой. Наиболее вероятная датировка — V в. до н. э. [15, с. 55, 56].

Меч с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем (рис. 2, *21*) происходит из погр. 12. По классификации А. И. Мелюковой он относится к I отделу, 2 типу, датируется, вероятно, VI—V вв. до н. э. [15, с. 50, 51].

Особенно важны для уточнения датировки находки в погр. 7 и 12 серебряных и электровой серег в виде несомкнутого кольца, в одном случае с отверстиями у краев. К кольцам припаяны столбики, в свою очередь состоящие из четырех спаянных столбиков зерни, завершающиеся пятью более крупными зернами (рис. 2, *16, 17*; 4, *11—13*). У одной из серег в погр. 7 столбик был одинарным (рис. 2, *18*). Обломок подобной серьги найден в погр. 6.

Аналогичные серьги были обнаружены в Вани [19, с. 252], а также в Брильском могильнике, где было найдено их не менее 25 штук (Гос. музей Грузии, инв. № 133—975); в Левобережном могильнике у Бешташенской крепости [20, с. 43]; в Варсимаанткарском могильнике [21, табл. XCII, *1*] и в других памятниках Грузии. 1 экз. происходит из Нахичевани, 1 — «из района Кобани» [22, с. 79] и две серьги из могилы 1 Северного кладбища Кобани [5, табл. 1, *8, а, б*].

Интересно, что в могильнике «у плетня» в с. Кикеты были обнаружены в одном комплексе ботало, аналогичное нашей находке, и обломок серьги, подобной описанным выше (Гос. музей Грузии, инв. № 40—58: 39, 40).

О. Д. Лордкипанидзе отмечает, что серьги этого типа, как правило, неизвестны за пределами Грузии [19, с. 252], и датирует их серединой V — первой половиной IV в. до н. э. [23, с. 15]. Таким образом, наиболее вероятная датировка нашего комплекса — V в. до н. э.

Из прочего инвентаря надо отметить бронзовое ботало из погр. 7, аналогичное казбекским, и конический колокольчик из погр. 12, подобные которому есть в

Тли [3, табл. 220]. По Б. В. Техову, они встречаются во второй половине VII—VI в. до н. э.; правда, необходимо заметить, что менее древних комплексов автор раскопок в Тлийском могильнике практически не выделяет.

Таким образом, мы можем датировать комплексы 6, 7, 9, 12 V в. до н. э.

Материалы из погр. 1 и 2 в целом имеют более архаический вид. В погр. 1 была найдена небольшая (около 5 см) дуговидная фибула с дужкой, состоящей из четырех перевитых проволок подтреугольного сечения (рис. 3, *1*). Она несомненно является поздним дериватом классических кобанских фибул.

В погр. 2 обнаружена ворворка (рис. 3, *4*) формы, близкой к экземплярам, известным в предскифское время [18, с. 32]. Однако нижняя дата бытования подобных ворворок и замены их коническими скифского типа точно пока не установлена. Итак, у нас нет никаких оснований предполагать столь раннюю дату для этого комплекса.

Важно отметить, что погр. 1 и 2 резко отличаются по погребальному обряду от комплексов, относимых к V в. до н. э. Погр. 1 представляет собой разрушенный каменный ящик, сложенный из стоящих на торце тонких каменных плит. Погр. 2 относительно небольшое по размерам, подпрямоугольной формы, вытянутых пропорций, имело стены, выложенные необработанным камнем. Все же погребения, относимые нами к V в. до н. э., представляли собой большие подквадратные ямы.

С большой долей вероятности мы можем предположить, что погр. 1 и 2 древнее погр. 6, 7, 9, 12. Предполагать большой хронологический разрыв между ними у нас оснований нет. Вероятно, погр. 1 и 2 относятся к VI в. до н. э. Таким образом, пряжки из погр. 6, 7, 9, 12 мы можем датировать по комплексам, из которых они происходят (V в. до н. э.). Предлагать дату для прямых и бабочковидных пряжек из погр. 1 и 2 с большим основанием можно только по аналогичным изделиям, происходящим из датированных комплексов других могильников,— не позднее VI в. до н. э.

Тип пряжек с вогнутым основанием, приподнятыми углами верхней грани и девятью отверстиями для цепочек распространен почти исключительно в Дигории, где подобные пряжки известны во всех могильниках кобанского времени. Пряжка, опубликованная О. А. Артамоновой-Полтавцевой [4, рис. 44, *2*] как происходящая из Кобани, на самом деле настолько точного паспорта не имеет. Я. В. Доманский, опираясь на инвентарную опись Государственного Эрмитажа, определяет место ее происхождения как «Кавказ» [24, с. 130, рис. 50]. Единственная известная нам подобная пряжка, найденная вне Дигорского ущелья, происходит из Самтаврского могильника [19, рис. 73/13], но среди материалов Самтавро она выглядит инородной[4]. Пряжки, близкие по облику, но несколько иных пропорций и с меньшим количеством отверстий, распространены шире и могут быть датированы более ранним временем.

Полагаем, что можно считать доказанным существование в V в. до н. э. особого, дигорского типа бронзовых поясных пряжек, сменяющих прямые и бабочковидные[5]. Этот тип практически неизвестен не только за пределами горной Осетии [26, с. 216], но и за пределами Дигорского ущелья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мошинский А. П.* Жертвенник кобанского могильника Гастон Уота//XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988.
2. *Мошинский А. П.* Керамический комплекс памятников кобанской культуры в Дигории в V—IV вв. до н. э.//XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь, 1990.

[4] По любезному сообщению В. И. Козенковой пряжка, представленная в таблице издания «Археология СССР» [25, табл. 102, Б, 42] как происходящая из Тли, на самом деле найдена в Рутхинском могильнике. Накладка произошла по вине издательства.

[5] В полевой сезон 1991 г., когда статья уже была сдана в печать, на могильнике Гастон Уота было раскопано погр. 15, датируемое началом IV в. до н. э. и содержащее три пряжки этого типа.

3. *Техов Б. В.* Тлийский могильник. Т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1985.
4. *Артамонова-Полтавцева О. А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период//СА. 1950. Т. XIV.
5. *Алексеева Е. П.* Поздне-кобанская культура Центрального Кавказа//Уч. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. 1949. Вып. 13.
6. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа//МАК. 1900. Вып. VIII.
7. *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1980.
8. *Сланов А. Х.* Железный век на территории Южной Осетии. Цхинвали: Ир, 1989.
9. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
10. *Козенкова В. И.* Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы//СА. 1990. № 3.
11. *Минасян Р. С.* Техника обработки бронз кобанской и колхидской культур//АСГЭ. 1991. Вып. 31.
12. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960.
13. *Козенкова В. И.* Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа//СА. 1982. № 3.
14. *Мошинский А. П.* Новая интерпретация кобанских птицевидных блях//Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1988.
15. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д 1—4.
16. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III в. до н. э.//САИ. 1967. Вып. Д 1—4.
17. *Есаян С. А., Погребова М. Н.* Скифские памятники Закавказья. М.: Наука, 1985.
18. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант//САИ. 1982. Вып. В 2—5.
19. *Лордкипанидзе О. Д.* Наследие древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1989.
20. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
21. *Рамишвили Р. М. и др.* Археологические исследования в Арагвском ущелье//Полевые археологические исследования в 1983 г. Кр. сообщ. Тбилиси: Мецниереба, 1986.
22. *Давлианидзе Ц. О.* Культура Квемо Картли (Триалети) во второй половине I тыс. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1983 (на груз. яз.).
23. *Лордкипанидзе О. Д.* Городище Вани//Вани. Т. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1972 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.).
24. *Доманский Я. В.* Древняя художественная бронза Кавказа. М.: Искусство, 1984.
25. *Козенкова В. И.* Кобанская культура Кавказа//Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989.
26. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

Государственный Исторический музей,
Москва

D. V. ZHURAVLEV, A. P. MOSHINSKY

BELT-BUCKLES FROM THE GASTON-UOTA CEMETERY

Summary

Among the materials of the Gaston-Uota cemetery (Northern Ossetia, Digory canyon) the authors describe a type of belt-buckles with concave base, elevated angles of the upper plaque and nine holes for chains. They are dated to the 5th century B. C. basing on the analysis of the graves' assemblages. The latter include some weapons of the Scythian type and silver earrings of Transcaucasian origin. The described form of belt-buckles is of local Digory character. Some earlier burials of this cemetery (of the 6th century B. C.) contain belt-buckles of different types, such as butterfly-like ones and straight ones, which are widely spread in the Caucasus.

С. А. ПЛЕТНЕВА

О ДОМАШНИХ ОБЕРЕГАХ В САРКЕЛЕ — БЕЛОЙ ВЕЖЕ

Богатейшая коллекция разнообразных предметов, обнаруженных Волго-Донской экспедицией при раскопках Левобережного Цимлянского городища (Саркела — Белой Вежи), хранящаяся в настоящее время в Государственном Эрмитаже, еще долго будет привлекать внимание исследователей. Изучение архивных данных этой экспедиции позволяет нередко как бы вновь «открывать» необычные, ранее неизвестные науке факты и вещи самого разнообразного назначения и значительности.

Даты саркело-беловежских находок определяются хронологией культурного слоя, а последний в свою очередь датируется при соотнесении его с несколькими письменными источниками, повествующими об обстоятельствах постройки крепости в 30-х годах IX в., о существовании города в середине X в., о взятии его князем Святославом в 965 г. и, наконец, об оставлении города основным населением в начале XII в. Все сведения о событиях истории крепости и города Саркела — Белой Вежи неоднократно и полно интерпретированы М. И. Артамоновым [1; 2, с. 288—324], а в «Трудах» Волго-Донской экспедиции несколькими исследователями были сделаны в целом успешные попытки связать эти события с культурным слоем и наиболее яркими находками в нем [3—7]. Очевидно, что вещи, обнаруженные на разных глубинах слоя или в комплексах, характеризующихся определенным набором находок, можно датировать в среднем с точностью до пяти десятилетий, что делает их особенно ценными в качестве источников для изучения большого хронологического периода — от первой половины IX — почти до половины XII в.

Данная публикация вводит в научный оборот предметы, не упоминавшиеся в работах о Саркеле — Белой Веже. Это небольшие, не более 5 см диаметром, лепные глиняные кружки, плоские или плоско-выпуклые, обожженные до серого, коричневого и иногда черного цвета. Одна сторона у них гладкая, другая с простейшим орнаментом, как правило, «солнечного цикла», т. е. включающая изображение круга, креста, креста в круге. Всего их обнаружено в Саркеле — Белой Веже (вместе с обломками) 17 экз. Малое количество находок делает ненужной формальную классификацию, тем более что все кружки весьма однотипны, отличаясь друг от друга вариациями орнаментации и способами (орудиями) ее нанесения.

Рассмотрим далее все случаи нахождения кружков в комплексах и слое городища.

Четыре найдены в завале жилища, расположенного в проходе северо-западных крепостных ворот (№ полевой описи ВД-50/1430а). Три из них сохранились почти полностью (рис. 1, *1—3*). Орнамент нанесен круглой в разрезе полой косточкой диаметром 3 мм. На одном кружке «штампики» расположены крестом, на другом — крестом в круге, на третьем покрывают всю поверхность круга, причем крайние кружки как бы соединены линией, нанесенной легкими наколами тонким острием. Отличительной особенностью этих кружков является насечка, нанесенная тем же острием по всему периметру кружков. Такая насечка характеризует и четвертый кружок, от которого сохранился только сегменто-

© С. А. Плетнева, 1994 г

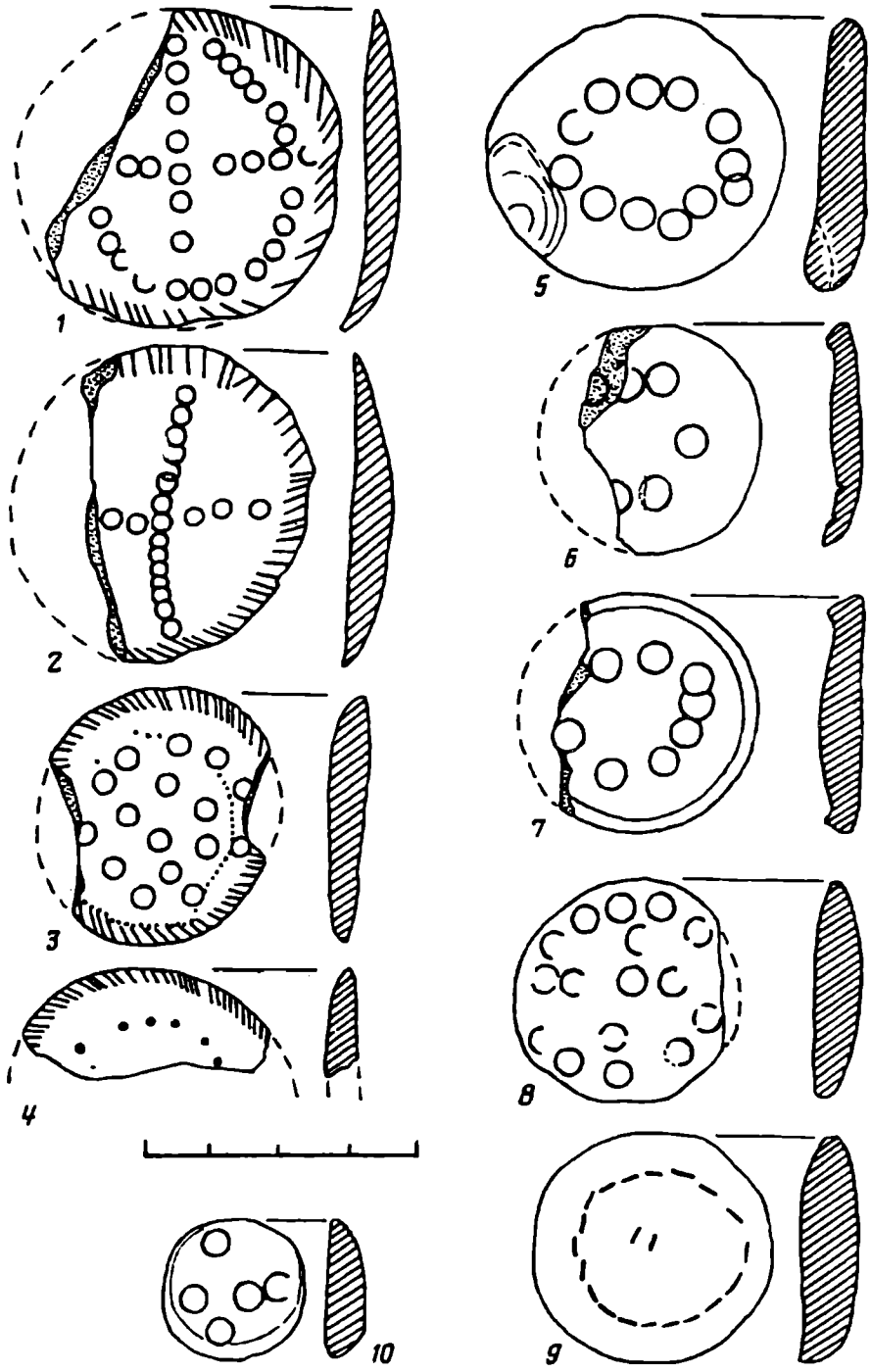


Рис. 1. Кружки-амулеты (*1—10*) из Саркела — Белой Вежи

видный обломок (рис. 1, *4*). Основной орнамент на этом кружке (видимо, круг) нанесен не полой косточкой, а круглой в разрезе тупой палочкой диаметром 1,5 мм.

Толщина кружков в центральной части не превышает 5 мм, к краям они утоньшаются, что приводило к обломам края.

Представляется очевидным, что все четыре кружка изготовлены одним человеком, использовавшим устойчивый набор «инструментов»: круглую в разрезе полую косточку, тупую палочку и тонкое острие. Орнамент на этих и остальных 13 кружках нанесен по сырому тесту, до обжига.

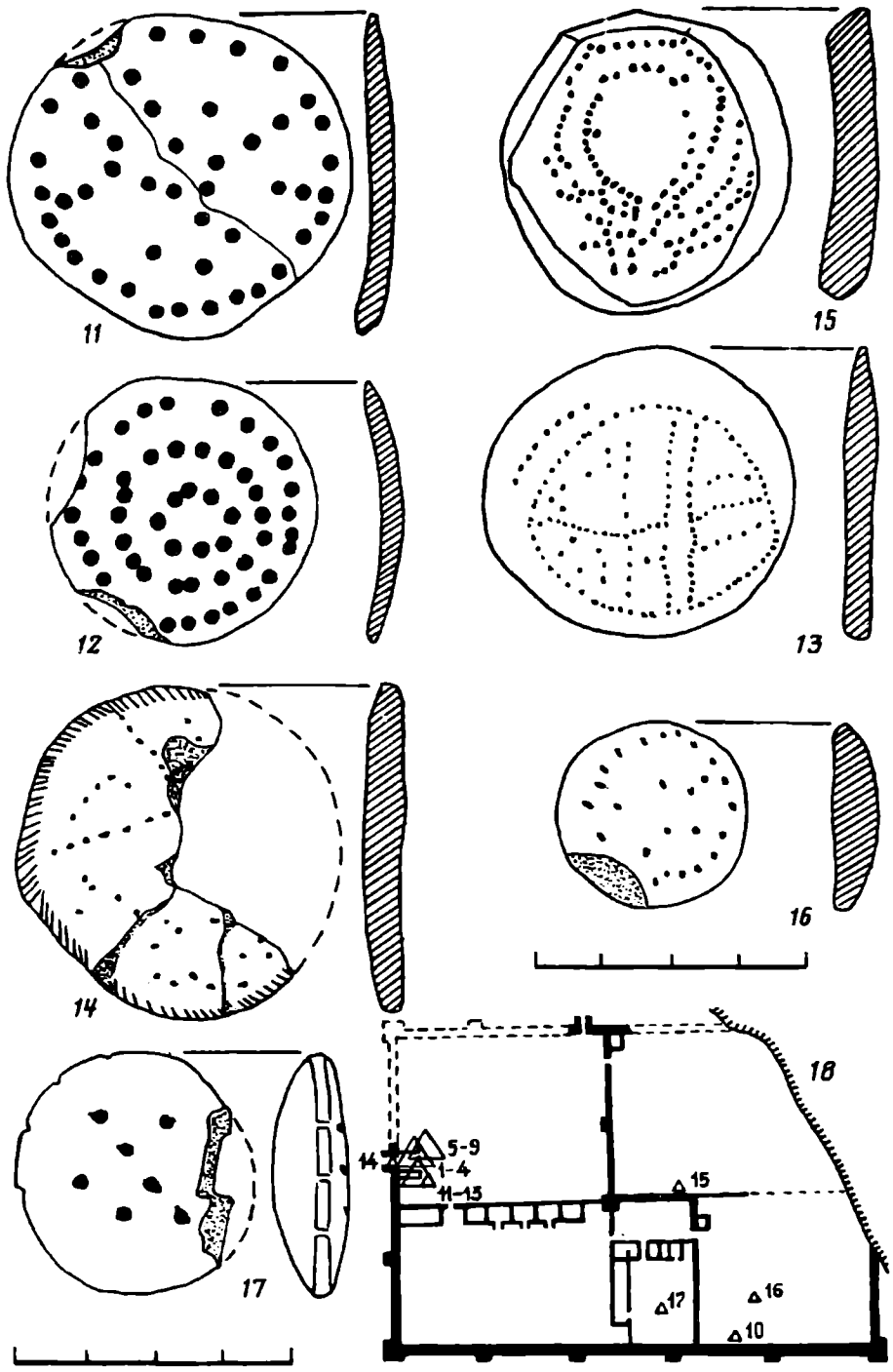


Рис. 2. Кружки-амулеты (*11—17*) и схема распространения этих предметов на городище Саркел — Белая Вежа (*18*)

Факт строительства жилища поперек воротного проема является безусловным свидетельством того, что ворота в то время уже не функционировали. Причем прекратили существование не только ворота, но ко времени постройки жилища успел уже затянуться, превратившись в большую воронку, находившийся перед воротами великолепный, облицованный белым камнем глубокий колодец. Воронку же, видимо при постройке жилища, засыпали мусорным слоем. Очевидно, эта разрушительная работа не могла начаться сразу после возведения стены, т. е. в первой половине — середине IX в. Это произошло тогда, когда Саркел перестал быть крепостью, превратившись в небольшой степной городок. Активное заселение

его привело к значительным перестройкам, датировать которые можно не ранее середины X в., т. е. хазарским периодом жизни данного поселения. Последнее как будто подтверждается тем, что кружки были обнаружены вместе с обломками гончарного кухонного горшка «хазарского типа» (сероглиняного с примесью речного песка в глиняном тесте и сплошным линейным орнаментом по тулову) среди развала глиняной обмазки упавшей и сгоревшей стены. Хозяева погибшего жилища пользовались этим горшком. При падении стены он и несколько других сосудов также упали и разбились. Вероятно, они стояли вдоль стены, на пристенной полке, а рядом в обмазку стены были «вмазаны» обожженные глиняные кружки.

К набору этого жилища следует отнести и обломки кружка (рис. 2, *14*), найденные при разборе завала стены в слое, непосредственно перекрывающем пол жилища. Кружок связан с предыдущими помимо местонахождения характерной для всего набора насечкой по краю. Поверхность его была покрыта редкими наколами, аналогичными наколам, прослеженным на третьем кружке. Поскольку кружок сохранился не полностью, сложный рисунок, образуемый наколами, остался невосстановленным.

Второй набор кружков, состоящий из 5 экз., был также обнаружен среди обмазки печи или стены, к которой печь примыкала (№ полевой описи ВД-50/2296). От жилища кроме печи были расчищены небольшие участки глинобитного пола и ямки от столбов и жердей, бывших каркасом плетеных или досчатых, обмазанных глиной стен. Выстроено оно было над разобранной почти до основания стеной северо-восточной привратной караульни, поблизости от жилища в проезде ворот. Находок в завале немного, но, судя по обломкам керамики в печи, этот разрушенный комплекс не выходит за рамки X в., хотя, возможно, был выстроен немного позже жилища, расположенного в проезде ворот.

Орнамент на четырех кружках представлен в виде расположенных по кругу нанесенных полой косточкой кружочков диаметром 4–5 мм (рис. 1, *5—7*), на четвертом кружочки разбросаны по всей поверхности беспорядочно и к тому же сильно «смазаны» (рис. 1, *8*). Последнее обстоятельство с особенной наглядностью свидетельствует о том, что орнамент наносился на сырую поверхность. Пятый кружок украшен более скромно: пунктирной линией, прочерченной по кругу острым тонким орудием (рис. 1, *9*). Таким образом, орудиями для человека, лепившего кружки этого набора, служили при орнаментации круглая полая косточка и острие. Толщина кружков колеблется от 5 до 9 мм, к краям они не утоньшаются, а у одного кружка для предотвращения облома край укреплен валиком или ребром (рис. 1, *7*).

На том же участке городища (у северо-западных ворот) были обнаружены еще три кружка, условно объединенные мной по фактическому единству местонахождения в один набор (№ полевой описи ВД-50/706, 749, 2078).

Один из них обнаружен в глиняной обмазке рухнувшей стены у скелета погибшей в пожаре старой женщины. Жилище расположено, как и предыдущее, над почти до основания разобранной стеной второй (юго-западной) привратной караульни. Стратиграфически и по находкам обломков амфор его можно датировать не ранее конца X в. На кружке тонкими наколами острия нанесен рисунок: круг с непонятной сильно схематизированной фигурой внутри — крестом, древом или летящим «драконом»? (рис. 2, *13*).

Второй кружок этого «набора» найден был в яме, устье которой было выявлено на уровне пола этого жилища в непосредственной близости от него (уровень +0,24 м). Стратиграфически яма относится к X в., но заброшена она была и затем заполнена мусором позже, возможно, в начале XI в. (в ней найдены обломки амфоры с «воротничком», датирующиеся XI в.). Орнамент на обнаруженном в яме кружке нанесен тупой палочкой диаметром примерно 3 мм в виде трех концентрических кругов (рис. 2, *12*).

Очевидно, тем же орудием, т. е. тупой круглой в разрезе палочкой диаметром 3 мм, был орнаментирован третий кружок этого же «набора». Ямки располагались

на поверхности по кругу, а внутри круга — беспорядочно (рис. 2, *11*). Найден был кружок почти на 1 м выше уровня пола жилища в мусорном слое, образовавшемся в результате разравнивания завала жилища. Вероятно, тогда же попал в яму вместе с мусором и второй кружок этого «набора».

Итак, все три кружка в той или иной степени связаны с развалом одного жилища. Объединяют их и некоторые типологические особенности, в частности упомянутое выше тождество ямок на двух из них, а также общая, очень незначительная сравнительно с остальными кружками их толщина, не превышающая 4 мм.

Остальные четыре кружка были разбросаны на противоположном от северо-западных ворот краю городища (рис. 2, *18*).

Наибольший интерес представляет довольно массивный (толщиной 6—7 мм) кружок с орнаментом, нанесенным острием частыми наколами (рис. 2, *15*). Орнамент сложный, изображает, видимо, древо с отходящими от короткого ствола тонкими ветвями, образующими над «стволом» два концентрических круга. Кружок найден на глиняном полу жилища с печью, сложенной из кирпичей, вынутых из уже начавших разбираться крепостных кирпичных построек (ВД-51/1668). Вместе с кружком на полу были обнаружены куча сгоревшей пшеницы, обломки амфор X в. (некоторые из них, возможно, IX в.), кувшинов «тмутараканского типа», хазарских кухонных горошков, а также полосатая черно-белая бусина, игральная кость, керамическое грузило. В целом материал не выходит за рамки первой половины X в. Эта дата как будто не противоречит и стратиграфическому расположению жилища на уровне +0,57 м от уровня основания крепостной стены («0»).

Плоско-выпуклый массивный кружок толщиной 11 мм, с беспорядочно расположенными на плоской поверхности семью ямками, нанесенными круглой в разрезе палочкой диаметром 2 мм, найден в яме с золистым мусорным заполнением (рис. 2, *17*; № полевой описи ВД-51/256). В заполнении попадались обломки кувшинов «тмутараканского типа» и обломки круглого в разрезе черного браслета. Эти находки позволяют датировать время заполнения ямы во всяком случае не позже X в. [5, с. 310, 323; 6, с. 266 и сл.].

Третий кружок небольшой и тоже довольно толстый (6 мм), орнаментированный наколами, образующими окружность с семью точками внутри (рис. 2, *16*; № полевой описи ВД-51/1438). Обнаружен в культурном слое на уровне +1,10 м при расчистке сгоревших досок, вероятно, от упавшей стены. Там же была найдена плакированная золотом медная византийская монета Василия II и Константина VIII (976—1025 гг.).

Последняя находка этой серии предметов — очень маленький сравнительно с остальными плоско-выпуклый кружок диаметром всего 2 см. Орнамент на нем — в виде пяти беспорядочно расположенных кружочков, нанесенных полой косточкой диаметром 4 мм (рис. 1, *10*; № полевой описи ВД-51/349). Найден в культурном слое на уровне +1,79 м вместе с обломком синего стеклянного браслета и шиферным пряслицем. Эти находки в совокупности с уровнем их залегания дают основание датировать маленький кружок XI в.

Таким образом, кружки появились в Саркеле — Белой Веже примерно в середине — второй половине X в. и использовались до первых десятилетий XI в. Кружки из комплексов, относимых к X в., крупные, нередко тонкие и плоские (иногда немного вогнутые), а в начале XI в. они плоско-выпуклые, маленькие. Не исключено, что плоско-выпуклый небольшой (3,5 см) кружок из ямы, датированной по сопутствующему материалу X в. (рис. 1, *10*), являлся как бы «переходной» формой от больших тонких кружков к маленьким плоско-выпуклым. Впрочем, уверенно говорить об эволюции этих уникальных предметов, употреблявшихся жителями города не более 50—60 лет (в основном в пределах X в.), вряд ли в настоящее время правомерно.

О том, какую роль играли глиняные обожженные кружки с солнечно-небесной символикой, можно судить только по находкам их в развалинах жилых построек.

А. Л. Якобсон, первый обнаруживший кружки на раскопе в проезде северо-западных ворот среди кусков глиняной обмазки стены, предположил, что это были своеобразные домовые амулетики, которые вмазывались в стены и служили оберегами, несущими в дом добро или охраняющими его от сглаза.

Это логическое объяснение не подтверждается пока аналогичными обстоятельствами нахождения подобных предметов на других памятниках, хотя находки типологически близких кружков были зафиксированы на ряде средневековых поселений Юго-Восточной Европы.

По непонятной причине кружки до настоящего времени не привлекали специального внимания исследователей. Как правило, они изредка упоминались в числе незначительных (рядовых) находок. Только А. П. Смирнов и В. Ф. Каховский при издании материалов болгарского городища Хулаш поместили в книге [8, с. 65, рис. 35] фигурки хлебцев или лепешек, изготовлявшихся для жертвоприношений и дающих «представление о том, какие караваи и лепешки выпекали булгарские женщины, какие наносили на них символические изображения солнца...». Правда, на изданных рисунках изображения солнца нет — только беспорядочные наколы палочками разного диаметра, но из текста очевидно, что были и «смысловые» орнаменты, подобные беловежским.

На других поселениях Волжской Булгарии такие хлебцы встречались довольно часто, причем вплоть до монгольского нашествия, например в Биляре [9, табл. XI, *9*, *10*]. Попадались они и на соседних с Булгарией марийских поселениях конца X—XI вв. Обычно это просто гладкие (без орнамента), обожженные, маленькие (2—2,5 см), довольно хрупкие лепешечки. Полные аналогии им известны в Дунайской Болгарии — на поселении в слое X в. [10, с. 104, 105], а также на славянском (роменском) поселении Опошня, расположенном в степном пограничье [11, с. 271].

Условия нахождения этих предметов в изданиях не указаны, поэтому говорить об их охранных функциях домашних амулетов невозможно. Однако следует учитывать, что обычно их находили на поселениях (никогда на могильниках), причем в развалинах домов или поблизости от них. Вполне вероятно, что именно имитации хлебных лепешек могли стать охранными домашними амулетами (символами благополучия). Таким образом, оба толкования сакрального значения кружков-лепешек не противоречат, а дополняют друг друга.

Наиболее сложной и пока, несомненно, нерешенной является проблема этнической принадлежности кружков. Редкие и случайные публикации этих находок не позволяют дать более или менее близкую к истине область их распространения. Ясно, что они встречаются преимущественно в степной или лесостепной зонах на памятниках праболгар, славяно-болгар, славян и финнов. Довольно широкое их употребление в Волжской Булгарии как будто позволяет считать их булгарскими (праболгарскими?), но в таком случае требует объяснения факт их отсутствия на степных праболгарских земледельческих поселениях бассейна Дона. Исключением, как мы видели, является Саркел — Белая Вежа, в которой их находки представлены фактически единичными экземплярами. Весьма интересна концентрация беловежских кружков-лепешек: в трех расположенных рядом жилищах, перекрывавших развалины сооружений кирпичной крепости у северо-западных ворот. Видимо, очень небольшое количество семей в городе (не более трех — пяти) в продолжении всего двух поколений придерживалось веры в магические свойства кружков. Согласно наблюдениям В. Д. Белецкого, кружки встречены в зоне распространения в городе жилищ болгаро-хазарских (салтово-маяцких) типов [3, рис. 22], но в таком случае остается непонятным, почему этот обычай так спонтанно возник у болгарских строителей крепости и столь же неожиданно исчез. Не были лепешки и славянским этническим признаком, поскольку в Саркел прибывали славяне-боршевцы, а у них на поселениях неизвестно ни одной находки лепешек (у роменцев их тоже немного).

Думается, что в настоящее время можно только говорить о том, что люди, верящие в силу кружков-лепешек, а значит, и силу солнца, были степняки-

земледельцы смешанных этнических типов. В многоэтничной Белой Веже это были скорее всего, как и в Дунайской Болгарии, болгаро-славяне.

Совершенно очевидно, что все встающие перед нами вопросы, связанные с кружками-лепешками, не могут быть решены на небольшом материале одного памятника. Задача данной работы — обратить внимание археологов на эту интересную и информативную группу пока еще почти не исследованных археологических источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа//МИА. 1958. № 62.
2. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
3. *Белецкий В. Д.* Жилища Саркела — Белой Вежи//МИА. 1959. № 75.
4. *Левенок В. П.* Пряслица городища Саркел — Белая Вежа//МИА. 1959. № 75.
5. *Львова З. А.* Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи//МИА. 1959. № 75.
6. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи//МИА. 1959. № 75.
7. *Сорокин С. С.* Железные изделия Саркела — Белой Вежи//МИА. 1959. № 75.
8. *Каховский В. Ф., Смирнов А. П.* Городище Хулаш и памятники средневекового чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972.
9. *Хузин Ф. Ш.* Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели//Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.
10. *Вължарова Живка Н.* Славянски и славянобългарски селища в Българските земи VI—XI век. София, 1965.
11. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа//МИА. 1961. № 104.

Институт археологии РАН,
Москва

S. A. PLETNEVA

ON THE AMULETS FROM SARKEL — BELAYA VEZHA

Summary

The article is devoted to the description and primary interpretation of the unique series of objects from Sarkel — Belaya Vezha. They are small clay discs ornamented with solar motifs (circle, cross and other). Evidently these discs were protective amulets inlaied in clay wall-plaster of the dwellings. They are dated by the stratigraphy and accompanying material from the second half of the 10th up to the first decade of the 11th centuries. Similar objects were found in many steppic and forest-steppic settlements and were traditionally interpreted as imitations of traditional bread used during sacrificions.

С. В. БЕЛЕЦКИЙ, О. В. ОВСЯННИКОВ

ИМЕННАЯ ВЛАДЫЧНАЯ ПЕЧАТЬ XIV в. ИЗ-ПОД ХОЛМОГОР

В 1990 г. на огороде у д. Усть-Курея близ Холмогор была найдена именная владычная печать XIV в., принадлежащая неизвестной паре матриц (рис. 1). Аверс: изображение Богоматери Знамение. Реверс: надпись в четыре строки ДВДЪ/АРХНІЕ/ПППЪNОВ[г]/РОДЬСК/[ЫИ]. Нижняя, пятая строка не пропечаталась. Диаметр буллы 25—29 мм. Вес 16,7 г. Находка передана в Архангельский музей изобразительных искусств.

Новый экземпляр именной владычной печати Новгорода Великого принадлежит к группе хорошо известных сфрагистических памятников. В Корпусе актовых печатей древней Руси зафиксировано восемь моливдовулов от трех пар матриц, совершенно адекватных друг другу и публикуемой булле [1, т. 2, № 460—462]. Но несмотря на типичность печати для владычной сфрагистики Новгорода, публикуемая булла представляет несомненный интерес: после ее обнаружения число известных сфрагистических типов данной группы увеличилось до четырех, и это обстоятельство заставляет нас обратиться к вопросу о функциях печатей не только данной группы, но и данного сфрагистического разряда [1].

Печати, несущие на аверсе изображение Богоматери, а на реверсе текстовую легенду, содержащую имя и титул владельца, известны на Руси с рубежа XI—XII вв. [1, т. 1, № 45—51, 53—55, 57, 58, 60—66] и вплоть до начала XV в. [1, т. 2, № 463—473]. Атрибуция данного разряда высшим церковным иерархам признается всеми исследователями. Но заметим, что зафиксированная в Корпусе актовых печатей древней Руси представительность сфрагистических групп, составляющих разряд, далеко не одинакова. В частности, подобные печати, атрибуированные новгородским владыкам, представлены в корпусе следующим образом [2]:

	Тип	Кол-во экз.
Нифонт (1131—1156)	2	4
Аркадий (1158—1163)	1	1
Илья (1165—1186)	2	2
Мартирий (1193—1199)	1	2
Митрофан (1201—1212, 1220—1223)	1	1
Антоний (1212—1220, 1225—1228)	1	1
Далмат (1251—1273)	1	5
Климент (1276—1299)	4	6
Феоктист (1300—1308)	1	7
Давид (1309—1325)	4	9

[1] Под сфрагистическим типом мы понимаем оттиски одной и той же пары матриц. Сфрагистическая группа объединяет типы печати, адекватные друг другу, но принадлежащие разным парам матриц. Сфрагистический разряд включает группы печатей, различающиеся между собой по персонифицирующим признакам, но в остальном адекватные. Наконец, сфрагистический класс объединяет разряды с адекватно оформленным аверсом печати. При этом за аверс принимается та сторона печати, на которой помещена «юридическая информация», указывающая на полномочия владельца. За реверс принимается сторона, несущая информацию о персональной принадлежности печати конкретному лицу или институту власти.

[2] Количественные данные приведены с учетом публикуемой находки.

© С. В. Белецкий, О. В. Овсянников, 1994 г.

Рис. 1. Именная владычная печать XIV в. из окрестностей Холмогор: *а* — аверс; *б* — реверс

Моисей (1326—1330, 1352—1359)	5	6
Василий (1331—1352)	2	4
Алексий (1360—1388)	2	3
Иоанн (1389—1415)	1	1

Нетрудно заметить, что среди деятелей Софийской кафедры заметно выделяются архиепископы Климент, Давид и Моисей, располагавшие четырьмя-пятью адекватными сфрагистическими регалиями. У других новгородских владык максимальное число сфрагистических регалий данного разряда не превышало двух, причем это не зависело ни от сроков пребывания владыки на кафедре, ни от наличия перерывов в деятельности иерарха. Уже одно это заставляет обратить самое пристальное внимание на период в истории Софийской кафедры с последней четверти XIII и до середины XIV в. включительно.

В. Л. Янин, специально комментировавший статистику находок печатей, атрибуированных новгородским владыкам XIII—XIV вв., отмечал сокращение числа известных экземпляров печатей рассматриваемого разряда. Исследователь подчеркивал, что в 30-е годы XIV в. «возникли какие-то причины, резко сократившие употребление именной архиепископской печати» [1, т. 2, с. 50]. В. Л. Янин объяснял этот факт появлением так называемых «анонимных владычных печатей» (аверс: изображение креста; реверс: изображение Богоматери), принявших на себя значительную часть функций именной владычной печати [1, т. 2, с. 87]. «Анонимные владычные печати» исследователь традиционно атрибуировал «владычным наместникам», т. е. чиновникам владычного аппарата, а об именных владычных печатях писал: «Хотя сфрагистика некоторых владык представлена несколькими вариантами именной печати, нам представляется правильным говорить о личном характере этой буллы, иными словами, о единовременном существовании не больше одной пары матриц, которая и находилась в распоряжении самого архиепископа» [1, т. 2, с. 50].

Для подавляющего большинства новгородских владык, пользовавшихся буллой рассматриваемого разряда, такая оценка, очевидно, справедлива: наличие двух пар матриц у одного и того же владыки может быть объяснено любыми (в том числе случайными) обстоятельствами, приведшими к необходимости замены печати на адекватную. Но предположение о том, что в период владычества именно Климента, Давида и Моисея происходило необычайно быстрое изнашивание

матриц печати, следствием которого становилась замена их на новые, нам представляется маловероятным.

В этой связи представляет интерес весь набор сфрагистических регалий, прямо или косвенно связанных с деятельностью архиепископа Давида. Речь идет не только об именных владычных печатях, но и о печатях чиновников владычного аппарата.

Кроме перечисленных выше четырех типов печатей с деятельностью Давида связаны еще четыре сфрагистических типа, принадлежащих к иному сфрагистическому классу: буллы, несущие на аверсе изображение Св. Давида Солунского, а на реверсе — текстовую легенду, содержащую титул владельца — «Печать новоторжского наместника». Эти печати неоднократно были предметом внимания исследователей [2, с. 283—292]. При всем их сходстве печати, строго говоря, относятся к двум различным разрядам:

1) аверс: Св. Давид Солунский, по сторонам помещена надпись ДВ—ДЪ; реверс: в центральной части поля помещен четырехконечный крест, свободное пространство вокруг которого занято текстовой легендой [1, т. 2, № 524, 525];

2) аверс: Св. Давид Солунский, по сторонам изображения помещены две надписи ДВ—ЛЪ и СА—ВА (вероятно, имя новоторжского наместника [2, с. 288, 289]); реверс: текстовая легенда [1, т. 2, № 256; 3, № 4].

Детальный анализ описанных печатей вместе с другими печатями новоторжских наместников позволил В. Л. Янину установить, что святой, изображенный на аверсе, тезоименит новгородскому архиепископу [2, с. 291, 292].

В связи с описанными памятниками интерес представляет также булла, сохранившаяся при документе, полностью утратившем текст (из знаменитой находки в Московском Кремле 1843 г.): аверс — изображение восьмиконечного креста на подножии; реверс — изображение Св. Давида Солунского [1, т. 2, № 523]. Булла не несет признаков принадлежности к владычной сфрагистике, сближаясь по особенностям оформления со сфрагистическими регалиями суверенных светских правителей [4, с. 51, 52]. Однако матрица реверса этой печати соответствует матрице аверса у одной из печатей новоторжских наместников [1, т. 2, № 525].

В. Л. Янин первоначально связывал печать из кремлевской находки 1843 г. с деятельностью архиепископа Давида [2, с. 291]. Позднее исследователь отказался от этой атрибуции и присоединился к мнению А. В. Орешникова, связывавшего печать с деятельностью новоторжского наместника [5, с. 40]. Но если А. В. Орешников полагал, что святой на печати был тезоименит наместнику, то В. Л. Янин высказал убеждение в тезоименитстве святого владыке, от лица которого в своей деятельности выступал наместник [1, т. 2, с. 62, 63].

Можно полагать, однако, что атрибуция печати с изображениями креста и Св. Давида владычному наместнику не бесспорна. Для В. Л. Янина основным аргументом в пользу такой атрибуции стало наличие общей матрицы у печати из кремлевской находки 1843 г. и буллы новоторжского наместника. Комментируя печати двинских наместников, исследователь писал: «Никогда матрица не переходит из одного разряда в другой» [1, т. 2, с. 69]. Однако достаточно вспомнить новоторжскую наместничью печать № 529 (по В. Л. Янину), возникшую «в результате переработки матриц совершенно иного типа — разновидности обычной анонимной архиепископской буллы» [1, т. 2, с. 63], чтобы уверенно утверждать: наследование матриц возможно не только в пределах одного сфрагистического разряда, но и между разрядами. Вероятно, следовало бы иначе сформулировать правило наследования матриц: возможным следует считать наследование матриц не только в пределах одного разряда, атрибуированного строго установленному органу управления, но и в пределах круга сфрагистических регалий одного института власти. В данном конкретном случае речь должна идти о возможности наследования матриц в пределах широкого круга памятников новгородской сфрагистики, прямо или косвенно связанных с владычным аппаратом. Это тем более вероятно, что сами матрицы для сфрагистических регалий владычного круга в подавляющем большинстве случаев изготавливались, по-видимому, централизо-

ванно — ремесленниками-торевтами, работавшими при Софийской кафедре. Во всяком случае, матрицы для печатей псковских наместников новгородского архиепископа за некоторыми исключениями изготавливались в Новгороде.

Сказанное, как представляется, дает нам право при атрибуировании печати из кремлевской находки 1843 г. не связывать себя жестким правилом наследования матрицы в пределах исключительно круга регалий владычных наместников Нового Торга. Набор признаков, составляющих рассматриваемый сфрагистический тип, указывает на принадлежность печати к атрибутам юрисдикции суверенного лица, носившего в крещении имя Давид. Наличие общей матрицы у этой печати и печати, принадлежавшей владычному чиновнику времени святительства архиепископа Давида, указывает на принадлежность печати из кремлевской находки 1843 г. к кругу памятников владычной сфрагистики начала XIV в. По-видимому, В. Л. Янин был прав в своей первоначальной атрибуции памятника, относя буллу к атрибутам юрисдикции новгородского архиепископа Давида.

Среди более ранних печатей, относящихся к тому же разряду, что и печать из кремлевской находки 1843 г., буллы, безусловно атрибуированные церковным иерархам, как будто отсутствуют [3]. Нет таких печатей и в более позднее время. Некоторое смысловое сходство с рассматриваемой печатью имеет, пожалуй, печать № 478 (по В. Л. Янину), экземпляр которой обнаружен в Новгороде в слое середины XIV в. [1, т. 2, с. 58]: аверс — восьмиконечный крест на подножии, реверс — многострочная надпись «Печать владычня». Однако булла не содержит никаких сведений для персонификации владыки. С другой стороны, определенное сходство с печатью Давида имеет печать XV в., найденная в Пскове: аверс — восьмиконечный крест на подножии, реверс — многострочная надпись, содержащая имя и титул владыки (Евфимий I) [4]. Здесь, однако, персонифицирующие сведения о владельце сфрагистической регалии переданы в форме текстовой легенды. Наконец, смысловое сходство с печатью из кремлевской находки 1843 г. имеет печать новгородского архиепископа Ионы Отенского (1458—1470): аверс — Вседержитель на престоле, реверс — многострочная легенда, содержащая имя и титул владельца [1, т. 2, с. 49]. В этом случае суверенный характер власти владыки передан изображением Вседержителя (синонимичным изображению креста [1, т. 1, с. 150, 151]), однако сведения о владельце также переданы в форме текстовой легенды. Но буллы, адекватные печати из кремлевской находки 1843 г. и в равной мере атрибуированные новгородскому владыке, пока как будто не обнаружены.

В этой связи напомним об особенности наместничьих печатей № 524 и 525 (по В. Л. Янину), речь о которых шла выше. На реверсе у этих печатей в центральной части поля помещен простой четырехконечный крест, а легенда, содержащая титул владельца, размещена в свободном пространстве вокруг креста. Ни композиционно, ни стилистически изображение креста не связано с формулой легенды на печатях. В то же время на наместничьих печатях № 526 (по В. Л. Янину) и 4 (по П. Г. Гайдукову) изображение креста отсутствует: формула легенды размещена по всему полю реверса.

Различия в оформлении разрядов можно было бы теоретически объяснить тем, что на печатях, лишенных креста, на аверсе по сторонам от изображения Св. Давида помещено имя наместника, переводящее буллы, строго говоря, в разряд именных наместничьих печатей. И в этом случае присутствие креста оказалось бы признаком, необходимым при оформлении анонимной наместничьей буллы Нового Торга. Однако среди печатей новоторжских наместников времени архиепископа Моисея также фиксируются буллы двух разрядов: наряду с печатью № 527 (по В. Л. Янину), несущей на реверсе вместе с формулой легенды изображение креста, имеется также печать № 528 (по В. Л. Янину), у которой на реверсе помещена только легенда, а крест отсутствует. Таким образом,

[3] Правда, В. Л. Янин не исключал возможность атрибуции печатей № 324 и 325 епископу Федору, занимавшему новгородскую кафедру в 1069—1077 гг., однако аргументов в пользу этой гипотезы не привел [1, т. 1, с. 152].

[4] ПОМЗ, инв. № 15056.

уверенно фиксируется неслучайный характер различий между разрядами и их вероятное сосуществование во времени друг с другом.

Заметим, что уже во времена владычества Василия Калики свидетельств сосуществования двух разрядов новоторжской наместничьей печати не фиксируется [5]. Не наблюдается подобное разделение печатей новоторжских наместников и при других новгородских архиепископах XIV — начала XV в. (вплоть до Иоанна включительно) [1, т. 2, № 532—535]. Но зато для времени более раннего, чем пребывание на Софийской кафедре владыки Давида, есть основание фиксировать сходную ситуацию.

Мы имеем в виду печати ладожских владычных наместников. Правда, эти буллы принадлежат к числу редчайших памятников средневековой русской сфрагистики. Одна из двух известных печатей несет на аверсе изображение Св. Климента, а на реверсе — текстовую легенду с указанием титула владельца [1, т. 2, № 521] — признаки, относящие печать к тому же сфрагистическому разряду, что и печати новоторжских наместников, лишенные креста на реверсе. Вторая печать несет на аверсе изображение шестиконечного креста на подножии, а на реверсе — текстовую легенду, содержащую титул и имя владельца [1, т. 2, № 522]. Принадлежа к иному сфрагистическому разряду и даже классу, нежели печати новоторжских наместников, эта печать, однако, находит себе смысловое соответствие в печатях, несущих на реверсе крест, помещенный на одном поле вместе с формулой легенды. Первая из двух ладожских наместничьих печатей уверенно относится ко времени владычества архиепископа Климента [1, т. 2, с. 66, 67]. Датировка второй печати определена В. Л. Яниным с некоторой долей гипотетичности — временем владычества Климента, Феоктиста или, самое позднее, Давида [1, т. 2, с. 67]. Для более раннего времени, чем период пребывания на Софийской кафедре архиепископа Климента, наместничьи печати остаются вообще неизвестны.

Не пытаясь сейчас интерпретировать сделанные наблюдения (истолкования могут быть различными, и это тема самостоятельной работы), подчеркнем: наличие двух различных разрядов печати владычных наместников, сосуществующих между собой во времени, совпадает с тем периодом в истории Софийской кафедры, когда фиксируется резкое увеличение числа типов так называемых именных владычных печатей. С восстановлением «нормального» количества этих регалий прекращается сосуществование различных разрядов наместничьей печати. Такое совпадение вряд ли случайно.

К сожалению, в нашем распоряжении нет печатей с изображениями Св. Климента и Св. Моисея Мурина в сочетании с изображением креста подобных печати из кремлевской находки 1843 г. Редкость последней, однако, вполне соответствует редкости именных печатей Аркадия, Митрофана, Антония и Иоанна. И вряд ли мы сильно ошибемся, если выскажем следующее предположение: во времена святительства архиепископа Давида печать с изображениями креста и святого, тезоименного владыке, являлась личной (именной) печатью новгородского архиепископа. И если во времена новгородских владык XI—XIII вв. булла с

[5] На печати № 529 (по В. Л. Янину) фиксируется размещение текстовой легенды вокруг креста. Однако эта булла, как отмечалось, оттиснута матрицами, переделанными из матриц «анонимной владычной печати». При этом произошла смена аверса и реверса: реверсом новоторжской буллы стал аверс «анонимной владычной печати», на поле которого вокруг креста была размещена формула легенды; аверсом стал реверс «анонимной владычной печати», на котором изображение Богоматери было переделано в изображение Св. Василия Кесарийского. От лица последнего выступал в своей деятельности держатель буллотирия, так как изображение Св. Василия символизировало сюзеренитет над новоторжским наместником новгородского архиепископа Василия Калики. Иными словами, наместничья булла, несущая на реверсе вместе с текстом легенды изображение креста, в данном случае оказалась репликой с буллы, принадлежащей чиновникам, должностные обязанности которых территориально не ограничивались. Показателем того, что изображение креста на данной булле случайно, является печать № 530 (по В. Л. Янину), копировавшая буллу № 529: при том, что на печати № 530 повторена нетрадиционная для иконографии Св. Василия поза — с поднятыми руками (унаследованная печатью № 529 от изображения Богоматери Знамение), на реверсе приведена только текстовая легенда, а изображение креста опущено [1, т. 2, с. 64]).

изображением Богоматери на аверсе и легендой на реверсе, безусловно [1, т. 1, с. 58, 59; т. 2, с. 50], являлась личной печатью иерарха, то в период пребывания на Софийской кафедре архиепископа Давида (вероятно, также во времена святительства Климента и Моисея; вопрос о регалиях владыки Феоктиста оставляем открытым) функции буллы с изображением Богоматери на аверсе изменились.

Как отмечалось выше, употребление в делопроизводстве новгородских владык конца XIII — первой трети XIV в. нескольких полностью адекватных друг другу сфрагистических типов представляется немотивированным. Предположение В. Л. Янина о единовременном существовании не более одной пары матриц такой печати [1, т. 2, с. 50] предполагает частую смену матриц именной владычной печати. Объяснять эту смену быстрым износом матриц или же эстетическими требованиями держателя буллотерия, кажется, не приходится. И в этом случае остается предположить, что «матриц было несколько в одно и то же время», что подразумевает существование одновременно «нескольких полноправных представителей владыки, скреплявших документы его именем» [1, т. 2, с. 50, 86]. Иными словами, именные владычные печати на рубеже XIII—XIV вв. и в первой трети XIV в. не являлись, на наш взгляд, личными печатями новгородских архиепископов, а употреблялись их доверенными лицами, чиновниками выступавшими в своей деятельности от имени владыки.

Именно на это время, согласно наблюдениям В. Л. Янина, приходится формирование института владычных наместников Новгорода. И так как анонимные владычные печати Новгорода, являвшиеся основной категорией регалий власти у чиновников Новгородского владыки, получают широкое распространение только со второй четверти XIV в. [1, т. 2, с. 86, 87], можно полагать, что на рубеже XIII—XIV вв. и в первые два десятилетия XIV в. различные разряды сфрагистики владычных чиновников (соответствующие различиям в полномочиях чиновников?) сосуществовали между собой.

Показательно, что со времен владычества Василия Калики фиксируется сокращение числа сфрагистических типов именной владычной печати до уровня, предшествовавшего владычеству Климента. И именно с этого времени «анонимная владычная печать» в Новгороде становится одним из ведущих сфрагистических разрядов. Но этот сюжет уже выходит за пределы настоящей работы.

* * *

Место обнаружения публикуемой печати в свете сказанного представляет особый интерес. Южный берег Белого моря в районе Двинской губы и дельты — это район морских и соляных промыслов русского населения. Используя низовья Двины в качестве опорной базы, промыслово-торговые артели уже в XI в. проникают через Пинежско-Кулойский и Цилемский волоки на Нижнюю Печору и далее за Северный Урал на Обь. Этот важный для Новгорода торговый путь в богатые пушниной и «рыбьим зубом» земли северо-востока в XI—XV вв. находился под постоянным контролем Новгорода. Другой же путь — через Малую Двину и Вычегду — контролировался низовскими великими князьями, и значительная часть территории Среднего Подвинья (между устьем Пинеги и устьем Вычегды) на протяжении всего периода существования Новгородского государства была ареной борьбы между Новгородом и великими князьями. Первый этап этого противостояния (до рубежа XIII—XIV вв.) был связан с борьбой за дани. На следующем этапе это уже была борьба за земли. На протяжении XIV в. в Нижнем Подвинье идет активный процесс оседания русского населения на землю. Уже к началу так называемой «двинской войны» (1342—1398 гг.) встал вопрос о перераспределении нижнедвинских владений между боярскими родами Новгорода, что уверенно относит формирование этих владений к более раннему времени. В. Г. Миронова полагает, что появление первых двинских актов неразрывно связано с внутриполитическими событиями, происходившими в Заво-

лочье в начале XIV в. [6, с. 246—258]. После орлецких событий 1342—1398 г. на Двину стали назначать, как правило, по два посадника, что, возможно, свидетельствует о реорганизации органов власти — замене местного выборного чиновника двумя представителями новгородской администрации. Можно полагать, что появление владычных чиновников в Подвинье в первой четверти XIV в., засвидетельствованное публикуемой печатью, документирует первые попытки прямого вмешательства новгородской администрации в управление Двинскими землями.

Двинская уставная грамота 1398 г. [7, с. 181, 182] фиксирует необычайно плотное заселение района Холмогор: Орлец, Матигоры, Кур-остров, Чюхчерема, Ухт-остров, Курья, Княж-остров, Емецк, Нёнокса, Ракула, Наволок и др. Таким образом, в это время в районе «Колмогорской дельты», на берегах и островах котловины не только уже сложилась поселенческая агломерация (мы знаем о ней по крайней мере с XII в.), но она выступала в качестве административного и торгового центра по отношению ко всему региону. Обнаружение в пределах этой агломерации печати, принадлежащей представителю новгородской владычной администрации, весьма симптоматично. Особенно существенным представляется тот факт, что документ, скрепленный печатью, относится ко времени до активного освоения русским населением непосредственно дельты Северной Двины: первое укрепление на Холмогорах появляется только в первой четверти XV в., т. е. по крайней мере на столетие позднее утверждения документа публикуемой печатью.

По-видимому, мы можем с большой степенью уверенности полагать, что печать владычного чиновника, выступавшего от лица новгородского архиепископа Давида, определяет нижнюю хронологическую границу нового этапа в освоении южного Беломорья и Двинской губы, в частности этапа, связанного с оседанием русского населения на землю и развитием поземельных отношений. Во всяком случае, публикуемая печать еще раз позволяет подчеркнуть важность Холмогорской поселенческой агломерации в экономической и политической жизни Нижнего Подвинья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. X—XV вв. Т. 1, 2. М., 1970.
2. *Янин В. Л.* Печати наместников новоторжских//СА. 1954. Т. XIX.
3. *Гайдуков П. Г., Малыгин П. Д.* Новые сфрагистические находки в Верхневолжье//История и культура древнерусского города. М., 1989.
4. *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928.
5. *Орешников А. В.* Материалы к русской сфрагистике. М., 1903.
6. *Миронова В. Г.* Проблема хронологии некоторых двинских актов. Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вып. 1. Вологда, 1970.
7. Двинская уставная грамота//Российское законодательство IX—XX вв. Т. 2. М., Юрид. лит., 1985.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

S. V. BELETSKY, O. V. OVSYANNIKOV

A SEAL WITH ARCHBISHOP'S NAME FROM KHOLMOGORY REGION

Summary

A seal found near Kholmogory belongs to the series of seals of Novgorodan archbishop David (1309-1325). Now nine seals ans four matrixes for them have been known. The seals of archbishop's David vicary are also rendered, to this series the authors ascribe the seal found in the Moscow Kremlin in 1843. This piece has the images of St. David of Solun and eight-ended cross, these motifs being close to the bullae from Novy Torg. The authors suggest a new functional interpretation of certain class of the seals. The ones with Novgorodan archbishop's name were not only his personal seals, but the signs used by the officials of St. Sophia cathedral.

В. П. ДАРКЕВИЧ

УСАДЬБЫ XVII ВЕКА В СТАРОЙ РЯЗАНИ

Широкомасштабные археологические исследования на городище Старая Рязань, проведенные в 1966—1980 гг. экспедицией Института археологии АН СССР и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, не ограничивались основной задачей всестороннего изучения города домонгольского времени. Переход к раскопкам большими площадями позволил пролить свет и на практически неизвестный позднесредневековый период в истории поселения. Вновь открытые комплексы представляют не только локальный интерес, дополняя скудные сведения письменных источников о Старой Рязани XVI—XVII вв.: дело в том, что древнерусские неукрепленные населенные пункты этого времени археологически почти не исследованы.

Как явствует из духовной Ивана III, умерший около 1503 г. Федор Васильевич Рязанский передал свой удел, в том числе город Старую Рязань, московскому князю [1, с. 275]. Старая Рязань упоминается как город в духовном завещании Ивана IV (1572—1578 гг.) и в грамоте Федора Ивановича Терехову монастырю (1588 г.). В «Книге Большому чертежу» (1627 г.) Старая Рязань городом уже не названа, а в окладных книгах 1676 г. значится селом [2, с. 28].

Однако если о заселенности Старой Рязани и ее окрестностей в XV—XVI вв. пока свидетельствуют лишь отдельные вещевые находки, например, произведения металлопластики [3] или фрагмент белоглиняного изразца с изображением в плоском рельефе какого-то хищного зверя (рубеж XV—XVI вв.), то от XVII в. сохранились целостные слои и комплексы построек.

Они обнаружены в юго-западном углу Южного городища на раскопе 14, расположенном в 75 м к юго-западу от Борисоглебского собора на крутом окском берегу, по кромке которого еще в XVIII в. проходил ныне осыпавшийся вал. Площадь раскопа, вытянутого с севера на юг, 490 м^2; открытые на нем две группы построек с интервалом в 10 м относились к двум усадьбам, перекрывшим слои домонгольского времени (рис. 1, *2*, сетка квадратов 2×2 м обозначена засечками по периметру раскопа). Сооружения выявлены непосредственно после снятия дернового слоя на глубине 20—30 см от поверхности. Судя по столбовым ямам, проходящим через весь раскоп по линии восток — запад усадьбы отделялись друг от друга забором-заплотом.

Лучше сохранился двор в южной части раскопа (под словом «двор» мы понимаем как сумму жилых и хозяйственных построек, так и весь участок земли, занятый постройками, огородом, садом — владение одной семьи). Основной постройкой двора являлся жилой дом (№ 1), стены которого хорошо прослеживались в виде полос перегнившего дерева. Размеры дома, ориентированного по линии север — юг (как и остальные постройки на раскопе), 10×5,5 м; по отношению к поверхности двора, покрытого слоем глины и снивелированного, пол здания углублен на 20 см. Южную половину дома занимала изба («истба», «истопка») 6×5,5 м, что хорошо соответствует принятым стандартам. Основным модулем постройки служило крупное бревно длиной от 2 до 4 саженей, чаще 3 сажени, толщиной 20—30 см. Большинство жилых помещений ставилось из срубов 3 саженей «с углы», т. е. внутренняя площадь изб XVII в. приблизительно

© В. П. Даркевич, 1994 г.

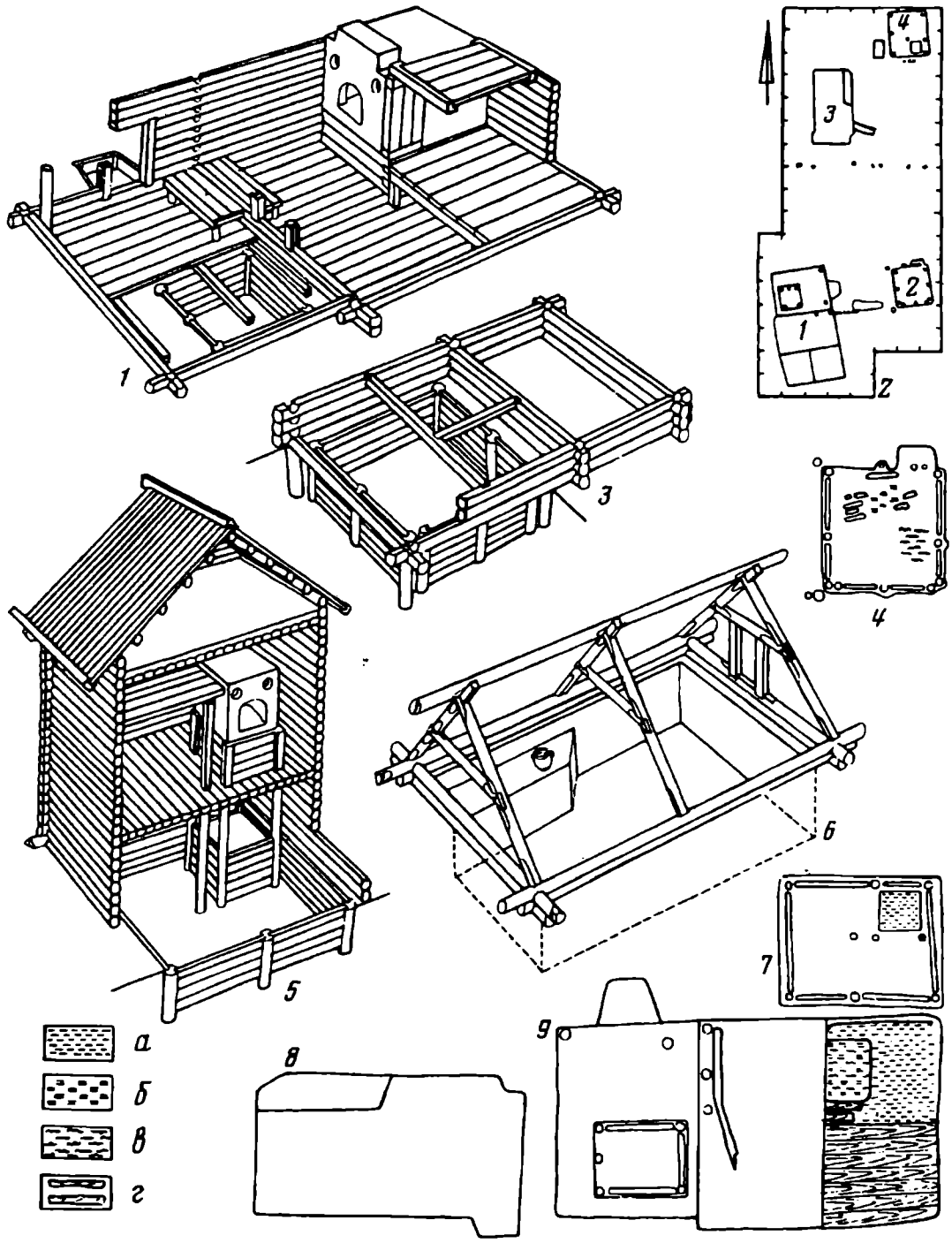


Рис. 1. Постройки XVII в. и их реконструкции (выполнены Г. В. Борисевичем)
1 — реконструкция постройки № 1; *2* — план раскопа 14; *3* — реконструкция постройки № 2; *4* — план постройки № 2; *5* — реконструкция постройки № 4; *6* — реконструкция постройки № 3; *7* — план постройки № 4; *8* — план постройки № 3; *9* — план постройки № 1 (*а* — глина; *б* — обожженная глина; *в* — зола; *г* — дерево)

равнялась 25 м², как в рязанском доме. Эти размеры, определявшиеся свойствами строительного материала, оказались наиболее устойчивыми в течение многих столетий [4, с. 187, 190].

В юго-восточном углу избы расчищено основание глинобитной топившейся по-черному печи. Печь квадратная 2×2 м, под приподнят над полом на 0,6 м, устье было обращено на юг, т. е. в сторону двери. Сбоку у печи вдоль всей южной стены были настланы нары-полати. Они прослежены по истлевшим доскам

шириной 20—25, толщиной 5 см. Полати низкие, приподнимались на столбиках над полом на 0,5 м (рис. 1, *1*, *9*).

Поперечная перегородка, от которой сохранилось полуистлевшее нижнее бревно сруба, отделяла избу от холодных сеней (на 0,5 м уже избы). Сени были врублены в стену избы: сени «прирубом», «пристеном» при избах характерны для крестьянского строительства XVII в. [4, с. 191]. Вход в сени вел с восточной стороны, где выявлена ступенька высотой 20 см. Судя по столбовым ямкам, слева от входа к внутренней стене примыкала скамья, а напротив был устроен погреб для хранения продуктов 2,6×2,2 м, глубиной 1 м. Стенки погреба облицованы сосновыми плахами шириной 20 см, входившими в пазы угловых столбиков диаметром 15 см, пол погреба также был дощатый. На уровне пола сеней погреб перекрывался люком.

О слюдяных косящатых окнах в избе, затворяемых ставнями, возможно, свидетельствуют кусочки слюды в железных обоймицах.

По планировке раскопанное двухкамерное жилище сближается с восточным южновеликорусским типом, который характерен для большей части центрально-черноземной полосы — для областей Орловской, Курской, Тамбовской, Воронежской и для прилегающих районов Тульской и Рязанской областей [5, с. 220]. Со двора попадали в сенцы, отсюда налево вел вход в избу; в дальнем левом углу стояла печь, обращенная устьем к входной двери. Наискось от печи справа от входа — передний, святой угол, где обычно помещались божница и образа.

В 6,5 м к востоку от жилого дома расположена постройка № 2, вероятно, подклет избы. Хотя от ее наземных конструкций почти ничего не сохранилось, можно предполагать, что и здесь имелись сени (рис. 1, *3*, *4*). Подклет хозяйственного назначения квадратный в плане 3×3 м и глубиной 1 м был облицован короткими горизонтальными бревнышками диаметром 10 см, входившими в пазы восьми столбов. Столбовые ямы диаметром до 30 см и глубиной до 25 см располагались в углах и посередине каждой из стен подклета. Подклетный этаж здания был приподнят над почвой не менее чем на три-четыре венца (при высоте подклета 1,8 м человек мог выпрямиться во весь рост), причем наземный сруб, опиравшийся на мощные столбы диаметром около 40 см, вкопанные на 0,6 м, по площади превосходил подклет (4×4 м, т. е. модулем служило бревно в 2 сажени). В подклете сохранились остатки половиц, настланных в направлении восток — запад. Пятно обожженной глины в северо-восточной его части, вероятно, остатки рухнувшей со второго этажа печи при пожаре жилища. На реконструкции показаны балки, на которые опирался опечек в горнице-избе. Зольные пятна на полу подклета могут быть следами упавших перекрытий. В подклет спускались по приставной лестнице; в его наземной части низко над землей прорезáли волоковые окна для освещения и проветривания помещения.

Между постройками 1 и 2 расчищена мусорная яма неправильной формы глубиной 0,5 м. Яма заполнена углем и золой, выброшенными из печей, костями животных, обломками чернолощеных сосудов.

К северной группе сооружений относится очень плохо сохранившаяся постройка № 3 (рис. 1, *6*, *8*). Прослежена только прямоугольная 7,5×4 м часть постройки, углубленная на 1,5 м; судя по угольно-зольным слоям заполнения, она погибла при пожаре. Характер рухнувших перекрытий на реконструкции показан условно в виде двускатной стропильной крыши, опирающейся на сруб в два-три венца, приподнятый над землей. При таком варианте постройку можно трактовать как неотапливаемую клеть (погреб) для хранения имущества и съестных припасов; летом могла служить жильем. Из двери на фронтоне вниз спускались по приставной лестнице. В пользу хозяйственного назначения постройки свидетельствует отсутствие остатков печи. Вдоль восточной стены помещения шла вырезанная в земле полка шириной 40 см, на которой стоял чернолощеный крин («кринка») XVII в.— сосуд с высокой шейкой и диаметром горла, меньшим, чем диаметр тулова. Крины употреблялись для хранения молока и других молочных продуктов.

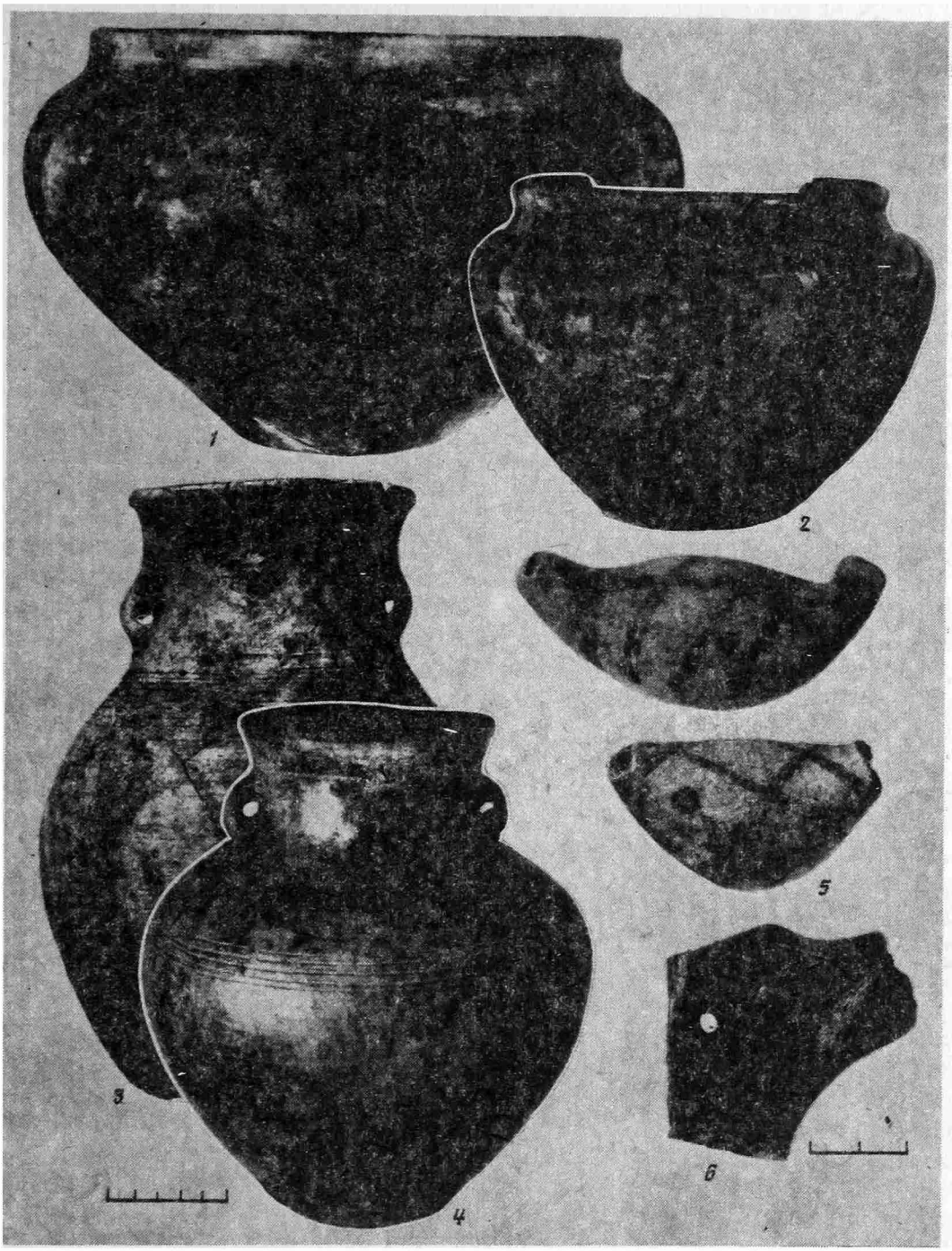


Рис. 2. Керамические изделия из построек на раскопе 14
1, *2* — горшки; *3*, *4* — кринки; *5* — свистульки; *6* — носик от умывальника в виде барана

Две маленькие ручки служили для подвешивания сосуда на веревке. Кринка украшена полосой волнистого орнамента по плечикам и линейным орнаментом посередине тулова (рис. 2, *4*). Менее вероятно, что углубленная часть постройки со срубными стенами (три обуглившихся бревна толщиной 15—20 см расчищены у западной стенки) являлась подклетом жилого дома. Наземная часть здания, по площади превышавшая погреб, отвечала принятому модулю 4×2 сажени.

Жилище на подклете (постройка № 4) открыто в 4 м от постройки № 3 в северо-восточном углу раскопа (рис. 1, *5*, *7*). Прямоугольный котлован подклета 4×3,2 м при глубине 1 м имел точно такую же конструкцию облицовки деревом,

как в постройке № 2. От столбов и бревнышек сохранились следы древесного тлена бурого цвета. При сооружении подклета в его юго-восточном углу были врыты опорные столбы, которые поддерживали углы деревянного опечка печи на втором этаже в горнице-избе. Четыре столба, пазы которых были забраны горизонтальными плахами, образовывали квадрат 1,6 × 1,6 м. Чтобы обеспечить устойчивость опорных столбов, пространство между ними было забито плотной материковой глиной до высоты 0,7 м. Насколько нам известно, подобная опорная конструкция для печи в верхней горнице до сих пор не встречалась.

Высота подклета, возвышавшегося над землей примерно на восемь венцов, достигала 2 м; горница, видимо, была несколько выше — до 2,3 м (15 венцов бревен диаметром 15 см). Таким образом, высота здания от земли до конька крутой двускатной крыши (на реконструкции она нарисована самцовой) составляла свыше 5 м, что при размерах дома 5×4 м создавало тенденцию к высотности композиции. В «глухой подклет», использовавшийся в хозяйственных целях, спускались из верхнего помещения по лестницам. Изба на подклете называлась горницей, так как по отношению к подклету была «горним» (верхним) помещением.

Жилые дворы с высокими домами на подклете (подызбице) можно видеть на «Сигизмундовом» плане Москвы 1610 г. [6, ил. 21]. Близки рязанской постройке № 4 рубленые однокамерные дома на подклетах, с крошечными волоковыми оконцами и высокими кровлями, изображенные на гравюре из книги А. Олеария «Путешествие в Московию, Персию и Индию» по рисунку 1630-х годов [6, ил. 25], а также избы на подклетах, показанные на рисунках И. Р. Сторна для книги А. Мейерберга «Путешествие в Московию» 1661—1662 гг. [6, ил. 26]. Почти всегда на изображениях односрубные дома на подклете не имеют наружного крыльца. Нижние части поземных домов XV—XVI вв. в виде врытых в землю срубов, куда упали сверху находившиеся в горницах печи, открыты при раскопках в Москве [7, с. 60].

Отмечено, что в XVI—XVII вв. двухъярусные дома на подклете преобладали в городах севернее Москвы. В Московской и Владимирской землях бытовали как поземные избы, так и горницы на подызбице, южнее преобладали поземные избы [7, с. 59]. Исследования в Старой Рязани свидетельствуют, что оба типа жилищ сосуществовали и к юго-востоку от Москвы.

Рядом с постройкой № 4 была вырыта прямоугольная мусорная яма, заполненная костями животных, обломками чернолощеных сосудов; в ней найдена белоглиняная свистулька-птичка с красной росписью (рис. 2, *5*), подобная найденным в Москве [8, табл. 16, 24, 33]. Такая же игрушка найдена в обнажении высокого окского берега на мысу Красная горка в с. Исадах (7 км от Старой Рязани), недалеко от Воскресенской церкви 1635—1673 гг., построенной сыном и внуком Прокопия Ляпунова (Исады — вотчина Ляпуновых).

Судя по писцовым книгам XVI—XVII вв., сочетание построек на обеих усадьбах достаточно типично. На дворах крестьян и посадских людей, стрельцов и казаков часто встречаются две избы, как на южной усадьбе, или «изба да клеть», как на северной [7, с. 270 сл.]. Двухкамерный поземный жилой дом с «печью черной» типа «изба — сени» ближе жилью горожан, чем обитателей деревни. Забор-«городьбу» между обоими дворами врезали в культурный слой первой трети XIII в.

По характеру вещевого материала обе усадьбы одновременны: они датируются второй половиной XVII в. несмотря на находки более ранних монет. К более раннему времени относится полушка Василия III (1505—1533) и княжения Ивана IV (1534—1547) [9, № 686, табл. XI, рис. 533]. Вторая монета Михаила Федоровича (1620—1626) чекана постоянного Московского денежного двора. Все оборотные штемпеля данной монетной группы как бы объединяются одним универсальным лицевым штемпелем с монограммой «Мос-ква» [10, с. 78, табл. 1, № *57*]. Монета Михаила Федоровича не может служить основой для датировки дворов, так как

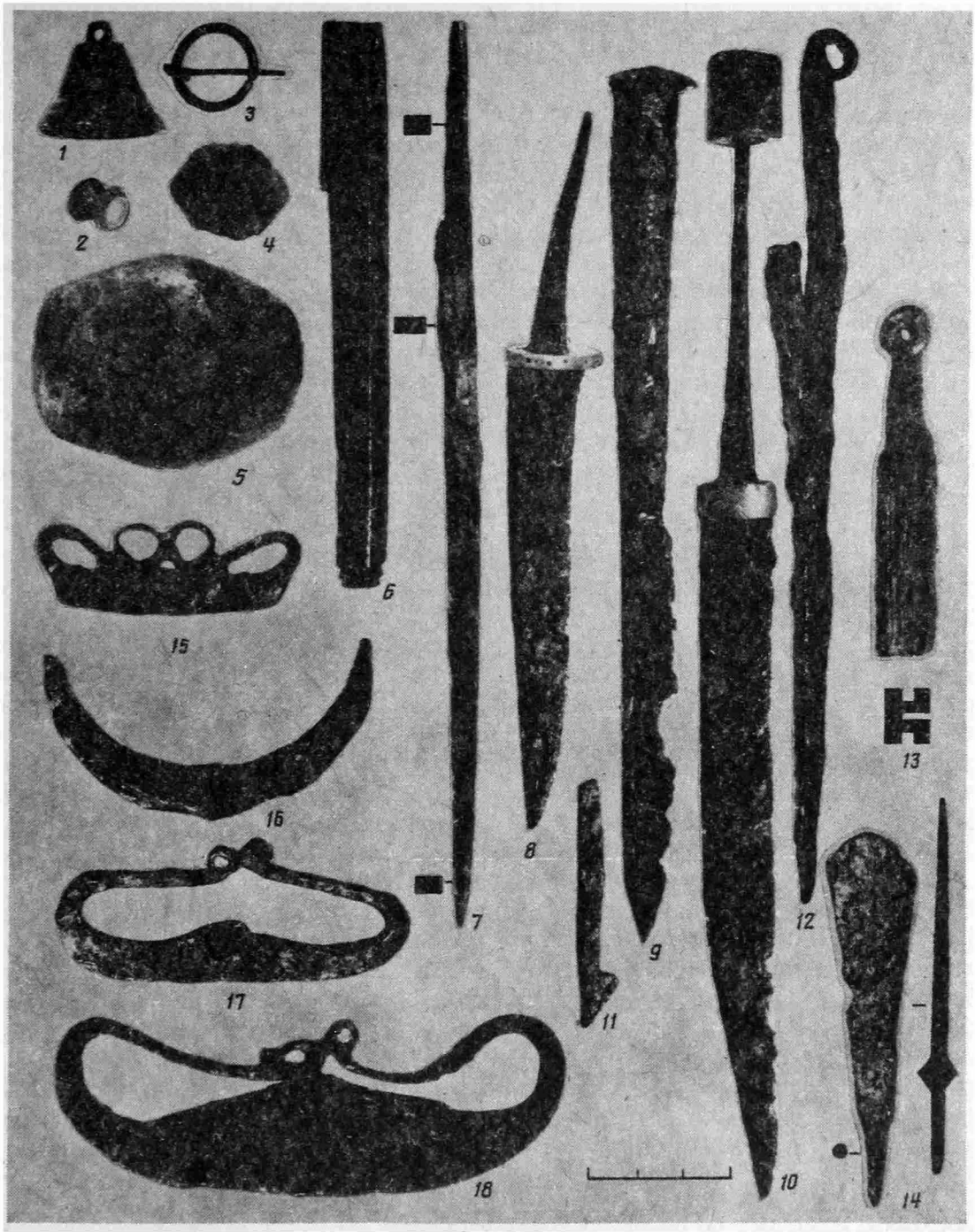


Рис. 3. Вещи из построек на расколе 14
1 — колокольчик; *2* — пуговица (?); *3* — фибула; *4* — пряслице; *5* — грузило; *6* — футляр для гусиных перьев; *7* — пробойник; *8—10* — ножи; *11* — обломок остроги; *12* — светец; *13* — ключ; *14* — наконечник стрелы; *15*, *17*, *18* — кресала; *16* — подковка от сапога (*1*, *3*, *6* — бронза; *2* — бронза, стекло; *4*, *5* — глина; *7—18* — железо)

и во второй половине XVII в. основной фонд денежного обращения еще составляли монеты, чеканенные при этом царе [11, с. 169].

Керамический комплекс не отличается разнообразием. Широко представлены сероглиняные горшки низких пропорций, с покатыми плечиками и небольшим дном (рис. 2, *1*, *2*). У них прямой, иногда скошенный внутрь невысокий венчик. Подобные кухонные горшки с коротким прямым завернутым внутрь венчиком, который снаружи покрывался линейным орнаментом, бытовали в Москве XVII в. [8, с. 45, табл. 15, 16]. Были в употреблении кринки с маленькими ушками

на высоком горле для продевания веревочной ручки, плечики украшены линейным орнаментом (рис. 2, *3*). От чернолощеного рукомойника в виде барана сохранилась лишь часть головы животного: отбиты загнутые рога, сколы на месте шеи слива-носика (рис. 2, *6*).

Из заполнения построек происходят многочисленные бытовые предметы. Ножи, по размерам и формам отличающиеся от домонгольских, делятся на несколько типов. Для хозяйственных кухонных ножей характерна прямая ручка — ее ось параллельна прямой спинке клинка. Их деревянные или костяные рукоятки двусоставные, удерживались с помощью штифтов на черенке или гвоздиков-заклепок. По краям рукоятки-обкладки из железа или цветных металлов (рис. 3, *9*). Большой столовый нож отличается вытянутым лезвием длиной 15 см, рукоятка длиной 10 см (длинные рукояти ножей характерны для XVII в.) была насажена на заостренный черешок, по ее краям сохранились костяные обоймочки (рис. 3, *10*). Нож с широким лезвием и черешком, расположенным под углом к нему, мог применяться в косторезном и деревообрабатывающем ремеслах (рис. 3, *8*). В основании черешка — круглая костяная обоймочка с точечным орнаментом (ножи поздних форм см. [12, с. 242—244, рис. 158; 13, с. 43, рис. 25; 14, табл. 40, 71, *2—9*]).

Найден длинный и узкий прямоугольный в сечении пробойник с заостренным черешком (рис. 3, *7*). Массивный наконечник стрелы-срезня имеет «упор» и короткий черешок (рис. 3, *14*). Считается, что срезни наиболее эффективны при охоте на водоплавающую птицу. К снастям для коллективной рыбной ловли относятся глиняные биконические грузила (3 экз.), подобные, к примеру, мангазейским [14, с. 86, табл. 77, *3—8*]. После того как сквозь отверстие в грузиле пропускалась бечева сети, отверстие заклинивалось палочкой, что позволяло легко перемещать грузило (рис. 3, *5*). Стержень с шипом является обломком двушипной остроги (рис. 3, *11*). Как в мангазейском экземпляре, стержень остроги имеет прямоугольное сечение и заканчивается острым жалом с оттянутой бородкой (типа гарпуна) [14, с. 85, рис. 18, *4*].

Жилища освещались лучиной: светец представляет собой две плотно сваренные и в основании пружинящие планки, между которыми зажималась лучина. В завитки на верхнем конце планок иногда вставляли маленькие колечки, имевшие чисто орнаментальное назначение (рис. 3, *12*). Нижняя часть светца заострена: его вбивали или вставляли в отверстие деревянной подставки только вертикально — чтобы горящая лучина всегда была в горизонтальном положении над корытом с водой [15, с. 43, табл. 7, *5*]. Одно из найденных кресал относится к так называемым кресалам индивидуальных форм [15, с. 41, табл. 5, *4*], остальные — калачевидные массивные — позднесредневековые модификации типа, известного в русских городах с X—XI вв. (рис. 3, *15*, *17*, *18*).

Из числа бытовых предметов отметим ключ от навесного («сничного») замка (рис. 3, *13*) [15, табл. 8, *1*] и сероглиняные пряслица (рис. 3, *4*). Бронзовый граненый футляр для гусиных перьев — «перни́ца» (рис. 3, *6*) аналогичен футлярам, найденным при раскопках в Москве [16, с. 306, рис. 131, *4*] и Пскова [17, с. 131, рис. 5, 7]. Часто встречаются подковки от сапогов с низким каблуком (рис. 3, *16*).

В пределах XVI—XVII вв. датируется створка небольшого складня-триптиха с изображениями Распятия и Успения [3, с. 229, рис. 3, *10*] и XVII—XVIII в.— крест-тельник с рельефным изображением Голгофского креста на лицевой стороне (рис. 4, *2*) и текстом величания кресту — на оборотной [3, с. 230, рис. 6, *1*]. Из числа индивидуальных вещей упомянем еще маленький бронзовый колокольчик с утраченным язычком (рис. 3, *1*), пуговку (?) в виде плоской стеклянной вставки в круглой бронзовой оправе, украшенной рельефными кружками (рис. 3, *2*), круглопроволочную кольцевидную фибулу (рис. 3, *3*).

Культурный слой XVII в. толщиной до 0,7 м, доходящий до материка, продолжался и в 30 м к востоку от раскопа 14, где был заложен раскоп 16 площадью 100 м^2 (10×10 м). Никаких сооружений здесь не обнаружено. На дне

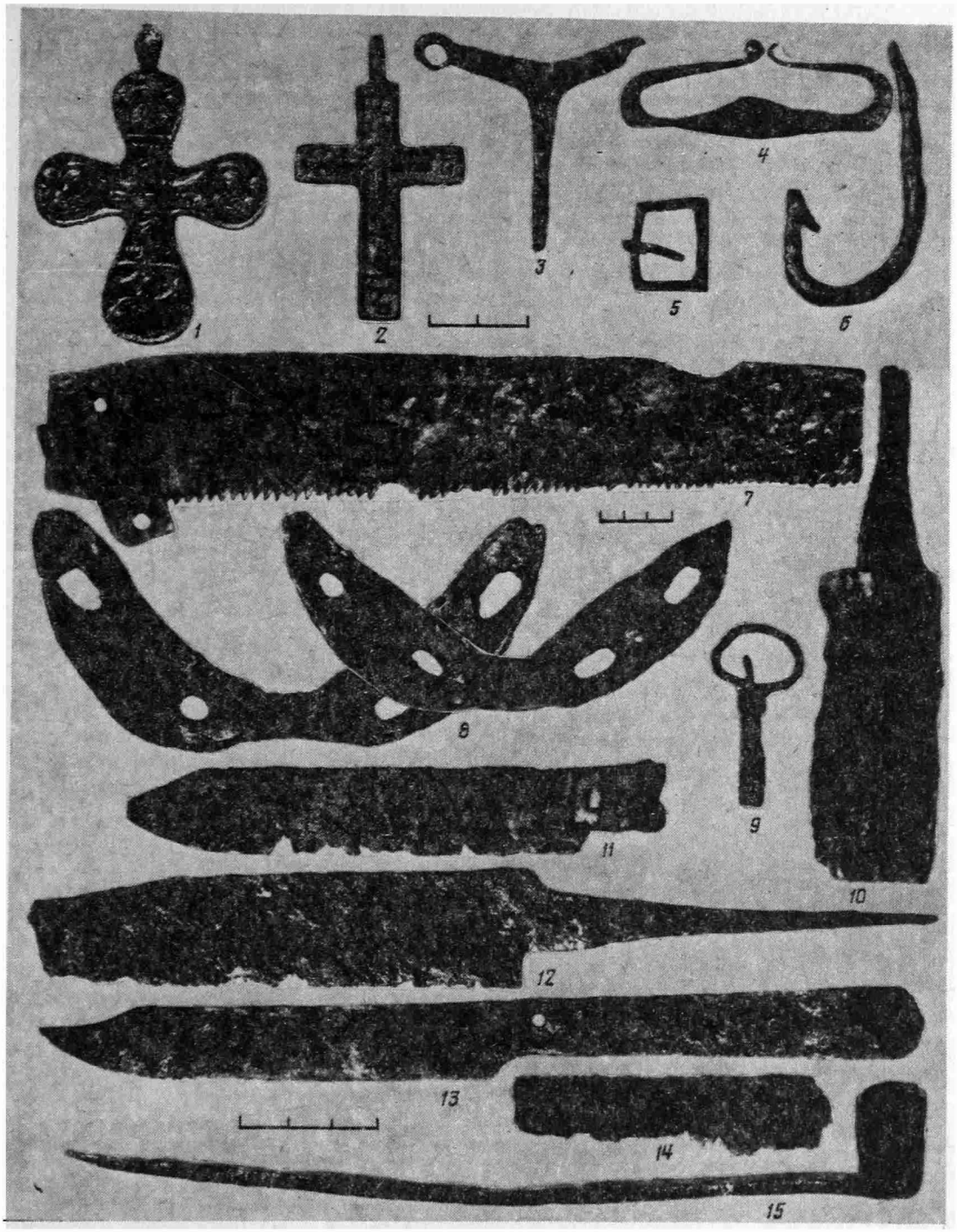


Рис. 4. Вещи XVII в. с раскопов 14 и 16
1, 2 — кресты литые; *3* — железный предмет; *4* — кресало; *5* — пряжка; *6* — рыболовный крючок; *7* — пила-ножовка; *8* — конские подковы; *9* — ключ; *10* — фрагмент замка; *11—13* — ножи; *14* — слюда в железной оправе; *15* — подсвечник (*1, 2, 5* — бронза; *3, 4, 6—12, 15* — железо)

одной из ям глубиной 1,85 м от материка, врезавшейся в погребение конца XI — первой половины XII в., лежал раздавленный горшок XVII в. того же типа, что в раскопе 14 (рис. 2, *1, 2*). Из верхнего слоя происходит маленький сероглиняный горшочек укороченных пропорций, с прямым средней высоты венчиком, завернутым внутрь. Снаружи под обрезом венчик украшен линейным орнаментом (рис. 5, *1*). Горшки подобной формы бытовали в Москве в XVII—XVIII вв. Тем же временем датируются керамические сковороды с наклоном стенок наружу, плоским дном и прямым срезом венчика, их диаметр до 22 см, высота до 4 см.

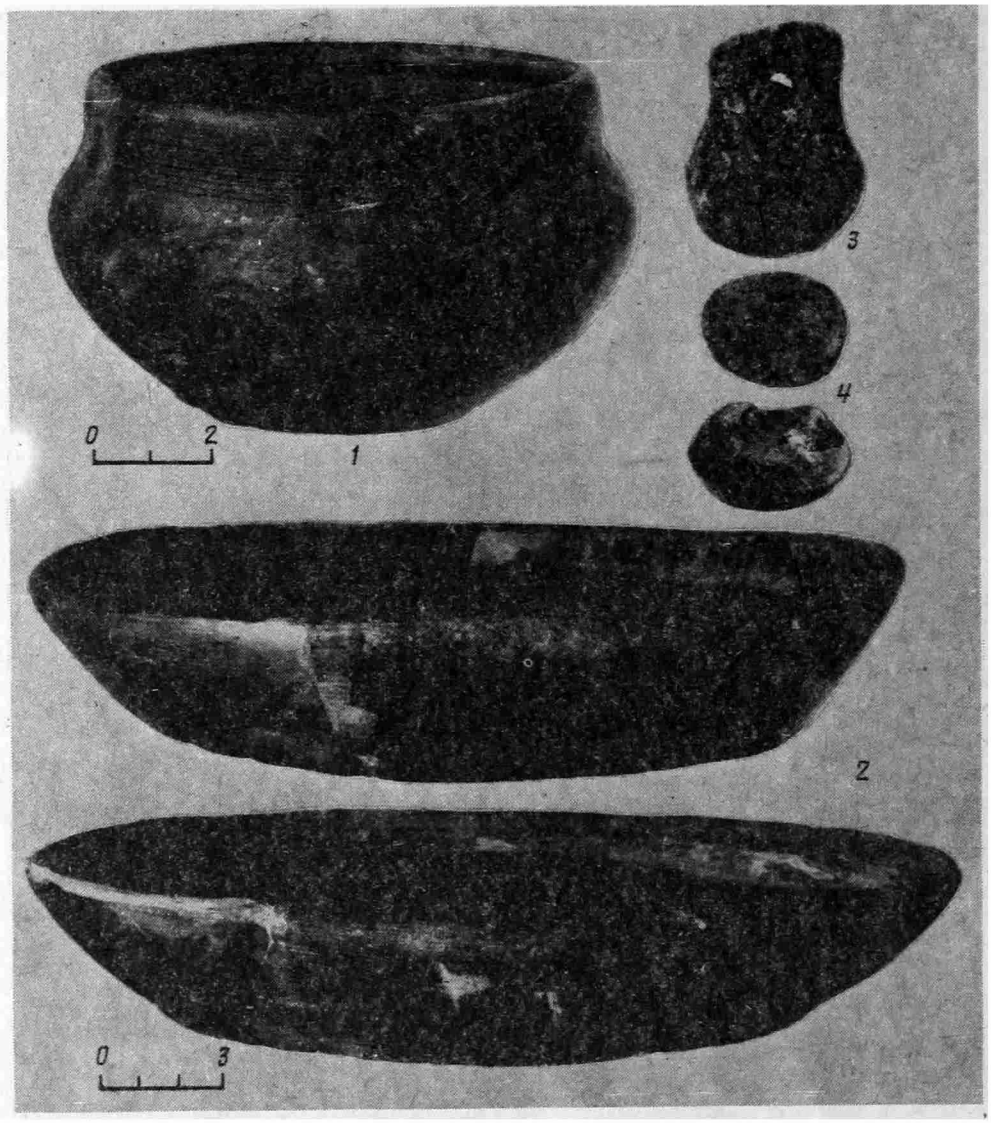


Рис. 5. Вещи XVII в. с раскопа 16. *1* — горшок; *2* — сковороды; *3* — грузило; *4* — пряслица (*1*, *2*, *4* — глина; *3* — камень)

Эти сковородки предназначались для тушения мяса и овощей, для выпечки пирогов (рис. 5, *2*).

В том же слое найден обломок полотна пилы-ножовки, сохранились заклепки для крепления к деревянной рукояти (рис. 4, *7*). Рыболовный крючок был предназначен для ловли крупной рыбы; конец стержня, у которого крепилась леска, гладкий (рис. 4, *6*). Типичную грушевидную форму имеют каменные грузила для рыболовных сетей (рис. 5, *3*). В материалах XVI—XVII вв. находят аналогии конские подковы (рис. 4, *8*) [18, рис. 1, *9*, *10*]. Кухонные и столовые ножи не отличаются от найденных на раскопе 14 (рис. 4, *11—13*). Характерна для XVII в. форма подсвечника [15, с. 43, табл. 7, *6—8*]. Это однорожковый прибор, который вбивали или вставляли в щель (рис. 4, *15*). Среди бытовых вещей отметим костяную проколку, внутренний механизм висячего замка (рис. 4, *10*), маленький трубчатый ключик от нутряного замочка (рис. 4, *9*), три глиняных пряслица (рис. 5, *4*), глиняную свистульку в виде трубочки с отверстием, прямоугольную бронзовую пряжку (рис. 4, *5*).

По московскому образцу второй половины XV в. был отлит крест, найденный в верхнем слое (рис. 4, *1*). Над Распятием, в верхней части креста, изображена

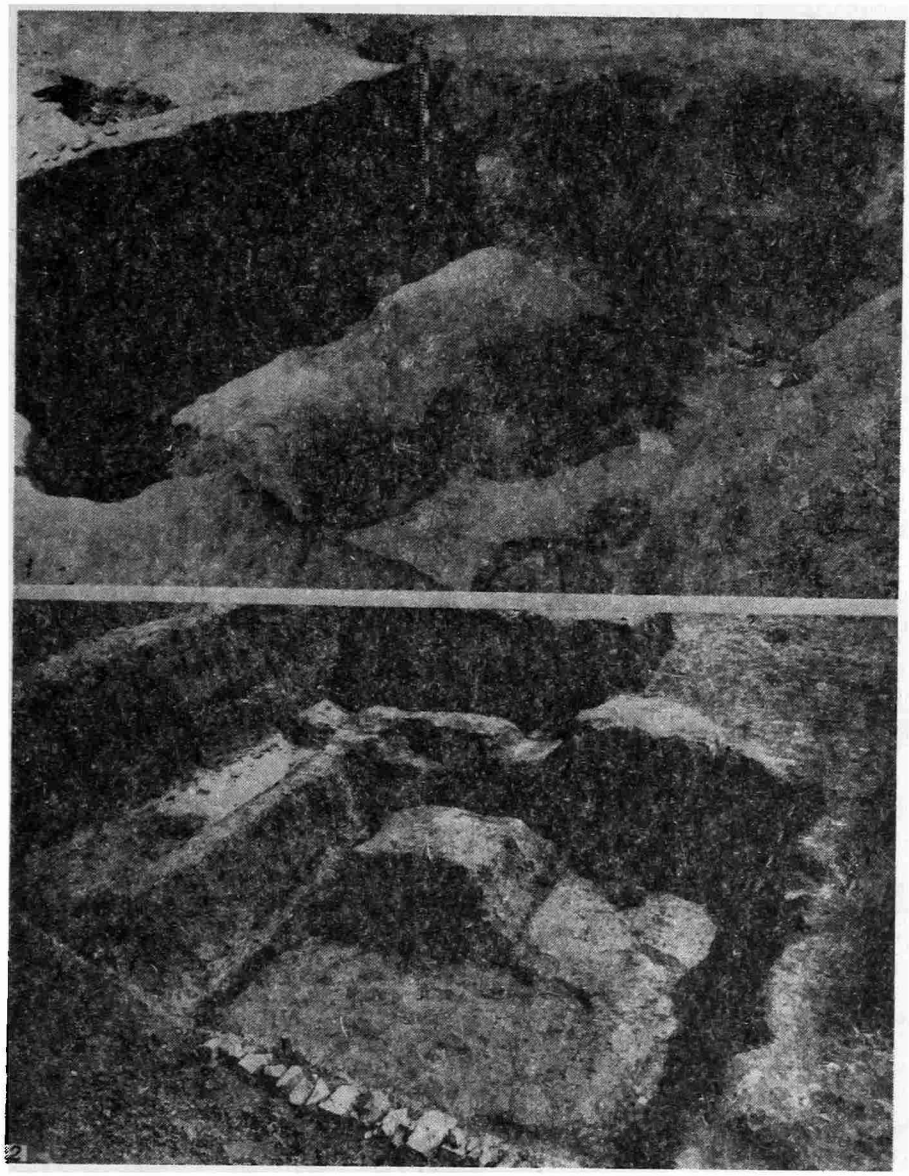


Рис. 6. Подклеты изб на раскопе 14. *1* — постройка № 2; *2* — постройка № 4

Ветхозаветная Троица, внизу — св. Никита, избивающий беса; на оборотной стороне представлены Богоматерь Знамение и святые [3, с. 229, 230, рис. 3, 8]. Подобный крест найден при раскопках на городище Мангазеи [14, рис. 8, 12].

Как показали раскопки в Старой Рязани и разведки в ее окрестностях, здесь в XVII — начале XVIII в. преобладали малодворные поселения со свободной, разбросанной застройкой. Они тяготели к реке, живописно располагаясь на возвышенностях правого берега Оки. Культурные напластования XVII—XVIII вв. открыты в Исадах (вотчина бояр Ляпуновых) и южнее Старой Рязани: у деревень Шатрищи, Чевкино, Никитино (возле Ново-Ольгова городка). И в Старой Рязани отдельные усадьбы или их гнезда, связанные с близлежащими пашнями, покосами и рыбными угодьями, строили, приспосабливаясь к рельефу местности, на самых выигрышных традиционных местах.

«Дворовое строение» представляло собой совокупность отдельно стоящих жилых и хозяйственных построек, не забранных под одну крышу. В состав дворов, окруженных заборами, входили двухкамерные поземные жилища, горницы на подклете, хозяйственные постройки — погреба, хлева, сараи, сенники, житницы. И планировка усадеб и типы построек восходят к традициям домонгольского

времени, что особенно заметно в Старой Рязани (рис. 6). Исследование городища крупными площадями позволило установить, что так называемые полуземлянки и землянки XII—XIII вв. являются лишь нижними частями наземных жилых домов. По-видимому, развитие подклета в русском жилище относится к более раннему времени, чем XVI—XVII вв. Раскопанные старорязанские усадьбы XVII в. еще сохраняли городской облик: у крестьян жилые строения, как правило, не имели подклета. Находки слюды в обоймицах (рис. 4, *14*) свидетельствуют о наличии в домах не только волоковых, но и косящатых окон, имевших косяки и раму. Слюдяные оконницы со специально сделанными железными переплетами покупали готовыми на ярмарках. Наряду со смолистыми лучинами («смольем») избы освещались свечами в подсвечниках. Наконец, о состоятельности хозяев дворов свидетельствуют фрагменты стеклянной посуды: штофов из бесцветного прозрачного стекла и цвета «зеленой воды», рюмок, бутылей, стоп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965.
2. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань//МИА. 1955. № 49.
3. *Даркевич В. П., Пуцко В. Г.* Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани//СА. 1981. № 3.
4. *Громов Г. Г.* Жилище//Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М., 1979.
5. *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов//Восточнославянский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXI. М., 1956.
6. Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982.
7. *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
8. *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв.//САИ. 1968. Вып. Е 1—39.
9. *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896.
10. *Мельникова А. С.* Систематизация монет Михаила Федоровича//Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960.
11. *Векслер А. Г., Мельников А. С.* Московские клады. М., 1973.
12. *Лысенко П. Ф.* Берестье. Минск, 1985.
13. *Левко О. Н.* Витебск XIV—XVIII вв. Минск, 1984.
14. *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. Ч. II. М., 1981.
15. *Никитин А. В.* Русское кузнечное ремесло XVI—XVII вв.//САИ. 1971. Вып. Е1—34.
16. *Рабинович М. Г.* О древней Москве. М., 1964.
17. *Овсянников О. В., Царькова Л. А.* Охранные работы на территории Застенья и Окольного города в 1973 и 1974 гг.//Археологическое изучение Пскова. М., 1983.
18. *Розенфельдт Р. Л.* О конструкции и назначении некоторых железных изделий//СА. 1960. № 2.

Институт археологии РАН,
Москва

V. P. DARKEVICH

THE ESTATES OF THE 17th CENTURY IN STARAYA RYAZAN'

Summary

Late Mediaeval settlements in Staraya Ryazan' area have not been studied intentionally. The archaeological investigation of the site in 1966—1980 has filled this gap in some degree. In the south-western part of the fortified settlement the level of fire of 1237 (a result of Mongol capturing of the town) was covered with the horizon formed by two estates dates to the second half of the 17th century. The first estate consisted of two houses of izba type, one of them being a two-camera living house, and another house with a ground floor. The second estate numbered single-camera house with a ground floor and non-heated klet'-type construction of household character. The plans of the yards and the types of constructions have their roots in the pre-mongol Russian tradition. Though according to the documents of the 17th century Staraya Ryazan' was a village the archtecture, interior and inventory of the excavated estates have the urban appearance.

История науки

В. И. КОЗЕНКОВА

ЕВГЕНИЙ ИГНАТЬЕВИЧ КРУПНОВ

(к 90-летию со дня рождения)

16 марта 1994 г. исполнилось бы 90 лет Евгению Игнатьевичу Крупнову (1904—1970). Это имя в кавказоведении не нуждается в напоминании и разъяснении. Оно известно всем, кто когда-либо за прошедшие 50—60 лет интересовался археологией и древней историей Кавказа или специально посвящал себя разработке тех или иных проблем прошлого огромного северокавказского региона.

Кто же он, этот человек? Какие особенности его ума или черты его характера не позволяют уйти ему в небытие, как ушли многие имена русских ученых?

Официальная биография Е. И. Крупнова известна. Ее можно вспомнить, обратившись к старым статьям, связанным с его юбилейными датами [1, с. 3]. Перечень его научных работ можно освежить в памяти, перечитав написанную 20 лет тому назад статью одного из его учеников в специальном сборнике, вышедшем после смерти ученого [2, с. 1—7; 3, с. 8—18].

Даже краткий очерк его жизни поражает мощью и отдачей спрессованной энергии, направленной в одно русло — изучения истоков древней материальной культуры народов Северного Кавказа.

Выходец из Моздока, рано потерявший отца и вынужденный физическим трудом зарабатывать хлеб насущный, Е. И. Крупнов все же настойчиво стремился получить образование. Поступление его в 1924 г. в Северокавказский педагогический институт во Владикавказе и знакомство с известным этнографом и краеведом Л. П. Семеновым оказалось той жизненной вехой или, если угодно, судьбой, которая резко изменила его жизнь.

В 1927 г. он уже студент исторического факультета МГУ, где вокруг выдающегося русского археолога профессора В. А. Городцова формировалась и крепла большая группа будущих талантливых древних историков и археологов, сыгравших большую роль в становлении советской археологической науки 40—60-х годов. О научном потенциале и творческой среде этого археологического коллектива можно судить уже по тому, что Е. И. Крупнов, сравнительно поздно по нынешним меркам начав заниматься наукой, лишь в 29 лет издав свою первую статью, тем не менее к началу Великой Отечественной войны был автором около 30 научных статей, музейных путеводителей, рецензий и подготовленной к защите рукописи кандидатской диссертации.

Многочисленные и интенсивные полевые работы в труднодоступных районах Осетии, Ингушетии, Дагестана определили и широкий диапазон его интересов к самым различным памятникам от эпохи бронзы до позднего средневековья.

Весь 40-летний должностной путь Е. И. Крупнова от простого сотрудника музея (ГИМ, 1930 г.) до признанного доктора исторических наук, зав. сектором энеолита и бронзы и зам. директора Института археологии АН СССР (1937—1970 гг.) — это путь целенаправленного и самоотверженного служения науке. За плодотворную научную и педагогическую работу

© В. И. Козенкова, 1994 г.

Е. И. Крупнов был награжден орденом Трудового Красного знамени и многими почетными медалями. Ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии. Эти звания, как ничто другое, выпукло отражают конкретные адреса углубленной творческой деятельности исследователя.

В самые тяжелые для Москвы дни наступления немецко-фашистских войск на город, в октябре 1941 г., Е. И. Крупнов, солдат Московского ополчения, временно возвратившийся в город из-за ранения, защищает кандидатскую диссертацию «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII в.». Однако увидела свет эта работа только после смерти ученого в 1971 г.

В первые послевоенные годы остро ощущались потери научных кадров в северокавказской археологии. Это было обусловлено не только горькими утратами в Великой Отечественной войне, но и репрессивной политикой государства в отношении ряда народов Северного Кавказа, ударившей по духовному потенциалу карачаевцев, балкарцев, ингушей и чеченцев. Е. И. Крупнов, наряду с работой в Институте истории материальной культуры АН СССР (ныне ИА РАН) и в Государственном историческом музее, в течение ряда лет (1947—1949 гг.) возглавлял сектор археологии в НИИ Кабардинской АССР.

В эти и последующие годы экспедиционные изыскания Северо-Кавказской археологической экспедиции (СКАЭ), руководимой Е. И. Крупновым, проводились практически во всех республиках Северного Кавказа, от Дагестана до Пятигорья. Основная цель их была направлена на интенсивное накопление данных по древней и средневековой археологии. Проступало здесь и желание соединить нити традиции отечественного кавказоведения, разорванные излишне ретивыми исполнителями социального заказа.

Результатом исследования явились такие труды, как «Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода», «Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе», «Новый памятник древних культур Дагестана», «Жемталинский клад», «О походах скифов через Кавказ», «О датировке и происхождении кобанской культуры», ряд других статей, легших в основу монографии «Древняя история и культура Кабарды» (1957 г.), «Древняя история Северного Кавказа» (1960 г.), «Очерки по истории Чечено-Ингушетии» (1963 г., в соавторстве).

Большое научное и практическое значение имели исследования СКАЭ в северо-западном Прикаспии. Было установлено, что здесь некогда существовала иная, более благоприятная для жизни биологическая среда, и только неразумное, нерегулируемое отношение человеческих коллективов, обитавших там, превратило районы Прикаспия в пустыни. Вывод этот огромной ценности, прозвучавший в статьях «За экономическое возрождение районов Прикаспийской низменности» и «К истории Моздокской степи и Западного Прикаспия», опережал свое время. Ведь только в последнее десятилетие ученые всех стран, обобщив мировой опыт, забили тревогу по поводу опасных последствий разрушения биологической среды обитания для землян и необходимости как-то замедлить этот процесс.

Более 200 работ написано Е. И. Крупновым за отпущенные ему судьбой 33 года активной научной деятельности. Но поистине настольной книгой каждого кавказоведа является монография Е. И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа», удостоенная в 1963 г. Ленинской премии. В основном она посвящена исследованию кобанской культуры I тыс. до н. э., но по постановке главной проблемы, по поднятым вопросам выходит далеко за рамки раннего железного века Северного Кавказа. В ней поставлены и решены многие острые вопросы древнейшей истории региона, такие, как скифо-сарматский мир и Кавказ, происхождение ряда народов Северного Кавказа, местные корни материальной культуры и ее связь с культурами древних племен и народов Переднего Востока и Юго-Восточной Европы.

Все вышесказанное — это как бы официальная часть биографии Е. И. Крупнова. Мне же хотелось в сегодняшнем далеке́ еще раз напомнить об этом замечательном человеке без официоза, но и без сусальности. Хотелось вспомнить, каким он

Рис. 1. Е. И. Крупнов среди учеников. Фото конца 60-х годов Слева направо: А. Х. Нагоев, В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев, Е. И. Крупнов, В. И. Козенкова, М. Х. Багаев

был, этот высокий, красивый человек с громким голосом, заразительным смехом, аурой бодрости и оптимизма, привлекавшей сердца всех, кто сталкивался с ним впервые и оставался в его орбите навсегда.

Я не была его ученицей. Судьба распорядилась так, что мне, уже сложившемуся специалисту по средневековью Средней Азии, пришлось работать с Евгением Игнатьевичем на протяжении 10 последних лет его жизни, стать сотрудником его большой и дружной Северо-Кавказской экспедиции, наблюдать неизменную любовь и преданность многочисленных, очень разных по своему складу, иногда очень строптивых учеников — ныне в большинстве своем известных и авторитетных специалистов не только отечественного, но и международного уровня.

Тем не менее прав был доктор исторических наук В. А. Кузнецов, в свое время случайно назвавший меня среди учеников Е. И. Крупнова. Работая на протяжении ряда лет совместно с Евгением Игнатьевичем по проблемам раннего железного века Чечено-Ингушетии, я не просто отвечала за вверенный мне определенный участок работы в составе СКАЭ. Я наблюдала, анализировала, сравнивала и воспринимала десятилетиями проверенную методику подхода к изучению древностей, идущую еще от «школы В. А. Городцова», проводником и верным продолжателем принципов которой был Е. И. Крупнов.

Часто говорят и пишут о «научных школах»: научном подходе к тем или иным проблемам общего характера, нацеленности на те или иные приоритеты в разрабатываемых проблемах, едином научном почерке группы специалистов. Была ли «школа Крупнова»? И нет, и да. Если говорить о некоем сообществе, культивировавшем идеи «научного идеала», то, конечно, нет. Если же иметь в виду мощное воздействие его личности на всех, кто с ним соприкасался, независимо от того, работали ли они непосредственно рядом или были лишь в орбите его внимания, то, безусловно, такая школа Е. И. Крупнова существовала де-факто.

Она обусловлена была притягательностью самой фигуры Е. И. Крупнова, той высокой нравственной планкой, которая была поставлена им для себя в науке, в быту, в отношениях с людьми.

Особенно проявлялось это в «поле», где человек был для окружающих как на ладони. Бросалось в глаза первое и безусловное — преданность археологии, даже может быть несколько идеальное, приподнятое отношение к профессии. Именно ощущая это, никто из окружавших Е. И. Крупнова, особенно начальники отрядов, не могли позволить себе встать утром позже кого-либо из рядовых членов отряда, выйти в грязной одежде и расхристанном виде на раскоп. В этой общей подтянутости, в сохранении состояния внутренней самодисциплины задавал тон Евгений Игнатьевич. Меня каждый раз поражало, как он, живя на виду всего отряда, без каких-либо особых бытовых условий, умудрялся выходить на работу как на парад. Каждое утро, неизменно из года в год, протрубив мощным голосом: «Вставай, вставай! Это вам не дома, это вам не дома!» — он представал перед отрядом в идеально чистой рубашке, в начищенной обуви и с блестевшим на солнце неизменным стальным археологическим «щупом».

В то же время не было и намека на принуждение, какого-либо одергивания или нудных нотаций... Поражала удивительная непритязательность в еде, отсутствие каких-либо амбиций, связанных с его положением начальника большой экспедиции.

Безусловно неподдельный демократизм, замечательный дар рассказчика и полемиста собирали вокруг Евгения Игнатьевича в свободное от работы время всех членов отряда «поговорить по душам». Вспоминаю, как после поездок в Ливан и Турцию Е. И. Крупнов встречался с жителями селения Сержень-Юрт в Чечне и рассказывал подробно не только об этих странах, но и о том, как ему удалось пообщаться с соплеменниками чеченцев за рубежом, что вызывало у слушателей особый ажиотаж.

Неподдельное проявление уважения к местным жителям, будь то старик или 12-летний парень-рабочий на раскопе, безусловно глубокое знание местных обычаев и внимательное к ним отношение снискали Е. И. Крупнову доверие и добрую память в тех местах, где он работал. Даже через 20 лет после его смерти, в 1990 г., приехав в командировку в Сержень-Юрт, я могла удостовериться, что люди его помнят, вспоминают его беседы и рассказы обо всем на свете.

Вот эта самоотдача, подлинное внимание и интерес к людям, как мне кажется, были главным, что привлекало к Е. И. Крупнову друзей и даже недругов. После смерти Е. И. Крупнова я по просьбе его вдовы В. М. Подгорновой занималась разборкой огромного архива ученого, в том числе и эпистолярной его частью. Сотни писем за много лет составили уникальную корреспондентскую сеть, показывающую, как огромен был его интерес к самым разным людям и как велика была тяга самых разных людей к нему. Ленинград и Тбилиси, Буйнакск и Вена, Грозный и Нальчик... Но больше всего внимания ученикам. И они с любовью и энергией откликаются на письма Е. И. Крупнова, где бы они ни находились, дома или в экспедиции, на отдыхе или в командировке; делятся планами, новыми идеями и наблюдениями. Уже самостоятельные, маститые начальники экспедиций Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин, В. Б. Виноградов подробно пишут об успехах и неуспехах, о самых интересных свежих полевых новостях. И здесь же письма еще юных начинающих археологов И. М. Чеченова (ныне зав. отделом археологии Кабардино-Балкарского НИИ) и собирающегося поступать в аспирантуру О. М. Давудова (ныне ведущего сотрудника, доктора исторических наук в Дагестане).

Каждый раз поражаешься той плодовитой научной деловитости, которая как бы исподволь, ненавязчиво культивировалась Е. И. Крупновым в общении с молодыми и немолодыми коллегами по непосредственной и смежной профессиям. Письма к Е. И. Крупнову многих коллег, не захваченных непосредственным кругом интересов ученого, тем не менее свидетельствуют об искренней приязни и желании поделиться мыслями и планами. К. Х. Кушнарева делится тем, как идет большая работа по обработке бесценного архива А. А. Иессена и попутно

своими планами, Т. Н. Чубинишвили по горячим следам сообщает о находке замечательного клада в Удэ, Е. П. Алексеева просит совета по поводу своей докторской диссертации и так далее, и так далее... Дьюла Газдапустаи, безвременно ушедший из жизни венгерский археолог, аспирант М. И. Артамонова, страстно, и в то же время доброжелательно, спорит и отстаивает в своих письмах собственную концепцию происхождения кобанской культуры, отличную от точки зрения Е. И. Крупнова. И здесь же замечательные ответы Е. И. Крупнова на некоторые курьезные письма с вопросами типа: были ли хевсуры крестоносцами, занесенными на Кавказ, или о следах половцев в Кахетии. Ответы даже на такие письма проникнуты терпением, уважительностью, но в то же время доброжелательно высказанной определенностью своего альтернативного мнения. Столь же бережное отношение Е. И. Крупнов сохранял и к непрофессионалам-краеведам, что снискало ему уважение и преданность на долгие годы таких разных людей, как Н. Н. Михайлов и А. П. Рунич, М. П. Севостьянов и М. И. Рыбенко и многих, многих других.

Как удивительно отзывчив был этот человек на чужую боль, как оперативно и деятельно старался помочь не только словом, но и делом уже обреченным. И в ответ — благодарные письма смертельно больного дагестанского ученого Дибира Атаева («за большое сердце и отеческую ласку и поддержку») и признательное письмо прекрасной и безнадежно больной Татьяны Сергеевны Пассек (22.07.66 г.) за дружескую помощь в получении шведского лекарства, на которое Е. И. Крупнов, не колеблясь, выделил часть валюты из полученной им премии ливанского писателя и общественного деятеля Саида Акля.

Лучше, чем отозвался об этой черте Е. И. Крупнова А. И. Джавахишвили, не скажешь. В тяжелые дни болезни в ответ на письмо Е. И. Крупнова он писал: «Чуткость и отзывчивость настолько органично слиты в Вашем характере с прямотой и принципиальностью, что все мы, соприкасающиеся с Вами, привыкли видеть в Вас доброго старшего друга, всегда готового поддержать там, где это нужно...» (27.06.67 г.)

И это действительно так. К нему как к объективному и доброму арбитру обращаются обиженные и несправедливо угнетенные, столкнувшиеся с черствостью официальных лиц и не понятые в своих, иногда и необоснованных, претензиях. И эти обращения не оставались без ответов и последствий. Из воспоминаний В. М. Подгорновой и из архива мы узнаем, как широк был диапазон этих усилий: от обращения к властям за помощью в устройстве вышедшего из несправедливого заключения Д. А. Крайнова до хлопот о посмертной публикации книги археолога из Дагестана М. И. Пикуль или настоятельных, самых лестных рекомендаций молодому археологу М. Н. Погребовой при ее поступлении в аспирантуру ГИМа, причем без афиширования, с искренним нежеланием, чтобы об этом кто-либо узнал.

Сейчас из 20-летнего далека со щемящей жалостью видишь, как рано ушел этот человек, Всего в 66 лет, в самый расцвет своей научной и организационной деятельности. С неизбывной горечью думаю, как много он мог бы сделать для археологической науки. И в то же время отрадно сознавать, что остались его ученики, что появляются и растут ученики учеников.

Более 20 лет живет добровольное, неофициально созданное сообщество северокавказских археологов, объединившихся вокруг постоянного Оргкомитета по проведению конференции «Крупновские чтения». Выросшая из первого заседания сектора археологии Северо-Осетинского НИИ, посвященного в 1971 г. памяти Е. И. Крупнова, эта конференция по археологии и древнейшей истории Северного Кавказа соберет в Кисловодске в 1994 г. теперь уже в 18-й раз всех тех, кто принадлежит к северокавказскому археологическому братству, культивирующему преданность науке региона, стремление к свободному изложению всеми участниками любых научных идей, какими бы парадоксальными они на первый взгляд ни казались, безусловную направленность к сохранению наиболее ценных традиционных качеств в отечественном кавказоведении.

Сцементированные не только плодотворными научными контактами, но и положительно заряженными личностными отношениями ядра постоянных устроителей и участников «Крупновские чтения» продолжают привлекать к себе не только зрелую, но и молодую часть специалистов из всех республик, краев и областей Северного Кавказа, а также из Москвы и Санкт-Петербурга. Причем конференция, тематика ее докладов неизменно интересует как археологов-палеолитчиков, так и археологов-медиевистов, как этнографов и антропологов, так и специалистов по народному искусству и традициям.

За прошедшие два десятилетия почти все крупные города Северного Кавказа и Москва принимали участников «Крупновских чтений». Устроители — сотрудники научно-исследовательских институтов и местных музеев — добровольно и с энтузиазмом жертвовали свое неурочное время на подготовку, выработку программы проведения конференции, сбор, редактирование и публикацию тезисов, иногда даже из личных средств. За все годы не было случая срыва или отмены конференции по каким-либо объективным и субъективным причинам. Этот всегда долгожданный сбор археологов, имеющий до последнего времени среди других однородных мероприятий Северного Кавказа свое лицо, свои принципы, свой авторитет среди специалистов, несомненно будет продолжаться до тех пор, пока жива память о нашем замечательном соотечественнике. Именно она, эта светлая и благодарная память о Евгении Игнатьевиче Крупнове, залог долгожительства конференции-мемориала «Крупновские чтения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мунчаев Р. М.* К 60-летию Евгения Игнатьевича Крупнова//СА. 1964. № 1.
2. *Кузнецов В. А.* Евгений Игнатьевич Крупнов//Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
3. *Чернецов А. В.* Список печатных работ Е. И. Крупнова//Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.

Институт археологии РАН,
Москва

Критика и библиография

Vértesszölös site, man and culture. Miklós Kretzoi, Viola T. Dobosi (eds). Budapest: Akádémiai Kiadó, 1990. 555 p., suppl.

Открытие и исследование нижнепалеолитической стоянки Вертешселлеш в Венгрии явилось заметным событием в мировом палеолитоведении. Надежность датировок, богатство собранных каменных изделий, фаунистических коллекций, отпечатки в травертинах окружавших человека растений, наконец, остатки самого человека — все это делает Вертешселлеш опорным памятником в изучении далекого прошлого Европы. Случилось, однако, так, что этот во многом уникальный памятник до последнего времени был известен по немногочисленным предварительным публикациям. Лишь 28 лет спустя после первых находок в Вертешселлеше в результате долгого кропотливого труда сотрудников и учеников автора исследования Ласло Вертеша появилась книга, в которой обобщены все имеющиеся на сегодня данные об этом памятнике.

Изданная на английском языке коллективная монография представляет собой финальный отчет о раскопках Вертешселлеша. Археологический раздел книги был завершен в 1971 г., остальные готовы к 1977 г., однако трудности с переводом и изданием отодвинули выход книги на 1990 г.

Исследование Вертешселлеша тесно связано с именем известного венгерского археолога Ласло Вертеша, руководившего работами по изучению памятника в 1963—1968 гг. Книга посвящена памяти исследователя. «Я живу и умру ради Вертешселлеша», — эти слова Л. Вертеша вынесены эпиграфом к книге, изданной его ближайшим сотрудником М. Крецоем и ученицей В. Добоши. В свое время Л. Вертеш из-за созвучия своей фамилии и названия местонахождения отказался от традиционного наименования индустрии по месту ее находки. В литературе индустрия Вертешселлеша стала известна как Буда-индустрия. М. Крецой предлагает назвать ее Вертешселлеш-индустрией.

Составленная более чем 30 отдельными статьями, написанными 18 венгерскими и зарубежными специалистами, книга включает 6 основных разделов. Первый посвящен вопросам геологии, геоморфологии, формации травертинов, седиментологическому анализу отложений. Второй содержит данные по пыльце, результаты анализа углей, малакофауны, позвоночной фауны. Третий раздел содержит анализ антропологических находок. В разделе четвертом излагается история исследования памятника, приводятся данные по петрографии каменного сырья, описана примененная типология, согласно принятой авторами схеме описания характеризуется каменная индустрия стоянок. В следующем разделе рассматриваются вопросы образа жизни древних обитателей Вертешселлеша, восстанавливаются некоторые характеристики палеоэкономики; определяется место находок в ряду близких по времени местонахождений Африки, Европы и Азии. Последний, шестой, раздел содержит данные по датировке стоянки.

Стоянка Вертешселлеш расположена поблизости от одноименного селения в северо-западной Венгрии и увязывается с отложениями травертинов близ термальных палеоисточников на уровне пятой террасы р. Аталер, притока Дуная, на западном склоне гор Гереше. Местонахождение объединяет пять самостоятельных пунктов. Наиболее богаты в археологическом отношении стоянка I (основное археологическое местонахождение, выделяется четыре слоя) и стоянка III (с пятью отдельными слоями). Стоянки IV и V оказались сильно разрушенными взрывными работами, связанными с промышленной добычей травертинов, и доставили незначительное количество фрагментов костей животных и орудия, сходные с материалами стоянок I и III. Стоянка II также содержала несколько нижнепалеолитических орудий, однако, главным образом, это палеонтологическое местонахождение, так называемая «естественная ловушка».

© В. Н. Гладилин, В. Н. Степанчук, 1994 г.

Абсолютные даты получены в основном торий-урановым методом по образцам травертинов. Травертин над слоями с культурными остатками имеет дату более 350 000 лет; травертин между слоями 1 и 2 стоянки I—250 000—475 000 лет; культурный слой (по-видимому, слой 1 стоянки I)—185 000—210 000 лет; травертин, содержавший фрагмент черепа — около 350 000 лет по торий-урану и 337 000 ± 17 000 по методу ESR-датирования.

Магнитная полярность культуросодержащих отложений по независимому анализу двух групп исследователей нормальная (зона Брюнес). Геологическое указание возраста: вторая половина гюнц-минделя — миндель. К аналогичному выводу приводит анализ малакофауны. Таким образом, имеющиеся данные позволяют определять возраст Вертешселлеша в рамках 350—600 тыс. лет назад.

Некоторые основные представители мегафауны: Ursus stehlini, Ursus deningeri, Leo sp., Machairodotina e, Stephanorhinus etruscus, Equus mosbachensis, Hippopotamus antiquus, Praealces sp., Praemegaloceros sp., Servus elaphus ssp., Bison schoetensacki, Bison priscus suesseubornensis и др. Сравнение фауны археологической стоянки Вертешселлеш I и палеонтологического местонахождения Вертешселлеш II демонстрирует их яркое отличие и направленность охоты археантропов. Так, костные остатки Equus, Dama, Cervus, Megaloceros составляют 72,7% на стоянке I и всего 3,6% на стоянке II. Стоянка III доставила также 126 отпечатков, принадлежащих различным животным, в основном носорогу, бизону. Три отпечатка принадлежат либо человеку, либо Ursus stehlini.

Антропологические находки представляют двух индивидуумов. Вертешселлеш I: пять фрагментов зубов семилетнего ребенка; Вертешселлеш II: фрагмент затылочной кости. Найден также отпечаток внутренней поверхности этого фрагмента, выполненный травертином. По данным A. Thoma, антропологические находки в Вертешселлеше близки останкам человека из Бильцингслебена и Петралоны и могут быть эволюционно помещены между Homo erectus и Homo sapiens. Выделяется новый подвид: Homo erectus seu sapiens palaeohungaricus.

Археологические свидетельства были доставлены в основном стоянками I и III. Нижние слои стоянки I наиболее богаты находками. Самый нижний, первый, слой, исследовавшийся на площади 70 м^2, был дополнительно разбит на пять горизонтов взятия (A — E), содержавших каменные изделия, остатки фауны, очаги. Второй слой состоял из двух горизонтов. Слои 3 и 4 менее насыщены находками. Стоянка III, помещавшаяся внутри своеобразного «бассейна» с травертиновыми стенками, содержала пять слоев, нижний из которых, исследованный на площади 33 м^2, также доставил очаги. В обоих случаях (нижние слои стоянок I и III) очаги располагались преимущественно в самом низком участке стоянок и имели размеры 30×40 см. Особо отмечается наличие костного угля. По экспериментальным данным Л. Вертеша, использование кости в качестве топлива было в некоторых случаях более эффективным, чем использование традиционного древесного топлива. Отсутствие древесного угля объясняется условиями сохранности. Наиболее насыщен находками нижний (первый) слой стоянки III; слои 2 и 3, по мнению исследователей, представляют собой места разделки животных; слой 4— стратиграфический аналог слоя 4 стоянки I— и слой 5 не очень насыщены находками.

История исследования стоянок, изложение примененной типологии и описание самих археологических находок занимает ровно половину объема книги (с. 263—541). Эта часть представлена выдержками из наблюдений и заключений Л. Вертеша, высказанных им в печати или сохранившихся в архивных материалах и суммированных В. Добоши, а также разделами, написанными самой исследовательницей.

Индустрия Вертешселлеша представлена изделиями из камня и кости. Основной источник каменного сырья — террасы р. Аталер, в ближайшем соседстве со стоянками. Здесь собирается радиолярит, лидит, кварц, кремень и другие породы. Отмечается предпочтение определенных видов сырья (черный лидит). Индустрия микролитическая: средний размер орудий — 28,12 мм. Типологический набор достаточно разнообразен. Л. Вертеш различает 50 типов изделий, для большинства из которых имеются десятки вариаций. Наиболее многочисленны в коллекции скребла на отщепах (37,69% от общего числа орудий, суммированных для всех слоев и стоянок), затем следуют чопперы (27,62%), чоппинги (9,64%), так называемые пирамиды (5,06%), боласы (4,08%), рубила (0,96%), острия (0,74%), резцы (3,84%), скребки (1,89%) и прочие типы. Разделы, посвященные археологическим материалам, насыщены таблицами и графиками, дающими исчерпывающие сведения по сырью, метрике, специфическим особенностям морфологии и приемов изготовления артефактов. Сначала описаны так называемые стандартизованные орудия, основные типы или, скорее, группы типов которых перечислены выше, затем нестандартизованные (обломки галек разной морфологии, а также нуклеусы и отщепы). Для сравнения индустрий различных слоев и стоянок между собой введены показатели по пяти группам, объединившим чопперы, чоппинги, боласы (группа I), рубила и приостренные гальки

(группа II), скребла и прочие среднепалеолитического облика орудия (группа III), верхнепалеолитические орудия (группа IV), прочие (группа V). Пропорциональное изменение количества изделий в группах позволяет авторам сделать вывод о наличии одной слабо меняющейся во времени культуры, при этом древнейшим является слой 1 стоянки III, затем следует вся колонка стоянки I, заключают последовательность четвертый и пятый слои стоянки III.

Костяная индустрия, согласно авторам, составлена разнообразными намеренно изготовленными орудиями на фрагментах длинных костей животных. Различаются чопперы, чоппинги, ретушеры, наковальни, обломки со следами подретушировки, а также такие изделия, как скребки, резцы, долота, различные комбинированные формы, атипичные изделия.

Аналоги памятнику усматриваются Л. Вертешем в ряде известных к 1968 г. сравнимых по возрасту местонахождений Европы, Азии и Африки: Олдувае, Убейдии, Барда Балке, Соане, Джоу-Коу-Дяне и др. Делаются выводы о возможных путях первоначального заселения эйкумены из африканского центра.

Вертешселлеш, и рецензируемая книга еще раз подтверждает это, является первоклассным памятником нижнего палеолита, доставившим самые разнообразные свидетельства жизнедеятельности эректусов, а также многие дополнительные данные, характеризующие палеосреду их обитания. В книге широко и обстоятельно рассматривается ряд вопросов, связанных с естественнонаучным изучением местонахождения. Полагая, что все эти разделы выполнены на неизменно высоком профессиональном уровне, предоставим, однако, специалистам соответствующих дисциплин судить об их достоинствах или недостатках.

Археологическая часть, не менее обширная, подчас очень детальная, не оставляет все же ясного впечатления о памятнике. Непривычна манера описания материала. Она слишком обезличивает облик индустрии: в общей массе суммированных признаков индивидуальные особенности отдельного орудия полностью растворены. Поэтому несмотря на обилие разнообразных статистических данных облик индустрии не улавливается, ускользает. В какой-то мере это усиливается отсутствием обширного, качественно изготовленного и четко привязанного к тексту альбома иллюстраций. Принятая в книге, в общем традиционная для венгерских исследователей, манера подачи иллюстраций в виде фототаблиц не может быть признана удачной, особенно в отношении столь специфического древнего материала. Присутствуют в книге и графические иллюстрации, но они не увязаны с текстом и не имеют развернутой легенды (кстати, почему-то орудия нетрадиционно увеличены в 2 раза по сравнению с оригинальными размерами). К сожалению, недостаточно проиллюстрирована схематическими рисунками и принятая типологическая система: думается, что многие неясности были бы сняты, если бы имелись схемы, иллюстрирующие основные типы и вариации типов (что такое, например, «скребла без особых характеристик», «скребла с толстым концом», «обожженные скребла» и т. д.). Среди других досадных упущений можно назвать отсутствие технических показателей для серии сколов, отсутствие типологического описания нуклеусов. Наконец, совершенно неясно, зачем, по сути, дважды повторено аналогичное описание материала в разделах «Описание археологического материала» и «Ареальное и вертикальное распределение археологического материала», отличие между которыми состоит в том, что в первом случае не произведена разбивка материалов по стоянкам и слоям, а во втором случае это сделано.

Вертшселлеш, согласно авторам, содержит развитую и обильную костяную индустрию. Это не может быть неожиданным и необычным в свете того, что известно о других стоянках сходного возраста. Все же кажется не совсем обоснованным выделение таких орудий, как резцы, долота, сверла, ряда других типов. Если судить по иллюстрациям, многие из артефактов выглядят как естественные продукты утилизации охотничьей добычи. В связи с этим показательна находка, по словам авторов, «тщательно изготовленных костяных орудий» в слое 2 стоянки III, не имеющем признаков длительного обитания и определяющемся как место разделки животных.

Все же несмотря на некоторые недостатки, подчас досадные, книга в целом производит положительное впечатление, хотя выход ее в свет существенно запоздал и некоторые суждения в ней утратили первоначальную научную свежесть. В настоящее время это одно из немногих комплексных монографических исследований по нижнему палеолиту Центральной Европы.

Центральный научно-природоведческий
музей АН Украины, Киев

В. Н. Гладилин,
В. Н. Степанчук

Изучение додинастических культур Нижнего Египта

Издательство Филиппа фон Заберна в г. Майнце выпустило серию книг, посвященных исследованию неолитических памятников Нижнего Египта Каирским отделением Немецкого археологического института. Это фундаментальные труды, анализирующие материалы, добытые при археологических раскопках за многие десятилетия и реконструирующие историко-культурную ситуацию в Низовье в сопоставлении с данными археологии Южного Египта, смежных территорий западной пустыни и Переднего Востока. Результаты этих исследований имеют чрезвычайно важное значение при решении проблемы происхождения древнеегипетской цивилизации, окончательно ставя точку на былой идее об отсутствии неолитических памятников в Нижнем Египте.

Из запланированных четырех книг, посвященных материалам раскопок на неолитическом памятнике Меримде-Бенисалам, вышли в свет три книги Иозефа Эйвангера [1—3] (в последней, еще не опубликованной, книге планируется рассмотрение материалов маадийского времени).

Поселение Меримде-Бенисалам расположено в Западной Дельте, близ Розетского рукава Нила. Уникальность этого памятника состоит в том, что здесь сохранилась вертикальная стратиграфия, практически неуловимая на других неолитических поселениях Египта, засвидетельствовавшая непрерывное существование поселения Меримде-Бенисалам на протяжении длительного периода времени, не менее 500—600 лет [3, с. 72].

Выделено пять этапов (слоев) существования поселения, в течение которых не только происходило укрупнение его, но и увеличение заселенности прилегающих к нему территорий вдоль речной долины [3, с. 72]. Выявленные во II слое жилища представляли собой наземные постройки столбовой конструкции, со стенами из плетеного ивняка и предположительно двускатной крышей, с входом с юго-западной стороны. Центральное положение в жилище занимал очаг, вокруг которого концентрировались врытые в пол сосуды. Для хранения пищевых припасов применялись большие корзины, обмазанные глиной, находившиеся также внутри жилищ. На последующих этапах сооружения обладали стенами из глиняных блоков, а пол углублялся на 0,5 м; у входа имелась ступенька из крупных костей животных. В плане поселение представляло собой вытянутые вдоль реки две шеренги плотно стоящих сооружений, разделенные улицей.

Умерших хоронили непосредственно на поселении, в жилищах или между ними, в овальных ямах. Из обнаруженных более 100 погребений основная часть принадлежала детям и женщинам, которые находились в скорченном положении, преимущественно ориентированные головой на север, лицом на восток. Скелеты покоились на циновках, иногда с зернами эммера во рту или обсыпанные ими, редко с грубой подвеской, бусиной или с кремневым орудием.

Слои культуры Меримде выделены на основании наблюдений, связанных с поэтапными изменениями облика материальной культуры. Керамика Меримде начинает традицию, продолженную последующими нижнеегипетскими культурами — Эль-Омари и Маади. В керамическое тесто добавлялись рубленая солома, слюда, мелкотолченый камень. Для древнего слоя (I) характерны остродонные мешковидные сосуды. Начиная со среднего слоя (II) керамика становится более разнообразной. Регулирование процесса обжига привело к последовательному изменению полированной керамики от красной и серой, свойственных среднему слою, к черной, встречающейся не раньше III слоя, но бытовавшей и позднее, в слоях IV и V [3, с. 14—16, ил. 5, табл. 1—25]. Наряду с полированной изготавливалась залощенная керамика [3, табл. 26—43]. Наиболее популярные формы керамики встречаются в обеих группах. К ним относятся полусферические миски, банки, сосуды с S-видным профилем, горшки с высоким горлышком, грушевидные и усеченно-сферические сосуды. Среди полированных встречаются сосуды на кольцевой ножке, и кольцевой ножке, полой внутри [3, ил. 10]. Сосуды этих форм изготавливали начиная со среднего слоя, на протяжении всего существования культуры Меримде при постепенном забвении одних и, напротив, количественном увеличении других форм [3, ил. 10, 11]. Вместе с тем характеристика слоев основывается на выявлении редких форм и элементов оформления сосудов [3, с. 73]. Орнаментация, рельефная и углубленная, — специфический признак полированной керамики. Ею украшалась верхняя часть сосудов в виде елочного орнамента, пальцевых вдавлений или рельефных шишечек [3, ил. 7—9, табл. 43—49]. Ручки сосудов оформлялись

© Т. А. Шеркова, 1994 г.

как выступы, иногда с отверстием для подвешивания, или как овалы-подковки, характерные для поздних слоев.

Каменные, в основном кремневые, орудия также демонстрируют последовательные изменения техники изготовления и форм. На смену лезвийной технике с ее типами миниатюрных изделий раннего периода пришли прекрасно обработанные бифасные орудия, число которых увеличилось с III слоя Меримде. В целом набор орудий соответствует изделиям культуры Фаюм А [3, с. 44—45]. Характерны топоры, изготовлявшиеся также из других пород камня (известняка, кварцита, гранита, шифера, базальта), бифасные стрелы с выемчатым основанием, ножи, вкладыши для серпов, сверла, резцы, скребки [3, ил. 13—17, табл. 60—87]. Определенные изменения прослеживаются на позднем этапе Меримде. Появились кремневые тесла, увеличились в размере вкладыши для серпов, изменилось количественное соотношение между кремневыми и костяными орудиями в пользу первых. Костяные орудия представлены рыболовными крючками, гарпунами, иглами, ножами, скребками, футлярами для кремневых вкладышей серпов, а также украшениями — бусами и браслетами [3, с. 73, ил. 19—20, табл. 95—102].

Остеологический материал свидетельствует о развитии скотоводства и охоты на крупных животных, в первую очередь на бегемотов. Отмечается также, что со II по V слой увеличивалось количество костей крупного рогатого скота, в то время как количество костей овец сокращалось. Жители Меримде разводили и свиней [3, с. 74]. В поздний период развития культуры Меримде отмечается усиление роли рыболовства в хозяйстве ее носителей. Находки грушевидных и сферических каменных булав и пращи служат указанием на значимость охоты на всех этапах культуры Меримде. Неизменными на протяжении всего периода ее развития оставались каменные зернотерки, маленькие топоры из шифера и других твердых пород камня, палетки, булавы, грузила, зооморфные и антропоморфные глиняные фигурки [3, ил. 18—21].

Материалы всех слоев Меримде сопоставляются с вещами других неолитических памятников. Так, древняя культура Меримде обнаруживает сходство с неолитическими культурами Юго-Западной Азии, с которыми связывается ее генезис. Средняя Меримде (II) характеризуется элементами культур Сахары, а поздняя (III) имеет параллели в культуре Фаюм А (Kom W и Kom K) [3, с. 74]. Из абсолютных датировок приводятся данные средней Меримде, существовавшей между 4800—4300 гг. до н. э. [3, с. 75]. Окончательных выводов о происхождении культуры Меримде пока не делается, но они уже прозвучали в более ранней работе В. Хейса. Он полагал, что эта культура есть синтез элементов оседло-земледельческой культуры западноазиатского происхождения и полукочевых охотничьих ливийско-сахарских сообществ, однако развивалась культура Меримде на базе североафриканского субстрата наряду с культурой Фаюм А и последующими культурами Эль-Омари и Маади [4].[1]

Две книги Фернанда Дебоно и Бодила Мортенсена [6] подводят черту под многолетними полевыми исследованиями неолитических памятников плато Хелуан в правобережье. Эта область была заселена уже в эпоху верхнего палеолита и освоена достаточно широко в эпоху неолита — отмечается более 20 местонахождений, в которых найдены скопления кремневых орудий. Однако основные раскопки производились в черте Хелуана — ныне большого города, но ко времени начала полевых работ — поселка, славного своими курортами, посещавшимися европейцами еще в прошлом столетии. Памятник этот вошел в науку под названием Эль-Омари, по имени его первооткрывателя.

Выявленные границы поселения обозначили площадь 750×500 м, однако это суммарные данные, относящиеся к поздней фазе его существования. Всего же выявлены четыре фазы заселения Эль-Омари, чередующиеся с периодами запустения и использования покидаемых участков для сброса мусора и устройства погребений [6, с. 15—17]. В отличие от Меримде здесь не обнаружено жилищ, возведенных с помощью ивовых прутьев, обмазанных глиной, хотя раскопками выявлены ямы со следами деревянных жердей. По утверждению авторов, наиболее крупные из них, до 250 см в диаметре, играли роль хозяйственных построек, оснащенных навесами, которые натягивались на вертикально укрепленные устои. Примыкающие к этим ямам небольшие ямки (до 50 см в диаметре) играли вспомогательную роль.

---

[1] Передневосточный импульс в становлении производящего хозяйства в Египте признается практически всеми исследователями додинастических культур, равно как и время сложения этих неолитических культур — рубеж VI—V тыс. до н. э., достаточно позднее сравнительно с другими регионами. Поздно началось и изучение палеолита Египта, однако восполненное его интенсивностью. Лишь за последние 15 лет получена целая серия абсолютных дат с применением радиоуглеродного метода, свидетельствующих о том, что последняя стадия позднего палеолита — эпипалеолит приходится на период X—VI тыс. до н. э. [5, с. 102, 143].

Содержимое ям — это вещи повседневного пользования: керамика, кремневые орудия, кости животных, бусины, красноморские раковины, скорлупа страусиных яиц, каменные зернотерки, зерна эммера. Однако ни один из предметов не находился на дне ямы — все они были в засыпке, что, по мнению авторов, указывает на использование их в качестве мусорных на оставляемых участках поселения. Иногда в таких ямах совершались захоронения, равно как и в ямах, специально вырытых для этих целей. Стенки неглубоких могильных ям обкладывались циновками, а вдоль их основания помещали камни. В двух случаях имеются признаки былого надмогильного сооружения — круглой хижины или оградки столбовой конструкции, имеющей «вход» с западной стороны [6, с. 73].

Из 43 могил, найденных на поселении Эль-Омари, 28 принадлежали взрослым, прочие были детские. Умершие укладывались в скорченном положении на левом боку, головой на юг и лицом на запад, однако есть и исключения из этого правила: головой на север, на правом боку, лицом на запад или головой на юг, на правом боку и лицом на восток. Погребенные, однако не все, обнаружены завернутыми в шкуру животного или циновку, что свойственно раннединастическому погребальному обряду во всем Египте. В одном случае покойный предположительно лежал на подобии кровати, от которой сохранились деревянные шесты по периметру циновки [6, с. 74].

Погребальный инвентарь очень беден: перед лицом и руками умершего ставили маленький керамический сосуд, грубый или хорошо обработанный. Другие вещи встречаются редко. В одной могиле найден деревянный предмет — 35-сантиметровая палка с утолщениями на обоих концах, которая интерпретируется как символ власти [6, с. 67, 75, табл. 28/1].

Говоря в целом о территориальной локализации могил, авторы пришли к выводу о том, что, несмотря на их расположение в черте поселения, заметно стремление отделить их от места обитания жителей Эль-Омари. Развитие поселения было таково, что из-за подобного погребального обряда, предусматривавшего отдаленность могил от мира живых, но в то же время расположение поблизости от него, постепенно была обжита значительная территория [6, с. 75]. Таким образом, этот памятник можно рассматривать как содержащий информацию о переходном типе погребального обряда — от погребений непосредственно на поселении (Меримде) к выделению могильников.

Керамика Эль-Омари изготовлена в основном из местной глины (не нильской), с включением в тесто соломы. Поверхность сосудов заглаживалась или, покрытая тонким слоем ангоба, полировалась. Вся керамика красная; в отличие от Меримде здесь нет черной. Основные формы представлены маленькими или более крупными горошками, глубокими чашами, овальными сосудами, маленькими чашами [6, рис. 5]; преобладают открытые формы [6, с. 36]. Сосуды с грубой поверхностью, использовавшиеся для приготовления пищи, снабжены ручками в виде рельефных шишечек.

В кремневой индустрии Эль-Омари доминируют орудия, изготовленные на отщепах и маленьких пластинах — в технике, свойственной эпохе эпипалеолита. Орудий, выполненных в бифасной технике, значительно меньше, и представлены они топорами, стрелами с выемчатым основанием, ножами, вкладышами для серпов. Они появились на II фазе поселения. По мнению авторов, переход от орудий, выполненных в технике отщепов и лезвий, к бифасам связан с изменениями в хозяйстве обитателей Эль-Омари: от рыболовства и охоты они перешли к земледелию и скотоводству. Развитие хозяйственной базы в этом направлении прослежено и по другим предметам материальной культуры; вместе с тем делается вывод о том, что земледелие так и не стало у омарийцев доминирующей формой хозяйства [6, с. 79—80]. Судя по остеологическим материалам, основу их стада составлял крупный рогатый скот, меньшую роль играли козы и овцы, разводились также свиньи. Кости рыб, крокодилов, бегемотов, черепахи указывают на роль речных промыслов в жизни населения Эль-Омари. Они были связаны не с Нилом, а с вади Хоф, близ которого и было расположено поселение. Окрестная пустыня предоставляла сырье для развития ремесел: камень для изготовления сосудов, зернотерок, палеток и пр., глину для керамического производства, кремень для орудий труда. Впрочем, за кремнем приходилось отходить на значительные расстояния, ибо изделия создавались не только из серого, добывавшегося в Западном Негеве, но и из красного, предположительно происходящего из Абу Раваша [6, с. 80]. Привозными были и свинцовая руда (найденная в керамическом сосуде, в виде кусочков общим весом в 15 кг, тщательно завернутых в шкуру животного, ткань и солому), предположительно с Востока, и охра из Джебель Ахмара [6, с. 60, 61].

Сопоставления Эль-Омари с другими памятниками нижнеегипетского неолита не обнаружили очевидных параллелей: здесь нет традиций развития культуры Меримде — черной керамики, архитектуры, статуэток, сопоставимых с ней; бифасы появились лишь на второй фазе. Вместе с тем технология изготовления керамики сближает культуру Эль-Омари с Меримде. Авторы исследования рассматривают ее в качестве одной из ступеней культуры Меримде, имеющей, однако, самостоятельное,

местное развитие, в хронологическом плане происходившее в период между Меримде (соответствуя ее II—IV слоям) и Маади. По радиокарбоновым датам, поселение Эль-Омари существовало с 4600 по 4400 гг. до н. э. [6, с. 81]. Говоря в целом о развитии неолита в Нижнем Египте, авторы высказывают идею его региональной самостоятельности и относительной изолированности его очагов, но не без импульса со стороны фаюмской культуры на Меримде, возможно, также на Эль-Омари, а той, в свою очередь, на бадарийскую культуру Верхнего Египта. Установлены также связи с Южной Палестиной через Синай на основании некоторых типов керамики, каменной индустрии и погребального обряда [6, с. 82].

Реконструкция развития неолита в регионе Хелуана в изложении Дебоно и Мортенсена выглядит следующим образом. Колебания между периодами влажности и аридного климата отражались на жизни обитателей плато Хелуан, приводили их в движение между долиной Нила и восточной пустыней, диктовали необходимость изменений в хозяйстве. В эпоху эпипалеолита, около V тыс. до н. э., группы рыболовов и собирателей пришли на плато Хелуан из пустыни, поэтому они могли быть предшественниками неолитического населения, обжившего этот регион, между вади Хоф на севере и вади Гарави на юге. Вади Хоф — основной источник водных ресурсов — позволял заниматься прежними промыслами, но вместе с тем обеспечивал возможность развития земледелия и скотоводства. Поселение Эль-Омари, полагают авторы, отражает не столько определенный хронологический этап, сколько своеобразие экономической и хозяйственной основы жизни его населения. Это был лагерь пастухов, подобный некоторым верхнеегипетским поселениям (Махасна, Хаммамие) [6, с. 22—23].

Следующий этап развития неолита в Нижнем Египте связан с поселением Маади, расположенным в нескольких километрах к северу от Эль-Омари. Материальный облик, присущий этому поселению, свойствен и ряду других памятников, поэтому речь идет о культуре или культурном комплексе Маади, распространившемся на значительной территории: на севере слои этой культуры обнаружены в Тель-эль Фараине (древний Буто), отстоящем от Маади на расстояние в 150 км [7]. Самые южные ее пределы обнаружены в Эс Саф и Седменте в левобережье. Основные материалы этой культуры связаны с поселением Маади, могильниками Маади, Вади Дигла и Гелиополь. Им и посвящены несколько книг, в которых подведены итоги многолетних раскопок [8—12].

Поселение Маади расположено в правобережье, в 2 км от Нила, на узком и низком кряже, окаймленном водными источниками: на севере вади-эль Тих, на юге вади Дигла. Длина поселения 1300, ширина около 130 м. На всем этом пространстве располагались овальные жилища, открытые на юго-запад, с максимальным диаметром 4—5 м, столбовой конструкции, со стенами из ивняка, обмазанного глиной. В центре жилища находился очаг из известняка, окруженный врытыми в пол сосудами. Мягкость грунта не позволила четко проследить вертикальною стратиграфию, а следовательно, план поселения с разновременными постройками [13, 14]. Вдоль южной границы поселения располагалось хранилище съестных припасов в больших сосудах. Буквально рядом, в 180 м к югу отсюда, находился могильник «Маади Северный» с 76 раскопанными могилами, а в 1 км южнее располагался еще один могильник — Вади Дигла, или «Маади Южный», с 434 погребениями. В 20 км к северу от поселения Маади исследован могильник Гелиополь из 63 вскрытых могил.

Для историко-культурных обобщений и выводов относительно хронологической картины существования маадийской культуры особенно важны наблюдения, сделанные на могильнике Вади Дигла. Были выявлены две фазы развития культуры Маади. К первой относятся комплексы Маади и часть могил Вади Дигла; остальные могилы Вади Дигла и в целом могильник Гелиополь отнесены ко II фазе [11, с. 102]. На обеих фазах погребения совершались в простых круглых или овальных ямах. Покойных заворачивали в циновки или шкуры животных либо укладывали на циновки и прикрывали ивняком вместе с погребальным инвентарем (иногда остатки дерева рассматриваются как следы рухнувшего перекрытия) [12, с. 38]. Умершие покоились в скорченном положении, с руками перед лицом, обращенным на восток, на правом боку. Правда, эта ориентация на I фазе соблюдалась с незначительным преобладанием над иной, не стандартизированной; устойчивой она стала на II фазе [11, с. 98; 12, с. 38].

Чуть более половины всех погребений могильников Маади, Вади Дигла и Гелиополь включают погребальный инвентарь (в Гелиополе процент таких могил еще не выше). Это в основном керамика (от 1 до 4 сосудов, реже больше; максимальное количество керамики в Маади — 2, в Гелиополе — 10, в Вади Дигла — 8) [11, с. 98; 12, с. 38—39]. В целом типы сосудов соответствуют найденным

на поселении Маади. Это горшки с отогнутым венчиком разных размеров и пропорций. Однако одни из них более типичны для Вади Дигла I (и соответственно для Маади) — красновато-коричневые горшки с достаточно широким устьем с кольцевым поддоном (тип 1); овальные шаровидные с красным ангобом маленькие горшки, иногда с вдавленным точечным орнаментом вокруг горлышка (тип 2а); их нет на могильнике Маади, но они известны на поселении Маади; круглодонные горшки со сравнительно высоким горлышком (тип 3а). Для Вади Дигла II более характерны плоскодонные с узким и широким отогнутым венчиком горшки (тип 3b, 4a, b, c) [11, с. 78, рис. 24, с. 100]. Другие вещи — каменные палетки, кусочки медной руды, гребень из слоновой кости — встречены только в могилах фазы Вади Дигла II. В целом эти и другие вещи — каменные бусины, браслеты из морской раковины, каменные сосуды, фрагменты изделий из меди [12] — весьма редки.

Типологические различия, присущие фазам Вади Дигла I и II, наделяются и хронологическим значением в ряду временной последовательности изменений внутри единой культуры. В переводе на язык исторических фактов и событий это означает, согласно интерпретации авторов, что население, покинувшее Маади, поселилось где-то у устья Вади Дигла и хоронило своих умерших поблизости. Вместе с тем наличие на поселении Маади типов керамики, характерных для Вади Дигла II, свидетельствует о частичной синхронности этих памятников, а это вносит некоторые поправки в интерпретацию: поселение Маади было покинуто, когда большинство могил фазы Вади Дигла уже существовало. Таким образом, реконструкция ситуации предполагает альтернативное решение: либо могильник Вади Дигла использовался населением поселения Маади, когда перестали хоронить на могильнике Маади, либо могильник Вади Дигла принадлежал другому поселению, отчасти одновременному Маади и, безусловно, относящемуся к той же культуре. Данные антропологических исследований разрешают вопрос в пользу последнего — отмечаются небольшие различия между погребенными на могильниках Маади и Вади Дигла [11, с.100].

Что касается хронологической идентификации могильника Гелиополь, то он относится к переходу от фазы Вади Дигла I к II (по вещевому комплексу, устойчивости обряда погребения) [11, с. 101; 12, с. 34]. Вместе с тем наличие в могилах большего количества сосудов, чем на могильнике Маади и Вади Дигла, может рассматриваться как специфика погребального обряда, свойственная именно этой местности.

Могильники маадийской культуры изучены и с точки зрения возможных социальных реконструкций раннедодинастического времени и развития погребального обряда. Эти могильники принадлежали различным по величине поселениям, имевшим разный срок обитания, который определяется общим числом могил и планом могильника, выявляющим постепенное его увеличение [11, с. 98; 12, с. 41, 51] без хаотического смещения разновременных могил, при соблюдении социальных и возрастных принципов, с единой логикой его развития. На гелиопольском могильнике богатые инвентарем могилы распределены более-менее равномерно на всем пространстве, занятом им. Безынвентарные могилы сконцентрированы в юго-восточном его секторе. Погребения животных находятся в северо-восточной и западной частях могильника, детские, расположенные в основном по оси восток — запад, сгруппированы в его западной части [12, с. 40]. Также и на могильнике Маади детские погребения собраны на одном из участков, что прослежено в какой-то степени и в Вади Дигла [11, с. 99]. Детей, умерших до годовалого возраста, хоронили на поселении, как это было в Маади. Погребения животных примыкали к захоронениям людей фазы II в Вади Дигла [11, с. 101].

Итак, в первой половине — середине IV тыс. до н. э. в правобережье Низовья, на границе пустыни и аллювиальной зоны течения Нила, обитали носители маадийской культуры, генетически связанной с предшествующими культурами — Меримде-Бенисалам и Эль-Омари. Преемственность эта выразилась в сохранении традиции керамического производства североегипетского неолита (включение в тесто соломы, песка и пр.), некоторых элементов погребального обряда (например, выкладывание оснований стен могильной ямы камнями, как в Эль-Омари). С другой стороны, культура Маади унаследовала от своих предшественниц определенные связи с Южной Палестиной, проявившиеся опять-таки в керамическом производстве (включение в тесто известняковой крошки, декор сосудов в виде оттисков по горлышку, покрытие поверхности сосудов тонким слоем известнякового раствора, заимствование формы сосудов на ножке, кувшинов с носиком). Постепенное отступление от этих традиций связано с дальнейшим развитием маадийской культуры. Появились черты, позволяющие установить связи с верхнеегипетскими культурами — Нагадой I и II (ромбические шиферные палетки, костяной гребень, сосуды группы III, аналогичные типу D в классификации керамики Верхнего Египта — расписной керамики, красным по желтому). Все это дало возможность произвести внутреннюю периодизацию маадийской культуры, а также позволило локализовать ее внутри шкалы относительных датировок додинастического Египта, соответствующих времени существования верхнее-

гипетских культур Нагада I и II [11, с. 102; 12, с. 49]. Наиболее ранними комплексами маадийской культуры считаются само поселение Маади вместе с могильником. Им отчасти синхронны, но просуществовали дольше Вади Дигла и Гелиополь. Памятники периода Вади Дигла II есть в Эс Саф (в 50 км к югу от Маади), Тура (всего в 2 км к югу от Маади) [18, с. 60—61], Меримде-Бенисалам — поздние, IV—V слои [11, с. 102], когда маадийская культура распространилась в левобережье Нила, в Гизе и даже Седменте, т. е. уже на территории прародины культуры Нагада II [18, с. 62—63].

Развитие маадийской культуры и ее распространение было прервано экспансией носителей культуры Нагада на север. Форпост ее появился в Восточной Дельте, в Миншат Абу Омар (около 30 км к северо-востоку от Факуса). Это большой могильник додинастического и раннединастического времени и поселение (Тель Эс-Сабаа Банат), ранние слои которых относятся ко времени Нагада II c, d (=Нагада II—III) [15]. Последним оплотом культуры Маади было поселение в Буто в Западной Дельте, «перекрытое» комплексом культуры Нагада I—II [11, с. 104].

Калиброванные даты радиокарбонового анализа подтверждают выделение двух фаз в развитии маадийской культуры, давая для Маади даты от 4349 ± 66 до 3515 ± 89, для Вади Дигла 3622 ± ± 138 и 3587 ± 65 и для могильника Маади 3255 ± 206 и 3028 ± 172 [11, с. 104].

Институт востоковедения
РАН, Москва

Т. А. Шеркова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Eiwanger J.* Merimde-Benisalâme I. Die Funde der Urschicht. Mainz, 1984.
2. Merimde-Benisalâme II. Die Funde der mittleren Merimdekultur. Mainz, 1988.
3. Merimde-Benisalâme III. Die Funde jüngeren Merimdekultur. Mainz, 1992.
4. *Hayes W.* Most Ancient Egypt. Chicago, 1977.
5. *Hoffman M. A.* Egypt before the Pharaons: the prehistoric Foundations of Egyptian Civilization. L., 1991.
6. *Debono F., Mortensen B.* El Omari. A neolithic settlement and other sites in the vicinity of Wadi Hof, Helwan. Mainz, 1990.
7. *Von der Way T.* Ersten Bericht über die Aufnahme von Grabungen des Deutschen Archäologischen Instituts Kairo in Buto. Mainz, 1986.
8. *Rizkana I., Seeher J.* Maadi I. The pottery of the predynastic settlement. Mainz, 1987.
9. *Rizkana I., Seeher J.* Maadi II. The lithic industries of the predynastic settlement. Mainz, 1988.
10. *Rizkana I., Seeher J.* Maadi III. The non-lithic small finds and the structural remains of the predynastic settlement. Kairo, 1989.
11. *Rizkana I., Seeher J.* Maadi IV. The predynastic cemeteries of Maady and Waddi Digla. Mainz, 1990.
12. *Debono F., Mortensen B.* The predynastic cemetery at Heliopolis. Mainz, 1988.
13. *Menghin O., Amer M.* The Excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi: first preliminary report (season 1931). Cairo, 1932.
14. *Menghin O., Amer M.* The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi: second preliminary report (season 1932). Cairo, 1936.
15. *Wildung D.* Terminal prehistory of the Nile Delta: theses//Origin and early development of food-producting cultures in North-Eastern Africa. Poznan, 1984.

E. G. Pemberton with contr. by Slane K. W. The Sanctuary of Demeter and Kore. The Greek Pottery//Corinth. Results of excavations conductered by the American School of classical studies at Athens. V. XVIII. Princeton; New Jersey, 1989. Pt. I. A—B Plan. 61 Pl. 234 p.

K. W. Slane. The Sanctuary of Demeter and Kore. The Roman Pottery and Lamps//Corinth. V. XVIII. Pt II. Princeton; New Jersey, 1990. 3 Plane. 18 Pl. 160 p.

Коринф — крупнейший торгово-ремесленный центр материковой Греции, участник большинства крупных политических событий в истории Древней Греции — постоянно находится в фокусе научных исследований. Достигнуты немалые успехи в археологическом изучении Коринфа, начатом в 1896 г. сотрудниками Американской школы классических исследований в Афинах. Результаты раскопок, итоги многолетних исследований регулярно публикуются в многотомной серии, выходящей под общим заголовком «Corinth». Вслед за публикацией результатов топографических исследований известных

© А. А. Малышев, 1994 г.

издавна архитектурных памятников центра древнего города (храма Аполлона, Пропилей и других объектов на Акрокоринфе) [1], увидели свет материалы раскопок на Акрокоринфе [2], южной Стои [3], данные о раскопках на северном некрополе [4] и в квартале гончаров [5]. Систематизирован и изучен целый ряд категорий археологического материала: монеты [6], греческие надписи [7]; особенно тщательной обработке была подвергнута керамика Коринфа греческого периода [8, с. XI—XII; 9, с. XI]. В научной периодике регулярно публикуются сообщения о непрекращающихся и в наши дни раскопках Коринфа (театра римского времени, сооружений форума и гимнасия), что значительно проясняет топографию древнего города.

Как сообщается у Павсания [10, II, 4, 6—7], вдоль дороги, ведущей на акрополь, располагались многочисленные святилища. Одно из них было посвящено богине плодородия Деметре и Коре-Персефоне. Коринф в преданиях о Деметре не оказывался, подобно Криту или Элевсину, центром главных мифологических событий, тем не менее проведенные здесь археологические исследования свидетельствуют о многовековой истории существования святилища на северном склоне Акрокоринфа.

Раскопки этого памятника [9, план 1] были начаты в 1961 г. Р. С. Строудом. В 1963 г. в исследования включилась Н. Букидис, под руководством которой работы велись вплоть до завершения в 1975 г. Все этапы раскопок подробно освещались в печати [8, с. XI]. Как выяснилось, святилище располагалось на трех террасах: на верхней сохранились остатки построек храма римского времени (TU : 19 — здание с мозаичными полами [11, с. 278—285, табл. 56, 57]; TU : 22; TU : 16), на средней — строения в основном эллинистической Стои, на нижней площадке изучены помещения трапезной (dining room), а также вымостки нескольких улиц, ведущих к святилищу и на вершину Акрокоринфа [8, с. I]. Строительная деятельность на протяжении тысячелетнего периода, многочисленные перепланировки осложняют понимание стратиграфии памятника, затрудняют выделение отложений, которые можно было бы связать с важнейшими событиями в истории Коринфа (землетрясение IV в. до н. э., разгром города Муммием в 146 г. до н. э.) [9, планы 2—3]. Археологически засвидетельствованы южная и северная границы святилища. Строение трапезной раскопано не полностью, что не позволяет определить восточную и западную границы святилища. Все открытые на этой территории помещения исследователи связывают со святилищем.

В данной рецензии рассмотрены исследования, посвященные изучению керамики, полученной при раскопках этого памятника. Обе монографии — работа Э. Г. Пембертон охватывает керамику греческого периода, книга К. В. Слейн посвящена керамике римского времени — организованы в форме каталога и представляют собой прежде всего развернутую, хорошо продуманную, богато иллюстрированную публикацию керамического материала. Однако принципы построения, система каталога — основного инструмента исследования — в указанных работах значительно различаются. Это обусловлено, с одной стороны, репрезентативностью материала, с другой — теми задачами, которые поставили перед собой авторы. Обоснование этих принципов содержится во вводной части каждой монографии.

Одной из основных задач Э. Г. Пембертон было получение данных для уточнения хронологии святилища, его основных строений. Кроме того, анализ найденной здесь вотивной и бытовой керамики должен был осветить масштабы функционирования святилища, его значимость и почитаемость. Не менее важной была публикация интересных форм сосудов с этого памятника [8, с. 5]. Естественно, что поставленные автором задачи могли быть решены на основе детального, многостороннего анализа выбранного автором источника — керамики. Именно поэтому работа Э. Г. Пембертон состоит из трех частей: раздел по морфологии сосудов и двух каталогов (каталог I: группы по контексту — и каталог II: материал и декорировка).

Рассмотрение морфологии керамики [8, с. 9—78] отдельно от декорировки (каталог II) необычно для исследований такого рода. Это, как отмечает автор, обусловлено прежде всего трудностями в относительной и абсолютной хронологии керамики Коринфа, которые возникли в результате, например, дискуссии вокруг разработок Н. Пейна [8, с. 2]. Выясняется, что в археологии Коринфа, за исключением, быть может, только V в. до н. э., количество известных узкодатированных контекстов недостаточно для создания единой хронологической шкалы коринфской керамики. Поэтому, по мнению Э. Г. Пембертон, наиболее корректной в этой ситуации является датировка, основанная на особенностях эволюции форм сосудов [8, с. 2—6]. Автор рассмотрела 681 образец, которые распределены ею на XXVIII типов форм. Одни формы типичны для синхронных культурных слоев большого числа греческих городов. Это сосуды как коринфского, так и аттического производства (канфары — № XII; скифосы — № IX и т. п.). Другие, являющиеся в основном продукцией местных мастерских, характерны для Коринфа (формы пиксид — № XXII; сосудов для готовки пищи — № XXVII и

т. п.), третьи, как выясняется, связаны с культовым назначением раскопанного комплекса (гидриски — № III; калатиски — № VII и т. п.). В работу не включен раздел по тарной керамике, которая представлена, главным образом, коринфскими типами амфор. Эта группа будет рассмотрена К. Келер в XIX томе «Corinth» [8, предисловие].

Подробнее остановимся на специфической культовой керамике. Помимо находок огромного количества терракотовых фигурок [8, с. 5; 12, табл. 5—9, 11], среди которых: сосудики в виде фигурок сирены, комаста (№ 595—602), ручек пиксид и калатисков, украшенных скульптурными изображениями женских божеств, сфинксов, Медузы Горгоны (№ 603—628), в святилище широко представлены простые вотивные сосудики (№ XXV) и формы, связываемые с ритуальными церемониями, глиняные подносы и ликны [12, табл. 11], отчасти, видимо, заменявшие отсутствующие в отложениях святилища керны — большие вазы, по всей длине окружности верхнего края которых укреплены маленькие чашечки. В эти чашечки, по сообщению Афинея, во время празднеств в честь Деметры в Элевсине помещались приношения (зерно, мед и т. п.) [13, с. 221, рис. 87]. Гидриск — одна из характернейших форм вотивной посуды во всех известных святилищах Деметры и Коры (на Косе, на Крите и в Киренаике) [8, с. 12, сноска 12] — в коринфском святилище был не менее популярен, чем фиала или калатиск. О количестве находимой вотивной посуды может свидетельствовать тот факт, что к исследованию по типологии калатисков — самой многочисленной формы в керамическом комплексе святилища Деметры и Коры — было привлечено более 2000 экз. [8, с. 20]. Прообразом калатоса послужила форма пиксиды с вогнутыми краями. Э. Г. Пемберton было выделено четыре типа калатисков: три из них — появляются в IV в. до н. э. [8, с. 22—24], а четвертый — веком позднее. Этот тип просуществовал до 146 г. до н. э. Вотивное назначение этой керамики, отмечает автор, обусловило консерватизм формы калатиска, что, естественно, сильно осложняет ее датировку.

Керамика, полученная из непотревоженных поздними перекопами отложений греческого периода существования святилища Деметры и Коры с середины VII по середину II в. до н. э., разделена автором на 11 групп (каталог № 1, с. 79—103). Анализ материала показал, что эти группы не равноценны главным образом с точки зрения хронологии: одна часть (№ 4, 5, 7) — наиболее узко датированные группы. В них входят материалы, имеющие чисто ритуальный характер (ботросы, заполненные вотивной посудой и обычными для отправления культа Деметры костями поросят [14, с. 67], козлов, золой). Другая часть (№ 1, 3, 8, 9) тоже представляет собой хронологически ограниченные группы, однако в их составе есть немало сосудов, имеющих чисто бытовой характер. И наконец, группы № 2, 6, 10, 11 — заполнения помещений с территории святилища; они содержат довольно разнообразный и по дате, и по назначению материал. Тем не менее, они связаны, по выражению автора [8, с. 6], с ключевыми периодами в истории святилища; № 6 — открытая сакральная площадка архаического святилища, может быть, алтарь [8, с. 82]; № 6 [8, с. 91] — заполнение из строительного мусора на средней террасе, содержит в себе следы разрушений от землетрясений, происходивших в третьей и в начале четвертой четверти IV в. до н. э.; № 10, 11 происходят из комплекса трапезной на нижней террасе, дают представление о последнем этапе существования святилища Деметры и Коры греческого периода [8, с. 105—107].

Во втором каталоге Пемберton классифицирует керамику святилища по тесту (тонкостенная и грубая кухонная), тонкостенную, в свою очередь, по декору (чернофигурная, краснофигурная, парадная без росписи и т. п.) [8, с. 6], затем по типам форм, согласно разработанной хронологии. Этот каталог позволяет автору учитывать не утратившие информативную ценность для понимания памятника в целом находки из нарушенных слоев и собранные на поверхности. Исследование этого материала связано со значительными трудностями, требует специальных знаний и, главное, опыта работы с ним, поэтому автор прибегает к консультациям специалистов [8, с. 139]. Выделены группы привозной и местной расписной керамики [8, с. 111—135, 138—150].

Отмечается большой удельный вес расписной керамики в коллекции из раскопок святилища [8, с. 139]. Основное внимание автора обращено на стилистический анализ росписей и их хронологию. Пемберton даже не пытается увязать эти находки с контекстом святилища, хотя сюжеты росписей зачастую располагают к этому [см., например, 8, рис. 35]. Более того, с большим сомнением отнеслась автор к утверждению Строуда о том, что присутствие в отложениях памятника чаш с изображением Диониса может свидетельствовать о существовании в святилище его культа [8, с. 139].

Работа К. В. Слейн, несмотря на однотипность источников, построена несколько иначе, что обусловлено, как указывалось выше, состоянием имеющегося материала и теми задачами, которыми руководствовалась автор в своем исследовании. Во Введении, в частности, отмечается, что основная цель работы — систематизация материала. Это в свою очередь даст основание для дискуссии по

вопросам стратиграфии памятника и истории святилища в римскую эпоху [9, с. 2], которая развернется в третьей части XVIII тома «Corinth».

К исследованию привлечено 276 образцов. По сравнению с работой по греческому периоду святилища Деметры и Коры перечень изучаемых типов керамических изделий расширен за счет тарной керамики и ламп. Отметим, что представленный состав керамики не такой блестящий, самобытный, как в предыдущие, в особенности, конечно, в архаический, периоды. Он оставляет впечатление комплекса, типичного для городских слоев римского времени. Это одно из косвенных проявлений тех изменений, что произошли в Коринфе век спустя после разгрома города Муммием. Известно, что после событий 146 г. до н. э. город был восстановлен лишь в 44 г. до н. э. по указанию Ю. Цезаря, ибо Коринф занимал выгодное стратегическое (неслучайно его называли оковами Греции [15; IX, IV, 15]) и экономическое положение. В город были отправлены колонисты-вольноотпущенники из Италии, которые, видимо, способствовали созданию нового облика Коринфа [15; VIII, VI, 23].

В римский период архитектурные остатки на территории святилища менее выразительны. Для интерпретации могут быть интересны лишь комплексы помещений TU : 19, KL — 21 : 22 [9, план III, с. 4—6], поэтому археологический контекст по сравнению с исследованием Пембертон привлекается не так успешно [9, с. 131—143]. Материал в большей мере рассматривается как один из многих керамических комплексов Коринфа римского времени. Исходя из этого каталог построен по простой схеме: материал (керамические типы) рассмотрен в отдельных главах, причем первые в этой последовательности — наиболее значимые для этой коллекции формы (светильники, парадная столовая посуда).

Раздел, посвященный лампам,— один из самых крупных в работе. Ссылаясь на исследования О. Бронира, автор справедливо считает их одним из основных датирующих материалов при изучении святилища [9, с. 8]. По наблюдениям Слейн, на памятнике отсутствуют ранние римские светильники [9, с. 10], что свидетельствует о начале функционирования святилища римского времени лишь в I в. н. э. В этот период велик удельный вес ламп местного производства; позднее ситуация меняется [9, с. 8]. Известно, что на протяжении 6 веков шло соперничество между аттическими и коринфскими мастерами, производящими светильники, причем обе стороны испытывали значительные взаимовлияния [9, с. 17, 21]. Производство ламп в Коринфе испытывало значительные колебания. На основе материалов святилища Деметра и Коры удалось уточнить хронологию изменения объемов этого производства [9, с. 23].

Большое значение для определения периода функционирования святилища в римскую эпоху имеют немногочисленные находки тонкостенной рельефной керамики: покрытой свинцовой глазурью, импортной краснолаковой посуды и ее местных подражаний [9, с. 37]. В частности, почти полное отсутствие восточной сигилляты А и ранних форм италийской, что не свойственно для других памятников Коринфа этого времени, указывает на то, что в первой половине I в. н. э. эта территория была еще заброшена [9, с. 42—43]. В остальном материалы святилища дают обычную для города картину поступления сигилляты: до середины II в. н. э. преобладает италийская керамика, ее сменяет восточная типа А, в конце II в. появляется посуда типа Чандарли, удельный вес которой до середины III в. постепенно нарастает [9, с. 52], в IV в. отмечен ввоз африканской краснолаковой посуды. Находки в основном ранних форм африканской краснолаковой керамики, наряду с почти полным отсутствием фокейской и позднеримской С, свидетельствует о запустении территории святилища в конце IV в. [9, с. 43]. Каталог завершает описание лекифа позднеримского времени [9, с. 127]. Эта форма не характерна для керамического комплекса святилища Деметры и Коры. Она датирована автором V — началом VI в. н. э. и связана ею с некрополем [11, с. 285], который существовал в это время на территории заброшенного святилища.

Как ни странно, но сакральный характер этого памятника нашел довольно слабое отражение в керамическом комплексе святилища римского времени. Количество сосудов, которые можно было бы связать с ритуалом, невелико: помимо светильников, рассматриваемых автором как культовые по аналогии со святилищем Деметры в Самарии-Себасте [9, с. 8, 11], известны находки фиалы с барботинным орнаментом № 141, фрагментов унгвентариев и нескольких обломков привозных (аналогии в Виндониссе и Остии), а также коринфских фимиатериев [9, с. 64—71].

Изучение амфорной керамики, как и кухонной посуды, по мнению автора, не имеет практической ценности при исследовании памятника как святилища, посвященного Деметре и Коре [9, с. 108]. Тем не менее выясняется, что амфорный комплекс святилища имеет некоторое своеобразие в сравнении с другими синхронными ему памятниками Коринфа [9, с. 109]. Комплекс керамической

тары (123 профильных фрагмента) очень разнороден. За немногими исключениями (DR. 6, № 234, 235 и эгейской амфоры № 254) эти формы (№ 228, 229, 241 и т. п.) неизвестны в комплексах Остии, Карфагена и Бенгази, что может указывать на их восточное, эгейское происхождение. Довольно длительное время не удавалось выделить эти формы на других памятниках Коринфа. По мнению автора, амфорная тара попадала на территорию святилища, будучи вторично использованной для каких-то хозяйственных нужд, подобно серии больших кувшинов из слюдяночистой глины, изготовленных в малоазийских мастерских (Эфес, долина р. Меандра № 244—247) [9, с. 109]. Резкая смена амфорных типов, произошедшая в Коринфе, как и на других памятниках Средиземноморья, в IV в. в результате основания и быстрого развития Константинополя, почти не отразилась на материалах амфорного комплекса святилища [9, с. 109].

Подводя некоторые итоги сказанному, отметим, что, оценивая оба исследования в целом, будет правомерным сравнить их работу с трудом переводчика древних текстов, который постарался дать им наиболее близкий к оригиналу вариант перевода, снабдил его необходимыми комментариями и приложениями. Иными словами, авторами создан полноценный источник для дальнейших исследований, для написания истории святилища Деметра и Коры на северном склоне Акрокоринфа.

Для Коринфа, как и для Афин, исследование керамики, местного керамического производства имеет особое значение. Вспомним, что еще в древности, благодаря неровности и каменистости окрестностей, Коринф был назван «насупившимся» [15, VIII, VI, 23]. Величие и богатство этот город приобрел, по словам Страбона, не только благодаря удобству географического положения, но и трудами ремесленников, художников и политиков.

Институт археологии РАН,
Москва

А. А. Малышев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Fowler H. N. etc.* Introduction. Topography. Architecture//Corinth, 1939. V. I. Pt 1.
2. *Blegen C. W. etc.* Acrocorinth. Excavations in 1926//Corinth. 1930. V. 3. Pt 1.
3. *Broneer O.* The South Stoa and its Roman successors//Corinth. 1954. V. I. Pt 4.
4. *Blegen C. W. etc.* The North cemetery//Corinth. 1964. V. XII.
5. *Stillwell A. N.* The Potters' Quarter, The Terracottas//Corinth. 1952. V. XV. Pt 2.
6. *Edwards K. M.* Coins 1896—1929//Corinth. 1933. V. VI.
7. *Meritt B. D.* Greek Inscriptions 1896—1927//Corinth. 1931. V. VIII. Pt 1.
8. *Pemberton E. G.* The Sanctuary of Demeter and Kore. The Greek Pottery//Corinth. 1989. V. XVIII. Pt 1.
9. *Slane K. W.* The Sanctuary of Demeter and Kore. The Roman Pottery//Corinth. 1990. V. XVIII. Pt 2.
10. *Павсаний.* Описание Эллады//Пер. С. П. Кондратьева. Т. I. М.: Искусство, 1938.
11. *Bookidis N., Fischer J. E.* Sanctuary of Demeter and Kore on Acrokorinth. Preliminary Report: 1971—1973//Hesperia, 1974. V. XLIII. № 3.
12. *Stroud R. S.* The Sanctuary of Demeter and Kore on Acrocorinth, Preliminary Report 1: 1961—1962//Hesperia. 1965. V. XXXIV. № 1.
13. *Mylonas G. M.* Eleusis and the Eleusinian Mysteries. Princeton; New Jersey, 1961.
14. *Грейвс Р.* Мифы древней Греции. М.: Прогресс, 1992.
15. *Страбон.* География//Пер. Г. А. Стратоновского. М.: Наука, 1964.

Pramene k dejinám osidlenia Slovenska z konca 5 až z 13 storočia. Bratislava, hlavné mesto SSR a západoslovenský kraj Nitra. 1989. 521 p.

Изучение древней истории Словакии и генезиса славянства в целом тесно связано с исследованием структуры и динамики заселения этого региона в конце V—XIII в. В этих процессах отображена преемственность славянского населения на данной территории от первых славянских памятников до первого славянского государства — Великой Моравии, а также после его гибели. При анализе

© А. В. Кашкин, 1994 г.

структуры расселения прослеживаются и тесные исторические связи с другими этносами этого региона — аварами, венграми и др.

Естественно, что правильность выводов и полнота представлений о тех или иных исторических процессах зависит от наличия и качества источников, а оценить их можно, лишь собрав воедино. Именно это и было сделано в Словакии, где авторский коллектив под руководством Д. Бялековой собрал, систематизировал и картографировал все существующие археологические источники, касаемые славянского населения западной части Словакии по состоянию на конец 1985 г.

В результате этой работы появилась на свет книга — археологическая карта Западнословацкой области. Следующие тома, как явствует из предисловия, будут посвящены Среднесловацкой и Восточнословацкой областям. В томе содержатся краткие сведения обо всех славянских археологических памятниках данного региона, расположенных у 713 населенных пунктов (всего же памятников более 2,5 тыс.). Количество и качество данных о памятнике зависит от характера и интенсивности разведок и раскопок и от качества имеющейся документации. Авторы тома сделали, на мой взгляд, все от себя зависящее, чтобы собрать воедино и первоначально систематизировать все, что было возможно.

Читателю предложена следующая структура описания памятника.

1. Название населенного пункта. Краткая характеристика орографических, гидрологических и почвенных условий, высота над уровнем моря. Здесь же приводятся упоминания письменных источников, если они имеются.

2. Точная привязка к местности (лист карты и координаты).

3. Название памятника, геоморфологическая характеристика места находки.

4. Характеристика археологического объекта, тип поселения.

5. Условия находки: год и автор исследований, краткое описание результатов (находки, объекты, комплексы, основы датировки). Для наиболее важных находок приводятся также технические данные и место хранения.

6. Хронология (археологический традиционный и естественнонаучный методы датировки).

7. Архивные источники и литература.

Книга дополнена географическим указателем, списками литературы и сокращений и проиллюстрирована областной и районными картами, планами месторасположений памятников вокруг населенных пунктов, отдельными планами памятников и раскопанных участков.

Можно однозначно констатировать, что первый опыт сведения воедино всех славянских памятников V—XIII вв. вполне удался словацким коллегам из Нитры. Перед специалистами впервые предстал полный по сути, хотя и краткий по объему описания каждого объекта свод славянских памятников на территории Словакии. Вернее, это один из возможных кратких вариантов такового в виде археологической карты. Этого уже вполне достаточно, чтобы представить масштабы проделанной работы, и для того, чтобы все заинтересованные ученые могли пользоваться этой полной сводкой славянских древностей, а не заниматься самостоятельно весьма трудоемкой работой по сбору и первичной систематизации зачастую разноречивой археологической информации. Хочется верить, что это лишь начало широкомасштабных работ по систематизации памятников археологии Словакии и вслед за данной книгой появятся и другие, обобщающие также памятники всех других эпох.

Однако не все в рецензируемой книге одинаково ровно. И если сведения о памятниках представляются достаточными и по объему и по уровню первоначальной систематизации, то введение могло бы быть и более объемным, и представить читателю спектр проблем, связанных с изучением славянских древностей данного региона, что было бы интересно для специалистов. Не лишним было бы и просто дать краткий очерк развития славянства в Подунавье, что было бы весьма полезно для широкого круга читателей.

Значительно слабее в книге иллюстративный материал. Излишняя схематизация карт не пошла на пользу изданию. Так, карты здесь представляют собой лишь контур области или районов и точки населенных пунктов (даже не памятников). Полностью отсутствует гидрография и, таким образом, точки на карте существуют как бы сами по себе вне всякой связи с реальной географической ситуацией. Правда, следует отметить, что в книге имеются планы отдельных участков территории, на которые нанесены памятники в конкретной геоморфологической ситуации, и планы эти весьма информативны.

Также схематично выглядят в книге и планы памятников, и планы раскопов. По сути, они дают настолько общее представление, что позволяют лишь отличать городище от селища или могильника, но никак не более. В таком виде, думается, они не нужны вовсе, тем более что основной

акцент книги все же направлен на системное описание памятников, а не на их графическое воспроизведение.

К сожалению, в книге нет хронологического и систематического указателей, и читателю представляется широкая возможность провести самостоятельное исследование по выявлению из текста, например, славянских памятников пражского типа, так как получить самую элементарную сводку совсем не просто, а именно, приходится просмотреть около 500 страниц текста.

Тем не менее перед нами предстала крайне необходимая книга, которая открывает собой новую страницу археологического источниковедения Европы. Она представляет несомненный интерес для значительного круга исследователей, занимающихся средневековой археологией. Можно лишь с нетерпением ожидать выхода еще двух последующих томов.

Институт археологии РАН,
Москва

А. В. Кашкин

Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Сб. науч. трудов/Отв. ред. Ю. С. Худяков, Ю. А. Плотников. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1990. 192 с.

Рецензируемый сборник продолжает собой серию оружиеведческих штудий, издаваемых новосибирскими исследователями военного дела древнего населения Северной и Центральной Азии во главе с Ю. С. Худяковым [1, 2]. В него включены материалы одноименной конференции, состоявшейся в Новосибирске в 1989 г. и призванной, как и сам сборник, ...«способствовать активизации оружиеведческих и военно-исторических исследований в Сибири и на Дальнем Востоке» (с. 4), что нельзя не приветствовать.

Открывает сборник небольшая статья Ю. С. Худякова «Оружие как исторический источник». Трудно, наверное, будет найти археолога, который бы, по крайней мере опосредствованно, не считал предметы вооружения историческим источником. Однако, как это ни странно, сама статья нимало не способствует признанию за оружием таких качеств. Начнем с того, что «теории археологии», о которой пишет автор в первом предложении своей статьи, пока просто не существует и уместнее было бы говорить о теоретической археологии. Тезис исследователя о том, что «один и тот же материальный объект может служить предметом изучения разных научных дисциплин» (с. 5), не нов, но примеры, приведенные Ю. С. Худяковым, неудачны. Это археология использует методы, материалы и даже законы палеоботаники, палеонтологии и геологии, а вовсе не наоборот [3, с. 101]. Вряд ли уместен термин «категории археологического инвентаря» в отношении таких категорий археологических находок, как оружие, сбруя, орудия труда, бытовая утварь, украшения и предметы ритуального назначения (с. 7). Совершенно непонятно, почему автор полагает, что среди них «наивысшая степень соответствия формы вещи ее функции и, следовательно, коэффициент интерпретационных возможностей принадлежит оружию». Отчего меньше соответствуют своей функции, скажем, ювелирные изделия? Не потому ли, что серьгу можно продеть и в нос, а шейную гривну закрепить на бедре? Такое же недоверие вызывает утверждение о том, что в отличие, например, от орудий труда оружие значительно более функционально детерминировано (с. 7). Проблематичным является использование некоторых видов оружия и прежде всего наконечников стрел в качестве эталонов для построения хронологических классификаций широкого круга археологических памятников (с. 8). Общеизвестно, что наконечники стрел и в особенности их оптимальные формы без существенных изменений изготавливались и использовались зачастую на протяжении трех-четырех столетий.

Перечень примеров использования предметов вооружения для решения частных задач исторического исследования, приведенный в конце статьи, носит поверхностный и случайный характер (с. 8, 9). Так, например, боевое назначение топоров «культуры боевых топоров» далеко не бесспорно,

© А. Р. Артемьев, 1994 г.

а инкрустированные надписи на средневековых клинках являются, конечно же, не «источником эпиграфии», а эпиграфическим источником.

В статье Г. Е. Иванова выделены основные этапы развития и прослежены пути эволюции вооружения племен Верхнего Приобья на протяжении XII—I вв. до н. э. Периодом наивысшего развития военного дела у племен Приобья автор считает третий из выделенных им этапов, датируемый концом VI—IV вв. до н. э., когда оружие местных племен имеет большое сходство с вооружением саков Казахстана (с. 15).

Несомненный интерес представляет эксперимент, описанный в статье В. Н. Васильева «Стрелы сарматов Южного Урала. Вопросы баллистики и производства». Ее автор опробовал баллистические характеристики изготовленных им самим стрел со стандартными сарматскими наконечниками, стреляя ими из современного спортивного лука. Выяснилось, что оптимальным соотношением между весом наконечника и древка является 1:5, как это имело место у русских стрел XVI—XVII вв. [4, с. 52]. Что же касается вывода В. Н. Васильева о значительно менее точном попадании в цель стрел с камышовыми древками по сравнению с деревянными из-за продольного прогиба первых, то он вряд ли нуждался в экспериментальном подтверждении. Столь же очевидным представляется заключение о зависимости назначения стрел от материала древка и веса наконечника (с. 21, 22). К сожалению, автор статьи не привел в ней вычисленные им, судя по высказыванию о неправомерности ограничения некоторыми исследователями длины стрел 0,6 м (с. 20), размеры сарматских стрел для наконечников различного веса и типа, несомненно интересные для специалистов.

Следующая статья принадлежит перу Ю. С. Худякова и, по-видимому, является лишь началом более крупной работы, разделенной почему-то в сборнике на две неравные части, отсутствие иллюстраций в первой из которых компенсируется их наличием во второй. В статьях рисуется панорамная картина развития комплекса вооружения кочевников Центральной Азии от хуннской эпохи к сяньбийской, представленной предметами вооружения кокэльской культуры, батеневским этапом таштыкской культуры в Минусинской котловине, фоминским комплексом в Приобье и бурхотуйской культурой в Забайкалье (с. 25—27). В IV—V вв. кокэльскую культуру, по мнению автора, сменяет чаатинская, в наборе вооружения которой немало форм, восходящих к кокэльским прототипам (с. 47). Батеневский этап таштыкской культуры в III—V вв. сменяется тепсейским с более совершенным комплексом вооружения (с. 48). В жужаньскую эпоху комплекс боевых средств легковооруженного конного воина, в основном сформировавшийся в хуннское время, сохранил свое значение в кок-пашской культуре степного Алтая и Восточного Казахстана. В верхнеобской и берильской культурах он, по словам Ю. С. Худякова, дополнился элементами защитного металлического, а в таштыкской — неметаллического доспеха (с. 54).

Не оспаривая выводы А. М. Илюшина в статье «Опыт типологической классификации наконечников стрел I тысячелетия н. э. из Восточного Алтая», отметим лишь, что количество классификаций наконечников стрел кочевых племен Сибири уже значительно превышает само число сибирских археологов-оружиеведов. Казалось бы, неудобства и бесперспективность создания такого множества классификаций очевидны, но конца этому лавинообразному процессу пока не видно. То же самое можно сказать и о статье казанских авторов А. М. Губайдуллина и И. Л. Измайлова о наконечниках стрел из Хакасско-Минусинской котловины, хранящихся в музее Казанского университета.

Впечатление очень добротно выполненной работы производит статья И. Л. Измайлова «Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье». Всем известно, как трудно атрибутировать случайно найденные одиночные археологические предметы, и тем не менее вывод исследователя о том, что стремя, найденное в районе Золотаревки в Среднем Поволжье, является древнейшим в Восточной Европе, не подлежит сомнению (с. 62—64). Несомненно заслуживает внимания предположение автора о взаимосвязи появления железных стремян ранних дальневосточных типов в Европе в конце V — первой половине VI в. с продвижением туда вытесненных жуаньжуанями савиров (с. 65—67).

Чрезвычайно важна и интересна статья А. В. Крыганова «Азиатские элементы в вооружении раннесредневековых восточноевропейских кочевников». Ее автор, не претендуя на окончательное решение всей поставленной им задачи, тем не менее уточняет происхождение и хронологию ряда категорий воинской экипировки кочевников, наглядно продемонстрировав ее синкретичный характер. Так, он удревняет даты типов наконечников стрел, выделенных А. Ф. Медведевым и имеющих, по мнению автора статьи, азиатское происхождение (с. 73). Появление в степных древностях Восточной Европы колчанов с «карманами» и так называемых «закрытых» он относит к VII в. и настаивает на их азиатском происхождении (с. 74). Древнейшие находки сабель в Европе А. В. Крыганов также связывает с продвижением на запад тюрков, категорически возражая против выдвинутой

Н. Я. Мерпертом гипотезы о восточноевропейском происхождении этого вида оружия (с. 75). С этим мнением хорошо перекликается вывод И. А. Аржанцевой о появлении сабли в Средней Азии не ранее IX в. и об отсутствии оснований для утверждения о том, что среднеазиатские мечи являются формой, переходной к сабле [5, с. 127, 128]. Что же касается копий, то их наконечники с ножевидным пером так же, как и пиковидные, могут иметь европейское, правда, гораздо более северное происхождение, поскольку встречены и в городах Северной Руси [6, с. 186, рис. 6]. Не вызывает сомнений заключение автора статьи о северокавказском происхождении топоров-чеканов и кистеней, употреблявшихся восточноевропейскими кочевниками (с. 76). Неразрешим пока, по его мнению, вопрос о путях проникновения к ним булав и защитного снаряжения, включая шлемы, которые традиционно считаются результатом азиатского влияния (с. 76).

Новой, более точной реконструкции колчана древнетюркского времени из Западной Тувы и определению его места в типологическом ряду этой категории предметов вооружения посвящена статья А. М. Савина и А. И. Семенова.

Несомненно весомым вкладом в изучение военного дела тюрок в VII—X вв. является написанная на материалах оригинальных источников арабских авторов IX—XII вв. статья А. С. Юнусова.

В статье С. П. Нестерова и С. М. Максимова публикуются средневековые предметы из геологического шурфа на левом берегу р. Селемджи, притока впадающей в Амур р. Зеи. Авторы, по-видимому, верно датировали комплекс, состоящий из ножа, зубила, наконечников стрел, тройников и остатков пояса с бляшками IX в. (с. 125). Однако это, по-видимому, все-таки не клад, а погребение. Отсутствие костей в песке на глубине 0,5 м этому не противоречит, поскольку сохраниться в таких условиях залегания они вряд ли могли.

Исключительный интерес представляет статья Д. Ю. Чахкиева и Е. И. Нарожного. В ней опубликовано погребение знатного воина начала XV в. Он погиб при защите средневековой «дороги вайнахов», которая вела в глубь Ингушетии, Грузии, Чечню, Дагестан, Осетию и в наиболее узком месте ущелья была перегорожена постоянно охраняемой стеной с воротами. Воин был погребен в шлеме, кольчуге, налокотниках, с саблей, боевым ножом, луком в налучье и колчаном с 30 стрелами. Удалось установить даже имя этого человека — «Телевр», начертанное дважды знаками древнегрузинского алфавита на двух фрагментах сероглиняных сосудов.

В заметке В. В. Овсянникова рассмотрены шлем и панцирь из кургана XIII—XIV вв. в Оренбургской области.

Следующая заметка посвящена случайно найденному средневековому мечу из Восточного Казахстана. К сожалению, аналогии ему, приведенные Ю. А. Плотниковым, неудачны. Как известно, основанием для датировки холодного оружия всегда являлась форма клинка. Клинков, аналогичных казахстанскому, автор публикации не нашел, а перекрестие меча, как он верно отметил, «не родное» и одето на рукоять в перевернутом виде. Тем не менее датировка меча XIII—XIV вв., по-видимому, все-таки оправдана.

Статья М. В. Горелика посвящена степному бою татаро-монголов. В ней он пытается доказать, что, вопреки мнению А. Н. Кирпичникова, кочевникам хорошо был известен копейный бой, и настаивает на «отатаривании» тактики боя восточнорусского войска к XV в. (с. 158). Чтобы правильно оценить степень доказательства приведенных фактов, нужно обратиться к работам того же автора о татаро-монгольском защитном вооружении [7—9]. В этих работах он, игнорируя зачастую количественное соотношение комплексов экипировки и их хронологию, настойчиво проводил мысль о передовом для своего времени защитном вооружении кочевников [10, с. 284, 285; 11, с. 48—50]. Теперь же, признавая недостаточную в целом вооруженность татаро-монголов (с. 158), он утверждает, что копейный конный бой является «давней центральноазиатской степной традицией» (с. 159). Между тем число копий в золотоордынских погребениях, к данным о которых он апеллирует, по сравнению с одновременными им древнерусскими просто несопоставимы: 36 [12, с. 24] против 210 [13, с. 88—95; 99]. Это положение не могут исправить и 8 копий (!) центральноазиатских монголов, собранных Ю. С. Худяковым [14, с. 133, 134]. Что же касается изменения тактики боя русских войск в XV в., то оно не так велико, как кажется М. В. Горелику. В сообщении немецкого историка А. Кранца, которое автор цитирует вслед за А. Н. Кирпичниковым, ничего не говорится о стрельбе русских воинов из лука с последующим ложным отступлением и контратакой, а ведь именно это действие автор статьи считает первой из двух основных фаз монгольского полевого боя (с. 157). Тем не менее факт наличия в составе русского войска лучников, которые начинали сражение с обстрела противника, еще в домонгольское время не подлежит сомнению [15, с. 145]. Что же касается второй фазы монгольского полевого боя, выделенной М. В. Гореликом и заключавшейся в

бое древковым и клинковым оружием (с. 157), то ничего другого средневековое военное дело не знало и у других народов.

Изменение вооружения русских войск сообразно с условиями татарского боя, конечно же, имело место, но уже в XVI в. и только у ратников, защищавших южные рубежи Московии [16, с. 259]. Наличие особенностей в способах ведения боя и вооружении войск отдельных районов Руси, связанное с несходными приемами боя ее западных и юго-восточных противников, давно и развернуто обосновано А. Н. Кирпичниковым [17, с. 90—95]. Однако он же обосновал тезис о почти национальном своеобразии русских боевых приемов и вооружения, отмеченных иностранцами в средневековье [18, с. 237—243].

К сожалению, М. В. Горелик лишь упомянул об изменениях в тактике и вооружении западного «татарского» массива потомков создателей империи чингизидов (с. 159), представляющих несомненный интерес для исследователей.

Погребению воина IV—V вв. в Барабе посвятили свою статью В. И. Молодин и Т. А. Чикишев. По мнению исследователей, морфологические особенности черепа погребенного свидетельствуют о его происхождении из иной расовой среды, нежели основное население лесостепи Западной Сибири, а комплекс обнаруженных с ним предметов имеет аналогии в западных, сармато-аланских древностях (с. 168, 169).

Культу мансийского божества Мир-Сусне-Хума посвящено исследование Н. В. Полосьмака. В нем он убедительно показал, что культ этого богатыря-птицы, как его изображали на бронзовых литых фигурах, достиг своего расцвета у таежных угров Западной Сибири именно в воинской среде.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, Владивосток

А. Р. Артемьев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии/Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981.
2. Военное дело древнего населения Северной Азии/Отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков, Новосибирск: Наука, 1987.
3. *Клейн Л. С.* Структура археологической теории//Вопр. философии. 1980. № 3.
4. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел XIII—XIV вв.//САИ. 1966. Вып. Е1-36.
5. *Аржанцева И. А.* Раннесредневековые мечи Средней Азии и проблема происхождения сабли//Древний и средневековый Восток. М.: Наука, 1987.
6. *Артемьев А. Р.* О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле//Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991.
7. *Горелик М. В.* Средневековый монгольский доспех//III Междунар. конгр. монголоведов. Т. I. Улан-Батор, 1979.
8. *Горелик М. В.* Татаро-монгольское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в.//Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (Матер. юбилейной науч. конф.). М.: Изд-во МГУ, 1983.
9. *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.)//Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987.
10. *Артемьев А. Р.* Новые работы о татаро-монгольском вооружении//СА. 1989. № 4.
11. *Артемьев А. Р.* Вопросы происхождения защитного вооружения татаро-монголов в литературе 80-х годов//Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1989.
12. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Наука, 1966.
13. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.//САИ. 1966. Вып. Е1-36.
14. *Худяков Ю. С.* Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991.
15. *Кирпичников А. Н.* К оценкам военного дела средневековой Руси//Древние славяне и Киевская Русь. Киев: Наук. думка, 1989.
16. *Богоявленский С. К.* Вооружение русских войск в XVI—XVII вв.//Истор. записки. 1938. Т. 4.
17. *Кирпичников А. Н.* О своеобразии и особенностях в развитии русского оружия X—XIII вв.//Культура Древней Руси. Л.: Наука, 1967.
18. *Кирпичников А. Н.* Факты, гипотезы и заблуждения русской военной истории XIII—XIV вв.//Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1984 г. М.: Наука, 1985.

П. Г. Гайдуков. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. 198 с. илл.

В отечественной археологической науке сложилась практика, при которой публикация полученных в ходе раскопок материалов значительно отстает от темпов полевых исследований. Новгород не исключение, хотя количество работ по археологии этого города достаточно велико и возрастало до недавнего времени с каждым годом [1, 2].

Необходимость наверстать упущенное прекрасно осознается самими археологами. Однако много времени у них уходит на организацию раскопок, первичную обработку материала и составление полевого отчета. При дефиците времени неудивительно, что к настоящему моменту лишь один из раскопов — Неревский (1951—1962 гг.) опубликован наиболее полно [3—6 и др.]. Подробно также издан коплекс усадьбы художника XII в. Олисея Гречина Троицкого раскопа [7]. Публикации прочих раскопов Новгорода (их свыше 20) носят ознакомительный, предварительный характер [8; 9, с. 178—238].

На этом фоне книгу П. Г. Гайдукова, заместителя начальника Новгородской археологической экспедиции, следует рассматривать как начало фундаментальной публикации Нутного раскопа, заложенного в Славенском конце на древней Нутной улице и ныне законсервированного. Название монографии указывает на стремление автора издать и другие раскопы Славенского конца. Саму идею относительно целой серии книг, посвященных отдельным раскопам этого района Новгорода, следует лишь приветствовать.

В предисловии П. Г. Гайдуков кратко излагает историю раскопок Новгородской археологической экспедиции, освещает проблему издания материалов отдельных раскопов, в том числе раскопов Славенского конца. Нутный раскоп характеризуется как один из крупнейших в Славенском конце (площадь 672 м^2). Работы на нем велись в 1979—1982 гг.

П. Г. Гайдуков пишет, что «это исследование — итог напряженной работы не только одного автора», что «оно могло появиться только в результате многолетних полевых изысканий большого коллектива людей, работавших в Новгородской экспедиции» (с. 6). Далее он благодарит художников, редакторов, переводчика резюме, лиц, ознакомившихся с рукописью и высказавших замечания.

Рецензент с удивлением не обнаружил в этом списке ни Б. Д. Ершевского, ни В. Г. Миронову — начальников раскопов, осуществивших сами раскопки и написавших научные отчеты об этих исследованиях, длившихся 5 сезонов [10, с. 63—122; 11, с. 83—166; 12, с. 1—67; 13, с. 99—168]. Не были приглашены они и в рецензенты. Их даже не поставили в известность о предстоящей публикации Нутного раскопа. Означает ли это, что и все прочие раскопы в Славенском конце будут изданы Новгородской экспедицией подобным образом?

Впрочем, через страницу, как бы мельком, все же отмечено, что в 1979 и 1980 гг. работами руководили Б. Д. Ершевский и В. Г. Миронова, а в 1981 и 1982 гг.— Б. Д. Ершевский (с. 8). Но при этом их имен мы не найдем в списке литературы среди авторов статей в сборнике «Археологические открытия» за 1979—1982 гг. Они завуалированы: «Янин В. Л., Колчин Б. А. и др.» (с. 193). Вряд ли такое отношение к труду своих коллег корректно: в 1980 г. В. Г. Миронова и в 1979—1982 гг. Б. Д. Ершевский работали по своим Открытым листам (данные картотек архива и ОПИ ИА РАН).

В следующем за предисловием небольшом разделе «История изучения» (с. 7, 8) П. Г. Гайдуков излагает фактологическую сторону работ на Нутном раскопе по годам: количество снятых пластов, ярусов, мостовых, номера изученных срубов, частоколы, мощения и т. д. Отмечено, что Нутный раскоп состоит из трех раскопов, два из которых (раскопы II и III) не были доведены до материка. Работы на них приостановлены по техническим причинам. Эта территория Славенского конца передана Новгородскому музею для последующей музеефикации и создания здесь археологического заповедника.

Книга состоит из двух частей, заключения, приложений 1—3, списка литературы, резюме на английском языке.

Часть I включает пять разделов, первый из которых посвящен топографии Славенского конца, месту Нутной улицы в этой топографии (с. 9—12). Обобщая свидетельства письменных и археологических источников, автор дал практически исчерпывающую подборку материалов о Нутной

© В. А. Буров, 1994 г.

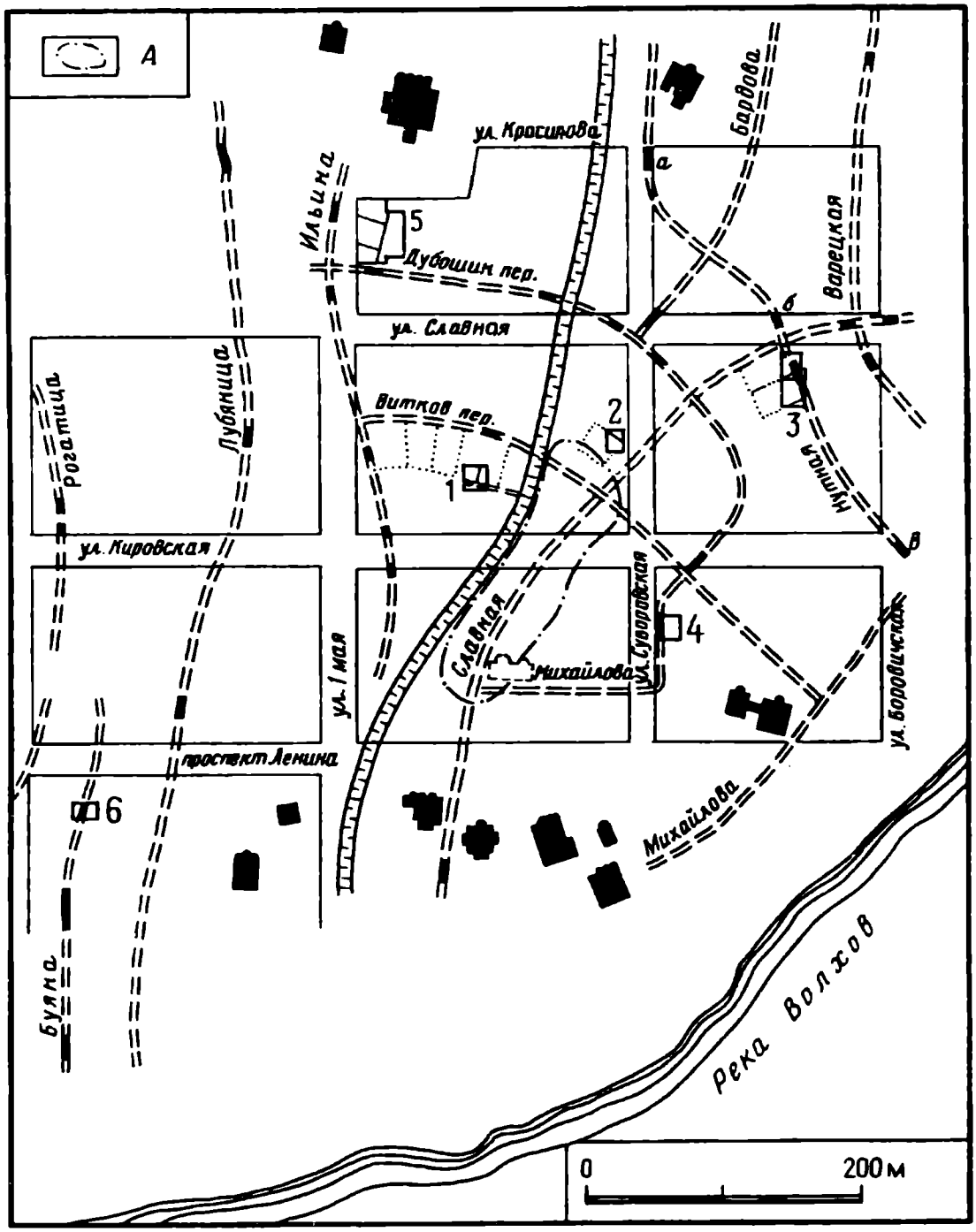


Рис. 1. Фрагмент плана Торговой стороны Новгорода с указанием древних улиц, каменных церквей, раскопов (*1* — Кировский; *2* — Дубошин; *3* — Нутный; *4* — Михайловский; *5* — Ильинский; *6* — Буяный). *А* — примерное расположение древнейшего поселка Славенского конца (X в.)

улице. Важна корректировка трассы Бардовой улицы. На ситуационный план Торговой стороны нанесены Варяжская улица, засеченная ранее в строительных траншеях С. Н. Орловым.

П. Г. Гайдуков вновь поднимает вопрос о местонахождении древнейших напластований Славенского конца. Опираясь на хронологию нижних слоев Михайловского, Дубошина, Кировского, Ильинского раскопов, он, корректируя Б. Д. Ершевского [14, с. 232—234], высказывает предположение, что древнейшую часть поселения на Торговой стороне надо размещать на месте современного квартала Новгорода между улицами Кировской, Суворовской, южной частью квартала, примыкающего к ул. 1 Мая, и проспектом Ленина. Отсюда следует, что древнейшее поселение — поселок X в.— не приходился на территорию Нутного раскопа.

Замечу, что не все 11 участков Нутной улицы, прослеженные археологически, указаны П. Г. Гайдуковым на плане (с. 37, рис. 4). Обойдена вниманием предложенная в литературе трасса Дубошина переулка [15]. Вывод о локализации ядра Славенского конца уже на данной стадии могут быть еще более детализированы.

На мой взгляд, совершенно очевидна топографическая привязка первоначального поселения к руслу ручья, впоследствии взятого в трубу. Возможно, он носил характерное название — Витка: отсюда, видимо, и название древней улицы — Виткова. Именно к его левобережью тяготеют городские участки X в., выявленные на Дубошином и уже на периферии на Михайловском раскопах. Между мостовой Славной улицы и ручьем и следует искать первоначальное поселение, предвестник Славенского конца (рис. 1). Б. Д. Ершевский справедливо заметил, что овраг (это все же ручей.— *В. Б.*) ограничивал с севера древнейшую застройку [14, с. 233]. В XI в. поселение перекинулось на северный, правый берег ручья, что зафиксировано на Кировском и Ильинском раскопах. В том же столетии городская застройка распространилась вниз по течению ручья в сторону Волхова. На левобережье ручья был основан Ярославов двор. К югу проложили Нутную улицу, на месте которой ранее, по-видимому, размещалось поле для выпаса поселкового стада (нуто — «стадо»). Таким образом, именно ручей Витка и явился градообразующим элементом Славенского конца. На него ориентированы древнейшие Виткова и Дубошина улицы, они перпендикулярны ручью. В этом районе отмечена также особая, слегка запутанная планировка, несхожая с традиционной четкой разметкой улиц в других частях Новгорода. В XI в. Ильина улица закрепила северную границу Славенского конца. Сам поселок с тех пор стал разрастаться в южном направлении.

Полагаю, что необходимо дать социальную характеристику ранней городской застройки. На Дубошином раскопе в слоях XI—XIII вв. отмечены комплексы мастерских и жилищ ремесленников [16, с. 47]. На Михайловой улице местные дворовладельцы отнесены исследователями к представителям торгового слоя, житьям — феодалам небоярского происхождения [17, с. 167]. На Витковой улице население охарактеризовано как житьи и купцы [18, с. 234—236]. Усадьбы Ильинского раскопа «могут быть квалифицированы в качестве усадеб свободных горожан, не принадлежавших к привилегированному слою новгородского общества, т. е. как дворы сотенного населения» [19, с. 41]. Скорее всего здесь же, на ручье, находился и «Поромонь» двор, где были избиты варяги-наемники. Под этим двором историки подразумевают особый двор, отведенный для скандинавов (farmenn древнесканд.— «путешественники, купцы») [20, с. 129, 130].

Следовательно, ядро Славенского конца X—XIII вв. в социальном плане однородно. Его составляло торгово-ремесленное население. Бояр здесь не было. Боярство, следовательно, не стояло у истоков формирования Славенского конца. В связи с этим показательно, что жители улиц Витковой, Ильиной, Михайловой («витковцы», «ильинцы», «михайловцы») фигурируют в качестве участников мостовой повинности, определяемой «Уставом Ярослава князя о мостех» для населения, находившегося под юрисдикцией князя. Они входили в «княжу ста» [15, с. 91—102]. Дворы здесь имели стандартную площадь около 200 кв. саженей (450 м^2).

Второй раздел части I книги характеризует застройку XVI—XVIII вв. (с. 12—15). П. Г. Гайдуков предпринимает попытку атрибуции каменного строения начала XVIII в., от которого на Нутном раскопе прослежены свайный фундамент и валуны. Не соглашаясь с выводом В. Л. Янина, что это Посольский двор, автор ссылается на план из книги П. И. Сумарокова, где в районе перекрестка Нутной и Славной улиц обозначены «Службы и двор княжаго дома». Следует признать справедливым заключение, что точно атрибутировать данную постройку пока не представляется возможным.

В разделе «Стратиграфия и хронология мостовых» (с. 15—18) приведены данные о мощности культурного слоя на Нутном раскопе (5—5,5 м). Прослежено 25 ярусов настилов Нутной улицы, явившихся основой стратиграфического и хронологического членения культурного слоя. Исследователь подробно описывает все ярусы мостовой, приводит дендрохронологические даты, полученные А. Ф. Урьевой и опубликованные ею в 1988 и 1990 гг. [21, 22].

П. Г. Гайдуков замечает, что многие новые датировки сильно отличаются от первоначальных дат ярусов Нутной улицы (далее делается ссылка на работу Б. Д. Ершевского [23]). Ярус 1 теперь датируется 1464 г., ярус 23 — 1065 г. Ярусы 24 и 25 даты не имеют из-за плохой сохранности дерева.

Мне представляется не совсем корректной сноска на работу Б. Д. Ершевского. У несведущего читателя может сложиться мнение, что прежняя датировка принадлежит именно ему, хотя известно,

что порубочные даты всегда определяла лаборатория Б. А. Колчина. Первый вариант дат ярусов мостовых Нутной улицы опубликован Б. А. Колчиным в сборнике «Археологические открытия» [24, с. 40, 41; 25, с. 39]. Эти даты приведены в 1986 г. в академическом издании берестяных грамот [26, с. 6, 7].

Пересмотр ярусологии Нутного раскопа у рецензента вызывает тревогу. Ревизия датировок Б. А. Колчина с Нутного раскопа должна перекинуться на прочие раскопы, в том числе и на эталонный Неревский. Необходима более детальная мотивировка пересмотра дендрохронологии Нутного раскопа, вскрытие ошибок, объяснение причин, их вызвавших.

В следующем разделе — «О времени заселения территории Нутного раскопа» (с. 18—20) автор выводит дату ярусов 24, 25, не имеющих дендрохронологических дат. С этой целью П. Г. Гайдуков провел подсчеты среднегодового нароста культурного слоя XI—XII вв. на Нутном раскопе и определил динамику его нарастания за 1 год — около 1 см. Проанализированы также датирующие находки, залегавшие в слое ниже яруса 23 (1065 г.). Вполне убедительно доказано, что ярус 25, связанный с началом заселения территории Нутного раскопа, относится к 30-м, а ярус 24 — к 50-м годам XI в.

Последний раздел части I — «Обзор усадебной застройки и общая датировка ярусов» (с. 20—30) уделяет внимание этапам жизни этого участка Новгорода. Выделено четыре строительных периода: I — (ярусы 25—18) — 30—40-е годы XI — начало XIII в., II (ярусы 17—15) — начало XIII в.— 1276 г., III (ярусы 14—11) — с 1276 по 1345 г., IV (ярусы 10—1) — с 1345 по 1464 г. Отмечено, что еще в ходе раскопок выделены две усадьбы — А и Б, разграниченные линиями частоколов, которые подходили перпендикулярно к мостовой и два раза смещались то к западу, то к востоку. Для ярусов 6—1 выделены также усадьбы В и Г. Застройка рассматривается по строительным периодам, усадьбам и ярусам, дается описание срубов, настилов, вымосток, частоколов. Представлены чертежи всех ярусов. Публикация подробная.

Однако проделанная работа во многом обесценивается, так как отсутствует характеристика усадебных комплексов — то, во имя чего вся эта работа и была проделана. Вещи не топографированы, не распределены по срубам. Не предпринята попытка социальной характеристики усадеб.

Часть II книги называется «Анализ вещевого материала» (с. 77—110). Здесь рассматриваются такие археологические категории, как берестяные грамоты, монеты, печати, музыкальные инструменты, деревянные навершия, игрушки, ювелирные изделия, изделия из железа, кости, стекла, янтаря, камня, глины, кожи. Точнее было бы назвать эту половину книги «Обзор находок» или «Хронология находок», поскольку именно перечню предметов с указанием их паспортных данных (ярус — пласт — квадрат), уточнению датировки и уделяется внимание. Предложены новые даты для уже опубликованных ранее находок: берестяных грамот № 576—580, 582, 583, 587, 590, 591, 593, 610, прикладной печати Олферия и др. Приведены рисунки многих находок.

По словам автора, объем книги не позволил полностью издать огромные коллекции изделий из дерева и кожи. Но этот пробел предполагается восполнить со временем.

В заключении П. Г. Гайдуков высказывает надежду на продолжение прерванных работ на Нутном раскопе и создание здесь музеефицированного участка древнего Новгорода.

К книге дано три приложения: переводные таблицы для привязки находок к ярусам, заключение Г. М. Штендера об исследовании каменного терема, воздвигнутого на Нутной улице в последней четверти XIV в., технологическая характеристика ножей Нутного раскопа (авторы В. И. Завьялов, Л. С. Розанова).

Книгу П. Г. Гайдукова следует рассматривать как важную публикацию материалов новгородских раскопок. Введены в научный оборот сотни находок XI—XV вв., достоянием научных кругов стали сведения о застройке, планировке небольшого участка древнего Новгорода в Славенском конце. По сути это добротный очередной том «Свода археологических источников. Новгородские древности». Вместе с тем данное издание ставит ряд серьезных вопросов: о праве на публикацию руководителей раскопов, работающих в составе крупной экспедиции, об усилении обоснования пересмотра порубочных дат, о выработке единого подхода к изданию отдельных раскопов Новгорода. Надо полагать, что составной частью научного издания раскопов Новгорода должен являться также каталог находок с единой нумерацией. Это значительно облегчит в дальнейшем работу по выделению усадебных комплексов и топографирование вещей на планах поярусной застройки усадеб.

Институт археологии РАН,
Москва

В. А. Буров

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археология Новгорода. Указатель литературы, изданной с 1917 по 1980 г./Сост. П. Г. Гайдуков. М.: Изд-во МГУ, 1983.
2. Археология Новгорода. Указатель литературы 1981—1990 гг. Дополнения к указателю за 1917—1980 гг./Сост. П. Г. Гайдуков. М., 1992.
3. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I.//МИА. 1956. № 55.
4. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II.//МИА. 1959. № 65.
5. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III.//МИА. 1963. № 117.
6. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV.//МИА. 1963. № 123.
7. *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981.
8. Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
9. Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
10. *Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Отчет Новгородской археологической экспедиции МГУ и ИА РАН СССР. 1979.//Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 8048.
11. *Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Отчет Новгородской археологической экспедиции МГУ и ИА АН СССР. 1980 г.//Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 8049.
12. *Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Отчет Новгородской археологической экспедиции в г. Новгороде 1981 г.//Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 9983.
13. *Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Отчет Новгородской археологической экспедиции 1982 г.//Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 9925.
14. *Ершевский Б. Д.* Археологические наблюдения в Новгороде в 1969—1974 гг.//Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
15. *Буров В. А.* О местоположении княжей сотни в древнем Новгороде//СА. 1987. № 1.
16. *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
17. *Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Михайловский раскоп//Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
18. *Колчин Б. А., Рыбина Е. А.* Раскоп на улице Кирова//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
19. *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии//Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
20. *Мельникова Е. А.* Новгород Великий в древнескандинавской письменности//Новгородский край. Матер. науч. конф. «Новгород древний — Новгород социалистический. Археология, история, искусство». Л., 1984.
21. *Урьева А. Ф.* Результаты дендрохронологического анализа дерева сооружений Нутного раскопа в Новгороде//Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1988.
22. *Урьева А. Ф.* Результаты дендрохронологического анализа дерева сооружений Нутного раскопа в Новгороде//Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990.
23. *Ершевский Б. Д.* Раскопки на Нутной улице//Новгородский край: Матер. науч. конф. Л., 1984.
24. *Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция//АО — 1979. М., 1980.
25. *Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция//АО — 1980. М., 1981.
26. *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М.: Наука, 1986.

В. Е. Возгрин Исторические судьбы крымских татар. М.: Мысль, 1992. 447 с.

Многолетний фактический запрет на публикацию трудов по истории крымских татар заставляет с повышенным вниманием относиться к каждой новой работе на эту тему, тем более, если речь идет о капитальной монографии. Книга В. Е. Возгрина всеми внешними признаками такой монографии обладает. Она состоит из введения и 18 глав, охватывая период от эпохи мустье до гражданской войны 1918—1920 гг. В предлагаемой рецензии, учитывая специфику журнала, речь пойдет об авторской концепции истории населения Крыма, которая, как известно, реконструируется в основном благодаря археологическим исследованиям.

© А. Г. Герцен, И. Н. Храпунов, 1994 г.

Во введении автор констатирует отсутствие общеисторического труда о Крыме и переходит к критике своих предшественников.

Вероятно, нет оснований сомневаться в том, что если специалист по периоду новой истории скандинавских стран берется за освещение такой сложной комплексной темы, как этническая история Крыма (а именно таков фактически сюжет рецензируемой книги), то положение в этой области действительно плачевно. В. Е. Возгрин полагает, что «все крупные послевоенные работы, посвященные крымской античности, средневековью и началу нового времени, написаны как бы „извне", с точки зрения русских или европейских историков». При этом не объясняется, как можно, будучи современным историком, написать работу, например, по античности «изнутри». Кроме того, все эти труды без исключения, по мнению В. Е. Возгрина, выдержаны в антитатарском духе (с. 4). На этой же странице начинается вспыхивающая затем в каждой главе полемика с П. Н. Надинским. На наш взгляд, в высшей степени тенденциозная и некомпетентная работа П. Н. Надинского (Очерки истории Крыма. Т. I. Симферополь, 1951) ниже всякой критики. Она сосредоточила в себе множество недостатков, но обладает одним несомненным достоинством — ее легко критиковать, чем с лихвой воспользовался автор рецензируемой монографии.

Свою сверхзадачу В. Е. Возгрин формулирует так: «...показать отнюдь не приукрашенную, но освобожденную от многолетних напластований лжи, грязи и гнусных домыслов картину исторического развития крымского народа» (с. 11). Стремление создать такого рода труд можно только приветствовать. Правда, несколько смущает появление некого «крымского народа», который, как явствует из названия книги и из дальнейшего изложения, автор отождествляет с крымскими татарами. Следовало бы называть народы своими именами. В разделе «Средневековое заблуждение» В. Е. Возгрин несколько конкретизирует свою задачу: «Для того чтобы проследить процесс формирования крымско-татарской нации, необходимо углубить хронологический фон исследования, охватив периоды, предшествующие историческим временам». Желание «углубить хронологический фон» привело автора к неандертальцам, с которых, приписав Крыму несвойственную ему роль «одной из древнейших колыбелей человечества, современной цивилизации», он и начинает свое исследование.

Ни во введении, ни далее автор не останавливается подробно на методических принципах своей работы. Лишь на с. 21—22 довольно бегло сказано о том, что опасно принимать за точку отсчета появления народа формирование его самосознания, а при изучении этногенеза результаты археологических исследований должны дополняться этнолингвистическими штудиями. Завершаются эти рассуждения утверждением о существовании в каменном веке у каждого племени собственных приемов обработки камня, что противоречит всем современным представлениям о палеолите.

Вопреки мнению В. Е. Возгрина, мы полагаем, что формирование этнического самосознания, зафиксированное в этнониме, это явление в буквальном смысле первостепенной важности для истории любого народа. Оно позволяет в большинстве случаев наметить рубеж между этногенезом (или предысторией) и собственно этнической историей. Если автор задался целью реконструировать этногенез народа, было бы нелишне проследить истоки его материальной культуры (желательно на конкретных примерах составляющих ее элементов), духовной культуры, включая язык, изучить антропологические типы, исследовать этнические процессы, которые привели к формированию этноса, и, наконец, попытаться отыскать территорию, где эти процессы завершились. К сожалению, В. Е. Возгрин не старается осветить подобные вопросы, столь естественные для его исследования. Вместо этого он создает серию очерков, первый из которых посвящен доисторическим временам, остальные имеют этнонимичные заголовки: тавры, киммерийцы, скифы, греки, сарматы, готы, римляне, гунны, хазары и мадьяры, печенеги и половцы, русские, венецианцы и генуэзцы, татары. Заметим сразу, что о пребывании мадьяр в Крыму источники ничего не сообщают, поэтому, говоря о них, В. Е. Возгрин вынужден ограничиться одной фразой. Закончив рассказ о хазарах, он пишет: «О мадьярах же не осталось и этой памяти» (с. 109). Следующие друг за другом очерки в большинстве случаев прямо между собой не связаны. Вообще говоря, не очень понятно, какое отношение они имеют к теме, заявленной в названии книги, так как никаких попыток проследить преемственность культуры крымских татар от культур перечисленных выше народов автор не предпринял. Правда, иногда делаются умозаключения типа: «А в широкие жилы крымского народа влилась еще одна струйка — римской крови...» (с. 104), но об их научной значимости говорить не приходится. Любопытно, что для гуннской, например, крови места в «широких жилах» не нашлось, так как присутствие гуннов в Крыму антропологически не прослежено. Римское влияние на краниологических сериях, полученных в Крыму, тоже никак не отразилось, но это автора не смущает.

Мы сознаем серьезность высказанных выше упреков, однако не необходимость публичного их

перечисления заставила нас взяться за перо. В конце концов, еще один очерк древней и средневековой истории Крыма, пусть даже не связанный с основным содержанием книги, мог бы оказаться небесполезным. Гораздо печальней иное. Работа изобилует фактическими ошибками, причем в количестве совершенно невероятном для книги, выпущенной таким солидным издательством, как «Мысль». Они присутствуют, без всякого преувеличения, почти на каждой странице, местами образуя такие конгломераты, что читателю, для которого труд В. Е. Возгрина не первый на данную тему, бывает непросто понять смысл написанного. Перечислить все замеченные нами ошибки (речь, конечно, идет именно об ошибках, а не о научных гипотезах, которые мы не разделяем) в рамках рецензии абсолютно невозможно. Однако часть из них мы должны назвать для обоснования общей оценки рецензируемой монографии.

В разделе «Древнее население Крыма» сказано о каменных стенах с древними проемами эпохи мустье (с. 16) и о верхнепалеолитических полушатрах-полуземлянках (с. 17). Такие сооружения науке неизвестны.

Утверждение о резком увеличении общего количества жителей Крыма в верхнем палеолите (с. 17) прямо противоречит отмеченному всеми исследователями факту значительного уменьшения числа верхнепалеолитических стоянок по сравнению с мустьерскими.

Все рассуждения о погребальном обряде эпохи мезолита вроде: «Нередки костяки с пальцами, отрезанными еще при жизни...» (с. 17) — теряют смысл, если учесть, что в Крыму раскопано всего два мезолитических погребения.

Знаменитая стела из Бахчи-Эли не имеет отношения к неолиту (с. 18).

По Воронцовской роще мы ежедневно ходим на работу и не заметили там кромлеха, величием не уступающего Стоунхенджу (с. 19). Кроме того, можем засвидетельствовать, что роща не затоплена Симферопольским водохранилищем.

В Крыму не известен обычай кремации на стороне с последующим погребением костей в деревянном срубе, да еще с 1—3-летними детьми и рабами (с. 20).

Довольно много места в книге отводится таврам. К сожалению, В. Е. Возгрин не познакомился с работами, появившимися после публикаций П. Н. Шульца и А. М. Лескова 1950-х и 1960-х годов. Поэтому он считает таврскими все средневековые крепости южного берега Крыма, а также Харакс. В отношении хронологии автор ориентируется на умозрительную схему П. Н. Шульца. Между тем самые поздние таврские памятники, кроме святилища, раскопанного А. П. Бертье-Делагардом, датируются IV—III вв. до н. э., да и то только в том случае, если отнести к таврам кизил-кобинскую культуру. Эти заблуждения наряду с рискованными интерпретациями приводят к самым неожиданным выводам.

Например, с полным доверием воспринимается свидетельство «Жития Иоанна Готского» о том, что тавроскифы населяли Партенит, причем, возможно, это были чистокровные тавры. По мнению В. Е. Возгрина, в X в. н. э. иных, кроме тавров, язычников в районе Херсонеса источники не знают (с. 36).

Впечатляет вклад тавров в культуру иных народов. Так, греки, римляне и скифы заимствовали таврские строительные приемы; беспорские склепы расписывались по таврскому образцу (хотелось бы взглянуть на таврский оригинал, служивший источником вдохновления боспорским живописцам!); верховная богиня тавров чеканилась на боспорских монетах; десятки скифских, римских, греческих, понтийских (так!), татарских селений построены на фундаментах таврских городищ (с. 38); тавры строили «длинные стены» (термин Прокопия Кесарийского), а греки, римляне и византийцы их реставрировали (с. 39, 95). В большинстве эти утверждения были высказаны когда-то, конечно только в виде гипотез, разными учеными и давно уже отвергнуты благодаря вновь полученным материалам.

По поводу обращения автора книги с письменными источниками — всего один пример, хотя их число можно без труда умножить. Он приписал Иосифу Флавию сообщение о «таврской флотилии маломерных судов» (с. 35).

Между прочим, по мнению В. Е. Возгрина, римляне настолько опасались тавров, что одновременно и в полном составе держали в Крыму три легиона, эскадру и много более мелких подразделений (с. 97). В таком случае во II в. н. э. Крым по концентрации войск, пожалуй, превосходил сам Вечный город.

Необычна для научных монографий система доказательств выдвинутых гипотез. Бухта листригонов, описанная Гомером, — это Балаклавская бухта. Аргумент: В. Е. Возгрин видел подобную только в Бразилии, где Гомер не был (с. 24). Или еще: кости собак находят в зерновых ямах, следовательно, псы должны были охранять урожай (с. 35).

После всего этого (и многого другого, оставшегося за пределом рецензии) не очень удивляешься,

когда читаешь о том, что в средние века тавры мусульманизировались и татаризировались, но остались жить на старых местах (с. 37).

Скифам на страницах книги В. Е. Возгрина повезло не больше, чем таврам. В III—II вв. до н. э. их могущество, по мнению автора монографии, многократно возросло (с. 33). Парадоксальный вывод! В это время, как всем известно, скифы потеряли причерноморские степи, кроме Нижнего Приднепровья и Крыма, а с ними и былое могущество. Упоминаются слои VI—VII вв. н. э. в Неаполе-Скифском, где найдены черепа, позволившие сделать важные антропологические выводы (с. 73). Напомним в связи с этим, что город погиб в середине III в. н. э. и больше не восстанавливался.

Любопытны представления В. Е. Возгрина о скифском зверином стиле. Он полагает, что скифы получили его от киммерийцев «готовым» (с. 42). Это новое слово в науке, перечеркивающее достижения предшественников, к сожалению, никак не обосновано. Скифский звериный стиль сохранился у сибирцев, алтайцев, славян, кавказцев, прибалтов, но не в Крыму, где его распространению воспрепятствовал ислам (с. 55). Судя по этой сентенции, автор считает производным от скифского стиля любое изображение животного. Самые поздние памятники подлинного скифского звериного стиля относятся к IV—III вв. до н. э. и, таким образом, исчезают более чем за 1,5 тысячи лет до расселения в Крыму первых мусульман.

Задумывается В. Е. Возгрин и о месте скифов во всемирном историческом процессе. В истории цивилизации Европы им, по спортивному принципу, отводится третье место, вслед за греками и римлянами. Он полагает также, к сожалению, пренебрегая аргументами, что именно скифы определили культурный расцвет Европы в средние века и в эпоху Возрождения (с. 53).

Благодаря скифам проясняются некоторые представления В. Е. Возгрина об этногенезе. По Михаилу Литвину, татары — потомки скифов. Его нелегко опровергнуть, следовательно, он прав (с. 56). Заметим, что еще труднее доказать его правоту, а именно это необходимо сделать, если речь идет о формулировке научной гипотезы. Иначе на место скифов можно поставить, например, неандертальцев, и опровергнуть такое утверждение будет тоже непросто.

На с. 56 средневековые крымские города названы памятниками смешанной тавроскифской культуры, что противоречит всем современным представлениям. Впрочем, в другом месте (с. 76) в роли основателей Чуфут-Кале выступают уже сарматы.

Познания В. Е. Возгрина в области античной истории и археологии иллюстрируют некоторые приведенные ниже высказывания, которые мы оставляем без комментариев, чтобы не повторять написанное в общедоступных учебниках.

Первые греческие поселения в Крыму появились в VIII в. до н. э., Феодосия основана в 600 г. до н. э. (с. 58). Пантикапей попал под власть боспорских царей в середине IV в. до н. э. (с. 61). Херсонеситы вытесняют из Керкинитиды гераклеотов (с. 62). Афины сохраняли на Боспоре свою «верховную власть» (с. 65), причем речь идет о последних трех веках существования Боспорского царства. Когда римляне появились в Крыму (I в. н. э.), Ольвию уже разрушили готы (с. 95). Римский гарнизон стоял в Неаполе. Главные городские центры римлян — Джалита (Ялта), Горзувиты, Алустон. Таврские постройки перестраивались, сменяясь просторными казармами, комфортабельными термами, храмами. «Почти непременной составной частью гарнизонных построек становится бассейн для плавания — такого рода спортивных сооружений ранее в Крыму не было» (с. 96). У скифов римляне научились строить двупанцирные стены с забутовкой (с. 100). Под влиянием римлян типично таврский обычай погребения в каменных нишах сменяется грунтовыми захоронениями, а когда римляне ушли, крымчане стали хоронить кремированные останки в урнах (с. 103).

Рыболовный флот Боспора при римлянах содержался «в основном в понтийский доках, вмещавших 30 судов...» Для человека, плавающего по морям-океанам, на что автор неоднократно намекает на страницах книги, довольно странное утверждение. Общеизвестно, что суда в доках ремонтируются, а не содержатся.

Иногда источники этих фантазий угадываются (например, автор, по-видимому, не знает разницы между готами и гетами), но в большинстве случаев остается только развести руками.

Весьма смутны представления В. Е. Возгрина об этнической ситуации в IV в. н. э.: скандинавы у него владеют степной частью полуострова, Керченский полуостров, Херсонес «с прилежащими землями» заняты греками, а горная часть — таврами (с. 82).

Разумеется, нет данных и о том, что готы заняли прежде всего Северо-Западный Крым (с. 80). Источники позволяют говорить о том, что их экспансия началась с Боспора.

С готами в рецензируемой книге связан один из самых курьезных ее моментов. Цитируя анонимного автора IV в., сообщающего легендарные сведения о нашествии Александра Македонского

на готов в районе Меотиды, В. Е. Возгрин глубокомысленно замечает, что «большого вреда готам это поражение не принесло, они не попали даже в какую-либо зависимость от веры иноземца; это можно отнести и к другим крымским племенам» (с. 82). Тут все ясно!

О гуннах в современной науке существует обширная литература, в которой постоянно подчеркивается крайняя недостаточность источников для изучения их истории и культуры. В особенности это касается пребывания гуннов в Северном Причерноморье, что тем не менее позволяет автору сделать заключение, ссылаясь на загадочные источники, что гунны «избегали селиться в городах, но свободно кочевали по просторам Тавриды, причиняя экономике ее многоязычного населения немалый вред» (с. 105). Автор, вероятно, забыл, что материалы, относящиеся к гуннам, в Крыму найдены в крайне малом количестве. Это единичные впускные погребения в курганах в степной части полуострова. О какой единой крымской экономике можно говорить по отношению к IV в., остается загадкой. Загадочно и то, как могли гунны безуспешно осаждать Мангуп и Чуфут-Кале, которых тогда еще и в помине не было. И еще одна загадка книги: Аммиан Марцеллин превратился в крымского итальянца, очевидца гуннского вторжения (с. 105). Представления автора о гуннах хорошо иллюстрируют его теоретические взгляды на этногенез: «...гунны, центральноазиатские тюркские племена, но с сильной примесью монголо-тунгусской крови» (с. 105, 106). Тут перемешаны языковые, географические, антропологические понятия, не говоря уже о крайне архаических рассуждениях по поводу крови как носителе этнических признаков, встречающихся в изобилии на страницах книги. В этом отношении В. Е. Возгрин не ушел далеко от расистских представлений о чистой и смешанной крови.

Со ссылкой на Прокопия Кесарийского утверждается, что после вторжения гуннов «христиане отступили в горную часть Крыма, в так называемую область Дори» (с. 82). Разумеется, у византийского историка такие сведения отсутствуют. Естественно, не может идти речи о сколько-нибудь заметном числе христиан, о чем сам В. Е. Возгрин писал на с. 67.

Немалая путаница допущена и при пересказе истории страны Дори и княжества Феодоро. Путает автор Иоанна Богослова с Иоанном Златоустом (с. 83). У последнего есть сведения о готах, но у исследователей нет единодушия во мнении, какие готы имеются в виду — дунайские или крымские. Анахронизмом является употребление автором заимствованного у А. А. Васильева понятия о готском княжестве в VI в. Отождествление «область Дори» с г. Дори, Дорос, Феодоро (с. 89) — это отнюдь не мнение многих исследователей, а всего лишь одного — И. С. Пиоро. Впрочем, его работа осталась В. Е. Возгрину неизвестной. Ссылок на нее не приводится.

Весьма вольно обращается автор с этнонимами. Так, например, излагая содержание «Жития Иоанна Готского», он без всяких оговорок именует население горной Таврики готами, хотя в тексте памятника речь идет о «народе Готии», т. е. о Готии как географическом понятии.

Ничего не известно о «богатейшей библиотеке», якобы собранной Иоанном Готским в монастыре в Партените (с. 85).

Вообще «страна Дори» упоминается лишь Прокопием Кесарийским в трактате «О постройках», поэтому неправомерно употреблять это понятие по отношению к княжеству Феодоро (с. 89), как нет оснований утверждать, что население его составляли только готы. Кстати, последняя идея приводит автора к выводу о том, что феодориты были «бесписьменным народом» (с. 93). Ему, видимо, неизвестны несколько десятков эпиграфических памятников, связанных с княжеством, из которых следует, что население говорило и писало на средневековом греческом языке. Никаких следов готской письменности до сих пор в Крыму не обнаружено.

Со ссылкой на О. И. Домбровского и О. А. Махневу автор утверждает, что для архитектурного облика Мангупа характерны скандинавский, готский стиль (с. 84). Ничего подобного в книге «Столица феодоритов» (Симферополь, 1978) читатель не обнаружит. Наоборот, еще в конце XIX в. известный российский скандинавовед Ф. А. Браун и Р. Х. Лепер, проведший раскопки на Мангупе в 1912—1914 гг., отмечали, что ничего собственно готского в архитектуре, да и в культуре Мангупа, не сохранилось.

Откуда взято, что через прибрежные города Крыма в Византию «идут нескончаемым потоком отряды нанятых императором в Крыму и Северном Причерноморье солдат» (с. 66)? Федераты в Крыму действительно были, но службу несли здесь же, на полуострове. Ничего о византийской заморской рекрутчине источники не сообщают. Каким-то чудом в число расцветающих в раннее средневековье городов попала Феодосия (с. 66), которая, как известно, угасла уже к IV в. и возродилась в качестве генуэзской колонии Кафы во второй половине XIII в.

Трудно представить, как приморские города Боспор и Херсонес могли служить заслоном от нападений кочевников (с. 66). Они сами нуждались в заслонах на подступах к ним.

Сообщается о том, что в «520-х годах Херсонес подчиняется императору Зенону» (с. 66). Как

известно, Зенон (Зинон) правил в 474—491 гг. Непонятно, то ли автор имел в виду время Юстина I, то ли начало правления Юстиниана I. Но и до этого, в частности при Зеноне. Херсонес подчинялся византийским императорам.

Весьма загадочна фраза о западноевропейской речи, звучавшей на улицах крымских портовых городов в VI в. Как, впрочем, мало понятно, почему гунны, которые бродили по улицам этих городов, определены как «кочевники Севера» (с. 66). Кстати, гунны, по мнению автора, приобретали здесь «предметы первой необходимости — свинцовую и стеклянную посуду, керамику, прочные теплые ткани» (с. 66, 67). Можно не комментировать. Возгриным здесь просто с ошибками пересказано содержание с. 335 из «Истории Византии».

Автор не раз упоминает о крымских раннесредневековых городах (с. 67), вероятно, не подозревая, что поселением городского типа в этот период может быть признан только Херсонес. В этих загадочных городах, как выясняется, до X в. самоуправление было «высокодемократичным», но в «демократии не были заинтересованы императоры — и уже в первой половине IX в. они создают новую административную систему — фему. Отныне фемой климатов правит не херсонский, скажем, чиновник-протевон, но назначенный Константинополем и послушный высшей власти стратиг» (с. 67, 68). Эта пространная цитата приведена нами, чтобы показать уровень византиноведческих представлений В. Е. Возгрина. Фемная система начинает складываться еще в VII в., протевоны никогда фемами не управляли, это были чиновники администрации Херсонеса. Кстати, поясняя причину учреждения фемы, автор ссылается на походы Святослава и Василия II (60-е годы X — второе десятилетие XI в.).

Явно путает автор античных греков-эллинов и средневековых византийцев. Странно читать, что влияние Греции на Крым выразилось в жилищах, причем в качестве примеров приводятся сооружения пещерных монастырей, хотя, как известно, для территории собственно Греции они отнюдь не типичны.

Автор представляет себе дотатарский Крым населенным греками-земледельцами, часть которых якобы с ослаблением Византии отбыла за море, а часть осталась на месте (с. 73). В этой связи стоит напомнить, что сами византийцы по отношению к христианскому населению полуострова практически не употребляли этноним «греки», предпочитая именовать его «готы» и «аланы», что в известной мере отражает реальный состав горнокрымского населения дотатарского периода.

Теоретические изыски В. Е. Возгрина хорошо иллюстрирует пассаж, посвященный более чем сомнительному тезису о том, что на береговой полосе Крыма в средневековье возникла цивилизация, которая «ни в чем не уступала тем, что сложились у наиболее развитых европейских народов» (с. 69). Для того чтобы пресечь возможные сомнения читателя, далее написано: «...во многих своих фрагментах картина эта не нуждается в сугубо научном рассмотрении — они предстают во всей своей органичной взаимосвязи перед глазами и зрителя неискушенного, но умеющего мыслить логически» (с. 70). Пожалуй, автор прав, только чистая логика, не обремененная фактическим материалом многолетних исследований, может быть основой для его рассуждений, витающих над источниками и реалиями исторической географии Крымского полуострова.

Автор путает этнические и лингвистические понятия, на с. 107 он пишет: «Этнически хазары являются тюрками». Фантазирует и по поводу поддержки мадьярами «крымской христианской оппозиции» (?) (с. 109). Говорит о мессианском движении среди крымских татар в XII в. (с. 109).

Откуда взято, что печенеги захватили в начале X в. Боспор и Херсонес (с. 110)?

Утверждается, что половцы появились в Крыму в X—XI вв. (с. 112), хотя на с. 87 это событие относится к середине XII в., а на самом деле оно произошло в середине XI в.

По В. Е. Возгрину, скелеты половцев позволили установить, что они были «по большей части светловолосыми и голубоглазыми, чем отличались от темноволосых печенегов» (с. 112). И там же: «В XI в. основная масса половцев приняла ислам» (!). Это откуда? Процессы межэтнической метисации весьма своеобразно отразились на каменных половецких «бабах». Оказывается, северокавказские половцы смешивались с грузинами (!), отчего у «баб» в XIV в. появляется горбинка на носу, в то время как крымские «бабы» сохраняют «благородную простоту».

Возгрин утверждает, что «тюркский элемент не оставил в Крыму заметного следа, что, конечно, не исключает возможности отдельных проникновений тюрков на территорию Крыма» (с. 26). А как же вливавшаяся в жилы крымского народа хазарская, печенежская, половецкая кровь, о чем повествовалось на предшествующих страницах?

Подводя итоги, можно констатировать, что в представлениях автора этническая история Крыма сводится к исконному существованию некого крымского народа, основной чертой которого являются широкие жилы, в которые вливаются потоки крови сменяющих друг друга этносов. Порядок их прихода и ухода, график которого весьма произвольно составлен В. Е. Возгриным, представляет

логическую основу книги. Автор даже не пытается проанализировать этнонимы, употребляемые древними и средневековыми авторами, выяснить реальное их содержание. Не занимают его и значительные контрасты в этнических процессах, протекавших в различных ландшафтных зонах.

В «автохтонном крымском народе» автор, судя по всему, видит этническое образование, аналогичное называемым им в качестве этносов «прибалтам» или «сибирцам». С таким же успехом можно рассуждать об этногенезе «кавказцев» и свести его в конечном итоге к появлению грузин, армян или абхазцев. Точно так же у В. Е. Возгрина крымским народом в конечном итоге оказываются крымские татары.

Судьба крымских татар глубоко трагична. Возвращение на Родину из изгнания — мучительный, сложный процесс. И можно поверить в искреннее желание В. Е. Возгрина внести посильный вклад в его ускорение. Однако самые добрые намерения, неуклюже воплощенные, далеко не всегда приводят к ожидаемому результату. Игра в одни национальные ворота никогда не была плодотворной, ни в политике, ни тем более в науке.

Приведем фрагмент из книги, заставляющий усомниться в авторских идеалах. Путанно рассуждая о славянах в средневековом Крыму, полемизируя с автором, чьи работы уже давно представляют для этой проблемы лишь историографический интерес, В. Е. Возгрин в заключение пишет об отсутствии «следов раннего пребывания русских в Крыму». И далее: «Другое дело — приход этого народа в Крым в XVIII в. Тут, как говорится, лучше, чтобы этих „следов" было поменьше, особенно в послевоенное время...» (с. 119).

Автор провозглашает свою непредвзятость в национальном вопросе, подчеркивая, что по отношению к крымским татарам он выполняет долг «русского человека и коренного крымчанина» (с. 11). Однако ученому-гуманитарию следовало бы с равной долей уважения относиться и к другим этносам, судьба которых тесно связана с Крымом, отделять, как это всегда делал русский интеллигент, государственную политику верховной власти от народа или народов, ее подданных.

Огромное количество неточностей, ошибок, откровенных подтасовок фактов не позволяют отнести рецензируемую книгу к числу изданий, полезных для какой-либо категории читателей. Пожалуй, только студенты-историки смогут использовать ее в качестве своеобразного теста, в котором нужно выявить несоответствия элементарным сведениям из учебной и специальной исторической литературы, они также получат наглядный пример того, как не надо писать научные работы.

Таким образом, благородная цель, сформулированная автором монографии во введении, не достигнута, во-первых, из-за сумбурности теоретических представлений В. Е. Возгрина об этногенезе и этнической истории, во-вторых, из-за банального незнания накопленного наукой материала. Сложнейшая проблема происхождения крымско-татарского народа еще ждет глубокого и всестороннего изучения.

Симферопольский государственный университет *А. Г. Герцен, И. Н. Храпунов*

Medemblik and Monnikendam: Aspects of medieval urbanization in Northern Holland//Cingula, 11. Universiteit van Albert Egges van Giffen Instituut voor Prae- en Protohistorie. Amsterdam, 1989, 134 p., 108 fig, 3 table

Сборник включает серию статей, раскрывающих на материале раскопок городов Монникендама и Медемблика новое направление археологических исследований в Голландии — изучение средневековых городских центров. С 1960-х годов систематические раскопки проводились более чем в 25 городах. В них принимали участие Государственная археологическая служба (ROB), несколько объединенных институтов, в том числе Институт прото- и доистории Альберта Эггеса ван Гиффена (IPP), а также муниципальные археологические отделы, существующие в 13 городах. Институт прото- и доистории при университете Амстердама является единственным научным центром в Голландии, где средневековая археология разрабатывается как единая и полная субдисциплина. Проблематика освоения территории, специфика размещения населения и форм его хозяйственной деятельности, причины и пути социально-политической консолидации населения региона, экономические и политические факторы вычленения центров округи из отдельных сельских поселений, торгово-ремесленные фактории на путях транзитной торговли в раннем средневековье, развитие

© А. В. Курбатов, 1994 г.

протогородских центров и их перерастание в города, взаимодействие города и сельской округи в средние века, конкретные пути развития голландских городов — эти и другие вопросы решаются институтом в рамках частных программ исследования отдельных городов. Результаты 20 лет раскопок в Амстердаме, других центрах освещены в серии обобщающих публикаций [1], в том числе юбилейном сборнике в честь основоположника данного направления исследований в Голландии — Х. Х. ван Регтерен Альтена [2].

Сравнение материалов Медемблика и Монникендама, различных по происхождению и условиям развития, с одной стороны, и объективно сходные факторы, стимулировавшие развитие этих городов (географическая среда, торговая деятельность, связь с внутренними областями, политическая ориентация и др.),— с другой, дает до некоторой степени полную картину урбанизации Северной Голландии. Для позднего средневековья и нового времени это два ярких города, расположенных на западном берегу Ijsselmeer — модели будущего Зюдерзее, процветавшие в «Золотой век» — XVI—XVII вв. и пришедшие в упадок в XVIII в. аналогично ряду других центров (Энкхёйзен, Хоорн, Эдам). Их судьба подчеркивает неординарность истории Амстердама, опередившего в развитии многие города Голландии в XVI—XVII в., что позволило ему сохранить позиции мирового центра торговли, а также экономического и культурного центра Нидерландов. Особенностью большинства городов Северной Голландии является их размещение. Отвоевывая у моря земли, жители сооружали разветвленную сеть дамб, на которых, близ устьев рек, и образовались города, такие как Амстердам, Монникендам, Эдам, поддерживаемые графами Голландии. Муниципальные права были даны Медемблику в 1289 г., а Моникендаму в 1355 г.

Период своего рода латентного развития будущего средневекового города рассмотрен в открывающей сборник статье J. C. Besteman «Догородское развитие Медемблика: от раннесредневекового торгового центра к средневековому городу». Медемблик лежит в низинной местности провинции Северная Голландия, примерно в 30 км восточнее прибрежных дюн и в 50 км севернее Амстердама. Первое историческое упоминание в X в. связано с необходимостью учета доходов франкских королевских владений (так называемых regalis decima — королевская десятина), для чего был составлен список владений церкви св. Мартина в Утрехте, датируемый, по разным оценкам, 860—948 гг.

Важными для изучения истории Медемблика были раскопки поселения каролингского времени южнее современного городского центра в 1967—1969 гг. и раскопки Старой Гавани (Oude Haven) в центре города в 1970, 1975—1976 и 1980 гг. Траншея длиной около 80 м, прорезавшая древнюю дюну и часть Oude Haven, в стратиграфии напластований позволяет проследить развитие раннесредневекового поселения на этом месте примерно с рубежа VII—VIII вв., а также отвечает на вопрос о первоначальном заселении региона. Древнейшие дюнные поселения Западного Фрисланда относятся к неолиту и сохраняются на прежних местах до железного века. Дюна, сложенная песком и светлой глиной, протянувшаяся с запада до Медемблика, была удобной для поселений эпохи средней и поздней бронзы, известных на склонах дюны южнее города, а также под остатками средневекового поселка в центре Медемблика, на южной стороне Oude Haven. Поселение железного века западнее города сохранялось до I в. до н. э., когда постепенное наступление моря сделало фактически невозможной жизнедеятельность в регионе. Палеоботанические исследования показывают, что осушение акватории Almere и Vlie в окрестностях Медемблика могло происходить не ранее конца VII в. н. э., что подтверждается и археологическими раскопками. Чередующиеся наносные отложения глины и торфа на песчаной дюне около 700 г. были перекрыты смешанной с песком глиной, на которой лежал культурный слой поселения, частично раскопанного на пересечении Oude Haven и Ridderstraat. Здесь встречено большое число находок меровингского и каролингского периодов, в том числе фрагменты импортной гладкостенной и с нарезными полосами франкской керамики, фрагменты лепных яйцевидных и мешковидных сосудов, предшествующих типу Kugeltoph форм. Ранние комплексы можно датировать, по мнению автора, концом VII — началом VIII в. Каролингская керамика с доминирующими сосудами типа Kugeltoph сочетается с набором импортной заглаженной и орнаментированной керамики, типологически однородной находкам из наиболее крупных международных центров торговли этого времени, например Дорестада. Вместе с палеоботаническим и остеологическим материалами комплекс находок с поселения VIII—X вв. позволяет не только определить традиционные формы хозяйства, но и реконструировать социально-политическое и экономическое значение раннесредневекового Медемблика, в частности его роль перевалочного пункта транзитной торговли на линии Дорестад — Кромме — Рейн, находившейся под контролем франкской администрации. На сосредоточение фискальных и торговых функций в Медемблике могут указывать серии предметов роскоши, такие как франкское стекло, майенская и бадорфская керамика из Эйфеля, Рейнланда и

других центров, некоторые широко употреблявшиеся бытовые предметы, например жернова из базальтовой лавы, привозимые из Андернаха. Экспортными товарами Медемблика автор считает продукцию животноводства, в том числе шерсть, одежду, а также рыбу и, вероятно, соль. Активный баланс экспорт — импорт, выгодное положение на торговых путях и усиление франкской королевской и церковной власти в VIII—X вв. позволяет считать Медемблик важным экономическим и политическим центром региона в раннем средневековье, где определяются археологически и отдельные ремесленные занятия — изготовление базальтовых жерновов из привозного сырья и полуфабрикатов.

Археологические и письменные источники для XI—XII вв. показывают некоторую стагнацию Медемблика в политическом и экономическом отношении, хотя поселение сохраняет роль центра аграрной округи, ставшей более обширной в результате систематического осушения торфяников. Развернувшееся в это время осушение отмечают системы параллельных дренажных канав и перемещавшихся вслед за новыми линиями дамб поселений XI—XII вв., маркированных церквями вдоль поперечных каналов. Более отчетливо выступают ремесленные функции Медемблика: найдены тигли, заготовки и полуфабрикаты костяных гребней, раскопаны остатки солеварных комплексов.

Изложенное позволяет выделить два основных периода догородского развития Медемблика. В VIII—X вв. складывается база на транзитных торговых путях, где осуществлялись фискальные (сбор податей с торговых караванов и с местных жителей) и торговые (закупки и сбыт сельскохозяйственной и ремесленной продукции) операции. Ремесленные занятия на поселении, видимо, были ограничены местными потребностями. В XI—XII вв. на первый план выступает органичное включение поселения в процесс освоения заболоченных земель, сложение его как экономического и ремесленного центра округи.

Результаты раскопок другого средневекового городского центра рассмотрены в статье J. M. Bos «Производственный комплекс XIV в. в Монникендаме (провинция Северная Голландия) и предыстория города». В историческом центре Монникендама, на Kerkstraat, 51—53 были раскопаны три комплекса строений, по конструктивным особенностям (планировка, кирпичные основания печей) и комплексу находок (шлаки, окислы железа, заготовки) относимые к железоделательным мастерским. Археологическая датировка комплексов — конец XIII — середина и, возможно, третья четверть XIV в., что согласуется с письменными известиями о постройке на месте будущего города дамбы Middendam в 80-е годы XIII в. и возникновении на ней городского поселения, получившего права города в 1355 г. Известные по анналам даты крупных наводнений подтверждают стратиграфия напластований и палинологические анализы. Разбирая политическую ситуацию второй половины XIII в. в Ватерланде, автор предположил, что сооружение дамбы Миддендам и образование г. Монникендам были этапами последовательно проводимой политики графа Голландии Флориса V по усилению своего влияния в регионе после 1282 г.

Одна из категорий находок разбирается в статье T. Y. van de Walle-van der Woude «Производственный комплекс XIV в. из Монникендама — предметы из кожи». В работе анализируются более 650 находок, в основном деталей обуви. Хронологически коллекция относится, принимая аргументацию предыдущей статьи, к концу XIII — середине/третьей четверти XIV в. и показывает уровень развития кожевенно-обувного производства (моделирование, технику пошива, а также моду на обувь) на протяжении двух-трех поколений. Типологически модели отчетливо делятся на высокие («башмаки» с высокими берцами, имевшие шнуровое или пуговичное крепление) и низкие формы, причем последние выделяются разнообразием кроя, фасонов обуви, вариантов крепления ее на ноге. Представленные 46 образцов реконструированной высокой обуви различаются между собой в основном видом крепления — пуговицы или язычки (latchet) на фронтальной поверхности берцев. Единственный экземпляр имеет некоторое конструктивное своеобразие — фронтальный разрез на берцах (голенище), переходящий на подъем головки. В коллекции также выделены фрагменты обуви с высоким «глухим» верхом (голенище) типа сапог. Низкие модели представляют туфли (shoes) и высокие туфли (ankle-shoes) различающиеся: кроем деталей — верх из одной асимметричной детали со вставками (метод wrap-around — обертывание — или, значительно реже, из головки и задника) или двучастных берцев; вариацией видов крепления (боковой и фронтальный разрезы со шнуровкой или язычками); декоративным оформлением, а также фасонами, различающимися формой раскроя подошвы (с острым или скругленным носком, широкой или узкой пяткой, шириной в «пучках», зауженностью переймы, асимметрией подошвы). Можно отметить, что популярность высокой и низкой обуви, по-видимому, была одинаковой (46 и 45 моделей).

Конструктивно обувь из Монникендама является многочастной однослойной рантовой моделью,

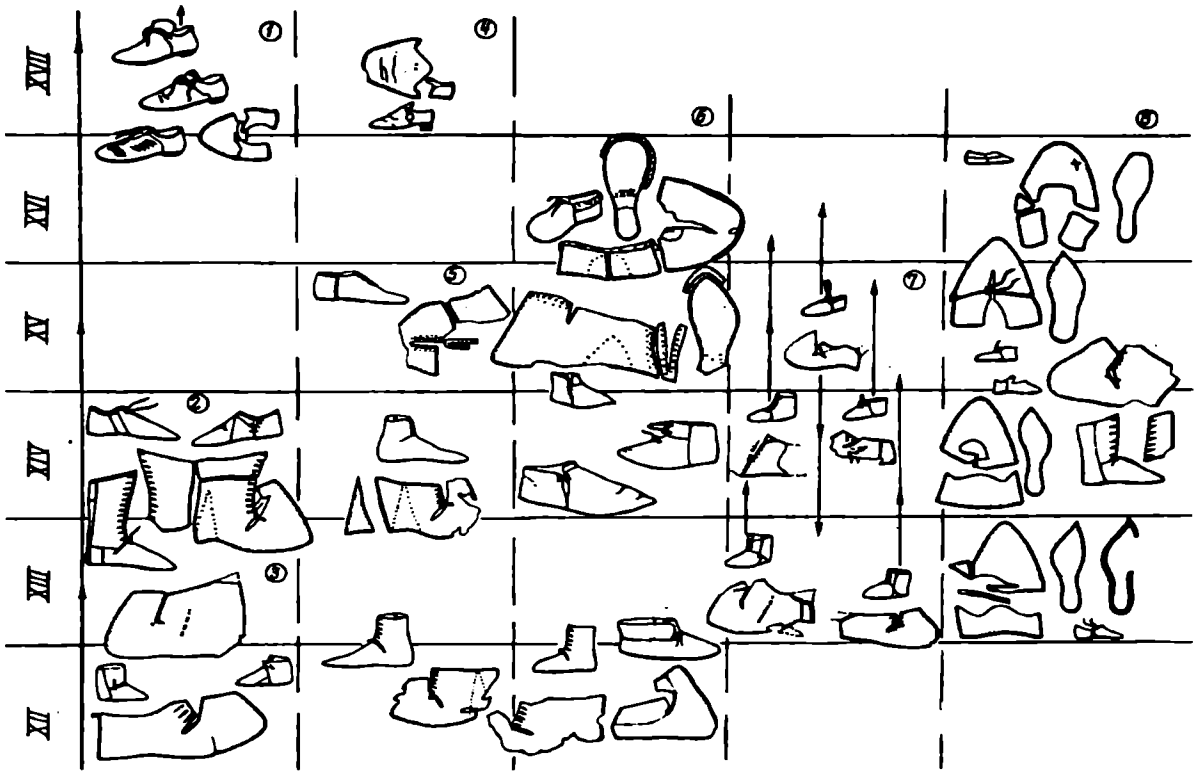


Рис. 1. Развитие форм обуви в городах Голландии (составлено А. В. Курбатовым по материалам голландских авторов). *1* — Гронинген, *2* — Монникендам, *3* — Девентер, *4* — Гронестун, *5* — Алкмаар, *6* — Лейден, *7* — Зуфтен, *8* — Амстердам

распространенной в городах Западной Европы с XII в. [3—5]. В XII—XV вв. рант в виде узкой полосы кожи, вшитой по периметру подошвы, служит для герметизации основного шва. Раскрой моделей из Монникендама, имея определенную тенденцию к стандартизации форм, еще не отражает высокий уровень технологичности моделей позднего средневековья. Большинство реконструированных образцов имеют цельнокроеный верх, где дополнительные элементы и вставки носят сугубо индивидуальный характер, объясняемый величиной и формой кожевенного полотна. Лишь отдельные модели имеют раздельный крой головки и берцев (задника), а также двучастную подошву — с пришивной пяткой, что позднее становится общеупотребительным. Обувь из Монникендама однослойная, практически без внутренних элементов. В ней отсутствуют поднаряды, второй слой подошвы и пяточные прокладки. Употребляются только отдельные дополнительные детали — треугольный или трапециевидный усилитель задника (heel stiffener), полоски кожи на потенциально ослабленных участках — разрезы со шнуровкой и пуговицами, обшивка края верха. Парадоксальная на первый взгляд ситуация, когда в условиях чрезмерно увлажненного грунта — ведь Ватерланд только с XII в. с большим трудом отвоевывается у моря и продолжает периодически подвергаться наводнениям — мы находим только легкую однослойную обувь, можно объяснить, по-видимому, повсеместным употреблением деревянных колодок — pattens, а возможно, и цельнодеревянной обуви «клумпес», известной в позднейшее время. В Монникендаме встречены части пяти pattens с деревянной основой и кожаным ремнем, скрепленными железной пластиной. Влажностью почвы можно объяснить и большой процент высоких моделей (более 50), значительно превосходящий аналогичное соотношение видов обуви в Стокгольме, Лондоне[1]. Общим для западноевропейских средневековых городов, по-видимому, является употребление высокой обуви с разрезным голенищем (берцами), имевшим шнуровку, пуговичное или иное крепление, что прослеживается в большинстве известных коллекций, в том числе из

[1] Приводимые для сравнения коллекции обуви из Лондона, Любека, Стокгольма, Амстердама охватывают широкую географическую зону бассейна Атлантики с близкими природно-климатическими характеристиками, с одной стороны, а с другой — эти коллекции охватывают хронологический интервал с XI—XII по XI—XVII вв., позволяя проследить динамику процессов развития кожевенного производства и конструирования обуви в течение длительного периода.

Лондона [3], Стокгольма [5], Любека [6], Амстердама [1]. Обувь с глухим голенищем, как показывают исследования [3, 4], преимущественно являлась узкопрофессиональной (егеря, охотники, путешественники).

В коллекции обуви из Монникендама присутствует единственный экземпляр туфли с декоративным элементом — вырезной розеткой на головке. Практически полное отсутствие декорированной обуви и однотипность моделей могут указывать на особенности социальной организации и жизни города, образовавшегося в конце XIII в. и населенного преимущественно представителями третьего сословия — ремесленниками и торговцами. В этом молодом городе еще не сложилась специфичная средневековая городская субкультура с ее отчетливой социальной дифференциацией населения, что выражалось помимо всего прочего в одежде и обуви. В определенной степени высказанное предположение подтверждают находки обуви с признаками органической деформации стопы владельца (крестовидные вырезы на головке), что является следствием, по мнению ортопедов, ношения стесняющей стопу обуви и чрезмерными нагрузками на стопу и пальцы [3]. Размеры обуви из Монникендами свидетельствуют о ее принадлежности в основном взрослому населению, с преобладанием у мужчин 39-го, а у женщин 35-го размеров. Детская и подростковая обувь представлена несколькими экземплярами. Известно, что эта категория населения, особенно в малообеспеченных слоях, пользовалась в основном старой, перешитой обувью или ходила босиком [3].

Кроме обуви в коллекции из Монникендама выделены чехлы для ножей, ножны меча, кошелек, фрагмент пояса, а также обрезки раскроя и обрывки кожи.

Находкам тканей из Монникендама посвящена статья S. Y. Vons-Gomis. Имеются 20 фрагментов ткани от 18 разных предметов, датируемые по условиям нахождения последней четвертью XIII—первой половиной XIV в. По технике изготовления выделено три вида переплетения: простое полотняное (1 : 1), полотняное сдвоенное и саржевое (2 : 1). Качество тканей определяется количеством нитей на единицу поверхности. Грубые ткани содержат менее 8 переплетений на 1 см, среднего качества — от 8 до 15 переплетений и тонкие — 16 и более переплетений на 1 см поверхности. При этом учитывается, что ткани претерпевают усадку на 20—50% после высыхания. По наблюдениям, ткани позднего средневековья имеют основу из более тонких нитей с плотной правосторонней закруткой, тогда как нити утка относительно толстые со слабой левой закруткой. Эта особенность археологических тканей подкрепляет известный указ цеха ткачей г. Ипра около 1363 г. о необходимости соблюдения разнонаправленной закрутки нитей утка и основы при выделке сукон. Конечными стадиями выделки сукна являются завершающая отделка (валяние, ворсовка) окраска и стрижка ворса. Большинство находок из Монникендама имело ворсовку с обеих сторон (13 экз.), остальные — с одной стороны (3 экз.) или без ворсовки. Это показывает, что практически все ткани являлись законченными товарными изделиями. Для окраски определенно пользовались экстрактом из корней Rybia tinctorum, издавна культивировавшейся в Голландии. Попытка решения вопроса о месте производства тканей и существовании ткачества в Монникендаме наталкивается на отсутствие археологических свидетельств: кости козы/овцы среди остеологических находок слишком малочисленны, а грузики от ткацких станков и особая кромка на имеющихся фрагментах ткани отсутствуют, указывая на выход из употребления вертикального ткацкого станка. Вероятно, в Монникендаме XIV в. применяли горизонтальные ткацкие стенки с педалью, появившиеся в Северной Европе в XI—XII вв. и предполагавшие как бóльшую специализацию производства, так и более просторное помещение для работы.

Малочисленность найденных тканей и отсутствие среди них груботканых сукон и других сортов (например, фетра) объясняется, по-видимому, только ограниченностью площади раскопок, что не позволяет сравнить находки с материалами из других европейских городов. Автор высказывает предположение о возможных чертах своеобразия тканей Монникендама, например сравнительно большем объеме тканей саржевого плетения, чем в комплексах XIV в. из Амстердама, Дортрехта, Свендборга, Саутгемптона. Тенденции XIII—XIV вв., связанные с ростом потребности в тканях, определенно показывают вытеснение саржевого плетения более простым в изготовлении полотняным, что при отсутствии технологических усовершенствований способствует повышению производительности труда.

Высокое качество тканей из Монникендама, использование в них хлопка и шелка, что является редкостью для этого времени и региона, может указывать на товарный характер производства при условии признания местной выделки монникендамских сукон.

Результаты палеоботанических анализов изложены в статье J. W. H. Hogestijn «Палеоботанические анализы Монникендама и заселение Зюдерзее». Автор предлагает несколько изменить обоснованную в 1953 г. датировку процессов заселения западной и восточной частей Зюдерзее (Middelhoek, Wiggers).

В основу анализа положен количественный подсчет и соотношение возможного числа видов растений в данном ландшафте и реально найденного количества видов. Имеющиеся образцы флоры свидетельствуют о наличии вокруг Монникендама торфяных болот, прорезанных ручьями и канавами, с редкими островками кустарников и деревьев, а также участков лугов. Влияние засоленной почвы местами распространяется в глубины прибрежных территорий. Отсутствие спор и семян культивируемых злаков предполагает преимущественное занятие местных жителей скотоводством. Зерно привозили из других районов Европы, что подтверждает основанное на письменных источниках мнение H. A. Heidinga (1977) о переходе хозяйства в Ватерланде с пашенного земледелия на животноводство в период с 1200 по 1500 г. Палинологические данные показывают ощутимее влияние засоления в западной части Зюдерзее уже ранее 1225 г., тогда как ранее этот процесс относили к 1300 г. Заселение восточной части Зюдерзее, по-видимому, началось ранее XII в.

Фаунистические остатки из Монникендама, рассматриваемые в статье M. Seeman, составляют 267 единиц, принадлежащих в основном млекопитающим домашним животным. Среди них корова составляет 57,9%, свинья — 25,6%, овца/коза — 6,4%, собака — 7,9%, кошка — 1,9% и лошадь — 0,4%. Из диких млекопитающих встречены только кости хорька. В незначительном количестве представлены остатки рыб, моллюсков, птиц и насекомых. Состав домашних животных в Монникендаме сопоставим с находками в других городах Голландии и отличается более высоким содержанием костей свиньи против овцы/козы. Для полной характеристики хозяйственной деятельности жителей города и окрестностей находок явно недостаточно, но можно предполагать использование тягловой силы крупного рогатого скота. Малочисленность остатков рыб и птиц, по-видимому, отражает их второстепенную роль в рационе питания горожан.

Среди костей домашних животных встречены фаланги крупного рогатого скота с просверленными отверстиями, использовавшиеся при игре в «бабки», и «жужжалка» из кости свиньи. Подобные предметы известны во многих позднесредневековых городских комплексах.

Институт истории
материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

А. В. Курбатов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Opgravingen in Amsterdam. Amsterdam, 1977.
2. Medieval archaeology in the Netherlands/Eds. J. C. Besteman, J. M. Bos, H. A. Heidinga. Assen, 1990.
3. *Grew F., Neergaard M. de.* Shoes and pattens//Medieval finds from excavation in London. 2. L., 1988.
4. *Курбатов А. В.* Рец.: *Grew F., Neergaard M. de.* Shoes and pattens//Medieval finds from excavation in London: 2. L., 1988.
5. Helgeandsholmen — 1000 år i Stockholms ström. Stockholm, 1983.
6. *Groenman-van Waateringe W., Guiram J.* Das Leder von Lübeck, grabung Königstrasse 59//Lübecker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte. B. 1. Frankfurt-am-Main, 1978.

Хроника

VI ПОЛЕВОЙ СИМПОЗИУМ «МИГРАЦИИ И СВЯЗИ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ КАМНЯ — РАННЕГО МЕТАЛЛА»

(КИЖИ, 1992)

Симпозиум проходил на базе комплексной Пегремской экспедиции музея-заповедника «Кижи» с 26 по 28 августа 1992 г. В его работе принимали участие ведущие археологи Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Екатеринбурга, Самары, Кижей. На новейших материалах рассматривался широкий круг проблем, связанных с взаимодействием древних культур лесной полосы Евразии в эпоху камня — раннего металла.

В докладах были представлены новые интерпретации проблем древней истории широкого региона, новые археологические материалы. В частности, в докладе А. П. Журавлева «К 25-летию комплексных исследований в Пегреме» автор показал, что своеобразие природных, климатических, почвенных условий Заонежья обусловили не только большое разнообразие многих видов фауны и флоры, в том числе и редких, но и уникальность культурного развития этого района Северной Европы на длительном историческом отрезке времени. Здесь сосредоточены сотни памятников человеческой культуры разных эпох. Пегрема — археологическое Эльдорадо Европейского Севера. До 60-х годов она представляла собой «белое пятно» на археологической карте. Первое поселение — Пегрема I было открыто автором в 1968 г. В 1970 г. на нем раскопана мастерская по обработке самородной меди. Открытие послужило началом широких комплексных работ с участием геологов, палеогеографов, химиков, физиков, сейсмологов и др.

В настоящее время в Пегреме открыто 56 памятников эпох мезолита — раннего металла — средневековья, охватывающих исторический период в 7 тысячелетий. Исследовано 26 поселений разных эпох. Изучены жилища, мастерские, хозяйственные сооружения, погребения. К наиболее ярким открытиям относятся: древнейшая культура охотников на северных оленей, с которой автор связывает Оленеостровский могильник на Южном Оленьем острове в Онежском озере; пегремская ранненеолитическая культура с сосудами позвонковых орнаментов, возникшая на базе позднемезолитических памятников этого региона; неолитическая культура с ямочно-гребенчатой керамикой (прионежская), в которой были впервые раскопаны жилища, соединенные коридором; энеолитическая (среднекарельская) культура с ромбоямочной и асбестовой керамикой, уникальный культовый комплекс. Исследован мезолитический могильник, найдены клады кварцевых и сланцевых орудий, кенотаф.

Благодаря комплексным исследованиям в Пегреме разработана эталонная методика раскопок жилищ эпох мезолита — раннего металла и современная шкала датировок поселений разных эпох; зафиксированы две трансгрессивно-регрессивные стадии Онежского озера, имевшие важное значение для изучения истории формирования палеоводоема и истории человека на протяжении голоценового периода. В Пегреме впервые в науке применен сейсмоархеологический метод, открыто и изучено по археологическим данным катастрофическое Пегремское землетрясение 2200 г. до н. э.

Все это позволяет отнести Пегрему к разряду выдающихся памятников мировой культуры. Пленум Союза ученых обратился в ЮНЕСКО с предложением взять под свою эгиду этот уникальный научный комплекс.

В Пегреме создается культурно-исторический центр. В него войдут также Звонковая Щельга и Звонковый Камень. Памятники археологии, геологии и природы составят экспозицию музея

© А. П. Журавлев, 1994 г.

под открытым небом. Здесь пройдет интереснейший в Европе туристский маршрут Петрозаводск — Пегрема — Кижи.

Являясь экологически чистой зоной, Пегремский культурно-исторический центр представляет собой также замечательную курортно-санаторную здравницу. В районе свыше 40 родников, некоторые из них — Три Ивана, Царицын Ключ, Соляная Яма — могут сравниться своей популярностью с источниками марциальных вод.

Происходит переориентация социально-экономической инфраструктуры Заонежского полуострова, начинается возрождение традиционных и самобытных форм деятельности населения с учетом многовековых традиций. В основу Пегремского культурно-исторического центра положен новый принцип научного мышления: открыл, изучил, возродил. Автор считает своим долгом в этом плане проводить свою дальнейшую научно-практическую деятельность. Пегрема с ее богатейшим культурным наследием — бесценная сокровищница мировой культуры.

В своем втором докладе «Сырьевая база Заонежья и ее влияние на развитие индустрий Европейского Севера» А. П. Журавлев на основе изучения сырья и орудий из древних поселений Северо-Европейского региона показал важнейшую роль Заонежья как сырьевой базы во все эпохи. Именно отсюда по ойкумене распространялись вегорукский сланец, лидит, самородная медь. Комплексными исследованиями выявлены источники сырья, его широкое использование в древности. Подобные работы проведены в Карелии впервые. Они позволяют по-новому глубоко и всесторонне изучить культурные и торговые контакты древнего населения Заонежья с соседними и отдаленными племенами.

В докладе «Археологические памятники как модель для изучения истории технического прогресса» Г. И. Зайцева (Санкт-Петербург) высказала положение, что технический прогресс во многом состоит в овладении человеком материалами, техникой, технологией. Процесс освоения человеком различных материалов нашел отражение в системе «Трех веков», предложенной в свое время Томсеном и не утратившей своего значения до настоящего времени. Это камень, бронза, железо. Человек на определенном этапе своего развития использовал те материалы, которые он мог обработать. Освоение же их во многом определялось энерговооруженностью, которой обладал человек. Чтобы определить количественный характер энерговооруженности, за основу принята технологическая температура, которая широко использовалась человеком в производственной практике. Человек старался добиться как можно более высокой температуры, совершенствовал конструкцию очагов, печей, топлива и т. д. Зная технологическую температуру того или иного археологического периода путем анализа предметов и материалов (температуры обжига керамики, температуры получения бронзы, меди, железа и т. д.) и зная продолжительность археологического периода конкретно для Восточной Европы, можно количественно определить темпы технической энерговооруженности как $\Delta T/\Delta \tau$. Темп роста энерговооруженности был неравномерен: в период неолита наблюдается его резкое увеличение, в энеолите темп прироста сохранился, затем он замедлился, так как освоение температуры выше 1500° было невозможно без использования новых источников энергии, таких как каменный уголь, нефть, которое началось только в эпоху средневековья. Возможно, имея знания по энерговооруженности, в дальнейшем можно будет количественно выразить законы технического прогресса и связать далекое прошлое и современность.

Решению вопросов хронологической последовательности и взаимодействия различных археологических культур посвящен доклад «Проблемы хронологического соотношения археологических культур многослойных неолитических памятников и радиоуглерод» (И. Г. Зайцева и В. И. Тимофеев, Санкт-Петербург; И. Посснерт, Швеция). Традиционные методы не позволяют однозначно решить вопросы хронологии в многослойных памятниках, когда артефакты, отличающиеся по некоторым определяющим признакам, встречаются в одном культурном слое. Развитие техники радиоуглеродного датирования позволяет в настоящее время археологам получить новые данные, уточняющие многие представления. Радиоуглеродный анализ с применением ускорительной техники, при котором для анализа достаточно несколько миллиграммов вещества, впервые был применен для уточнения хронологии памятника Цедмар Калининградской области. В неолитическом слое найдена керамика двух типов, отличающихся по составу глиняной массы. Уголь, найденный в культурном слое, дал абсолютные даты от 4900 до 5100 лет тому назад, однако не давал возможности отнести эти даты к той или иной керамике. Методом ускорительной техники продатирован нагар на внутренней поверхности керамики. Предварительно установлено методом аминокислотного анализа, что нагар представляет собой остатки пищи, готовившейся в этих сосудах. Датирование нагара позволило определить точное время использования керамики и показать синхронность существования обоих ее типов.

В докладе В. Т. Ковалевой (Екатеринбург) «О миграции племен с ямочно-гребенчатой керамикой в Зауралье» отмечается, что среди энеолитических памятников Среднего Зауралья (Тюменская и Курганская области) выявлена своеобразная группа памятников, материальная культура которых не имеет генетических корней в культуре местного неолита. Наиболее яркая черта ее — орнаментация на керамике, выполненная в своеобразной манере, когда от инструмента остаются негативы на внешней стороне. Ямочный узор располагался сплошными горизонтальными зонами, чередуясь с поясками из гребенчатого штампа. На поселениях, состоящих из нескольких жилищ-полуземлянок, множество изделий из глины (рыболовные грузила, фигурки и др.), хозяйственные ямы заполнены рыбьей чешуей. Изделий из камня немного, и главным образом это микроинвентарь. По всей вероятности, население с ямочно-гребенчатой керамикой появилось в Зауралье в результате миграции из лесной зоны Восточной Европы. Процессы адаптации к новым условиям и новые культурные контакты привели к формированию культуры, которая названа андреевской. Типологическая и стратиграфическая позиция памятников позволяет датировать их первой половиной III тыс. до н. э.

Доклад А. И. Королева (Самара) был озаглавлен «О происхождении керамики имерского типа в Примокшанье». Автор отметил, что в последнее десятилетие в Примокшанье был выделен новый пласт энеолитических памятников (прежде всего работами В. П. Третьякова). Керамический инвентарь этих памятников характеризуется ярко выраженной прочерченно-накольчатой системой орнаментации. По наиболее полно изученному поселению Имерка 5 в районе Имерского озера этот тип керамики получил название имерского. Ареал распространения этой керамики включает бассейн р. Мокши, Вада, верховье Суры, на севере достигает Поочья и в целом ограничивается лесостепью. Происхождение имерских материалов на основании имеющихся источников связывается с позднеолитическим среднедонским населением, оставившим дроникинский тип керамики. На имерской посуде прослеживается преемственность в приостренных формах днищ, орнаментальном выделении венчиков и прочерченно-накольчато-гребенчатой орнаментации.

Н. В. Овчинникова (Самара) прочитала доклад «К вопросу о причинах миграций лесных племен Поволжья в лесостепь в энеолитическое время». В нем, в частности, говорится, что до недавнего времени ареал волосовских, гаринско-борских и новоильинских памятников ограничивался пределами лесной зоны. Исследования последних лет показали наличие в лесостепной полосе Поволжья (Самарская, Оренбургская, Саратовская области) поселенческих комплексов с характерными чертами лесных культур. Причины продвижения носителей этих культур следует искать в процессах изменения климата в раннесуббореальное время. По данным Н. А. Хотинского, на территории лесной полосы Восточной Европы с рубежа атлантика — суббореала происходит похолодание климата, смена широколиственных лесов темнохвойной тайгой. Эти факторы влияли на состав лесной фауны (зубр, бизон, благородный олень). Возможно, что часть населения лесной полосы мигрировала вслед за животными в лесостепные пойменные леса с более мягким климатом и сходным ландшафтом.

В докладе «К вопросу о возможности классификации культурных связей по археологическим данным» Л. Я. Крижевская (Санкт-Петербург) утверждала, что артефакты, имеющиеся в распоряжении исследователей, в основном керамика и кремень, дают информацию об их местном производстве или привнесении извне. Характер культурных связей (обмен или другие взаимоотношения разнокультурного населения или же миграция в крупном масштабе и освоение новых территорий и т. д.) установить нелегко, но все же возможно, учитывая количество и характер признаков, свойственных тем или иным артефактам. Сейчас имеющиеся материалы позволяют, по мнению автора доклада, рассмотреть вопрос о последствиях миграций и значении их для развития общества и возникновения новшеств. Изучение миграций дает возможность детальнее и достовернее изучить конкретно-исторический процесс развития общества.

В. В. Напольских (Ижевск) прочитал доклад «К реконструкции этнической ситуации в лесах Восточной Европы в середине II — начале I тыс. до н. э.: финно-угризация запада». Автор отмечает, что в антропологическом типе, языке, духовной культуре прибалтийских финнов имеются следы по крайней мере двух мощных субстратов — палеоевропейского, восходящего к постсвидерскому и постаренсбургскому населению, и индоевропейского, восходящего к носителям культуры со шнуровой керамикой и боевыми топорами. Эти факты, а также следы еще более мощного палеоевропейского субстрата в языке, антропологии, духовной и материальной культуре саамов свидетельствуют об относительно позднем проникновении западных финно-угров на берега Балтики, в Карелию и Фенноскандию. Terminus post quem для времени проникновения финно-угров на запад — время

сложения культуры с текстильной керамикой в лесах Восточной Европы от Средней Волги до Ленинградской области — середина и вторая половина II тыс. до н. э.

Проследить чисто археологическую прямую преемственность культуры с текстильной керамикой от какой-либо из предшествовавших ей на данной территории культур невозможно: середина II тыс. до н. э. была здесь временем мощных социально-экономических сдвигов, сопровождавшихся интенсивными ассимиляционными процессами древних групп. Определяющими были следующие факторы: а) победа бронзолитейного производства в регионе; б) широкое распространение форм производящего хозяйства; в) сильное похолодание климата в начале третьего подпериода суббореала и сдвиг на юг и запад границы темнохвойной тайги в Европе. Ведущей силой этнических процессов в этой ситуации могли стать лишь племена волосовско-гаринской области (в целом восточные, предуральского и даже сибирского происхождения), в которых можно увидеть древнейших финно-угров.

Тема доклада Т. М. Потемкиной (Москва) — «О характере связей и миграций населения лесостепной и степной зоны Уральского региона в эпоху энеолита — бронзы». Автор отмечает, что вопросы миграций и связей, являющиеся темой настоящего симпозиума, чрезвычайно актуальны для решения многих проблем археологической науки. Глубокое их рассмотрение возможно лишь на широком историческом фоне с учетом целого ряда факторов.

Анализ археологических данных, связанных с культурогенезом и дальнейшими судьбами населения эпохи энеолита — бронзы лесной и лесостепной зон Уральского региона (ямного, полтавкинского, абашевского, срубного и др.), позволяют высказать по рассматриваемым вопросам ряд наблюдений общего порядка.

Основными археологическими источниками по изучению направлений и механизмов миграций и связей являются: 1) керамика с учетом всех ее показателей (орнаментации, технологии изготовления и т. д.), а также данных стратиграфии и планиграфии; 2) каменный инвентарь с привлечением данных об источниках сырья, технике расщепления, а также зависимости техники от характера сырья и появляющихся новых типов орудий; 3) специфические украшения, орудия труда, культовые предметы. Массовые орудия труда, включая металлические, чаще всего бывают плохим индикатором, поскольку являются больше хронологическим, а не культурным признаком; 4) учет всех данных по палеогеографии, полученных в процессе палеоботанических, антропологических, палеозоологических и других исследований на археологических памятниках.

При рассмотрении географических условий обращает на себя внимание различный характер широтных и меридиональных связей. Широтные миграции и связи больше связаны с социально-экономическими процессами и потому более эпохальны. Меридиональные — с изменением климатических условий, сезонными занятиями населения. Широтным связям более подвержено население лесостепи и степи, меридиональным — лесной зоны, полупустынь и пустынь. Отмеченные факторы обуславливают минимум три типа миграций: 1) крупномасштабные, которые вовлекают в движение большие этнические массивы в основном в широтном направлении; 2) миграции регионального характера как в широтном, так и в меридиональном направлениях, где участвует часть населения смежных культур; 3) миграции локальные, в основном в меридиональном направлении, связанные с сезонными занятиями.

Последствия миграций и связей разнообразны — от небольших изменений до полной трансформации культур как мигрантов, так и аборигенов. Наиболее активно процесс взаимодействия и рождения новых культурных признаков наблюдается на периферии ареала культур в зоне их стыка. Далее их распространение наблюдается во всех направленных в форме импульсов.

В заключение отметим, что на базе полевого симпозиума создано археологическое общество «Пегрема», в задачу которого входит изучение древнейших культур лесной полосы Евразии в эпоху камня — раннего металла. Материалы VI полевого симпозиума опубликованы в специальном сборнике. VII полевой симпозиум по проблеме «Культуры ямочно-гребенчатой керамики лесной полосы Евразии» проведен в Пегреме в августе 1993 г.

Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник
«Кижи»

А. П. Журавлев

ТРИ НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ В БЕЛАРУСИ

(1991—1992)

В последние годы в Беларуси (как и в России) необычайно повысился интерес к христианству, к его истории, к связанным с ним древностям. В 1988—1991 гг. в Беларуси состоялись три научные конференции с участием церкви, в конце 1991—1992 г.— еще три. В этих последних принимал участие автор, им и посвящается настоящее сообщение.

1. Конференция, состоявшаяся 15—17 ноября 1991 г. в Витебске, была посвящена 830-летию знаменитого ювелирного изделия древности — кресту Евфросинии Полоцкой 1161 г., сделанного мастером-эмальером Лазорем Богшей. Ее устроителями были Витебское областное краеведческое объединение, Областной фонд культуры и Областной совет по охране памятников Витебской области, руководимый историком-энтузиастом Н. А. Сулецкой. Активное участие в конференции принимала витебская консистория во главе с епископом Полоцким и Витебским Димитрием (Дроздовым). В заседаниях участвовали историки, археологи, краеведы Беларуси, в той или иной степени связанные с историей Полоцкой земли. Большинство сообщений было посвящено, естественно, кресту Евфросинии (автор, в частности, прочел реферат «Чудотворная сила креста Евфросинии», где рассмотрел вопрос о том, что такое крест вообще, как его рассматривали в древности и как относились религиозные люди прошлого к полоцкой святыне в различные времена). Конференция окончилась поездкой ее участников в Полоцк для осмотра его древностей и святынь. Одним из результатов конференции было решение Полоцкой епископии издать к 1000-летию создания Полоцкой епархии (992—1992) ряд научных книг и брошюр, в частности по истории Полоцкой епархии домонгольского времени (поручено автору этих строк).

2. Еще весной 1987 г. на конференции, состоявшейся по инициативе директора Полоцкого музея-заповедника Т. Д. Рудовой в Полоцке и посвященной 1125-летнему юбилею города, было решено собирать конференции, посвященные Полоцку и Полоцкой земле, раз в пятилетие [1]. Через 5 лет, в 1992 г., такая конференция вновь состоялась (22—23 сентября), в ней приняли участие историки и археологи Беларуси, России и Украины. Ее тематика охватила широкий круг вопросов, связанных с Полоцком от древности до современности. В прочитанных рефератах были представлены достижения науки за прошедшие 5 лет. Из археологических докладов и докладов о древнерусском времени упомянем реферат Ю. А. Заяца (ИИ АНБ) «Полоцкие события „Саги об Эймунде“», где автор искал пути нового рассмотрения некоторых вопросов, связанных с этим источником. Для определения времени полоцких событий, описываемых в саге, он обратился к ее сообщению о том, что «Эймунд, поступая на службу к Брячиславу, предупредил о желании Ярослава уменьшить владения полоцкого князя, как брат его сделал с ним» (т. е. с Ярославом). Автор полагает, что речь идет об известных событиях 1024 г., когда в битве при Листвене Мстислав овладел левобережьем Днепра и Ярослав, желая обезопасить Киев от брата, уговорил Брячислава «временно занять киевский стол», и подтверждением этого считает наличие в Киеве «Брячиславля двора». «Трехлетний срок княжения Брячислава в Киеве по саге согласуется с известиями летописей о пребывании Ярослава в Новгороде с 1024 по 1026 гг.» Это допущение позволяет автору считать, что «конфликт между Ярославом и Брячиславом полностью вымышлен» [2, с. 24]. Е. Л. Назаровой (ИРИ РАН) заново пересмотрен рассказ о Святохне В. Н. Татищева. Ряд соображений приводит ее к мнению о подложности этого сообщения историка. По ее мнению, он не мог почерпнуть эти сведения в недошедшей до нас Полоцкой летописи, которой пользовался. Составителю повести о Святохне были известны некоторые аналогии в поздних Ливонских хрониках, перелагавших события XIII в., например в хронике Б. Рюссова (XVI в.), которую знал В. Н. Татищев. По мнению исследовательницы, автор рассказа о Святохне «с одной стороны, проявил осведомленность более той, которая могла быть для него реально доступна (будь он современником событий.— *Л. А.*), с другой — (он) не упоминает о факте, который, при его информированности, он должен был знать» [2, с. 45]. «Легенда о Святохне и рассказ об обороне Юрьева имеют позднее происхождение. Причем при включении их в рукопись были внесены изменения в те сообщения, которые могли уже находиться в тексте источника. Тем самым вставляемые сюжеты были введены в контекст летописи»,— заключает автор.

Автором этих строк на конференции был прочитан реферат «Евфросиния Полоцкая и расцвет культуры Полоцкой земли домонгольского времени», где он пытался восстановить обстановку в стране

© Л. В. Алексеев, 1994 г.

в молодые годы просветительницы, уловить те мотивы, которые стали причиной ее подвижничества. Попутно он впервые выяснил историю церковных построек XII в. в местечке Сельцо под Полоцком, где, как известно, обосновалась Евфросиния: первоначально это место принадлежало епископам, там в деревянном храме Преображения была и их усыпальница. В первые десятилетия XII в. рядом с ней отец Евфросинии Георгий отстроил роскошный и большой храм-мавзолей, куда перенес гробницы иерархов, и назвал его в честь своего святого — Георгия. В 50-х годах XII в. Евфросиния возобновила храм Спаса в камне, пригласив для этого местного мастера Иоанна.

Среди археологических докладов назовем реферат Е. А. Линевой (КГУ) «Первопроходцы дреговичской земли», посвященный истории изучения Беларуси киевскими археологами-историками А. М. Сементовским и В. З. Завитневичем, а также сообщение З. М. Сергеевой (ИА РАН) «О янтаре X—XIII вв. на западнорусских землях». Здесь исследовательница рассмотрела 75 памятников с находками янтаря, установила, какие типы украшений чаще встречаются в городах, а какие — в деревнях. Главная масса сырья поступала из Прибалтики; многие поделки местных форм получали по Днепру из Киевщины. Полоцкие гирьки-разновесы были собраны в работе Ш. И. Бектинеева (ИИАНБ). По этим находкам удалось проследить три денежные единицы Руси. Судя по собранному материалу, в Полотчине в X в. использовались две денежно-весовые системы: древнерусская и скандинавская. Г. В. Ласковый прочел реферат о мечах X—XIII вв. Полоцкой земли. Оружие этого вида попало в Полоцк, вероятно, в IX в. Железные клинки из Масковичского городища связываются с романскими мечами. Бронзовые наконечники ножен принадлежат кругу древностей Готланда и Восточной Прибалтики. Цена меча в Полоцкой земле достигала 100—125 г серебра. Большой интерес представил доклад Г. Н. Семенчука (ГГУ) о грунтовых могильниках X—XIII вв.— неизвестного ранее в этих местах типа. Обнаружены они у д. Козловцы Миорского района и у д. Пашавичи Браславского района Витебской области. У д. Козловцы встречены как кремированные покойники, так и ингумированные, снабженные перстнеобразные височными кольцами, серебряными бусами с зернью, медными подвесками в виде диргемов конца X — начала XI в., шейными гривнами, пластинчатыми браслетами с зооморфными концами, позолоченными бусами. При умерших найдены два наконечника копья, каменный и железный топоры, фрагменты лепной посуды. Датируя могильник X—XII вв., автор подчеркнул, что, судя по вещам, могильник принадлежал смешанному населению балтского и славянского этносов и вещи из могильника отличаются от аналогичных курганных вещей этих мест более тонкой работой. Второй не менее интересный грунтовой могильник был найден у д. Пашавичи на мысу оз. Дрисвяты. Он является, полагает Г. Н. Семенчук, некрополем небольшого городка. Здесь обнаружены были только трупоположения с многочисленными вещами (полуторооборотные височные кольца, браслет с зооморфными концами, бусины: хрустальные, сердоликовая, золотостеклянная, лироподобные пряжки, кресало, керамика). Дата могильника — XI—XIII вв., этническая принадлежность — славяне [2, с. 54, 55]. Несомненный интерес вызвал и доклад С. В. Тарасова (ИИ АНБ) «Демографическая структура Полоцка XI—XVII вв. по историко-археологическим источникам». Понимая всю условность среднестатистических выкладок, автор все-таки склонен считать, что этот метод вполне пригоден для подсчетов численности горожан на разных этапах существования Полоцка. В IX — начале XI в., когда площадь города была 40 га, усадьба по раскопкам на Нижнем замке составляла 0,009 га, плотность заселения — около 70%, и в городе могло жить 4 тыс. человек, если при этом считать, что на каждой усадьбе было по 6 человек. Для XII—XIII вв. общая площадь города составляла 120 га, размеры усадьбы этого времени — 0,03 га, коэффициент плотности жилой застройки 60%. Все это дает возможность считать, что в городе жило 14,4 тыс. человек. По расчетам автора, площадь Полоцка в XVI в. составляла 0,8 га, среднее же количество населения составляло около 30 тыс. человек. По данным переписи населения 1654 г. в Полоцке было 5 тыс. человек [2, с. 59—61] (см. также [3, с 23, 24]). Особый реферат был посвящен М. М. Цейтлиной (БРПИ) технологическим особенностям росписей Евфросиниевской церкви в Полоцке и соборов XII в. в г. Владимире. В физико-химической лаборатории Белорусского реставрационно-проектного института производилось комплексное исследование технологических особенностей стенной живописи указанной полоцкой церкви (XII в.), церкви Покрова на Нерли и Золотых ворот (XII в.) г. Владимира, церкви Бориса и Глеба в с. Кидекше под Суздалем (XII в.). Оказалось, что для всех этих памятников общим является лишь использование в живописном грунте более чем на 90% известкового вяжущего и около 1—2% фибрового наполнителя; по цвету тем не менее грунт в полоцком памятнике розовый (благодаря цемянке), во Владимире — белый. Различен состав красок в полоцком и во владими-

ро-суздальских памятниках. Красный цвет в полоцком памятнике получен благодаря цветным глинам и глинистым породам, во владимиро-суздальских он представлен киноварью различных оттенков. Зеленый в Полоцке содержит глауконитовые породы, во владимирских, кроме того, и примеси малахита. Живопись в Полоцке и во владимирских памятниках была исполнена в различной технике: в Спасо-Евфросиниевском храме — all-fresco, во владимирских храмах краски разбеливались известково-каолиновым составом, в который добавлялся растительный клей. Автор считает, что в XII в. начались «поиски в области технологии и, по-видимому, техники живописи» [3, с. 63, 64]. Несомненный интерес представил реферат Н. И. Зданович (БРПИ) об ангобированной росписи бытовой керамики Полоцка XVII—XIX вв., в котором автор установила, что в конце XVI—XIX в. «полоцкие гончары широко применяли белый ангоб (...) как в росписи посуды, так и в росписи детских глиняных игрушек. (...) Расписные тарелки являются первой декоративной посудой, которая потом сменилась фаянсом и фарфором» [2, с. 24, 25].

Из исторических докладов, относящихся к эпохе развитого средневековья, отметим не лишенный интереса доклад Д. М. Володихина (МГУ) «Русские летописи и разряды, а также сочинения иностранцев о взятии Полоцка в 1563 г.», который был построен на анализе текста Лебедевской летописи, разряда Сапунова, Псковского летописного свода 1567 г. и «Нового донесения о русском проекте», изданного Г. В. Ферстеном. Докладчик установил основные факты, обеспечившие победу Ивана Грозного, и определил, что массовых казней жителей побежденного города (как принято считать) в действительности не было, «однако занятие города войсками, в том числе и отрядами служилых татар, а также увод многочисленного полона по зимним дорогам привели к большим жертвам среди местного населения» [3, с. 12]. Ряд рефератов относился к XVIII—XIX вв. и посвящался, например, общественно-политическому движению на Полотчине во время войны 1812 г. (С. В. Таляронак), Полоцку в годы Северной войны (В. И. Пашкевич), вопросам землевладения Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря в XIX — начале XX в. (В. А. Куприянов), восстановлению Покровской церкви XVIII в. в Полоцке (Л. Ф. Данько), научной деятельности преподавателя Полоцкого кадетского корпуса А. П. Аргамакова (А. Л. Киштымов).

Всего было представлено 44 заявки на чтение рефератов. Нельзя не отметить исключительную организованность всей конференции, которой управляли замечательные краеведы-энтузиасты Полоцкого объединенного музея — Т. Д. Рудова, Т. А. Джумантаева и многие другие. Очень большое впечатление оставила экскурсия участников конференции в недавно организованный музей им. Франциска Скорины с тщательно продуманной и великолепно эстетически выполненной экспозицией. В резолюции, принятой конференцией, говорилось о том, что «Полоцк — древнейший белорусский город с богатой исторической традицией — имеет все потенциальные возможности для культурного и духовного возрождения. Для этого необходимо организовать Совет по изучению культурного и архитектурного наследия средневекового города, главной целью которого было бы возвращение Полоцку его роли ведущего центра древней культуры Беларуси». Указывалось также на необходимость активизации реставрационных и археологических работ в историческом центре города, на необходимость «запрета строительства в этой его части без согласования с археологами и архитекторами-реставраторами и другими специалистами Полоцкого историко-культурного заповедника». Крайне важно, было записано в резолюции, в кратчайшие сроки «принять Верховным Советом Республики Беларусь закона об охране историко-культурного наследия»; создать в Полоцке и в Полотчине сеть исторических и краеведческих музеев, и в частности в городе специальный музей археологии Полоцка; отмечалась необходимость оставить в распоряжении Управления музеев полоцкий Софийский собор — «древнейшую святыню белорусского народа»: собор «должен сохранить свой статус музея и одного из лучших концертных залов республики». Было решено проводить и в дальнейшем подобные конференции в Полоцке не реже, чем раз в 3 года.

3. С особой торжественностью праздновалось в Минске и Полоцке тысячелетие Полоцкой епархии и Православной церкви Беларуси. Торжества проходили с 24 по 28 сентября 1992 г. и сопровождались обширной научной конференцией (25 сентября) с пленарными и многочисленными секционными заседаниями, которыми руководили Белорусский экзархат Московской патриархии и Академия наук Беларуси. Конференция открылась вступительным словом президента БАН Л. М. Сущени, вступительным словом главы комиссии Верховного Совета Республики Беларусь по культуре, воспитанию и сохранению культурных традиций народного поэта Н. С. Гилевича и вступительным словом патриаршего экзарха всей Беларуси митрополита Минского и Слуцкого Филарета.

На пленарном заседании было прочитано 10 рефератов: 2 доклада о тысячелетнем пути белорусского

православия (прот. С. Гардун, Жировичи и М. Ганько, Торонто, Канада), об этапах белорусского православия (Г. В. Штыхов, Минск), о Полоцке как «колыбели белорусского православия» (Ю. А. Лобынцев, Москва), о православной церкви на Белостотчине (М. Гайдук, Польша) и др. Из-за обилия желающих выступить (всего 83 референта) было создано 5 секций, в которых участвовали и археологи. Остановлюсь на докладах, наиболее близких нам по тематике. На 1-й секции («Богословская и религиозная мысль в Беларуси») были объявлены доклады ныне покойного М. А. Ткачева (Минск) «Полоцкий собор как святыня белорусского народа», В. Б. Еваровского (Минск) «К характеристике духовно-нравственной позиции Евфросинии Полоцкой». Во 2-й секции («Церковная история и историография») рефераты представили: М. И. Ермолович (Молодечно) «Во имя Бога и отчизны» (о Евфросинии Полоцкой), Ю. А. Заяц (Минск) «Распространение христианства в городах Полоцкой земли», Г. А. Кохановский (Молодечно) «Церковное краеведение», С. В. Павлуцкая (Гродно) «Всеслав Полоцкий — язычник или христианин»?, Л. В. Алексеев (Москва) «Основные вехи христианской культуры Полоцкой епархии домонгольского времени». В 3-й секции («Церковь и государственно-политическая жизнь на Беларуси») доклады представили: С. В. Тарасов (Минск) «Полоцкая земля и христианизация Европы», Э. М. Загорульский (Минск) «Полоцкая земля и русские княжества», Г. В. Штыхов (Минск) «Житие Евфросинии Полоцкой как источник по истории Полоцка». В 4-й секции («Традиции православия в архитектуре и искусстве Беларуси») — А. А. Селицкий (Минск) «Софийский собор в Полоцке (история и фрески)», Ю. А. Якимович (Минск) «Полоцкая школа архитектуры и ее исторический путь», Л. В. Колединский (Минск) «Первый храм Витебска», прот. Георгий Свирин (Гродно) «Древняя Коложская церковь», В. Г. Пуцко (Калуга) «Ars sacra древней Полоцкой земли», И. А. Шалина (Санкт-Петербург) «Об иконе Богоматери Торопецкой», Э. С. Максимова (Минск) «Преподобная игуменья Евфросиния Полоцкая — заказчица креста 1161 г.— у истоков белорусского церковного патроната». В 5-й секции («Белорусская литература и языковедение в религиозном контексте») — А. И. Журавский (Минск) «Церковнославянский язык в древней Беларуси», Е. Б. Рогачевская (Москва) «Молитвословное наследие Кирилла Туровского (проблема атрибуции)», Г. М. Ревяка (Минск) «Откуда есть пошел город Минск?». Тезисы всех рефератов были опубликованы [4, с. 1—97].

Многие из представленных докладов носили популярный характер, однако некоторые из них (особенно по интересующей нас тематике) имеют интерес для науки. Авторы таких работ рассматривают известные факты под новым углом зрения либо стремятся к их обобщению. Так, впервые исследовалась философская сторона воззрений автора «Жития Евфросинии» и ее самое. Обычное для житий Киево-Печерского материка «противопоставление материального и идеального здесь переносится из онтологической во временную сферу» (обычное «злое — материальное, а благое — духовное» здесь заменено иным: «преходящее — материально, духовное — вечно»). В. Б. Еваровский считает, что разительное отличие «Жития Евфросинии» от житий южнорусских, с его пониманием личности как самостоятельной ценности и т. д., объясняется общественно-политической ситуацией в Полоцке, его вечевой демократией, способствовавшей «росткам самосознания и политической активности личности» [4, с. 8—9]. Представляется, что подобное утверждение имело бы бóльшую силу, если бы автор подкрепил его примерами из истории других, в большей степени вечевых городов (Новгород, Псков). Интересна попытка доказать распространение христианства в Полоцкой земле на примере курганов Заславля (Ю. А. Заяц). Оказалось, что его отражают сами курганные насыпи: в курганных группах II и III (составлявших некогда единый комплекс захоронений правобережного посада Изяславля) к X в. относится 47,37% курганов, ко второй половине X — началу XI в.— 39,47% курганов, к началу XI в.— 2,63%. «Доля языческого населения посада,— заключал исследователь,— ко второй четверти XI в. не превышала 9%. К середине XI в. курганный обряд здесь прекратился—. На некрополе детинца 66,67% курганных насыпей падало на конец X в., остальные — на конец X — начало XI в. К середине XI в., полагает он, «процесс утверждения новой религии в городе был завершен» [4, с. 22].

Впервые в нашей историографии началось изучение церковного краеведения: Г. А. Кохановскому удалось проследить его историю с древнейших времен до 1917 г., когда этот род деятельности был прекращен. Любопытный анализ «Жития Евфросинии Полоцкой» как источника по истории Полоцка проделал Г. В. Штыхов.

Л. В. Алексеев пытался наметить вехи развития домонгольской Полоцкой епархии, он разбил ее духовную жизнь на 5 периодов, отличающихся друг от друга по ряду признаков: 1) эпоха крещения населения и становления епархиального управления — конец X — первая половина XI в.,

когда храмостроительство было еще деревянным и преследовало главную цель — крещение; 2) эпоха торжества православия в земле, торжественных епископских богослужений, когда Всеслав Полоцкий, соревнуясь с Киевом и Новгородом, строит свою Софию (1060—1066); 3) эпоха Всеславичей (начало XI в.), когда строятся небольшие церкви и монастыри (Глебом — в Минске, Борисом — в Бельчицах, Георгием — новой усыпальницы в Сельце под Полоцком и т. д.); 4) эпоха Евфросинии Полоцкой, основавшей в 1128—1161 гг. в Сельце монастырь, также храм и монастырь Богородицы и т. д.; 5) эпоха правнуков Всеслава (конец XII — начало XIII в.), когда интенсивность храмоздательства в земле снижается, усобицы князей заставляют полоцкую школу первоклассных зодчих искать работы в других землях (Смоленск и т. д.).

Ю. А. Якимович пытался обобщить материалы по истории полоцкой школы зодчества и использовал для этого работы археологов (главным образом П. А. Раппопорта). В ряде вопросов автор, как нам кажется, исходил из неверных представлений, как в вопросах зодчества, так и в вопросах исторического осмысления. Автору, видимо, остались неизвестными последние капитальные работы А. И. Комеча [5] и Г. К. Вагнера [6]. Он ошибочно считает полоцкий Софийский собор трехнефным, хотя все Софии — Киева, Новгорода, Полоцка — и несколько других столь же почти грандиозных храмов, построенных византийцами в середине XI в., были пятинефными, и даже эпоха эта получила наименование «эпоха грандиозных пятинефных соборов» (Г. К. Вагнер). Полоцкая София вовсе не «упрощенный вариант» Софии Киевской, как кажется автору (см. [5, 6]), построена она в период, когда Всеслав стал в оппозицию Киеву,— это верно, но произошло это после 1060 г. (а не в 1150 г.), и т. д. Крайне интересный этюд представил Л. В. Колединский: он собрал все имеющиеся данные о первом каменном храме св. Михаила в Витебске и попытался впервые определить, что он из себя представлял, когда был разрушен. Из доклада И. А. Шалиной стало ясно, что знаменитая икона Торопецкой Богоматери относится к XIV в. и, следовательно, не ее выписала Полоцкая Евфросиния для своего монастыря. К не менее важным выводам пришла Э. С. Максимова, рассмотревшая крест Евфросинии 1161 г. с точки зрения его заказчицы. Интересно сопоставив декорирование креста и фресок Спас-Евфросиниевского храма, она установила в том и другом случае единство подхода заказчика, что явилось доказательством, что автором программы украшения того и другого памятника было одно и то же лицо — сама Евфросиния. Автор утверждала, что в надписи на кресте содержатся уникальные сведения о двух алтарях в храме — основного и второго, находившегося, считает она, в апсиде «келии Евфросинии» [4, с. 75, 76].

Последующие дни, 26 и 27 сентября, были использованы для поездки участников торжеств во главе с патриаршим экзархом митрополитом Филаретом, а также с председателем Верховного Совета Беларуси Ст. Ст. Шушкевичем в Заславль и Полоцк, где 27 сентября в не переданном еще церкви Софийском соборе состоялась грандиозная служба — «архиерейская встреча», а накануне в заново отреставрированном Крестовоздвиженском соборе Спасо-Преображенского монастыря — торжественный праздничный молебен.

Институт археологии
РАН, Москва

Л. В. Алексеев

СПІСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Побаль Л. Д.* Старажытнейшы горад//Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1988. № 1.
2. Гісторыя і археалогія Полацка і полацкай зямлі (навукова канферэнцыя, прысвечаная 1130 — годдзю Полацка). Полацк, 1992.
3. *Тарасов С. В.* Историко-географическая структура Полоцка IX—XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1992.
4. Тэзісы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 1000-годдзю Полацкай епархіі і праваслаўнай царквы на Беларусі. Минск: Изд-во Беларуская праваслаўная царква, 1992.
5. *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М.: Наука, 1987.
6. *Вагнер Г. К.* Искусство мыслить в камне. (Опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры). М.: Наука, 1990.

V АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ НА ШПИЦБЕРГЕНЕ

(Калипсобюен, 1992)

10—11 августа 1992 г. в пос. Калипсобюен (залив Бельсунн) состоялось V Международное совещание по археологии Шпицбергена, в котором приняли участие специалисты из России, Норвегии и Польши.

Традиция этих ежегодных совещаний родилась в 1988 г., когда в пос. Баренцбург на базе Шпицбергенской экспедиции Института археологии РАН состоялась встреча участников археологических экспедиций из России, Норвегии и Польши. При обсуждении итогов полевого сезона и перспектив будущих исследований была высказана мысль сделать подобные встречи традиционными и превратить их в археологические совещания. С этого времени совещания по археологии Шпицбергена проходят поочередно в поселках Баренцбург и Лонгиербюен.

В 1992 г. местом проведения совещания был избран пос. Калипсобюен, где размещается база географической экспедиции Института наук о земле Люблинского университета (Польша). Это было обусловлено тем, что Шпицбергенская экспедиция Института археологии РАН уже в течение двух сезонов проводит свои исследования в районе Южного Бельсунна совместно с польскими и норвежскими специалистами и базируется вместе с географической экспедицией Люблинского университета. Близость исследуемых археологических памятников и стационарной экспедиционной базы позволили дополнить совещание полевым семинаром на месте раскопок в Ренардбреен и разведок на мысе Ренардодден.

В совещании приняли участие: с российской стороны — д-р ист. наук В. Ф. Старков, канд. ист. наук В. И. Завьялов и ст. науч. сотрудник экспедиции Е. Н. Зимин; с норвежской стороны — советник по охране памятников при конторе губернатора Шпицбергена Л. Ролл, директор музея Тромсё и руководитель археологической экспедиции этого музея Р. Ёргенсен, археолог университета Тромсё Т. Хультгрсен и сотрудник факультета археологии Тронхеймского университета М. Ясинский; с польской стороны — декан Института наук о земле Люблинского университета им. М. Склодовской-Кюри проф. М. Хорошимюк и начальник географической экспедиции Люблинского университета проф. К. Пенкала.

Открыл совещание проф. М. Хорошимюк. В своем приветствии он подчеркнул важное значение комплексных географо-исторических интернациональных исследований в районе Южного Бельсунна.

В докладе проф. К. Пенкалы «Геоморфологическая ситуация в Бельсунне» автор остановился на основных проблемах геоморфологических исследований в указанном регионе. Одной из них является динамика изменений уровня моря и ледниковых фронтов, что, несомненно, оказывало существенное влияние на расположение археологических памятников в условиях Шпицбергена. Наиболее значительно оно проявлялось в так называемый «малый ледниковый период» (XIV—XIX вв.), с которым связан начальный этап человеческой деятельности на Шпицбергене. С другой стороны, изучение археологических памятников с их более точным по сравнению с геологическим датированием позволяет дополнить процесс геоморфологических изменений хронологическими показателями. Проф. К. Пенкала отметил, что все археологические памятники на архипелаге за исключением некоторых погребений расположены на высоте не выше 10 м над уровнем моря. Крайне важным, по мнению автора, является начатое исследование памятника у ледника Ренард, поскольку это единственный случай залегания культурного слоя в теле морены. Не менее интересным оказалось и высотное размещение группы памятников на Ренардодден. Основной чертой всех обнаруженных археологических объектов на этом мысе является их крайне низкое размещение относительно уровня моря. При этом положение памятника Ренардодден-1 связано с динамикой суши, в то время как аналогичное положение памятника у Ренардбреен обусловлено фазами деятельности ледника. В свою очередь процессы, приведшие к низкому залеганию памятника Ренардодден-1, могут быть связаны как с изостатическими, так и с тектоническими проявлениями.

В дискуссии по докладу проф. К. Пенкалы Р. Ёргенсен отметил, что Бельсунн является зоной активной тектоники. Вместе с тем, по мнению некоторых специалистов, причиной низкого

© В. И. Завьялов, В. Ф. Старков, 1994 г.

положения археологических памятников может быть изменение климата и связанное с этим усиление штормовой деятельности моря.

В этой связи было высказано замечание В. Ф. Старкова, что усиление штормов не может влиять на положение памятников относительно морских террас.

В докладе д. и. ч. В. Ф. Старкова «Археологические памятники залива Бельсунн» было отмечено, что этот район являлся в прошлом одним из основных центров промысловой деятельности на Шпицбергене. Здесь имеются памятники, оставленные русскими «промышленными людьми», английскими и голландскими китобоями, русской научной экспедицией под руководством В. Я. Чичагова (1763—1765) и норвежскими охотниками XVIII—XIX вв. В 1992 г. экспедицией ИА РАН были обследованы памятники в районе Ренардодден, открытые в 1986 г. экспедицией Люблинского университета. Были составлены ситуационные планы и проведены сборы подъемного материала. По предварительным данным, один из этих памятников (Ренардодден-1) был оставлен поморами. Выявлены остатки предположительно двух наземных построек, сильно пострадавших от морской абразии. Два других памятника (Ренардодден-2 и Ренардодден-3) представляют из себя остатки нескольких палаточных жилищ западноевропейских китобоев. Кроме того, экспедицией были обследованы остатки лагеря китобоев у мыса Лагернесет на западном побережье залива Решерш.

В докладе «Раскопки памятника Ренардбреен-1» М. Ясинский остановился на итогах археологических исследований этого необычного археологического объекта. Археологические раскопки Ренардбреен-1 проводятся уже второй сезон. Особенностью памятника является залегание культурного слоя в толще моренных отложений на глубине около 3 м от дневной поверхности морены. Такая ситуация уникальна для археологических памятников Шпицбергена. Воздействие морены привело к сильному нарушению стратиграфии культурных напластований. Относительная бедность памятника археологическими находками не позволяет сделать достаточно определенных выводов ни о его культурной принадлежности, ни о хронологических границах.

Доклад Р. Ёргенсена был посвящен раскопкам базы западноевропейских китобоев в Госхамне (южное побережье залива Хорнсунн). Археологические работы на этом памятнике продолжаются второй год. Низкое расположение объекта относительно уровня моря приводит к его активному разрушению морскими процессами. За сезон 1992 г. было раскопано жилище и жиротопная печь. Интересно отметить, как подчеркнул автор, гибель жилища в пожаре, что подтверждает свидетельства письменных источников о военных действиях между английскими и голландскими китобоями в районе Хорнсунна. Стратиграфически на памятнике выделяются два строительных периода. Анализ керамики позволяет сделать вывод о принадлежности данного поселка англичанам. Необычным элементом конструкции как жилища, так и жиротопной печи является вертикальное расположение каменных плит, составлявших основание стен. Из методики полевых исследований следует отметить широкое использование при работе экспедиции теодолита, совмещенного с компьютером, применяемых для составления планов и профилей раскапываемых объектов. В заключение Р. Ёргенсен еще раз отметил необычайно низкое расположение исследуемого им памятника, что приводит в настоящее время к его затоплению морскими водами. Докладчик выразил желание проведения геоморфологических работ на памятнике для воссоздания реальной ситуации во время его существования.

В. Ф. Старков при обсуждении доклада заметил, что низкое расположение памятников XVI—XVII вв. характерно для Западного Шпицбергена. В этом следует искать какие-то общие причины, связанные с геоморфологическими процессами, происходившими на Шпицбергене в эпоху «малого ледникового периода».

В своем выступлении проф. К. Пенкала остановился на вопросах организации экспедиционно-музейного комплекса в Калипсобюен. Этот поселок, возникший в начале 10-х годов нашего столетия как разведочный рудник английской угледобывающей компании, после прекращения работ долгое время находился в заброшенном состоянии. В 1986 г. на его основе географической экспедицией Люблинского университета им. М. Склодовской-Кюри была создана исследовательская база. Учитывая интерес ученых различных стран и специальностей к району Южного Бельсунна, а также все возрастающую активность как организованных, так и «диких» туристов, К. Пенкала предложил использовать в дальнейшем пос. Калипсобюен в качестве научного и музейно-туристического центра, в котором бы находилась постоянная экспозиция, повествующая о работе угледобывающей компании и деятельности охотников-промысловиков. С этой целью на территории поселка были начаты сборы бытовой и технической керамики с ее последующей реставрацией, а также других предметов, связанных с деятельностью шахтеров. Эта информация была с интересом и вниманием встречена инспектором по охране исторических памятников при губернаторе Шпицбергена.

Сообщение Л. Р о л л было посвящено вступившим в силу с февраля 1992 г. Предписаниям по охране памятников культуры и истории на архипелаге Шпицберген. В сообщении подчеркивалось, что в итоговом варианте Предписаний были учтены поправки, высказанные заинтересованными сторонами в ходе обсуждения проекта. Одним из главных отличий настоящих Предписаний от предшествующих документов является объявление охраняемыми памятниками культуры любого объекта, связанного с деятельностью человека не позднее 1945 г. Культурный памятник не подлежит изъятию и перемещению с места находки. О нахождении такого объекта (будь то предмет или сооружение) надлежит информировать инспектора по охране культурных памятников на Шпицбергене. В обязанности последнего входят регистрация памятников и решение вопросов, связанных с их перемещением, консервацией, реставрацией и пр.

Со стороны археологической экспедиции РАН было высказано сожаление в связи с тем, что Предписания не делают различий между туристами, населением архипелага и специалистами (историками и археологами), призванными исследовать историко-культурные памятники и препятствовать их разрушению.

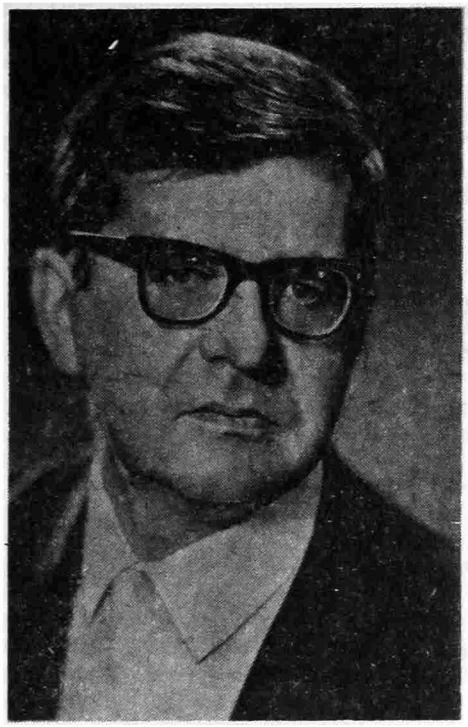
Все участники совещания подчеркивали большое значение подобных научных встреч. Они позволяют не только получать самую свежую информацию об археологических исследованиях на архипелаге, но и разрабатывать стратегию будущих полевых работ.

В заключение участники совещания ознакомились с объектами работы российских археологов в полевом сезоне 1992 г. Была признана крайняя необходимость скорейших раскопок памятников Ренардодден-1 и Ренардодден-3. Что касается исследований на Ренардбреен-1, то отмечалась специфичность методики раскопок этого необычного памятника. При осмотре остатков лагеря экспедиции В. Я. Чичагова в заливе Решерш было высказано удовлетворение проведенными в 1979 г. рекультивационными работами на месте раскопок: в настоящее время моховой покров полностью восстановился.

Следующее, VI, совещание по археологии Шпицбергена состоится в 1993 г. в пос. Лонгиербюен.

Институт археологии РАН,
Москва

В. И. Завьялов, В. Ф. Старков



ПАМЯТИ ВЛАДИСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА КРОПОТКИНА

(1922—1993)

Острой болью отозвалась в наших сердцах скорбная весть о последовавшей 23 августа 1993 г. скоропостижной и преждевременной кончине Владислава Всеволодовича Кропоткина — прекрасного археолога, прекрасного товарища, человека широчайшей культуры, глубокого благожелательства, неиссякаемых энергии и оптимизма. Он прожил немногим более 71 года, но никто не мог дать ему и этих лет: буквально до последнего часа сохранил он подлинную душевную молодость, жизнелюбие, творческую активность. Казалось, годы бессильны перед ним. И недаром мало кто из его сверстников и друзей обращался к нему по имени-отчеству. Для нас он оставался Владиком. И останется им в нашей памяти навсегда.

Мне особенно тяжело писать эти строки. Нас связывали более шестидесяти лет ничем не омраченной дружбы, единомыслия, общих интересов, общих увлечений. Фактически долгая жизнь, прожитая в постоянном контакте, постоянном согласии, постоянной взаимопомощи. Невозможно смириться с мыслью, что все это так трагически пресечено. Остается лишь благодарить судьбу, что это было.

Владислав Всеволодович Кропоткин родился 2 февраля 1922 г. в Рязани. Выходец из высшего эшелона русской интеллигенции, он самим происхождением своим связан с семьями, особо заслуженными перед историей отечественной общественной жизни, науки, культуры, давшими такие славные имена, как князь Петр Алексеевич Кропоткин, знаменитый путешественник, почетный академик Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский, видный деятель Великой реформы 1861 года Николай Петрович Семенов. Эти люди причастны к созданию традиций глубокой ответственности перед Отчизной, перед своим народом, перед своим делом. Эти традиции Владислав Всеволодович достойно пронес через всю свою жизнь.

Интерес к родной истории, а далее и увлечение археологией определились у В. В. Кропоткина очень рано, в середине 30-х годов. Он учился в одной из лучших московских школ — бывшей 9-й (Медведниковской) гимназии (ныне 59-я школа им. Н. В. Гоголя), сохранявшей еще старые традиции, а частично и старый преподавательский состав. Истории его учил замечательный человек — Дмитрий Николаевич Никифоров, умевший передать ученикам неповторимое своеобразие, красочность и обаяние каждого исторического периода, широко использовавший на уроках поэзию, музыку, все виды изобразительного искусства. Очень чутко и глубоко воспринимал все это школьник Владик Кропоткин. Помню, с каким вдохновением читал он шекспировский монолог Марка Антония на уроке, посвященном мартовским идам, как буквально «впитывал» в себя музыку Альбеница (играл сам учитель), сопровождавшую рассказ о средневековой Испании. Весной 1935 года в соответствии со старой — еще гимназической — традицией силами пятиклассников была поставлена трагедия

© Н. Я. Мерперт, 1994 г.

Софокла «Антигона». Одетый в синий хитон с серебряными звездами, В. Кропоткин был хорегой одного из двух хоров: все должно было строго соответствовать канонам античной трагедии, тем более, что куратором постановки был шеф школы — Музей изящных искусств и заведующий его античным отделом В. Д. Блаватский. Успех постановки укрепил увлечение В. В. Кропоткина древней историей и в следующем году он вместе с автором этих строк инсценировал известный роман Джованьоли «Спартак». Спектакль — увы! — не состоялся. Но осенью того же 1936 года В. В. Кропоткин вступил в только что созданный археологический кружок Московского дворца пионеров и впервые принял участие в археологических разведках в районе Подольска, а вслед за ними — и в руководимых Б. А. Рыбаковым раскопках курганов вятичей у деревни Пузиково. В конце года на посвященном итогам работ заседании он сделал свой первый археологический доклад о ремесле вятических племен. Так началась его профессиональная деятельность археолога. К моменту окончания школы В. В. Кропоткин был уже участником четырех экспедиций, в том числе и в Крыму, с которым впоследствии был связан ряд важнейших его работ. Интересы его полностью определились. И поступление его в 1940 г. на исторический факультет МГУ было актом закономерным и давно подготовленным.

Успешно начав учебу, Владислав Всеволодович прошел вместе с Университетом весь тернистый путь первых военных лет: эвакуацию в Ашхабад в 1941 г., переезд в Свердловск в 1942 г. Оттуда в январе 1943 г. он ушел на фронт Великой Отечественной войны, где в качестве солдата—путейца участвовал в боевой деятельности железнодорожных рот. Демобилизовавшись в 1946 г., В. В. Кропоткин был восстановлен на истфаке МГУ и с блеском окончил его в 1950 г. (диплом с отличием и только отличные отметки в зачетной ведомости). В том же году он поступил в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН), с которым и связана вся его дальнейшая сорокатрехлетняя деятельность, составившая славную страницу в истории нашей науки.

Все эти годы основным объектом исследований Владислава Всеволодовича было раннее средневековье Восточной Европы, I тысячелетие нашей эры — предельно сложный и противоречивый период, своего рода «смутное время» в истории нашего континента, ознаменованное агонией, а далее и развалом Римской Империи, перемещением центра тяжести римского мира к востоку, резкими перегруппировками населения с выходом на авансцену европейской истории целого ряда новых формирующихся этносов. События эти, приведшие к полному преобразованию этногеографии Европы и путей ее социально-экономического и культурного развития, предельно динамичны и столь же трудны для исследования. Достаточно вспомнить, сколько эффектных, но весьма шатких, а то и просто спекулятивных построений было посвящено этой проблематике, особенно в начале 50-х годов, когда приступал к своим исследованиям Владислав Всеволодович. И тем большего уважения заслуживает та глубокая научная принципиальность, которая была подлинным стержнем его творческой деятельности на всех ее этапах. Целенаправленно и упорно разрабатывал он ключевые проблемы восточноевропейского средневековья. Им он посвятил обе свои диссертации (первая защищена в 1953, вторая в 1973 г.), их исследования представлены в его обширном литературном наследии, включающем свыше 120 ценнейших работ. И неизменно основу этих работ составляет тщательный, методически четкий и предельно объективный анализ огромного фактического материала. Немногим известно, какая тяжелая и длительная черновая работа предшествовала этому анализу, сколько раз проверял и перепроверял исследователь каждое свое заключение.

Тематический спектр работ Владислава Всеволодовича чрезвычайно широк. Он включает основные вопросы интерпретации археологических памятников готов (долгое время табуированные или извращенные в нашей науке), аланов, волжских болгар, славян, гуннов, вопросы кризиса рабовладельческой системы и зарождения феодализма, товарного производства и денежных отношений в Восточной Европе, общие проблемы истории Средневекового Крыма. Но основным стержнем его исследований всегда оставались важнейшие и до него очень слабо исследованные проблемы экономики раннего средневековья и культурного взаимодействия варварского мира с Римом и Византией. Значительную роль в обогащении базы источников, необходимой для разработки этих проблем, сыграли регулярные и плодотворные полевые исследования В. В. Кропоткина в Крыму (прежде всего многолетние раскопки Чуфут-Кале), а также в Полтавской, Кировоградской, Хмельницкой, Винницкой, Черкасской, Тернопольской областях Украины. Многие годы он возглавлял Западно-Подольскую экспедицию нашего Института. Вместе с тем, длительная и упорная работа в музейных собраниях многих городов России и Украины позволили ему впервые с предельной тщательностью учесть все римсковизантийские импорты и нумизматические материалы этой части Восточной Европы и составить исчерпывающе полные их карты, положенные в основу двух фундаментальных выпусков «Свода археологических источников СССР» — «Клады римских монет на территории СССР» (1961) и «Клады византийских монет на территории СССР» (1962). Дальнейшее развитие это направление исследований получило в ценнейших монографиях «Римские импортные изделия в Восточной Европе» (1970) и «Экономические связи Восточной Европы» (1967), где автор синтезирует данные анализа огромного фактического материала и выходит на уровень исторической его интерпретации. Трудно переоценить значение этих книг для разрешения ряда основных проблем восточноевропейского раннего средневековья. Они вызвали значительный интерес и за пределами не только нашей страны, но и самой Восточной Европы, и последние годы В. В. Кропоткин дополнял и перерабатывал их, подготавливая для английского переиздания. С неизменным вниманием встречались его доклады в Польше, Германии, Болгарии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Швеции.

Широкая эрудиция, плодотворная исследовательская деятельность, глубокое проникновение в

общую проблематику железного века обусловили избрание Владислава Всеволодовича заведующим отделом скифо-сарматской археологии нашего Института. Он с достоинством руководил этим отделом около пятнадцати лет, снискав глубокое уважение и благодарную память своих коллег.

Наш общий долг — довести до конца незавершенные работы нашего дорогого товарища. Имя его навсегда вписано в историю нашей науки. И очень нескоро будет заполнена зияющая пустота, образовавшаяся в отечественной археологии с его кончиной.

Институт археологии РАН,
Москва

Н. Я. Мерперт

Список опубликованных работ В. В. Кропоткина

1. Клады римских монет в Восточной Европе//ВДИ. 1951. № 4 (38). С. 243—281: табл., 2 карт.
2. Белынецкие курганы и стоянка (К вопросу о связи средневековой и фатьяновской культур)//КСИИМК. 1952. Вып. 47. С. 52—66: ил.
3. Рец.: Археологія, т. 5, Київ//ВДИ. 1952. № 2. С. 143—147 (совместно с Н. Я. Мерпертом).
4. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси//КСИИМК. 1953. Вып. 49. С. 21—25: 1 карт. (совместно с Соловьевой Г. Ф.).
5. Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1953. 16 с.
6. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР//ВДИ. 1954. № 3 (49). С. 152—180: карт.
7. О некоторых кладах римских монет, найденных в России (из истории русской нумизматики)//КСИИМК. 1956. Вып. 66. С. 100—106.
8. Рец.: Материалы по археологии юго-зап. Крыма (Херсонес, Мангуп). М.; Л., 1953//СА. 1956. № 25. С. 345—348.
9. Крест-складень из Коктебеля//СА. 1957. № 2. С. 257—258: ил.
10. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Сев. Причерноморья и на Руси//КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 35—44: ил., 1 карт.
11. Рец.: А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955//СА. 1957. № 3. С. 297—298.
12. Походы восточноевропейских дружин в Причерноморье и Подунавье в III в.//Очерки истории СССР III—IX вв. т. 2. М.: Изд. АН СССР, 1958. С. 124—129: ил.
13. Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э.//СА. 1958. № 2. С. 279—285.
14. Рец.: H. Sevin. Die Gepiden. München, 1955//СА. 1958. № 2. С. 314—317.
15. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-кале и вопрос о локализации города Фуллы)//СА. 1958. № XXVIII. С. 198—218: ил.
16. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение (по данным погребального обряда)//СА. 1959. № 1. С. 181—194: 2 табл., 3 рис.
17. Новые исследования Белынецких курганов//КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 103—113.
18. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в.//НЭ. Т. I. 1960. С. 215—222.
19. Клады римских монет на территории СССР//САИ. 1961. Вып. Г 4-4. 136 с., 2 л. табл., 13 отд. л. ил., карт. Библиогр.: с. 112—115.
20. Варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса//ВДИ. 1961. № 1. С. 128—136: ил., 2 табл., 2 карт. (совместно с Л. Н. Казамановой).
21. Передовая статья: XXI съезд КПСС и задачи советской археологии. СА. 1961. № 4. С. 1—4.
22. Рец.: Брайчевский М. Ю. Римська монета на територіі Украіни. Киев, 1959//СА. 1961. № 1. С. 300—305.
23. Клады византийских монет на территории СССР//САИ. 1962. Вып. Е4-4. 64 с. 1 л. табл., 15 отд. л. ил., карт. Библиогр. с. 52—54.
24. Из истории римской торговли с Восточной Европой//Историко-археологический сб. (в честь А. В. Арциховского). М., 1962. С. 147—153: карт.
25. Византийский сосуд из Южного Приуралья//КСИА. 1962. Вып. 87. С. 65—66: ил.
26. Погребение гуннского времени близ Танаиса//СА. 1962. № 3. С. 235—240 (совместно с И. С. Каменецким).
27. Liaisons économiques de l'Empire Romain avec l'Europe Orientale//VI Congrés International des sciences prehistoriques et protohistoriques. Les rapports et les informations des archeologies de l'URSS. M., 1962. p. 3—9.
28. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани//Керамика и стекло Древней Тмутаракани. М., 1963. С. 175—185: ил.
29. Подражания римским золотым монетам II—III вв.//ВДИ. 1964. № 1. С. 140—148: ил. (совместно с Л. Н. Казамановой).
30. Археологические раскопки в Кировоградской области в 1961 г.//КСИА. 1964. Вып. 102. С. 57—63: рис.
31. Новые находки византийских монет на территории СССР//ВВ. 1965. Т. XXVI. С. 166—169.
32. Могильник Чуфут-Кале в Крыму//КСИА. 1965. Вып. 100. С. 108—115: ил.

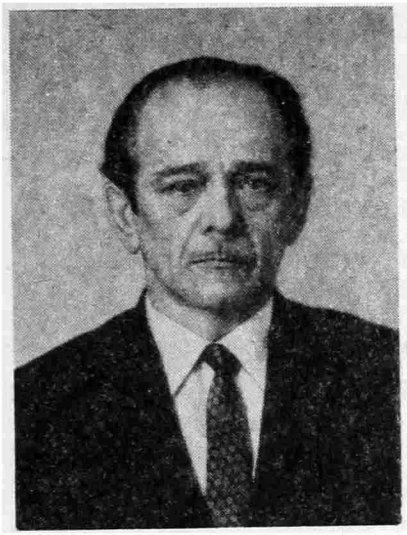
© Составители Е. В. Каменецкая, А. В. Кропоткин, 1994 г.

33. Клад римских денариев, найденных в с. Подлесновка (Сумская область)//ВДИ. 1965. № 1. С. 136—139.
34. Черняховская культура и Римская империя//Тез. докл. сов. делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965. С. 15—17,
35. Византийские монеты в Восточной Европе как исторический источник//Тез. докл. советск. делегации на I Междунар. конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965. С. 76—79.
36. Начало Великого переселения народов//История СССР. С древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1966. Т. 1. С. 305—308.
37. Новые находки римских монет в СССР (дополнение к САИ, вып. Г4-4)//НЭ. 1966. № VI. С. 74—102: 3 табл., ил.
38. Раскопки черняховского могильника в с. Рыжевка//АО-1965. М., 1966. С. 137—139.
39. Надьсентмиклошский клад//СИЭ. 1966. Т. 9. Стб. 875.
40. Liaisons économiques de l'Empire Romain avec l'Europe Orientale. Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche a Protostoriche//Tivoli, 1966. p. 135—140.
41. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.: Наука, 1967. 135 с.: ил., карт. Библиография: с. 5—19.
42. Черняховские памятники Среднего Побужья//АО-1966. М., 1967. С. 230—231.
43. Пастырское городище//СИЭ. 1967. Т. 10. Стб. 917—918.
44. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточ. Европе в конце VIII — первой половине IX вв.//Славяне и Русь. М., 1968. С. 72—79.
45. Некоторые проблемы изучения археологии Восточной Европы в эпоху раннего средневековья//КСИА. 1968. Вып. 113. С. 3—9.
46. Исследования черняховских памятников в Среднем Побужье и Среднем Поднепровье//АО-1967. М., 1968. С. 228—229.
47. Византийские монеты в Восточной Европе как исторический источник//I Międzynarodowy Kongress archeologii słowiańskiej. Wr., War; Kr; 1968. T. VI. C. 124—128.
48. Выступление в дискуссии по докладам: „I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej". Warszawa, 1968. T. VI. C. 239.
49. Перещепинский клад//СИЭ. 1968. Т. II. Стб. 34—35.
50. Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР//КСИА. 1969. Вып. 119. С. 32—36.
51. Изучение черняховской культуры на Полтавщине//АО-1968. М., 1969. С. 310—311.
52. Выступление в прениях: «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969. С. 108—109.
53. Skarb rzymskich monet i przedmiotów z IV w. n. e. z Zamościa// Wiadomosci Numizmatyczne. 1969. R. XIII, z. 3. s. 15—17.
54. Skarb rzymskich denarow ze wsi Turia w okręgu czerkaskim (ZSRR)//Wiadomości. 1969. R. XIII. Z. 3. S. 149—152.
55. Черняховская культура и Римская империя//I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. Wr; War; Kr., 1969. T. II. C. 283—285.
56. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.)//САИ. 1970. Вып. Д1-27. 278 с., ил., карт.
57. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры в III—IV вв. н. э.//Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 146—160.
58. Торговые связи Волжской Болгарии в X веке по нумизматическим данным//МИА. 1970. № 176. С. 146—150: карт.
59. Хронология черняховской культуры и римско-византийские импортные вещи в Восточной Европе//КСИА. 1970. Вып. 121. S. 52—55.
60. Новый клад римских денариев из Закарпатской области Украинской ССР//Acta Archaeologica Carpathica. 1970. T. XI. C. 217—225.
61. Находки куфических монет в Прикарпатье (СССР)//Acta Archaeologica Carpathica. 1970. T. XI. C. 227—230.
62. Византия и славянские племена Поднестровья и Поднепровья//Тез. докл. сов. делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине. М., 1970. С. 24—25.
63. Византийская чаша из Крыловского клада VII в.//ВВ. 1971. Т. 31. С. 194—195: ил.
64. Новые находки византийских монет в Керчи//ВВ. 1971. Т. 32. С. 216—218.
65. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе//НЭ. 1971. т. IX. С. 76—97.
66. Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл.//СА. 1971. № 4. С. 225—229.
67. Памяти А. Л. Бертье-Делагарда//СА. 1971. № 1. С. 140—142 (совместно с Д. Б. Шеловым).
68. Экономические связи Северного Кавказа в I тысячелетии н. э.//ТД СПИПАИ. 1970. Археол. секции. Тбилиси, 1971. С. 130—133.
69. Суук-Су//СИЭ. 1971. Т. 13. Стб. 968.
70. Клад серебряных вещей VII века из с. Крылос в Поднестровье//Acta Archaeologica Carpathica. 1971. T. 12. Fasc. 1—2. C. 65—71.
71. Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. (К вопросу о происхождении черняховской культуры)//Slavia Antiqua. 1971. T. XVII. C. 197—206.
72. Skarb denarów rzymskich (I—II w. n. e.) z Jarnic (woj. warszawskie)//Wiadomości Numizmatyczne. 1971. T. XV. s. 31—38.

73. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье//Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 197—202: ил.
74. Новый могильник поморско-мазовецкой культуры у с. Городок Ровенской области//СА. 1972. № 4. С. 255—256.
75. Золотая подвеска из Рыжевки//СА. 1972. № 1. С. 264—269.
76. Войтовский клад римских монет I—II вв. н. э.//ВДИ. 1972. № 3. С. 174—178 (совместно с А. Ф. Прокофьевым).
77. К публикации клада римских монет из с. Старая Романовка//НЭ. 1972. Т. X. С. 126—127.
78. Варварские подражания римским золотым монетам в Закавказье и в Восточной Европе//Тезисы доклада на научной сессии, посвященной памяти проф. Д. Г. Капанидзе. Тбилиси, 1972. С. 6.
79. Черняховская культура и Сев. Причерноморье//Культура та побут населения Українських Карпат. Тез. докл. Ужгород, 1972. С. 94—95.
80. К публикации клада римских монет из с. Старая Романовка//Прил. к кн. Каплун В. Я. Старо-Романовский клад римских денариев I—II вв. н. э. НЭ. 1972. Т. 10. С. 126—127.
81. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье//Berichte über den II Internationalen Kongress für Slavische Archäologie. Bd. III. Berlin. 1973. S. 441—449.
82. Экономические и культурные связи восточных славян с Византийской империей//Berichte über den II, Internationalen Kongress für Slavische Archäologie, Bd. III. Berlin, 1973. С. 221—233.
83. Караванные пути в Восточной Европе//Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 226—230.
84. О датировке кувшина из Чистиловского могильника (Тернопольской области)//СА. 1973. № 3. С. 240—243.
85. Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве//СА. 1973. № 2. С. 250—254 (совместно с Т. И. Макаровой).
86. Византийский экзагий из Керчи//ВВ. 1973. Т. 34. С. 262—263.
87. Тепсень//СИЭ. 1973. Т. 14. Стб. 192.
88. Богатое погребение у д. Пилипки (уезд Бельск Подляска, Воев. Белосток, Польша)//Archaeologia Pol. Wrocław, 1973. Z. 14. С. 331—336.
89. Пшеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород (Львовская область)//КСИА. 1974. Вып. 140. С. 51—56.
90. Раскопки поселения у села Ромош//АО-1973. М., 1974. С. 294—295: ил.
91. Пшеворские и поморско-мазовецкие памятники Западной Украины//Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции. Киев, 1975. Ч. III. С. 40—42.
92. Раскопки поселения у села Ромош//АО-1974. М., 1975. С. 301—302 (совместно с В. И. Кулаковым, А. Н. Геем, О. А. Панасюк).
93. Раннеславянские памятники VI—VII вв. и их связи с предшествующими археологическими культурами//Тез. докл. сов. делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 1975. С. 15—16.
94. Новый центр железоделательного производства III—IV вв. н. э. в бассейне Южного Буга//СА. 1976. № 3. С. 317—324 (совместно с В. Е. Нахапетян).
95. Исследование поселения у с. Ромош//АО-1975. М., 1976. С. 344—345.
96. Чуфут-Кале//СИЭ. 1976. Т. 16. Стб. 101.
97. Эски-Кермен/СИЭ. 1976. Т. 16. Стб. 599—600.
98. Проблема происхождения и этнической принадлежности черняховской культуры в свете новых антропологических исследований (по поводу книги Т. С. Кондукторовой «Антропология древнего населения Украины». М., 1972//Slavia antiqua. 1976. Т. XXIII. С. 165—173.
99. Варварские подражания римским золотым монетам в Восточной Европе//Slovenska numizmatika. 1976. № IV. С. 11—35.
100. Исследования на Волыни//АО-1976. М., 1977. С. 314.
101. Denkmäler der Przeworsk-Kultur in der Westukraine und ihre Beziehungen zur Lipica und Cernjachov-Kultur//Symposium „Ausklang der Latene Zivilisation und Anfänge der germanischen Besiedlung im mittleren Donaugebiet". Bratislava, 1977. S. 173—200.
102. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе//Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 111—117.
103. Черняховская культура и Северное Причерноморье//Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 147—163.
104. Раскопки поселения у с. Ромош//АО-1977. М., 1978. С. 340.
105. Раскопки Думановского могильника//АО-1978. М., 1979. С. 351. (совместно с А. В. Кропоткиным).
106. Рец.: Em. Nohejlová-Prátová. Základy numismatiky. Praha, 1975//СА. 1979. № 4. С. 295—300 (совместно с Н. А. Соболевой).
107. Раскопки Думановского могильника//АО-1979. М., 1980. С. 291.
108. Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным//Тез. докл. советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. М., 1980. С. 12—13.
109. Подготовка научных кадров в Институте археологии АН СССР (1919—1978 гг.)//КСИА. 1980. Вып. 163. С. 42—45.
110. Раскопки Думановского могильника//АО-1980. М., 1981. С. 266—267.

111. Античные воздействия на эволюцию культур в бассейне Среднего Днепра в I тыс. до н. э. и начале I тыс. н. э.//Przemiany ludnosciowe i kulturowe I tysiaclecia p. n. e. na ziemiach miedzy Odra i Dniprem. Warszawa — Kraków, 1982. S. 35—36.
112. О некоторых находках римских монет в Среднем Поволжье и Прикамье//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 137—141: 2 ил.
113. Раскопки Думановского могильника//АО-1982. М., 1984. С. 282—283.
114. Распространение монетных находок в степях и лесостепях Восточной Европы. Карта//Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1984. Рис. 51.
115. Находки античных монет в погребении кочевника на Южном Урале//СА. 1985. № 2. С. 242—246 (совместно с М. Ф. Обыденновым).
116. Раскопки Думановского могильника//АО-1983. М., 1985. С. 299.
117. Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики//Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 38—62. Карта.
118. Раскопки поселения у с. Ромош//АО-1984. М., 1986. С. 256.
119. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе//Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1988. С. 168—184 (совместно с А. В. Кропоткиным).
120. Bulgarian Tenth-century coins in Eastern Europe and around the Baltic (Topography and distributien routs//Commentationas de nummis saeculorum IX—XI in Suecia repertis. Nova series 6. Sigtuna Papers. Proceedings of the Sigtuna symposium on Viking-age coinage 1—4. June 1989. edited by K. Jonsson and B. Malmer, Stockholm, 1990. P. 197—201, tabl. I.
121. О распространении христианства в Северном Причерноморье//Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории (до конца XIII в.)//Тез. докл. на юбилейных чтениях памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1993. С. 41—43.
122. Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР//Acta Orientalia: Academiai scientiarum Hungaricae. Budapest, 1991. T. XLV (2—3). P. 403—423 (совместно с С. В. Гусевым).

Составители *Е. В. Каменецкая, А. В. Кропоткин*



ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА КОСТОЧКИНА

(1920-1992)

Ушел из жизни Владимир Владимирович Косточкин, один из немногих историков древнерусской архитектуры, тесно увязывающих свою работу с археологией. Ушел, полный творческих сил.

В. В. Косточкин родился в 1920 г., когда отечественная наука по архитектуре Древней Руси только начинала переходить к новым методам исследования. Интерес к памятникам-шедеврам, преимущественно культовой или дворцовой архитектуры, стал уступать место вниманию к гражданскому, в частности крепостному, зодчеству, которое особенно увлекло молодого Владимира Владимировича после окончания им Московского архитектурного института. Он без устали участвует в ряде поездок по малоисследованным городам России, производит обмерные и исследовательские работы по памятникам Нарвы, Выборга, Торопца, Великих Лук, в связи с чем стали появляться и его первые публикации [1, 2]. Исследовательская работа продолжалась и углублялась с переходом В. В. Косточкина в Кабинет русской и советской архитектуры при Московском архитектурном институте. В 1948 г. вышла первая его книга «Нарва» [3], предопределившая глубокий интерес автора к архитектуре древних русских крепостей. Именно глубокой увлеченностью В. В. Косточкина судьбами древнерусской архитектуры объясняется то, что он отдавал много времени и сил делу охраны архитектурных памятников, ведя активную работу в Научно-методическом совете по охране памятников культуры при президиуме Академии наук СССР.

Основное внимание В. В. Косточкин уделял памятникам русской архитектуры XV—XVII вв., главным образом древним крепостям. С этой целью В. В. Косточкин подробно исследовал сооружения Ивангорода, Тулы, Колы, Пскова, Печор, Изборска, Смоленска, Копорья и других порубежных прибалтийских городов. В отличие от многих историков древнерусской архитектуры В. В. Косточкин уделял большое внимание материально-технической стороне изучаемых памятников — устройству фундаментов, технике кладки, а также имевшим место историческим видоизменениям их облика, что требовало применения археологических методов. В. В. Косточкин прекрасно владел этими методами благодаря тесному сотрудничеству с Институтом археологии Академии наук СССР, в частности с д-ром ист. наук Николаем Николаевичем Ворониным, в экспедициях которого В. В. Косточкин активно участвовал. Участвовал он и в издательской работе Института археологии. В «Материалах и исследованиях по археологии СССР» им были опубликованы большие работы «Кремль древнего Гдова» [4], «Крепость Ивангорода» [5], «К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси XV — начала XVI в.» (позднее вышедшая отдельной книгой, защищенной в качестве докторской диссертации [6]) и пр. Ряд статей по той же тематике опубликован В. В. Косточкиным в журнале «Советская археология».

Одновременно с исследованиями по истории древнерусского зодчества В. В. Косточкин много работал в области теории и практики реставрации памятников архитектуры, неся трудную и хлопотливую службу в Научно-методическом совете, в котором он был бессменным членом президиума и заместителем председателя. Своим участием в проведении ряда пленумов и научных мероприятий по совершенствованию методики охраны и реставрации памятников истории и культуры В. В. Косточкин внес значительный вклад в послевоенное становление и развитие этого важнейшего дела. Особенно следует подчеркнуть его работу по учету и восстановлению памятников, разрушенных войной.

© Г. К. Вагнер, А. Н. Кирпичников, С. С. Айдаров, 1994 г.

В 1960-х годах В. В. Косточкин публикует интереснейшие книги: «Государев мастер Федор Конь» [7], «Древнерусские крепости» [8], а также около 40 статей, посвященных вопросам оборонительных систем русских крепостей XIV—XVI вв., их периодизации, планировке, строительной технике, реставрации. Таков был широкий круг научных интересов этого ученого.

В. В. Косточкин был инициатором создания и одним из редакторов сборников «Памятники культуры. Исследование и реставрация» [9], издаваемых Научно-методическим советом Академии наук СССР. Участвовал он и в редколлегии сборников «Древнерусское искусство». Под его редакцией издана книга А. А. Тица «Русское каменное жилое зодчество XVII в.» [10], а также отдельные выпуски трудов Ярославской специальной научно-реставрационной мастерской. Особо следует выделить редакторскую работу В. В. Косточкина над капитальным двухтомным трудом Н. Н. Воронина «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков» [11], который до сих пор является исчерпывающим по этой теме.

В 1969 г. В. В. Косточкин по приглашению ректора Московского архитектурного института проф. И. С. Николаева переходит работать в институт на должность профессора кафедры истории архитектуры и градостроительства, а затем возглавляет кафедру архитектурной реставрации. Окруженный студентами В. В. Косточкин как бы возвращается к своей начальной специальности проектировщика, но уже с задачами реставрации. В Московском архитектурном институте В. В. Косточкин был бессменным членом Ученого совета, активно выступал на защитах диссертаций, подготавливая одновременно книгу «Древнерусские города» [12]. В книгах «Старым Смоленским трактом» [13], «Тропою легендарного Трувора» [14] В. В. Косточкин показал себя талантливым популяризатором памятников древнерусской архитектуры. К этому ряду его трудов относятся книги «Поясом немеркнущей славы» [15], а также «Чердынь. Соликамск. Усолье» [16]. Благодаря такому богатому наполнению памятниками созданный В. В. Косточкиным курс лекций по истории русской архитектуры воспринимался студентами с большим интересом и любовью.

В этой короткой публикации сказано далеко не все, что сделал В. В. Косточкин для отечественной архитектурной науки, охраны и реставрации памятников. Но и из сказанного видно, какой талантливый исследователь от нас ушел. Память о нем остается очень светлой.

Институт археологии
РАН, Москва
Институт истории материальной
культуры РАН, Санкт-Петербург

Г. К. Вагнер, А. Н. Кирпичников,
С. С. Айдаров

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Косточкин В. В.* Восстановление Нарвы//Архитектура и строительство. 1946. № 17—18.
2. *Косточкин В. В.* Выборг//Архитектура и строительство. 1947. № 4.
3. *Косточкин В. В.* Нарва (сокровища зодчества народов СССР). М.: Академия архитектуры, 1948.
4. *Косточкин В. В.* Кремль древнего Гдова//МИА. 1958. № 77.
5. *Косточкин В. В.* Крепость Ивангород//МИА. 1952. № 31.
6. *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI века. М., 1962.
7. *Косточкин В. В.* Государев мастер Федор Конь. М.: Наука, 1964.
8. *Косточкин В. В.* Древнерусские крепости. М.: Наука, 1964.
9. Памятники культуры. Исследование и реставрация. 1. М., 1959; 2. М., 1960; 3, М., 1961.
10. *Тиц А. А.* Русское каменное жилое зодчество. XVII в. М., 1970.
11. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. 1. М., 1961; Т. 2. М., 1962.
12. *Косточкин В. В.* Древнерусские города. Памятники древнерусского зодчества. XI—XVII вв. М., Искусство, 1972.
13. *Косточкин В. В.* Старым Смоленским трактом. М., 1972.
14. *Косточкин В. В.* Тропой легендарного Трувора. М., 1971.
15. *Косточкин В. В.* Поясом немеркнущей славы. М., 1975.
16. *Косточкин В. В.* Чердынь. Соликамск. Усолье. М., 1988.

ПАМЯТИ ПШИМАФА УЛАГАЕВИЧА АУТЛЕВА

(1927—1991)

В декабре 1991 г. кавказоведческая историческая наука понесла тяжелую утрату: после непродолжительной болезни скончался заведующий отделом археологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, кандидат исторических наук Пшимаф Улагаевич Аутлев.

П. А. Аутлев родился 5 марта 1927 г. в ауле Шовгеновском, в крестьянской семье. Закончив в 1957 г. Ростовский университет, он 10 лет работал учителем истории в школах адыгейских аулов. Увлечение историей и этнографией родного края, прирожденный талант исследователя-поисковика привели его к проведению первых, любительских поначалу, полевых изысканий, к разведке и открытию многочисленных памятников древности. В 1958 г. он обнаружил и в течение нескольких лет исследовал крупнейшую на Северном Кавказе Абадзехскую палеолитическую стоянку, по материалам которой защитил в 1960 г. кандидатскую диссертацию. Трудолюбие, энергия, многолетние успешные походы поставили его в ряд крупнейших первооткрывателей памятников каменного века в нашей стране. Полевым изысканиям он посвятил 35 лет своей жизни, выявив и исследовав в горном Закубанье около 80 памятников каменного века. Район его разведок охватывал низкогорные хребты Кубанского Кавказа на протяжении более 400 км (от г. Абинска на западе до р. Уруп на восток). Эти исследования раскрыли высокий палеолитический потенциал Закубанья, установили, что оно было главным убежищем первобытного человека на Северном Кавказе в эпоху последнего оледенения. Во времена максимальных холодов люди укрывались здесь в глубоких каньонах верховий кубанских рек. В каньоне р. Губс Пшимафу Улагаевичу посчастливилось открыть уникальное скопление пещерных стоянок неандертальского и верхнепалеолитического человека. Раскопки этих стоянок доставили богатейшие коллекции каменных орудий и ценные палеонтологические и антропологические находки (челюсть неандертальского ребенка, череп кроманьонского человека и др.)

Результаты исследований кубанских стоянок (с 1974 г. они велись совместной адыгейско-ленинградской экспедицией) опубликованы П. А. Аутлевым самостоятельно (наиболее значительна его книга «Абадзехская палеолитическая стоянка») или в соавторстве с ленинградскими и московскими археологами. Итоги изысканий последних лет изложены в коллективной монографии «Неандертальцы Губского ущелья на Северном Кавказе», которая находится в печати. В подготовке этого капитального труда приняли участие представители естественных наук (геологи, карстоведы, антропологи и др.), что впервые позволило говорить о физическом облике и хозяйстве древнейших обитателей Закубанья. 200 000 каменных изделий, числящихся в коллекциях Пшимафа Улагаевича, привлекли внимание многих специалистов: Майкоп стал местом притяжения научных сил Москвы и Ленинграда, главным центром исследования палеолита на Северном Кавказе.

© В. П. Любин, Н. Д. Праслов, Х. А. Амирханов, 1994 г.

В памяти друзей и товарищей Пшимаф Улагаевич навсегда останется личностью светлой, незаурядной, великодушной. Его отличали исключительная выдержка, благожелательность, веселая добрая ирония. Он щедро делился своими материалами, оказывал всяческую помощь начинающим археологам. В его лице адыгейская наука, кавказоведение потеряли безусловно одного из самых ярких своих представителей, ученого-подвижника, имя которого станет символом самоотверженного служения любимому делу.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
Институт археологии РАН, Москва

В. П. Любин, Н. Д. Праслов, Х. А. Амирханов

ПАМЯТИ ВЕЛИЗАРА ИВ. ВЕЛКОВА

(18.V.1928—21.IV.1993)

Недавно скончался один из крупнейших антиковедов Болгарии — Велизар Ив. Велков. Свой не столь долгий жизненный путь ученый завершил с впечатляющими результатами: им созданы фундаментальные исследования по античной и раннесредневековой эпиграфике и истории Фракии, Дакии и других балканских земель, своей интенсивной научно-административной деятельностью он содействовал успешному развитию всего болгарского антиковедения.

Выпускник, затем аспирант Софийского университета, В. Велков посвятил свои первые работы, появившиеся в 1954—1956 гг., анализу сведений античных авторов о фракийцах и их среде обитания. Эти статьи и все дальнейшие труды исследователя отличаются глубиной и строгостью интерпретации письменных и археологических источников, аргументированностью научных выводов, незыблемо выдержавших проверку времени.

Диапазон интересов ученого был очень велик. Антиковед по образованию, В. Велков посвятил ряд статей вопросам географии и этнографии древней Фракии, а также истории балканских народов в ранневизантийское время. Большое внимание он уделил вопросам истории села и города позднеантичного времени во Фракии и Дакии. Монография «Градът в Тракия и Дакия през късната античност (IV—VI вв.)» и многочисленные статьи раскрыли важные процессы в политической, военной, социальной, экономической и этнической истории фракийских племен. Особенную научную значимость имеют его работы, освещающие проблему континуитета античных традиций в жизни восточнобалканских народов в ранневизантийское время. Эрудиция автора позволила ему аргументированно показать разнообразные конкретные формы сохранения явлений античной культуры в IV—VI вв.

Весьма плодотворным было обращение В. Велкова к археологическим исследованиям. После первых самостоятельных раскопок в Рациарии (1959—1960 гг.) он участвовал позднее в археологических исследованиях ряда античных, фракийских и раннесредневековых центров (Аполлония, Месембрия, Кабиле, Чертиград, Малко Тырново, Малк Преславец и др.). Владение полевой практикой способствовало успеху деятельности В. Велкова, ставшего в 1987 г. директором Археологического института и Музея Болгарской академии наук.

Особое внимание ученый уделил фундаментальным публикациям материальных и эпиграфических памятников из земель Фракии. Отметим исследование надписей из Месембрии в Nessebre I (1969 г.) и ряд статей, посвященных анализу греческих и латинских лапидарных текстов. Обширные знания В. Велкова позволили ему исчерпывающе интерпретировать многие новые эпиграфические и археологические памятники и аргументированно осветить такие сложные вопросы, как ветеранское и императорское землевладение в Мезии; этнический состав городского населения позднеантичной Фракии; история и этнография древней Фракии и ее отдельных областей, а также некоторых центров: фракийских — Кабиле, крепость Чертиград, античных — Одесс, Каллатия, Месембрия, Сердика. Значительная часть этих работ была включена в переводе в книгу В. Велкова «Geschichte und Kultur Thrakiens und Moesiens» (Amsterdam, 1988).

Интерес исследователя к общим проблемам античной эпохи нашел выражение в таких монографиях, как «Робството в Тракия и Мизия през античността» (1967) и «Траки в греко-римския Египет» (совместно с А. Фолом).

Внимание Велкова-археолога привлекали и памятники земель, далеких от Фракии. Так, в 1973—1974 гг. он организовал работы Болгарской археологической миссии в Карфагене.

Неутомимый и разносторонний исследователь, В. Велков отдавал много сил и энергии преподавательской деятельности, которую начал в университетах Софии и Велико-Тырнова. В 1971 г. его избрали профессором Софийского университета, там же в 1979 г. он возглавил кафедру древней и средневековой истории.

Надлежит отметить большое внимание ученого к изданию библиографических справочников, посвященных трудам отдельных ученых (например, Г. И. Кацарова, К. Шкорпила) или одной отрасли антиковедения (например, совместно с Г. Георгиевой в 1957 г. издана «Библиография на българската археология за 1879—1955 гг.»). В. Велков также издал обзоры по античной эпиграфике Болгарии за 1944—1974 и 1974—1984 гг. Интересны его компетентные рецензии на русские библиографические указатели по антиковедению (А. И. Воронкова, 1961 г.) и по всем разделам археологии (Н. А. Винберга и др., 1959 г.).

Многосторонняя научная и научно-административная деятельность ученого (последние годы жизни он вел административную деятельность в президиуме Академии наук Болгарии) обеспечила достойное признание его научных заслуг: Болгария наградила его орденом «Кирил и Методий» I ст. и юбилейной медалью «1300 години България»; в 1987 г. профессор В. Велков получил звание «заслужил деятел на науката». Высокий авторитет в международных научных кругах определил его избрание в 1973 г. членом-корреспондентом Германского археологического института, а в 1976 г. действительным членом Австрийского археологического института. Даже краткий обзор результатов разносторонней научной деятельности В. Велкова показывает, как велик его вклад в антиковедение, как много он сделал для развития точных знаний о древней истории Болгарии и других стран античного мира. Его ценные труды несомненно будут служить многим поколениям ученых.

Институт всеобщей истории РАН, Москва *Т. В. Блаватская*

© Т. В. Блаватская, 1994 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
ВА — Вопросы антропологии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей, Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГЭ — Гос. Эрмитаж. Ленинград
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.— Пг.
ЗРАО — Записки русского археологического общества. СПб.— Пг.
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.— Пг.
ИСОАН — Известия Сибирского отделения АН СССР
ИЭА — Институт этнографии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.— Пг.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет археологической комиссии. СПб.— Пг.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва. Ленинград
AA — American Anthropologist
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
AmA — American Antiquty. Menacha; Solt Lake City
AP — Archeologia Polski. Warszawa
AR — British Archaeological Reports. Oxford
BCH — Bulletin de correspondance hellenique. Paris
CAn — Current Anthropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua Helsinki
CGE — Les ceramiques de la Crece de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris-Naples, 1978
IOSPE — Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
JHS — J. of Hellentic Studies. London
MSW — Materialy staroz'ytne i wczeshosredniowieczne
PZ — Praehistorische Zeitschrift. Berlin, Leipzig
RA — Revue archeologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classichen Altertumswissenschaft. Stuttgart

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Российская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать 18—20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций.

2. Статья должна быть напечатана на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть вписаны в текст от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписаны, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. **Иллюстрации** следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора—два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения и пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографий не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать «верх» и «низ».

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

5. **Таблицы**, напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовков в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

6. Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: [1], [2], ...

7. **Пронумерованный список литературы** дается в алфавитном порядке и состоит из трех частей. Первая часть — источники (оригинальные работы древних авторов, русские летописи); вторая —

издания на русском языке; третья — работы иностранных авторов. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М.

Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4.

Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, к году в библиографическом списке и в тексте статьи добавляются литеры в порядке алфавита.

В тексте в круглых скобках указывается фамилия и инициалы автора (на языке издания), год издания. Ссылка на страницу, рисунок, таблицу ставится после года издания (Смирнов К. Ф., 1964, с. 50).

8. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, даты последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением.

9. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

10. Статьи, отправленные авторами для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

11. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 17.10.93 Подписано к печати 07.12.93 Формат бумаги $70\times100^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл. печ. л. 20,8 Усл. кр.-отт. 38,3 тыс. Уч.-изд. л. 27,1 Бум. л. 8,0
Тираж 1818 экз. Зак. 413 Цена 90 р.

Московская типография № 2 ВО «Наука», Москва, 121099, Шубинский пер., 6